

**САМАРСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ**

Самарский национальный
исследовательский университет
имени академика С.П. Королёва

ISSN 2542-0445 Print
ISSN 2712-8946 Online

ВЕСТНИК

САМАРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

**ИСТОРИЯ,
ПЕДАГОГИКА,
ФИЛОЛОГИЯ**

VESTNIK

OF SAMARA UNIVERSITY

**HISTORY,
PEDAGOGICS,
PHILOLOGY**

ТОМ 27 • №3 • 2021 ГОД

ISSN 2542-0445
Подписной индекс 78535

ВЕСТНИК САМАРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИСТОРИЯ, ПЕДАГОГИКА, ФИЛОЛОГИЯ

Том 27 № 3

VESTNIK OF SAMARA UNIVERSITY
HISTORY, PEDAGOGICS, PHILOLOGY

Vol. 27 No. 3

2021

ВЕСТНИК САМАРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ, ПЕДАГОГИКА, ФИЛОЛОГИЯ
VESTNIK SAMARSKOGO UNIVERSITETA. ISTORIA, PEDAGOGIKA, FILOLOGIA
VESTNIK OF SAMARA UNIVERSITY. HISTORY, PEDAGOGICS, PHILOLOGY

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ ЖУРНАЛА

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САМАРСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ АКАДЕМИКА С.П. КОРОЛЕВА» (Самарский университет)

Индексирование в базах данных: eLIBRARY.RU РИНЦ КИБЕРЛЕНИНКА ЛАНЬ CROSSREF

Журнал включен ВАК РФ в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в РФ, с 2003 г.
С 1 декабря 2015 г. журнал включен в новый Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, с 23.06.2017 – с новым названием.

Тематика журнала:

- исторические науки и археология (07.00.00, специальности: 07.00.02, 07.00.03, 07.00.07, 07.00.15),
- педагогические науки (13.00.00, специальности: 13.00.01, 13.00.08),
- языкознание (10.02.00, специальности: 10.02.01, 10.02.04, 10.02.19, 10.02.20).

Журнал издается с 1995 г. Выходит 4 раза в год.

Миссия журнала – распространение в России и за рубежом новых научных идей и результатов оригинальных исследований в области истории, педагогики и языкознания как базовых наук гуманитарного цикла, обладающих традиционными эвристическими взаимосвязями, создающими особый синергетический исследовательский эффект как в освоении новых тенденций развития этих наук, так и в раскрытии особенностей различных языков, истории, культуры, традиций образования в России и в странах ближнего и дальнего зарубежья.

Цели и задачи журнала: привлечение в журнал авторитетных авторов; публикация результатов оригинальных научных исследований (статьи, обзоры, рецензии и отзывы на научную литературу) в области исторических, педагогических наук и языкознания; создание условий для развития и укрепления интеграции российских и зарубежных ученых в сфере социально-гуманитарных исследований; продвижение журнала на российском и международном рынке, в том числе путем расширения возможностей распространения и индексирования научных работ в основных базах данных в России и за рубежом.

Все статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат» и двойное слепое рецензирование ведущими учеными в соответствии с тематикой и специализацией журнала.

Главный редактор:

В.А. Конев, д-р филос. наук, проф., Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Российская Федерация

Заместители главного редактора:

П.С. Кабытов, д-р ист. наук, проф., Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Российская Федерация

Т.И. Руднева, д-р пед. наук, проф., Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Российская Федерация

Н.А. Илюхина, д-р филол. наук, проф., Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Российская Федерация

Ответственный секретарь:

Э.Л. Дубман, д-р ист. наук, проф., Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Российская Федерация

Адрес редакции:

443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

Тел. +7(846) 3345406

E-mail: murzinova.tatjana@yandex.ru

www: <http://journals.ssau.ru/index.php/vestnik-hpp>

Издатель: Самарский университет

Центр периодических изданий Самарского университета

443086, Российская Федерация, г. Самара,

Московское шоссе, 34, корп. 22 а, 312 б.

Выпускающий редактор *Т.А. Мурзинова*

Литературное редактирование, корректура

Т.А. Мурзинова

Компьютерная верстка, макет

Л.Н. Законова

Информация на английском языке

М.С. Стрельников

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-67842 от 28.11.2016 выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Подписной индекс в каталоге АО Агентство «Роспечать» 78535 ISSN 2542-0445

Прежнее название – Вестник Самарского государственного университета, ISSN 1810-5378. Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № 77-12398 от 19.04.2002 выдано Министерством Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.

Бизнес-модель: финансирование журнала осуществляется учредителем, все статьи публикуются на бесплатной основе.

0+ Цена свободная

Авторские статьи не обязательно отражают мнение издателя.

Отпечатано в типографии Самарского университета

443086, Российская Федерация, г. Самара,

Московское шоссе, 34.

www: <http://www.ssau.ru/info/struct/otd/common/edit>

Подписано в печать 26.09.2021. Формат 60x84/8.

Бумага офсетная. Печать оперативная. Печ. л. 18,5.

Тираж 200 экз. (первый завод – 30 экз.). Заказ №

© Самарский университет, 2021

Это контент открытого доступа, распространяемый по лицензии Creative Commons Attribution License, которая разрешает неограниченное использование, распространение и воспроизведение на любом носителе при условии правильного цитирования оригинальной работы. (CC BY 4.0)

VESTNIK OF SAMARA UNIVERSITY. HISTORY, PEDAGOGICS, PHILOLOGY
VESTNIK SAMARSKOGO UNIVERSITETA. ISTORIJA, PEDAGOGIKA, FILOLOGIJA
ВЕСТНИК САМАРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ, ПЕДАГОГИКА, ФИЛОЛОГИЯ

JOURNAL FOUNDER AND PUBLISHER
FEDERAL STATE AUTONOMOUS EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
«SAMARA NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY» (Samara University)

Indexing in databases: eLIBRARY.RU RSCI CYBERLENINKA LAN CROSSREF

The Journal is included by the HAC in the list of leading scientific magazines and editions, published in the RF, since 2003. On December 1, 2015, the journal is included in the new List of peer-reviewed scientific publications, where basic scientific results of theses for the degree of Candidate of Sciences, for the degree of Doctor of Sciences should be published, from 23.06.2017 with the new title.

Remit of the journal:

- **historical sciences and archaeology** (07.00.00, specialities: 07.00.02, 07.00.03, 07.00.07, 07.00.15),
- **pedagogical sciences** (13.00.00, specialities: 13.00.01, 13.00.08),
- **linguistics** (10.02.00, specialities: 10.02.01, 10.02.04, 10.02.19, 10.02.20).

Journal is published since 1995. It is published quarterly.

The mission of the journal is to disseminate in Russia and abroad new scientific ideas and the results of original research in the field of history, pedagogics and linguistics as the basic sciences of the humanitarian cycle, which have traditional heuristic relationships that create a special synergistic research effect both in mastering new trends in the development of these sciences and in revealing the features of various languages, history, culture, educational traditions in Russia and in the countries of near and far abroad.

Aims and objectives of the journal: attraction of authoritative authors to the journal; publication of the results of original scientific research (articles, surveys, reviews and reports on scientific literature) in the field of historical and pedagogical sciences and linguistics; creating conditions for the development and strengthening of integration of Russian and foreign scientists in the field of social and humanitarian research; promotion of the journal in the Russian and international markets, including by expanding the possibilities of disseminating and indexing scientific papers in the main databases in Russia and abroad.

All articles are reviewed in the program «AntiPlagiat» and double-blind peer-reviewed by the leading scientists in accordance with remit and specialities of the journal.

Chief editor:

V.A. Konev, Dr. of Philosophical Sciences, professor, Samara National Research University, Samara, Russian Federation

Deputy chief editors:

P.S. Kabytov, Dr. of Historical Sciences, professor, Samara National Research University, Samara, Russian Federation

T.I. Rudneva, Dr. of Pedagogical Sciences, professor, Samara National Research University, Samara, Russian Federation

N.A. Ilyukhina, Dr. of Philological Sciences, professor, Samara National Research University, Samara, Russian Federation

Executive editor:

E.L. Dubman, Dr. of Historical Sciences, professor, Samara National Research University, Samara, Russian Federation

Postal address of editorial office:

1, Academician Pavlov Street, Samara, 443011, Russian Federation.
Tel.: +7(846) 3345406

E-mail: murzinova.tatjana@yandex.ru

www: <http://journals.ssau.ru/index.php/vestnik-hpp>

Publisher: Samara University.

Center of Periodical Publications of Samara University,
Room 312b, building 22a, 34, Moskovskoye shosse, Samara,
443086, Russian Federation.

Commissioning editor *T.A. Murzinova*

Literatory editing, proofreading

T.A. Murzinova

Computer makeup, dummy

L.N. Zakonova

Information in English

M.S. Strelnikov

The Certificate on registration of means of mass-media ПИ № ФС 77-67842 as of 28.11.2016 is given by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media.

Subscription Index in the Agency «Rospechat» Catalogue 78535

ISSN 2542-0445

The former title – Vestnik of Samara State University, ISSN 1810-5378. The certificate on registration of mass media ПИ № 77–12398 as of April 19, 2002, was issued by the Ministry of the Russian Federation for Affairs of the Press, Television and Radio Broadcasting and Mass Communication Media.

Business model: financing of the journal is carried out by the founder, all articles are published free of charge.

0+ Free price

Authors articles do not necessarily reflect the views of the publisher.

Printed on the printing house of Samara University

34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

www: <http://www.ssau.ru/info/struct/otd/common/edit>

Passed for printing 26.09.2021. Format 60x84/8.

Litho paper. Instant print. Print. sheets 19,5.

Circulation 200 copies (first printing – 30 copies). Order №

© Samara University, 2021

This is an open access content distributed under the Creative Commons Attribution License Which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

Главный редактор

В.А. Конев, д-р филос. наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры философии (Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Российская Федерация)

Редакционная коллегия

История

П.С. Кабытов, д-р ист. наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, зав. кафедрой российской истории (Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Российская Федерация) – **заместитель главного редактора**

Э.Л. Дубман, д-р ист. наук, профессор, профессор кафедры российской истории (Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Российская Федерация) – **ответственный секретарь**

С.И. Ковальская, д-р ист. наук, профессор кафедры истории Казахстана (Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, Алматы, Казахстан)

В.В. Кондрашин, д-р ист. наук, главный научный сотрудник, руководитель Центра экономической истории (Институт российской истории РАН, Москва, Российская Федерация)

Б.У. Меннинг, доктор истории, профессор (Университет Канзаса, Лоренс, США)

Д.А. Редин, д-р ист. наук, доцент, заместитель директора Института истории и археологии Уральского отделения РАН (Институт гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета; Институт истории и археологии Уральского отделения РАН, Екатеринбург, Российская Федерация)

А. Знаменский, д-р философии по истории, профессор, профессор исторического факультета (Университет Мемфиса, Теннеси, США)

Педагогика

В.П. Бездухов, д-р пед. наук, профессор, чл.-корр. Российской академии образования, кафедра педагогики (Самарский социально-гуманитарный университет, Самара, Российская Федерация)

А. Мантарова, д-р социол. наук (Институт изучения обществ и знания, София, Болгарская академия наук, Болгария)

Т.И. Руднева, д-р пед. наук, профессор, зав. кафедрой теории и методики профессионального образования (Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Российская Федерация) – **заместитель главного редактора**

Л.К. Раицкая, д-р пед. наук, профессор кафедры педагогики и психологии (Московский государственный институт международных отношений (МГИМО), Москва, Российская Федерация)

В.А. Капранова, д-р пед. наук, профессор, зав. кафедрой педагогики высшей школы и современных воспитательных технологий (Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка, Минск, Республика Беларусь)

Филология

С.И. Дубинин, д-р филол. наук, профессор, зав. кафедрой немецкой филологии (Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Российская Федерация)

Н.А. Илюхина, д-р филол. наук, профессор, зав. кафедрой русского языка и массовой коммуникации (Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Российская Федерация) – **заместитель главного редактора**

И. Клюканов, PhD, профессор коммуникации (Восточный Вашингтонский университет, Чини, США)

Б. Питерс, д-р филос. наук, помощник профессора по связям с общественностью (Колледж искусств и науки Генри Кенделла, Талса, США)

А.А. Харьковская, канд. филол. наук, профессор, профессор кафедры английской филологии (Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Российская Федерация)

А. Эббингхаус, д-р филол. наук, профессор (Баварский университет Юлиуса-Максимилиана, Вюрцбург, Германия)

Г. Синекопова, PhD, профессор (Восточный Вашингтонский университет, Чини, США)

Д.С. Храмченко, д-р филол. наук, доцент по специальности «Германские языки», профессор кафедры английского языка № 4 (Московский государственный университет международных отношений (МГИМО), Москва, Российская Федерация)

Л.Б. Карпенко, д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка и массовой коммуникации (Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Российская Федерация)

Н.А. Туникова, д-р филол. наук, профессор, зав. кафедрой русского языка (Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация)

Chief editor

V.A. Konev, PhD in Philosophy, professor, Honored worker of science of RF, professor of Department of Philosophy (Samara National Research University, Samara, Russian Federation)

Editorial board

History

P.S. Kabytov, PhD in History, professor, Honored worker of science of RF, head of the Department of Russian History (Samara National Research University, Samara, Russian Federation) – **deputy chief editor**

E.L. Dubman, PhD in History, professor, professor of the Department of Russian History (Samara National Research University, Samara, Russian Federation) – **executive secretary**

S.I. Kovalskaya, PhD in History, professor of the Department of Kazakhstan History (Eurasian National University, Almaty, Kazakhstan)

V.V. Kondrashin, PhD in History, chief research officer, head of the Center of Economic History (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

B.W. Menning, PhD in History, professor (University of Kansas, Lawrence, USA)

D.A. Redin, PhD in History, assistant professor, deputy head (Institute of Humanities and Arts of the Ural Federal University; Institute of History and Archeology of The Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russian Federation)

A. Znamenski, PhD in History, full professor of the Faculty of History (University of Memphis, Tennessee, USA)

Pedagogy

V.P. Bezdukhov, PhD in Pedagogics, professor, corresponding member of the Russian Academy of Education, Department of Pedagogics (Samara State University of Social Sciences and Education, Samara, Russian Federation)

A. Mantarova, Dr. of Sociological Sciences (Institute for the Study of Societies and Knowledge, Bulgarian Academy of Sciences, Sofia, Bulgaria)

T.I. Rudneva, PhD in Pedagogics, professor, head of the Department of Theory and Methods of Professional Education (Samara National Research University, Samara, Russian Federation) – **deputy chief editor**

L.K. Raitskaya, PhD in Pedagogics, professor of the Department of Pedagogics and Psychology (MGIMO, Moscow, Russian Federation)

V.A. Kapranova, PhD in Pedagogics, professor, head of the Department of Pedagogy of Higher School and Modern Educational Technologies (Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank, Minsk, Belarus)

Philology

S.I. Dubinin, PhD in Philology, professor, head of the Department of German Philology (Samara National Research University, Samara, Russian Federation)

N.A. Ilyukhina, PhD in Philology, professor, head of the Department of Russian Language and Mass Communication (Samara National Research University, Samara, Russian Federation) – **deputy chief editor**

I. Klyukanov, PhD, professor of Communication (Eastern Washington University, Cheney, USA)

B. Pifers, PhD in Philosophy, assistant professor of Communication (Henry Kendall College of Arts and Sciences, Tulsa, USA)

A.A. Khar'kovskaya, Candidate of Philological Sciences, professor, professor of the Department of English Philology (Samara National Research University, Samara, Russian Federation)

A. Ebbinghaus, Doctor of Philological Sciences, professor (Julius-Maximilians University of Würzburg, Würzburg, Germany)

G. Sinekopova, PhD, professor of Communication (Eastern Washington University, Cheney, USA)

D.S. Hramchenko, PhD in Philology, assistant professor on the specialty «German Languages», professor of English Language Department № 4 (MGIMO, Moscow, Russian Federation)

L.B. Karpenko, PhD in Philology, professor of the Department of Russian Language and Mass Communication (Samara National Research University, Samara, Russian Federation)

N.A. Tupikova, PhD in Philology, professor, head of the Department of Russian Language (Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation)

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Кознова И.Е. Образ русского крестьянства в произведениях А. Платонова периода Великой Отечественной войны	8
Бикейкин Е.Н., Учватов П.С. Состав Совета Министров АССР в период реформ 1985–1991 гг.: изменения и основные характеристики (на примере Мордовии)	17
Сухова О.А., Ягов О.В. Феномен аграрного развития СССР: специфика научного дискурса	30
Артамонова Л.М. Деятель народного образования и духовного просвещения: А.П. Херувимов в Самаре (XIX – начало XX вв.)	36
Гусева Ю.Н., Христофоров В.С. Дискуссии о будущем российского мусульманства на страницах крымского журнала «Асрий мусульманлыкъ» (1924–1927) (на примере публикации самарского богослова-просветителя М.-Ф. Муртазина)	43
Парахин А.С. Октябристы и националисты в III и IV Государственной думе	49
Серых А.А. «Свой/чужой» – межпоколенческие взаимоотношения отечественных историков первой четверти XX в.	55

ПЕДАГОГИКА

Голубков С.А. Формирование навыков работы с культурными кодами на занятиях по филологическим дисциплинам	65
Вохрышева М.Г. Информационно-культурологический подход к оценке учебной литературы	72
Нестеренко В.М., Мельник Н.М. Конструктивная деятельность акторов: стратегия интенсификации добавленной ценности высшего образования	77
Храмцова А.Б. Иностраный язык как средство воспитания профессионала	84
Еремин С.В. Влияние оптимизации структуры сельской общеобразовательной сети на повышение качества образования	89

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Wolf N.R. Der Duden, die Genera und die Geschlechter	96
Gregová R. Structure of second grade diminutives in Czech and Slovak. A corpus-based synchronic-diachronic analysis	111
Трибунская Н.А., Шевченко В.Д. Дискурсивные структуры в политической коммуникации	118
Репнина Т.В. Полипредикативные условные конструкции в каталанском языке (в сопоставлении с испанским и французским)	128
Годизова З.И., Каркузаева Д.С. Динамика развития причастия как особой гибридной формы глагола	137

РЕЦЕНЗИИ

Христофоров В.С. «Если винтик упадет, то другой прикрутят» (Рецензия на книгу: Память из пламени Афганистана: Интервью с воинами-интернационалистами афганской войны 1979–1989 годов. Книга 4. Кыргызстан / под ред. Эльмиры Ногойбаевой и Элери Битикчи; использована методология Марлен Ларюэль, Ботагоз Ракишевой, Гульден Ашкеновой. Бишкек, 2021. 252 с.)	143
Шевченко Е.С. Рецензия на монографию В.Е. Головчинер и Т.Л. Весниной «Комическое в пьесах М. Булгакова 1920-х годов»	151
<i>Требования к оформлению статей</i>	153

CONTENTS

HISTORY

Koznova I.E. Image of Russian peasantry in A. Platonov's stories and plays during the Great Patriotic War	8
Bikeykin E.N., Uchvatov P.S. Composition of the Council of Ministers of ASSR at a time of reform of 1985–1991: changes and main features (on the example of Mordovia)	17
Sukhova O.A., Yagov O.V. Phenomenon of agrarian development of the USSR: specificity of scientific discourse	30
Artamonova L.M. Worker of public education and spiritual enlightenment: A.P. Cheruvimov in Samara (XIX – early XX centuries)	36
Guseva Ju.N., Khristoforov V.S. Discussions about the Russian muslims future on the pages of the Crimean journal «Asri Musulmanliq» (1924–1927) (on the example of the publication of the Samara theologian-educator M.-F. Murtazin)	43
Parakhin A.S. Octobrists and nationalists in the III and IV State Duma	49
Serykh A.A. «Friend / Foe» – intergenerational relationships between Russian historians of the first quarter of the XX century	55

PEDAGOGICS

Golubkov S.A. Formation of skills of working with cultural codes in classes in philological disciplines	65
Vokhrysheva M.G. Information and cultural approach to the evaluation of educational literature	72
Nesterenko V.M., Melnik N.M. Constructive activities of actors: strategy of intensification of added value of higher education	77
Khramtcova A.B. Foreign language as a means of educating a professional	84
Eremin S.V. Impact of optimization of the structure of rural general education network on improving the quality of education	89

LINGUISTICS

Wolf N.R. Der Duden, die Genera und die Geschlechter	96
Gregová R. Structure of second grade diminutives in Czech and Slovak. A corpus-based synchronic-diachronic analysis	111
Tribunskaya N.A., Shevchenko V.D. Discursive structures in political communication	118
Repnina T.V. Poly-predicative conditional constructions in Catalan (in comparison with Spanish and French)	128
Godizova Z.I., Karkuzaeva D.S. Dynamics of the development of the participle as a special hybrid form of the verb	137

REVIEWS

Khristoforov V.S. «If a screw falls, then another will be screwed» (Review of the book: Memory from the flame of Afghanistan: Interviews with the internationalist soldiers of the Afghan war of 1979–1989. Book 4. Kyrgyzstan. Edited by Elmira Nogoibayeva and Eleri Bitikchi. The methodology of Marlene Laruel, Botagoz Rakisheva, Gulden Ashkenova was used. Bishkek, 2021, 252 p.)	143
Shevchenko E.S. Review of the monograph: V.E. Golovchiner, T.L. Vesnina. Comic features in plays by M. Bulgakov in the 1920-ies. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2021, 140 p. ISBN 978-5-7511-2628-5	152

<i>Requirements to the design of articles</i>	154
---	-----

ИСТОРИЯ HISTORY

DOI: 10.18287/2542-0445-2021-27-3-8-16

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 008(091)

Дата поступления: 21.06.2021
рецензирования: 24.07.2021
принятия: 26.08.2021

Образ русского крестьянства в произведениях А. Платонова периода Великой Отечественной войны

И.Е. Кознова

Институт философии РАН, г. Москва, Российская Федерация

E-mail: i.koznova@mail.ru. Researcher ID (Web of Science): V-1815-2018.

Scopus ID: 6505610823. Scopus ID: 57204937207. ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4601-7118>

Аннотация: Художественная литература, воплощающая многообразную культурно-историческую память общества, предлагает собственные ответы на вопросы о влиянии войны на человека и о ее отдаленных гуманитарных последствиях. В произведениях военной поры А. Платонов представил широкую панораму образов сражающегося народа, среди которых центральное место занимает образ крестьянства. Показано действие памяти как ведущего концепта художественного творчества писателя. Выявлены особенности восприятия рядовыми солдатами войны, жизни и смерти, добра и зла. Акцентируя внимание на крестьянских корнях сражающегося народа, писатель предупреждал об опасности забвения этого, что весьма значимо для культурной памяти современного российского общества. Постоянный интерес Платонова к мемориальным аспектам культуры реализован им в военных произведениях во многом с точки зрения картины мира русских крестьян. Деревня и ее жители, вера и семья, земля, хлеб, труд – символы Родины у Платонова, воплощение исторической преемственности. Именно эти стороны отразились впоследствии в народных воспоминаниях о войне, в крестьянском восприятии войны как «жертвенного героизма».

Ключевые слова: культура; память; художественная литература; А. Платонов; Великая Отечественная война; крестьянство.

Цитирование. Кознова И.Е. Образ русского крестьянства в произведениях А. Платонова периода Великой Отечественной войны // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2021. Т. 27, № 3. С. 8–16. DOI: <http://doi.org/10.12287/2542-0445-2021-27-3-8-16>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Кознова И.Е., 2021

Ирина Евгеньевна Кознова – доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник сектора философии культуры, Институт философии РАН, 109240, Российская Федерация, г. Москва, ул. Гончарная, 12, стр. 1.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 21.06.2021

Revised: 24.07.2021

Accepted: 26.08.2021

Image of Russian peasantry in A. Platonov's stories and plays during the Great Patriotic War

I.E. Koznova

Institute of Philosophy of RAS, Moscow, Russian Federation

E-mail: i.koznova@mail.ru. Researcher ID (Web of Science): V-1815-2018.

Scopus ID: 6505610823. Scopus ID: 57204937207. ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4601-7118>

Abstract: Fiction embodies the diverse cultural and historical memory of society and offers its own answers about the impact of war on a person, the long-term humanitarian consequences of the war. In his military stories and plays A. Platonov presented a wide panorama of images of the fighting people, among which the image of peasantry occupies a central place. Memory is considered as the leading concept of the writer's creativity. Features of perception of war, life and death, good and evil by ordinary soldiers are revealed. A. Platonov's military stories are very significant for the cultural memory of Russian society. Focusing on the peasant roots of the fighting people, the writer warned of the danger of forgetting this. Platonov's constant interest in the memorial aspects of culture is realized in his military prose largely from the point of view of the world picture of Russian peasants. Village and its inhabitants, faith and family, land, bread,

labor-symbols of the Motherland in Platonov, the embodiment of historical continuity. These aspects were reflected later in popular memories of the war, in the peasant perception of the war as «sacrificial heroism».

Key words: culture; memory; fiction; A. Platonov; Great Patriotic War; peasantry.

Citation. Koznova I.E. Image of Russian peasantry in A. Platonov's stories and plays during the Great Patriotic War. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya = Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2021, vol. 27, no. 3, pp. 8–16. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2021-27-3-8-16>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: author declares no conflict of interest.

© Koznova I.E., 2021

Irina E. Koznova – Doctor of Historical Sciences, associate professor, leading scientist of the Department of Philosophy of Culture, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, building 1, 12, Goncharnaya Street, Moscow, 109240, Russian Federation.

Конец крестьянства недопустим – это источник человечества и человечности.

А. Платонов. Из Записных книжек

Введение

Художественная литература является специфическим носителем культурной памяти общества, соединяя в себе прошлое, настоящее и будущее, чувство истории и творческое предвидение [Переходцева 2012, Султанов 2017, Lachmann]. Философствующая литература, или «художественная философия», наряду с научным представляет собой органичное начало философии истории, наполняя ее глубинным смыслом, переживанием общественного бытия [Никольский 2018]. Если вести речь о художественном воплощении войн, то, помещая в фокус своего интереса человеческие судьбы в экстремальных ситуациях, литература тем самым занимает важнейшую нишу в культурной истории военного. Оказавшись «внутри войны» в качестве военного корреспондента, Андрей Платонов со всей страстностью своего таланта выразил героико-трагический опыт Великой Отечественной. С момента, когда с конца 1980-х гг. творчество писателя во всей его полноте стало доступно широкой публике, ведется глубокая исследовательская и архивная работа, позволяющая вернуть читателю произведения Платонова в их изначальном, свободном от цензуры и официального редактирования виде, продолжается изучение особенностей художественного стиля и антропологии писателя, ключевых концептов и мотивов его творчества. Объемно и всесторонне в публикациях последних лет представлен мир военной прозы и драматургии писателя, рассмотренный в контексте всего его творчества. Исследователи пересматривают сложившиеся в советское время трактовки его произведений, выявляют несоответствие с официальными взглядами на войну платоновской позиции, позволившей писателю создать независимое от публицистических схем и пропагандистских установок видение «человека сражающегося», его поведения, мыслей и чувств, комплекса нравственных проблем. Военные рассказы А. Платонова рассматриваются как восстановление национальной и исторической памяти, отечественного культурного наследия, что находит воплощение в присущем им христианском коде,

мотивах «вечной памяти» и «взыскания погибших» [Алейников 2015; Варламов 2011; Корниенко 1999; Кретинин 2000; Спиридонова 2014]. В военных произведениях писателя в полной мере выразилась мнемоническая функция литературы, конкретизирующая сформулированные в мемориальных исследованиях ключевые вопросы: «Кто помнит? О ком/чем следует помнить? Чего нельзя забыть? Что следует помнить? Как следует помнить?» [Ассман 2019; Winter 2017]. Будучи отнесенными к числу ключевых концептов в платоновском творчестве, память и забвение в многообразии их механизмов и проявлений акцентируют внимание на субъектно-личностном аспекте мнемонического [Баршт 2008; Кознова 2020; Кознова 2016].

Исследователи подчеркивают особое внимание писателя к теме «народ на войне», отмечая, что в его военных произведениях представлены два главных национальных типа героя в пограничной ситуации войны: пахаря и воина. При этом внимание исследователей-филологов фокусируется прежде всего на реализации в платоновских произведениях периода войны мифологического знакового комплекса, а собственно крестьянское обозначено в самых общих чертах [Кретинин 2000; Пономарева 2003; Семенова 2000]. Между тем, разворачивая тему народного в аспекте крестьянского, А. Платонов показал многообразие современных ему воплощений и преломлений исторического и культурного, представив панораму деревенского мира и его обитателей. Задачей настоящей статьи является анализ платоновского образа тех, кто вынес на своих плечах основную тяжесть войны, – русских крестьян.

Основная часть

Сражающаяся Россия у Платонова – это прежде всего люди: бойцы, жители прифронтовой полосы и тыла. В грандиозную битву вовлечено и пространство, и оно в платоновских произведениях большей частью сельское. Деревни, деревеньки, деревушки, за которые ведутся тяжелейшие бои, освобожденные от врага и возрождающиеся к жизни, главным образом московские, орловские и смоленские – самая срединная Россия, а также далекие тыловые – полноправные персонажи платоновских военных рассказов. Они расположены среди равнины или на возвышенности, на доброй земле, среди ржи, суходольных и поемных лугов

с их ароматным травостоем. Они обычно небезмянны, имеют ласкающие ухо названия, иногда чудные, немного смешные – Бельдяшки, Далекые Нивы, Замошье и пр. Большинство их спустя два-три десятилетия после войны попали в число «неперспективных», сселенных, заброшенных.

В «Записных книжках» А. Платонова имеется карандашный рисунок, в центре которого изображена православная церковь с колокольней, вокруг нее контурно намечено среднерусское сельское пространство с надписями-пояснениями: «небо», «облака», «леса растут могучие», «здесь растет разнотравье», «а здесь мать живет в избе» [Платонов 2000, с. 276]. Этот вполне привычный сельский пейзаж, представлявшийся писателю идеальным, оказывается в эпицентре военных действий.

Деревенское пространство, и прежде всего земля, являющееся для самих крестьян и писателя первой ценностью, предстает воплощением силы сражающегося народа, которая «рождается в деревенской материнской земле, и войско народа питается от земли, распаханной руками крестьян, согретой солнцем и орошенной дождем» («Крестьянин Ягафар»).

Родная земля у Платонова – живая, как и вся природа. Когда, как в «Рассказе о мертвом старике», жители деревни Отцовы Отвершки уходят от наступающих немцев, земля немеет. Единственный оставшийся дедушка Тишка – крестьянин, хранитель памяти однодеревенцев всех поколений – нынешних и давно обретших свое место на погосте. Тишка ведет с ними незримый диалог. Именно в этом смысл крестьянской жизни: «... в скупой и верной любви жизнь людей навек и неразлучно срослась здесь с хлебом, с землей и с добром, нажитым в постоянном труде». Под стать Тишке – старая крестьянка Марфа Фирсовна из пьесы «Без вести пропавший, или Избушка возле фронта», заявляющая угрожающим ей немцам: «Я никуда не пойду. Тут моя изба, тут мой двор, там земля наша лежит. Я на этой земле родилась, хлеб из нее добывала, хлебом тем сына вскормила, тут моя сила легла».

Родные земля, деревни, избы и письма близких, материнские сердца – все эти реальные и символические обереги, как, например, и лист с «божьего» дерева малой родины, поддерживают бойцов на фронте. В боях солдаты буквально вживаются в землю для защиты; в земляной окопной работе (а Платонов описывал войну как труднейшую работу) «отходили за ней душой».

Хотя от взгляда Платонова не ускользнули страхи и тоска солдат-крестьян, присущее им видение войны как стихийного бедствия, он сосредоточил внимание на жизненной энергии бойцов. Оказываясь в новой для себя обстановке, «обучаясь новой жизни возле своей гибели», когда традиционная формула крестьянской жизни «пот и кровь» только внешне трансформируется («лица бойцов в бою покрыты кровью и потом, крики от ярости»), боец стремится «освоиться с местом, породниться

с ним», точно желая «заручиться сочувствием всех окружающих предметов». Описывая тяжелейшие бои, Платонов упоминает, как даже во время атаки солдаты, в большинстве своем деревенские родом, замечают привычное: и ржаные поля, и луга, приметы погоды и т. д. Характерно, что все отмеченное, включая храмы, сохранилось в воспоминаниях фронтовиков [Кознова 2016, с. 403–406]. Вместе с тем образ несжатого ржаного поля – один из самых ярких в платоновских произведениях военной поры, одновременно трагичный, вызывающий горечь потерь и обнадеживающий, укрывающий, спасающий.

В изображении Платонова война приобретает метафорический облик большого поля (места сражения Добра и Зла), на котором земледелец-ратник ведет свою «пахоту» вопреки «пахоте войны». «Жатва» войны включает в свой круг людей, тяжело раненное тело земли («нелюдимые», «пустые, истоптанные до последней былинки» железом и солдатским сапогом поля), обглоданные «до костей» крестьянские дворы с сожженными избами и истребленной живностью. Но уверенные, что земля немертвая, бойцы дают обет вернуться и вспахать ее. В том и заключалась истина: «Земле не пропадать, а народу не помирать». Рефреном платоновской военной прозы служит утверждение «все враги остались вековать в здешней сельской земле».

Символику земли в военной прозе Платонова дополняет символика хлеба и зерна, в которых, говоря словами деда Тишки из «Рассказа о мертвом старике», – «добро», «дело святое», «сердце наше», «вся сила». «Богатырская мощь» бойцов идет от простой крестьянской пищи, особенно необходимой им в рукопашной схватке с врагом (кстати, нередкой в рассказах 1941–1942 гг.). Показательны, например, «говорящие» имена и фамилии платоновских фронтовиков Ивана Толочно или Ивана Силина [Merridale 2005; Merridale 2000]. Вопрос сытости бойцов актуальный на фронте; а их, в свою очередь, волнует, сыты ли и обуты дети в тылу, помнят ли об отцах – так пища обычная в сознании бойца объединяется с пищей духовной: память, любовь питают и фронт, и тыл.

Тема семьи, родного дома, очага – одна из сквозных в военных произведениях А. Платонова, а ее деревенско-крестьянское воплощение приобретает свои характерные черты. Именно в них проявляется отмечаемая исследователями уникальность художественного голоса писателя в изображении трагического героизма – свободного героизма, противостоящего вынужденному, компенсирующему [Никольский 2020], основанному на жизненных образцах семейной и братской фронтовой сердечности [Holt 2013].

Изба – важнейший элемент платоновской художественной философии, фигурирующий в его рассказах и пьесах военной поры. В рассказе «Никодим Максимов» А. Платонов дает описание русской избы – «обыкновенного» жилища,

в котором «рождались, проводили детство и проживали жизнь в старину почти все русские крестьяне». Именно в нее тянулись красноармейцы, хотя на постое стоял всего лишь один боец, главный герой: «Видимо, тут им было хорошо, в них оживало здесь тихое чувство своего оставленного дома, отца и матери, всего прошлого. Эта изба, *пропахшая хлебом и семейством* [курсив наш. – И. К.], воскрешала в них ощущение родного жилища, и они внимательно разглядывали старика, может быть, угадывая в нем схожесть с отцом, и тем утешали себя». Чуткий к использованию упоминаний о запахах, которые представлялись Платонову важнейшим чувственным проявлением памяти, писатель отмечает, таким образом, два наиболее значимых для выражения константы «народа» в ипостаси «крестьянского» и «русского». Запах служит важным признаком отличия немцев от русских: «От немца... пахло... дезинфекцией и какой-то чистой, но неживой химией; шинель же русского солдата пахла обычно хлебом и обжитой овчиной» [курсив наш. – И. К.]. Когда отец маленького мальчика Никиты возвращается домой с фронта и берет на руки сына, которого несколько лет не видел, от солдата пахнет «теплом, чем-то добрым и смиренным, хлебом и землей», то есть не войной, а миром («Никита»). По крайней мере, так воспринимает отца сын, жизнь которого изначально пропитана этими исконными мирными запахами.

В рассказе «Никодим Максимов» есть сцена отдыха красноармейцев, когда те читают или перечитывают письма из дома. Как подчеркивает Платонов, «читали, чтобы лучше понять...». Но что могло быть в них? Судя по письмам в Красную армию периода советско-финской войны, отстоящей всего лишь на три-четыре года от событий рассказа, значительная часть которых исходила из деревни, они были полны поклонов от всех родственников и соседей, пожеланий здоровья, надежд на спасение Всевышним. Письма от матерей перекликались с молитвами, некоторые напоминали причеты и плачи [Зензинов 1945].

Исследователи обращают внимание на существенные цензурные изъяты и редакторские правки в рассказе. В частности, в рукописи был вымаран фрагмент, описывающий момент моления перед иконами старика – хозяина избы. Между ним и Максимовым происходит диалог. Боец замечает старику: «Что ты надеешься на Бога». Но в ремарке писателя вся суть: «сказал ему не в упрек, а в правду» [Сабиров 2000, с. 719–722]. Заметим, что в переводе с древнегреческого Никодим означает «Побеждающий народ» (данное имя носить персонажи нескольких платоновских рассказов), а отчество солдата – Харитонович («Благословенный»). Старик Иван Ефимович (и Ефим тоже переводится как «Благословенный») возражает: «Бог нынче тоже, небось, солдат». Сами же фронтовики у Платонова с полным правом говорят о себе: «Мы не крестьяне, мы – бойцы,

но мы и то и другое». У Платонова присяга названа «молитвой за родину» («Верное сердце»).

В рассказе «Старый Никодим» звучит заявление «я же человек ветхий, мне уж пора ко двору – в землю», вполне в духе крестьянского природного мировосприятия. Однако в платоновской «Записной книжке» 1942 г. выражение «ко двору» трактуется иначе: «Крестьянин едет “ко двору” – окзалось, на тот свет, домой. Жизнь действительную, на земле, он считал постоянным неустроенным двором» [Платонов 2000, с. 225]. В целом и то и другое выражает содержание народного православия.

Если вернуться к рассказу «Никодим Максимов», то из описания избы цензорами были исключены «убого», «привычно сердцу и ненадоедливо, как хлеб». Неоднократно упоминаемая в военных рассказах «убогость» оставляет щемящее чувство горечи, но также и надежду на возрождение. Безусловно, родственная понятиям бедности и нищеты убогость бросалась в глаза в разоренных немцами селениях. Но и довоенная деревня в Центральной России была отнюдь не богатой. Но «убогость» может трактоваться как «простота», стремление довольствоваться малым.

В рассказе «Домашний очаг» после отхода немцев «убогий крестьянский двор» сохранил свой печной очаг – основание и корень сельского дома, тот символический и материальный центр, вокруг которого «снова должно собраться хозяйство и утвердиться гнездо человека». В освобожденных деревнях бойцы, сами крестьяне, помогают восстанавливать жилище, а по сути – образ жизни. Заняться привычным плотницким делом для возведения избы, а не окопа – значит, отдохнуть от войны, ведь от кроткого звука топора становится покойно на душе.

Красноармеец из рассказа «Счастливым корнем» отстаивает честь родного пепелища и всей милой его сердцу округи перед зарвавшимся младшим лейтенантом Харчеватых, мецанином от войны. Рассказ воплощает «спор Правды и Кривды» – памяти и забвения. Вдохновленный мыслью забыть не только горечь войны, но и любое свидетельство не затронутой урбанизацией деревенской «убогости» и организовать на погорельщине иную, не столько праздничную, сколько праздную жизнь, нацеленную не на работу ума, а на его развлечение, Харчеватых рушит печной очаг с остатками строения и изрекает «истину»: «... ну был дом с отцом, и нету его, – эка штука – дом с отцом! – другой со временем организуешь, без отца проживешь!» И именно молодой рядовой боец оказывается мудрее пожилого интенданта, исповедуя наставление повитухи из «Чевенгура» «не быть непочетником», помнить мать, родителей. Вопреки убежденности интенданта о якобы навеки забытой здешней местности, боец утверждает противоположное: «А я не забыл и забыть никогда не могу...» Более того, для него помнить – обязанность сына и гражданина отстоять не только порушенный врагом семейный очаг, но и местный лес, хотя и

обгоревший от битвы, но постепенно оживающий: «У нас на летучих песках леса посадили, и пески угомонились. А теперь опять растопчут танцами пески, и они полетят на хлебные поля... Лес этот живой, в нем новая поросль пошла...» Памятность красноармейца вызывает насмешку, злость и зависть интенданта. И хотя, как вообще крестьяне, предки красноармейца руководствовались понятием пользы, «красота» и «польза», которую исповедует Харчеватых (возможно, бывший крестьянин), совершенно другого свойства, она предполагает убрать прочь «всю эту природу» да и сам «дух места», искушая красноармейца рассказом о будущих удовольствиях. Дело, разумеется, не просто в благом намерении интенданта превратить погорелое место «в парк культуры, гимнастики и отдыха». Это будущее превращается не просто в праздник изобилия, но в разгул чревоугодия и потребительства. Не случайно для тыловики с его «говорящей» фамилией понятие хорошей жизни сводится к «легкой, чистой работе»: «Туда-сюда, и день прошел, и не утомился, и деньги заработал, и сыт по горло: везде же знакомство... Так и жизнь доживешь – незаметно, а приятно, в полный аппетит, культурно, с удовольствием, чувствительно и неутомимо вперед!..» Потребительство («пустодушие»), присущее, по А. Платонову, также и нацистам, в понимании писателя, служит прямым путем к беспамьятству и забвению.

Крестьянин-фронтвик описывается Платоновым не только как «богатырь», которому под силу одолеть врага, но и как рачительный хозяин. В крестьянах заложено понимание исправной жизни, которое распространяется и на войну. Снаряжение и оружие должно быть исправно, как и сами люди, ведь только «исправный, здоровый боец способен действовать на войне» – исполнять свой долг защитника Родины исправно. У крестьянина на войне «простая» и ясная цель: истребить врага и прогнать его с родной земли, а самому остаться живым и невредимым. Характерны два утверждения красноармейца из пьесы «Без вести пропавший...». О друге: «Парень он добрый, крестьянский, боец исправный». О послевоенном будущем (по сути, вневременном, «вечном»): «Отвоюемся, тогда все по родным дворам разойдемся – кто к матери, кто к жене с ребятишками, а кто один был – тот семейство себе заведет. Тогда тихо будет, и мы опять землю будем пахать, скотину выкормим, новые избы поставим. Мы тогда отдышимся и опять жить будем исправно...»

Яркой иллюстрацией сублимации на войне хозяйственных устремлений крестьянского двора служит образ старшины Сычева («Оборона Семидворья»). Старшина «смотрел на войну как на хозяйство, аккуратно считая и записывая труд своей роты по накоплению павшего врага»; «улыбался самодовольно, будто за малые деньги построил скотный двор или за полцены купил нужную вещь в свое семейство». А один из героев рассказа «Три солдата» Прохоров назван даже скупым: «Он мог,

склонившись на дороге, поднять комок земли и кинуть его на поле, – чтоб и этот комок тоже мог рожать зерно, а не растаптываться без пользы в прах ногами. Поверх головок своих сапог он обувал лапти, чтобы сапоги не снашивались».

Трудовая крестьянская память движет старослужащим красноармейцем Кузьмой из рассказа «На доброй земле». Для него на первом месте – его подворье (хотя в действительности зависимое от членства в колхозе): «Мне во весь добрый свет теперь ворота открыты, а мне и калитки хватит в колхозе на своем дворе! [курсив наш. – И. К.]. Когда Кузьма (в мирной жизни – орловский крестьянин) слышит в закутке избы, где бойцы на постое, вздохи коровы, они волнуют его больше всего. Поэтому среди ночи он вслед за хозяйкой идет проведать корову (корова впоследствии отелилась «исправно»), а позже признается себе, что, уйди он отсюда, «скучать буду по этой корове», хотя хозяйка-вдова ему-вдовцу приглянулась тоже. Воспринимает же он женщину вкупе с ее детьми и непременно с хозяйством, впрочем, как и она, согласная после войны «на жительство и на хозяйство», подтверждая крестьянскую установку на семейную жизнь как хозяйствование. «Для государства тот хорошо работает, у кого есть и свое – дом и хозяйство», – отмечает Платонов в одной из записных книжек периода войны [Платонов 2000, с. 274]. В другой он подчеркивает связь семьи и собственности, полагая последнюю «очагом» [Платонов 2000, с. 244–245]. Писатель с большой симпатией описывает, как красноармейцы в перерывах между боями хозяйничают в своих вещевых мешках, которые выступают аналогом крестьянского дома и двора.

Хотя Платонов в произведениях военной поры ведет речь о коллективизированной деревне, собственно колхозное является фоном повествования. Колхозы упоминаются писателем, и многие бойцы представлены колхозниками. Но Платонов больше выделяет советское, нежели колхозное. С новой системой организации производства на селе связывает себя юное поколение. Внучка из пьесы «Волшебное существо» хранит в подполье бабкиной избы книги из библиотеки и ведомость имущества МТС. Крестьянское и колхозное у Платонова если и не антиподы, то разные полюса единого, как, например, в рассказе «Крестьянин Ягафар». Если обычно враг аттестуется как «глухарь», то здесь подобная характеристика относится к старику-колхознику Ягафару, спокойно сносящему бесхозяйственность и воровство в коллективном хозяйстве. Ягафару-колхознику противопоставлен Ягафар-крестьянин, переживший чувство стыда, готовый, опершись на свою трудовую память, восстановить порядок в колхозе (в колхозе что-то да сохраняется в исправности). Любящая и знающая лучше всех Ягафара его старая жена убеждена, что жизненная сила человека – в равнодушном сердце и что сила рождается в деревне.

Сельский тыл у Платонова держится прежде всего на плечах крестьянок – матерей и жен, ожидающих сыновей и мужей с фронта, а чаще – вдов. С раннего утра до поздней ночи работающих в колхозе, заменяющих мужчин на тракторах, оставляющих малолетних детей на попечение стариков, старших детей, а то и без присмотра. Женщины разных возрастов описаны писателем мудрыми, гораздо точнее мужчин воспринимающими правду жизни, тоньше различающими добро и зло. Любовь для героинь, как для старой крестьянки и ее мужа из рассказа «Среди народа», представляет собой «тихий покой всего сердца вблизи другого сердца», «общую жизненную участь». Такой показана награжденная медалью за доблестный труд вдова-трактористка Евдокия Захарова – с характером и жизненными принципами («Житейское дело»).

Особая тема для А. Платонова – война и дети/подростки. Притом что взрослые герои его военных рассказов исповедуют представление «народ детей бережет», на войне происходит их раннее взросление: в освобожденных деревнях на их лицах печаль («Домашний очаг»), они выглядят изможденными, выполняют непосильную для их возраста работу («Ветер-хлебопашец»). Но они вызывают доброе, хотя и щемящее чувство у автора. А вот Петрушка из смоленской деревни, на вид десяти лет, аккуратный, вполне «исправный мужик», однако поучающий всех в избе, даже огонь в печи, исповедующий «голый» практицизм и злой душой, вызывает страх повествователя («Страх солдата»).

И все же в тыловых деревнях крестьянские дети привычно продолжают познавать мир, хотя и с поправкой на военное время. Для пятилетнего Никиты из одноименного рассказа двор и его постройки представляют большой интерес. Но он также в курсе колхозных дел и знает, что на трудодни дают пшено. Афоня из рассказа «Цветок на земле» остается дома с 87-летним дедом Титом, от стариковской груди которого пахнет теплой землей. Внук хочет узнать у деда «про все». Читателю показана привычная коммуникативная форма передачи памяти. Но она уязвима, прерываясь со смертью носителя, и внук со слов матери знает, что старику «недолго осталось». Дед с внуком отправляются «белый свет пытаться». И, хотя, видимо, дед уже давно не ходил в луга, он, влекомый памятью своего трудового крестьянского тела, сразу останавливается у голубого цветка и трогает его. Именно этот «жалконький» с виду цветок и служит деду-пахарю олицетворением «самого главного» на свете – «самый святой труженик, он из смерти, из мертвого праха работает жизнь». Внук принимает священное знание, воплощая платоновскую концепцию мнемонической вечности [Баршт 2008]: «Теперь я сам знаю про все! Иди спи, дедушка, а когда умрешь, ты не бойся, я узнаю у цветов, как они из праха живут, и ты опять будешь жить из своего праха».

Старые крестьяне предстают у Платонова нередко тщедушными, но «хитроумными тружениками» (старик из д. М. Верея в рассказе «Среди народа»), к суждениям которых прислушиваются и старшие офицеры. Не зная страха, они сражаются с врагом или косят застоявшуюся рожь, даже если впереди ожидает смерть.

В рассказе «Дед-солдат» тот, обходя окрестности с внуком, девятилетним сиротой Алешей, вводит его в мир истории – локальной, национальной, всемирной. Плотина на реке, сложенная полвека назад крестьянской артелью, в которой работали еще отец деда и он сам, символизирует прочность и основательность крестьянского трудового начала («Да ведь народ ее строил и мы с отцом – никто другой: оттого и прочно. Народ, он всегда норочит навек все сделать и смерть обчитать, – так у него и выходит»). Воспоминания деда о прежних войнах, в которых ему довелось участвовать, несут убежденность, что враг победим. Но при этом знания внука об окружающем мире не ограничены рассказами деда, а почерпнуты из книг, которые читают вслух в колхозной избе-читальне. И хотя данное платоновское произведение – рассказ, рассчитанный на красноармейцев-крестьян определенной доли «сказочности» в ней присутствует. Чужой солдат «дурной и неученый», «грязен и слабосилен на вид», озабочен поиском пропитания для себя и членов экипажа своего танка. А деду присуща немалая доля бравады. Хорошо вооруженный враг тем не менее оказывается побежденным стариком в рукопашной схватке, его сухой костяной крестьянской рукой, и та же дедова рука протягивает уже плененному им немцу деревянную ложку и котелок с кулешом, наставляя внука, что пленного бить нельзя. Второй танкист гибнет от меткого выстрела деда, взявшего себе револьвер плененного, а саму машину с остальными танкистами затягивает речным илом после того, как внук, измучившись, все-таки долбит бороду в плотине и спускает воду. Метафора воды, смывающей всю нечисть с лица русской земли (в восприятии деда «фашист Ай-Гитлер» даже не неприятель, а всего лишь «гадюка»), символизирует в рассказе и крестьян-народ («Наш народ уже в который раз смерть обсчитывает и еще не раз ее обсчитает»), и связь поколений, принятие младшими наследия предков, а в итоге – победу традиционной, земледельческой цивилизации над современной, техногенной.

Та же идея выражена в пьесе «Без вести пропавший...», когда старая крестьянка Марфа Фирсовна находит управу на врага, решительно поднимает свою «дубину народной войны» в виде топора. И, даже связанная немцами, продолжает борьбу, убежденная в том, что «у них-то железо, да машины, да всякие ехидные средства. А у нас что же! У нас разум да сердце есть!». И в гротескном рассказе «Старый Никодим» старик, руководствуясь соображением «вы нас бомбили, а я вас разумею», устраивает «потемкинский» аэродром и

дурит немцев, передвигая фанерные аэропланы по лесу с места на место с помощью коровы по кличке Боевая Подруга.

Кстати, коровы – полноправные персонажи платоновской военной прозы. Вместе с лошадьми они представляют ближайший круг крестьянской хозяйственной жизни, одну из ее основ: «Для немцев корова – колбаса и закуска, а мы от нее детей растим и питаем, из ее вымени наш народ хлеб себе сдобривает» («На доброй земле»). Как и людей, скотину, предназначенную для обычной трудовой жизни, война касается своей жестокой меткой. Часто упоминает Платонов и воробьев, которым «без мужика жить невозможно». Пожалуй, для Платонова мужики и воробьи – своего рода «близнецы-братья»: неугомонные, стойкие, выносливые, творящие силу жизни. Иначе как можно противостоять злу войны?

Заключение

Историческим судьбам русского народа отведено центральное место в художественном мире А. Платонова. На разных этапах своего творческого пути писатель по-разному оценивал их перспективы в контексте революционных преобразований в стране. Свои размышления на этот счет писатель продолжил в годы Великой Отечественной войны.

Акцентируя внимание на крестьянских корнях воющего народа, Платонов создал собственную, не лишённую определенной идеализации, мифологию героического, «замешанную» на крестьянских «дрожжах», воплощение всеобъемлющей культурной памяти. Бойцы у Платонова сражаются с тем же крестьянским усердием, с каким они выполняют хозяйственную работу на своем дворе. Возможно, писатель был единственным, кто описал крестьянство в то сталинское время подобным образом, кто своим голосом творил оду труженику земли. А. Платонов показал соотношение архетипического и исторического в их взаимосвязи с советским. Слова «крестьянин» и «крестьянский» занимали ведущее положение в художественном лексиконе писателя, в то время как «колхозник» и «колхозный» – подчиненное. Реализуя идею «вечной памяти» в своих военных произведениях, писатель определил их жанр как реквием. Если же брать срез рассказов, воплощавший крестьянское начало, то это скорее оратория, латинскому корню которого созвучно старославянское слово «оратай» (пахарь), все это вместе отсылает к общим индоевропейским истокам. «Хор» – это все персонажи-крестьяне, «солисты» – отдельные герои рассказов, «оркестр» – весь природный мир, а все в целом – Россия.

Библиографический список

- Holt 2013 – *Holt K.* Collective Authorship and Platonov's Socialist Realism // *Russian Literature*. 2013. Vol. 73. P. 57–84. DOI: <http://doi.org/10.1016/j.ruslit.2013.01.005>.
- Lachmann – *Lachmann R.* Cultural Memory and the Role of Literature URL: http://ec-dejavu.ru/m-2/Memory_Lachmann.html (дата обращения: 14.05.2021).
- Merridale 2000 – *Merridale C.* Night of Stone: Death and Memory in Modern Russia. London: Granta Books, 2000. 506 p.
- Merridale 2005 – *Merridale Catherine.* Ivan's War. The Red Army 1939–1945. London: Faber and Faber, 2005. 396 p. URL: <https://www.rulit.me/books/ivan-039-s-war-inside-the-red-army-1939-1945-read-326269-1.html>.
- Winter 2017 – *Winter J.* War Beyond Words: Languages of Remembrance from the Great War to the Present. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. 234 p.
- Алейников 2015 – *Алейников О.Ю.* Прошлое и будущее русского народа в рассказах А. Платонова о Великой Отечественной войне // *Вестник РУДН. Серия Литературоведение. Журналистика*. 2015. № 3. С. 54–61. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/proshloe-i-buduschee-russkogo-naroda-v-rasskazah-a-platonova-o-velikoy-otechestvennoy-voynе>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24307528>.
- Ассман 2019 – *Ассман А.* Забвение истории – одержимость историей. Москва: Новое литературное обозрение, 2019. 268 с. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=659921&p=1>.
- Баршт 2008 – *Баршт К.А.* Мнемоническая вечность Андрея Платонова // *Вопросы философии*. 2008. № 1. С. 90–108. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=10246137>.
- Варламов 2011 – *Варламов А.Н.* Андрей Платонов. Москва: Молодая гвардия, 2011. 546 с. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=158936&p=1>.
- Зензинов 1945 – *Зензинов В.М.* Встреча с Россией. Как и чем живут в Советском Союзе. Письма в Красную Армию 1939–1940 г. Нью-Йорк: [б. и.], 1945. 587 с. URL: https://vk.com/wall-119738045_19392.
- Кознова 2016 – *Кознова И.Е.* Сталинская эпоха в памяти крестьянства России. Москва: Политическая энциклопедия, 2016. 464 с. URL: <http://test8.dlibrary.org/ru/nodes/103>.
- Кознова 2020 – *Кознова И.Е.* «Сражающаяся Мнемозина»: тема памяти в военной прозе Андрея Платонова // *Ярославский педагогический вестник*. 2020. № 5. С. 208–216. DOI: <http://doi.org/10.20323/1813-145X-2020-5-116-208-216>.
- Корниенко 1999 – *Корниенко Н.В.* «Добрые люди» в рассказах А. Платонова конца 30-х – 40-х годов. Предварительные текстологические заметки // *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 1999. № 3 (15). С. 24–37. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=16389018>.

Крети́нин 2000 – *Крети́нин А.А.* Мифологический знаковый комплекс в военных рассказах Андрея Платонова // Творчество Андрея Платонова. Исследования и материалы. Кн. 2. Санкт-Петербург, 2000. С. 41–57. URL: https://imwerden.de/pdf/tvorchestvo_platonova_2_2000_text.pdf.

Никольский 2018 – *Никольский С.А.* Российская философия истории и литература // Вопросы философии. 2018. № 10. С. 116–127. DOI: <http://doi.org/10.31857/S004287440001154-4>.

Никольский 2020 – *Никольский С.А.* Крестьянин на войне в философской прозе Андрея Платонова и Виктора Астафьева // Ярославский педагогический вестник. 2020. № 4 (115). С. 163–168. DOI: <http://doi.org/10.20323/1813-145X-2020-4-115-163-168>.

Переходцева 2012 – *Переходцева О.В.* Концепции памяти в современном западном литературоведении // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2012. Вып. 1 (17). С. 157–164. URL: <http://www.rfp.psu.ru/archive/1.2012/perekhodtseva.pdf>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17662277>.

Платонов 2000 – *Платонов А.* Записные книжки. Материалы к биографии. Публ. М.А. Платоновой. Составление, подготовка текста, предисловие и примечания Н.В. Корниенко. Москва: Наследие, 2000. 424 с. URL: <http://www.library.fa.ru/files/platonov.pdf>.

Пономарева 2003 – *Пономарева С.* Образ русской земли в военных рассказах Платонова // Страна философов. Вып. 5. Москва, 2003. С. 395–404.

Сабиров 2000 – *Сабиров В.* Рассказ «Никодим Максимов» (К истории текста) // Страна философов. Вып. 4. Москва, 2000. С. 719–722.

Семенова 2000 – *Семенова С.* Русский человек в пограничной ситуации. Военные рассказы Андрея Платонова // Страна философов. Вып. 4. Москва, 2000. С. 138–152. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30532870&pf=1>.

Спиридонова 2014 – *Спиридонова И.А.* Под небесами родины. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2014. 145 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23761994>.

Султанов 2017 – *Султанов К.К.* «Человек вспоминающий» в литературе: историческая память как регулятив национальной идентичности // Событие в истории, памяти и нарративах идентичности. Москва, 2017. С. 49–95. URL: <https://istina.msu.ru/publications/article/95439273>.

References

Holt 2013 – *Holt Katharine* (2013) Collective Authorship and Platonov's Socialist Realism. *Russian Literature*, vol. 73, pp. 57–84. DOI: <http://doi.org/10.1016/j.ruslit.2013.01.005>.

Lachmann – *Lachmann R.* Cultural Memory and the Role of Literature. Available at: http://ec-dejavu.ru/m-2/Memory_Lachmann.html (accessed 14.05.2021).

Merridale 2000 – *Merridale C.* (2000) *Night of Stone: Death and Memory in Modern Russia*. London: Granta Books, 506 p. Available at: <https://www.litmir.me/br/?b=655220&p=1>.

Merridale 2005 – *Merridale Catherine* (2005) *Ivan's War. The Red Army 1939–1945*. London: Faber and Faber, 396 p. Available at: <https://www.rulit.me/books/ivan-039-s-war-inside-the-red-army-1939-1945-read-326269-1.html>.

Winter 2017 – *Winter J.* (2017) *War Beyond Words: Languages of Remembrance from the Great War to the Present*. Cambridge: Cambridge University Press, 234 p.

Aleinikov 2015 – *Aleinikov O.U.* (2015) The past and the future of the Russian people in A. Platonov's stories about the Great Patriotic War. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 2015, no. 3, pp. 54–61. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/proshloe-i-budushee-russkogo-naroda-v-rasskazah-a-platonova-o-velikoy-otechestvennoy-voynе>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24307528>. (In Russ.)

Assman 2019 – *Assman A.* (2019) Oblivion of history – obsession with history. Moscow: *Novoe literaturnoe obozrenie*, 268 p. Available at: <https://www.litmir.me/br/?b=659921&p=1>. (In Russ.)

Barsht 2008 – *Barsht K.A.* (2008) Mnemonic eternity of Andrei Platonov. *Voprosy Filosofii*, no. 1, pp. 90–108. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=10246137>. (In Russ.)

Varlamov 2011 – *Varlamov A.N.* (2011) *Andrey Platonov*. Moscow: Molodaya gvardiya, 2011, 546 p. Available at: <https://www.litmir.me/br/?b=158936&p=1>. (In Russ.)

Zenzinov 1945 – *Zenzinov V.M.* (1945) *Meeting with Russia. How they live in the Soviet Union. Letters to the Red Army 1939–1940*. New York: [b.i.], 587 p. Available at: https://vk.com/wall-119738045_19392. (In Russ.)

Koznova 2016 – *Koznova I.E.* (2016) The Stalinist era in the memory of Russian peasantry. Moscow: *Politicheskaya entsiklopediya*, 464 p. Available at: <http://test8.dlibrary.org/ru/nodes/103>. (In Russ.)

Koznova 2020 – *Koznova I.E.* (2020) «The combating Mnemosyne»: the theme of memory in Andrey Platonov's military prose. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, no. 5 (116), pp. 208–216. DOI: <http://doi.org/10.20323/1813-145X-2020-5-116-208-216>. (In Russ.)

Kornienko 1999 – *Kornienko N.V.* (1999) «Kindly souls» in A. Platonov's short stories of the late 1930s–40s: preliminary notes of the textual logic. *Tambov University Review. Series: Humanities*, vol. 3 (15), pp. 24–37. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=16389018>. (In Russ.)

Kretinin 2000 – *Kretinin A.A.* (2000) Mythological sign complex in the military stories of Andrey Platonov. In: *Creativity of Andrey Platonov. Research and materials. Book 2.* Saint Petersburg, pp. 41–57. Available at: https://imwerden.de/pdf/tvorchestvo_platonova_2_2000_text.pdf. (In Russ.)

Nickolsky 2018 – *Nickolsky S.A.* (2018) Russian Philosophy of History and Literature. *Voprosy filosofii*, no. 10, pp. 116–127. DOI: <http://doi.org/10.31857/S004287440001154-4>. (In Russ.)

Nickolsky 2020 – *Nikolsky S.A.* (2020) The peasant at war in the philosophical prose of Andrey Platonov and Viktor Astafiev. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, no. 4 (115), pp. 163–168. DOI: <http://doi.org/10.20323/1813-145X-2020-4-115-163-168>. (In Russ.)

Perekhodtseva 2012 – *Perekhodtseva O.V.* (2012) Concepts of memory in contemporary literary studies. *Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*, no. 1 (17), pp. 157–164. Available at: <http://www.rfp.psu.ru/archive/1.2012/perekhodtseva.pdf>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17662277>. (In Russ.)

Platonov 2000 – *Platonov A.* (2000) Notebooks. Materials for the biography. Published by M.A. Platonova. Drafting, preparation of the text, preface and notes by Kornilenko N.V. Moscow: Nasledie, 424 p. Available at: <http://www.library.fa.ru/files/platonov.pdf>. (In Russ.)

Ponomareva 2003 – *Ponomareva S.* (2003) The image of the Russian land in Platonov's war stories. In: *The country of philosophers. Issue 5.* Moscow, pp. 395–404. (In Russ.)

Sabirov 2000 – *Sabirov V.* (2000) Story «Nikodim Maximov» (On the history of the text). In: *The country of philosophers. Issue 4.* Moscow, pp. 719–722. (In Russ.)

Semenova 2000 – *Semenova S.* (2000) Russian people in a borderline situation. War stories by Andrey Platonov. In: *The country of philosophers. Issue 4.* Moscow, pp. 138–152. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30532870&pf=1>. (In Russ.)

Spiridonova 2014 – *Spiridonova I.A.* (2014) Under the skies of the motherland. Petrozavodsk: Izd-vo PetrGU, 2014, 145 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23761994>. (In Russ.)

Sultanov 2017 – *Sultanov K.K.* (2017) «The man remembering» in literature: historical memory as a regulator of national identity. In: *Event in history, memory and narratives of identity.* Moscow, pp. 49–95. Available at: <https://istina.msu.ru/publications/article/95439273>. (In Russ.)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 94(47).084.9+353

Дата поступления: 11.05.2021
рецензирования: 18.06.2021
принятия: 26.08.2021

Состав Совета Министров АССР в период реформ 1985–1991 гг.: изменения и основные характеристики (на примере Мордовии)

Е.Н. Бикейкин

НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, г. Саранск, Российская Федерация
E-mail: bickeykin1977@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7301-0264>

П.С. Учватов

НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, г. Саранск, Российская Федерация
E-mail: uchvatov.pavel@yandex.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9993-7415>

Аннотация: В статье на примере высшего органа государственного управления автономной республики – Совета Министров Мордовской АССР – рассматривается кадровый руководящий состав исполнительных и распорядительных органов власти на региональном уровне. Анализируется трансформация состава Совета Министров в последние годы существования СССР. Инициированные генеральным секретарем ЦК КПСС М.С. Горбачевым реформы затронули практически все сферы жизни общества, включая функционирование государственного управления. При этом система власти Мордовии обладала некоторыми особенностями, во многом связанными с консервативностью и внешней сплоченностью региональных элит, которые в то же время были вынуждены реагировать на происходящие в стране процессы. За выбранный в статье хронологический период действовало два состава Совета Министров, которые были сформированы 15 марта 1985 г. на первой сессии Верховного Совета МАССР 11-го созыва и 10 апреля 1990 г. на первой сессии Верховного Совета МАССР 12-го созыва. Авторами приводятся данные о возрасте, социальном происхождении, национальности, образовательном уровне, времени нахождения на должностях членов Правительства МАССР. При подготовке статьи использовались материалы из фондов Центрального государственного архива Республики Мордовия, региональной печати, опубликованных воспоминаний участников событий, а также биографические сведения о советско-партийных и хозяйственных руководителях из открытых источников.

Ключевые слова: региональная власть; «перестройка»; органы государственного управления; Совет Министров; министерство; государственный комитет; советско-партийная элита; Мордовская АССР.

Цитирование. Бикейкин Е.Н., Учватов П.С. Состав Совета Министров АССР в период реформ 1985–1991 гг.: изменения и основные характеристики (на примере Мордовии) // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2021. Т. 27, № 3. С. 17–29. DOI: <http://doi.org/10.12287/2542-0445-2021-27-3-17-29>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Бикейкин Е.Н., Учватов П.С., 2021

Евгений Николаевич Бикейкин – доктор исторических наук, доцент, заместитель директора – ученый секретарь ГКУ РМ «Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия», 430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Л. Толстого, 3.

Павел Сергеевич Учватов – кандидат исторических наук, главный научный сотрудник – заведующий отделом региональных исследований и этнологии ГКУ РМ «Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия», 430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Л. Толстого, 3.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 11.05.2021
Revised: 18.06.2021
Accepted: 26.08.2021

Composition of the Council of Ministers of ASSR at a time of reform of 1985– 1991: changes and main features (on the example of Mordovia)

E.N. Bickeykin

Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia, Saransk, Russian Federation
E-mail: bickeykin1977@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7301-0264>

P.S. Uchvatov

Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia, Saransk, Russian Federation
E-mail: uchvatov.pavel@yandex.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9993-7415>

Abstract: In the article the senior management of the regional executive and administrative authority as an example of the supreme body of State governance of an autonomous republic – the Council of Ministers of the Mordovian Autonomous Soviet Socialist Republic is considered. The changes in the Council of Ministers in the last years of the existence of the USSR is analyzed. The reforms initiated by the General Secretary of the CPSU Central Committee M.S. Gorbachev affected practically all sectors of society, including the functioning of public administration. Meanwhile, the system of power in Mordovia had some peculiarities, largely associated with the conservatism and external cohesion of the regional

elites, which have had to respond to processes in the country at the same time. In the chronological period selected in the article, there were two compositions of the Council of Ministers, which were formed on March 15, 1985 at the first session of the MASSR Supreme Council of the 11th convocation and on April 10, 1990 at the first session of the MASSR Supreme Council of the 12th convocation. The authors provide information about age, social origin, nationality, educational level, tenure for members of the MASSR Government. In preparing the article, materials from the funds of the Central State Archives of the Republic of Mordovia, the regional press, published memoirs of participants in the events, as well as biographical information about the Soviet, Party and economic leaders from open sources were used.

Key words: regional authorities; «Perestroika»; public administration; Council of Ministers; ministry; state committee; Soviet and Party elite; Mordovian ASSR.

Citation. Bikeykin E.N., Uchvatov P.S. Composition of the Council of Ministers of ASSR at a time of reform of 1985–1991: changes and main features (on the example of Mordovia). *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya = Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2021, vol. 27, no. 3, pp. 17–29. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2021-27-3-17-29>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: authors declare no conflict of interest.

© Bikeykin E.N., Uchvatov P.S., 2021

Evgeny N. Bikeykin – Doctor of Historical Sciences, associate professor, Deputy Director – Academic Secretary, Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia, 3, L. Tolstoy Street, Saransk, 430005, Republic of Mordovia, Russian Federation.

Pavel S. Uchvatov – Candidate of Historical Sciences, Principal Researcher – Head of the Department of Regional Studies and Ethnology, Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia, 3, L. Tolstoy Street, Saransk, 430005, Republic of Mordovia, Russian Federation.

Введение и историография темы

За последние десятилетия как на уровне федерального центра, так и регионов с регулярностью осуществляются попытки реформирования системы и структуры органов исполнительной власти. Поиск более эффективного устройства государственной власти определяет актуальность обращения к относительно недавней, советской истории. Представляется бесспорным, что учет советского опыта функционирования государственного управления, его сильных и слабых сторон может быть полезным для успешного развития современной системы власти. В этом плане интересным представляется анализ трансформации руководящего состава органов государственного управления, происходившей на региональном уровне.

Объектом исследования данной статьи выбран Совет Министров Мордовской АССР – высший исполнительный и распорядительный орган (Правительство) автономной республики. Занимая центральное положение в регионе, Совет Министров касался развития практически всех сфер жизни общества, начиная от промышленности и сельского хозяйства и заканчивая вопросами обеспечения общественной безопасности. В силу статуса Совета Министров все изменения в его составе наглядно отражали процессы, происходившие в кадровой политике и внутри системы управления в целом. Хронологические рамки статьи определены второй половиной 1980-х – 1991 гг. и охватывают период инициированных генеральным секретарем ЦК КПСС М.С. Горбачевым реформ, за которыми последовал распад СССР.

Научных работ, посвященных функционированию советов министров и иных органов государственного управления автономных республик РСФСР в позднесоветские годы, было издано относительно немного. Отдельные труды (преимущественно юридического характера) на эту тему подготовлены еще советскими учеными [Кебеков 1981; Тарнапольский 1983], однако в историче-

ской науке проблема получила свое отражение лишь в постперестроечной России.

Так, высшим исполнительным и распорядительным органам власти АССР был посвящен ряд опубликованных за последние годы работ, в которых анализируются вопросы функционирования, деятельности, кадрового состава советов министров, их правового статуса, а также историография проблемы. В частности, можно выделить научные статьи, посвященные совету министров Мордовской [Учватов 2016; Учватов 2020] и Чувашской АССР [Гвоздев 2020; Гвоздев 2021]. Сведения об исполнительной власти Татарской АССР, включая Совет Министров и подчиненные ему ведомства, кратко систематизированы в справочнике «Центральные органы государственной власти и управления Татарстана (1920–2020 гг.)» (Центральные органы государственной власти и управления Татарстана..., с. 103–188). Некоторые подробности из деятельности исторических личностей, входивших в состав Совета Министров МАССР «позднего социализма», содержатся в научных и научно-публицистических работах, посвященных биографиям советских и хозяйственных руководителей (Утешев 2017) [Житаев 2020].

Для избранной темы имеет значение также ряд трудов, посвященный общественно-политическому развитию Мордовии, положению властных структур и советско-партийных элит, их исторической роли в эпоху реформ. Первые попытки осмысления данной проблемы стали предприниматься еще в начале 1990-х гг. [Доленко, Юрченков 1991]. Однако в наиболее систематизированном виде общественную систему региона в последние годы советской власти, положение старой номенклатуры, процессы, происходившие в том числе в руководстве Совета Министров МАССР, охарактеризовали Ж.Д. Кониченко и В.А. Юрченков в монографии «На пороге реформ: общественно-политическая жизнь Мордовии в первой половине 1990-х годов» [Кониченко, Юрченков 2006, с. 18–65].

Впоследствии данная тематика также получила развитие в исследовании Г.В. Огриной [Огринина 2013 б] (Огринина 2013 а).

Отдельно следует отметить также научные труды, посвященные состоянию и развитию региональной советско-партийной номенклатуры, частью которой являлись входившие в состав Совета Министров руководители. Так, весомый вклад в изучение данного вопроса внес пермский историк и политолог В.П. Мохов [Мохов 2003; Мохов 2013], который уделяет большое внимание таким проблемам, как становление и развитие номенклатуры, значение социального происхождения региональных лидеров, рекрутирование новых членов верхнего слоя региональной бюрократии и т. д. Для исследования социального портрета руководителей региональных органов власти представляет интерес коллективная монография «Элиты Самарской (Куйбышевской) области в 1960-е – 1990-е гг.» [Элиты Самарской (Куйбышевской) области... 2014]. Авторы книги обращаются к классификации региональной правящей элиты последних трех десятилетий советской истории, различным факторам ее существования, проблемам ротации номенклатурных кадров. Эта же проблематика нашла отклик в статьях самарских историков П.С. Кабытова и А.А. Мякотина [Кабытов, Мякотин 2013 а; Кабытов, Мякотин 2013 б; Мякотин 2014]. Ряд выявленных в данных работах тенденций в развитии правящей региональной элиты характерен не только для Самарской области, но и для многих других областей РСФСР.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что, несмотря на непосредственную близость исследуемого периода к нашему времени, в изучении советов министров автономных республик РСФСР и, в частности, трансформации их кадрового состава сегодня все еще остается немало пробелов, требующих более детального рассмотрения. Перед современным исследователем стоят задачи объективного осмысления функционирования органов государственного управления позднесоветского периода, анализа основных тенденций и изменений, существовавших в руководящем управленческом составе на региональном уровне.

Особенности состава Совета Министров МАССР в 1985–1990 гг.

К 1985 г. Правительство Мордовской АССР обрело прочно сформировавшимся, достаточно стабильным составом, ядро которого составляли опытные советско-партийные и хозяйственные функционеры, длительное время находившиеся в системе власти. Всего в высшем исполнительном и распорядительном государственном органе МАССР, образованном 15 марта 1985 г. на первой сессии Верховного Совета 11 созыва, было 34 человека (Первая сессия ВС МАССР 11 созыва, с. 117–119) (см. таблицу 1).

Довольно значительную часть (в 1985 г. – 17,6 % от общего состава) в Правительстве составляло руководство – председатель Совета Министров и его заместители. С 1978 г. должность председателя занимал В.С. Учайкин (Мордовия: энцикл. Т. 2, с. 443), деятельность которого до назначения на этот пост в основном была связана с аграрной отраслью. Длительное время работавший на руководящих должностях, В.С. Учайкин был человеком системы и имел репутацию «крепкого хозяйственника» (Гуслянников 2019, с. 87). Его немалым достоинством как главы Правительства было умение отстаивать интересы своего региона в высоких московских кабинетах, добиваться выделения средств для решения экономических проблем республики; например, бывший советский работник А.А. Утешев приводит сведения, что в этих вопросах ему благоволил заместитель председателя Совета Министров СССР, председатель Госплана СССР Н.К. Байбаков (Утешев 2017, с. 31). По воспоминаниям партийного и советского руководителя Н.И. Бойнова, В.С. Учайкин хорошо усвоил свою роль и обязанности, с подчиненными был лояльным и внимательным: «Как правило, ему хватало такта выслушать своего собеседника, а затем уже делать те или иные оценки. Хотя я не всегда разделял его позиции, не соглашался с ним по отдельным вопросам, а в некоторых случаях открыто высказывал в его адрес критические оценки, от которых он иногда был не в восторге» (Бойнов 2012, с. 686). Как опытного, прекрасно знающего свою работу руководителя вспоминает председатель Совета Министров и П.Е. Сенькин, в 1980-х гг. – заместитель прокурора МАССР: «Вопросы заседания Совета Министров готовились очень тщательно, чувствовалось, что Учайкин сам до мелочей прорабатывал их и был в курсе каждой обсуждаемой проблемы, не прощал никому поверхностного подхода и демагогии в выступлениях» (Сенькин 2018, с. 106). В.С. Учайкин был близок к первому секретарю Мордовского обкома КПСС А.И. Березину (занимал эту должность в 1971–1990 гг.) и полностью устраивал его на посту руководителя Правительства.

В 1985 г. у председателя Совета Министров было 2 первых заместителя (Н.А. Байков, А.П. Брагин) и 3 обычных (В.И. Антохин, А.Г. Морозова, А.И. Попов). Некоторые из них, курируя определенное направление, одновременно возглавляли один из ключевых органов государственного управления: высокий статус первого заместителя председателя Правительства имел руководитель Госагропрома автономной республики А.П. Брагин, должности заместителя председателя Совета Министров и председателя Госплана также совмещал А.И. Попов. С одной стороны, это приводило к увеличению числа заместителей главы Правительства, но с другой – такая властная конструкция повышала возможности руководителя в отстаивании интересов своей отрасли.

В состав Правительства также входили министры, председатели государственных комитетов,

начальник Аптечного управления и управляющий делами Совета Министров. Должность последнего, на первый взгляд незаметная, имела довольно большое значение: этот чиновник отвечал не только за слаженную работу аппарата Правительства, но и за прием высокопоставленных гостей из Москвы и регионов, организацию торжественных приемов, банкетов, подарков и т. д. Этот пост на протяжении почти 13 лет (1979–1992) занимал опытный советско-партийный работник Ю.В. Попков (Мордовия: энцикл. Т. 2, с. 188).

Общая численность членов Совета Министров постепенно возрастала со второй половины 1960-х гг.: если в 1967 г. Совет Министров включал 26 членов (Первая сессия ВС МАССР 7 созыва, с. 141–143), то в 1975 г. – 31 (Первая сессия ВС МАССР 9 созыва, с. 49–50), в 1980 г. – 33 (Первая сессия ВС МАССР 10 созыва, с. 107–108). Эта тенденция продолжалась и в первые годы «перестройки». Так, за 1986–1987 гг. в состав Правительства были включены председатель Госкомитета по физической культуре и спорту А.С. Грачев (Четвертая сессия ВС МАССР 11 созыва, с. 103), председатель Госкомитета по профессионально-техническому образованию В.А. Вальков (Шестая сессия ВС МАССР 11 созыва, с. 92, 110), начальник Управления хлебопекарной и макаронной промышленности В.Г. Киушкин (Третья сессия ВС МАССР 11 созыва, с. 99). Однако наиболее значительная реорганизация органов государственного управления была осуществлена в 1988 г. Тогда были образованы Госкомитет по охране природы (председателем стал Н.И. Шанжаев) и Министерство народного образования (министром был назначен В.А. Вальков), а также упразднены многие старые ведомства: Министерство мелиорации и водного хозяйства, Министерство бытового обслуживания населения, Министерство топливной промышленности, Министерство лесного хозяйства, Министерство жилищно-коммунального хозяйства, Министерство местной промышленности, Госкомитет по кинофикации, Аптечное управление (ЦГА РМ. Ф. Р-234. Оп. 10. Д. 1022. Л. 20–21).

В результате численность членов Правительства значительно сократилась, и Совет Министров, образованный 10 апреля 1990 г., включал 26 человек – на 8 меньше по сравнению с 1985 г. (Первая сессия ВС МАССР 12 созыва, с. 184–186) (см. таблицу 2). Пост председателя сохранил за собой В.С. Учайкин. Возросло значение его первого заместителя, который остался единственным в структуре Правительства – этот пост занял А.Ф. Чижиков, переведенный в Совет Министров из Мордовского обкома КПСС. На должности заместителей председателя Совета Министров были назначены В.А. Кечкин, Н.А. Байков, М.Ф. Ковшов и А.Г. Морозова. Всего из предыдущего Совета Министров 1985 г. в новом Правительстве сохранили места лишь 8 человек (В.С. Учайкин, Н.А. Байков, А.Г. Морозова, Н.Я. Наумкин, В.Г. Киушкин, А.А. Долгачев,

И.Г. Сыркин, И.Ф. ВIKANов), при этом у некоторых из них изменились должности.

В то же время, как уже отмечалось выше, до проведенных реорганизаций органов власти конца 1980-х гг. управленческий корпус автономной республики отличался стабильностью. Если рассматривать Совет Министров 1985 г., то из его состава лишь 4 руководителя (11,7 %) занимали свои должности на протяжении от 2 до 5 лет, в то время как 15 (44,1 %) – от 5 до 10 лет, а 9 (26,4 %) – от 10 до 15 лет. 6 руководителей (17,6 %) работали на одной из той же должности 15 и более лет (Н.И. Ховряков, В.В. Кирдяшкин, министр финансов Н.И. Лаврентьев, министр юстиции М.Д. Фомичев, председатель Госкомитета по труду И.Ф. ВIKANов, председатель Госкомитета по ценам О.И. Шебалдина) (Мордовия: энцикл. Т. 1, с. 123, 143, 145, 155, 179, 180, 205, 289, 317, 382, 397, 400, 432, 464, 478, 485, 533; Т. 2, с. 60, 67, 83, 96, 188, 218, 270, 385, 443, 471, 482, 486, 487, 512, 523). Некоторые высокопоставленные советские служащие могли перемещаться с одного поста на другой, являясь членами Совета Министров еще с 1960-х гг. (например, В.П. Бочкарев работал министром культуры в 1962–1973 гг., затем, в 1973–1986 гг., возглавлял Госкомитет по телевидению и радиовещанию (Мордовия: энцикл. Т. 1, с. 179–180); в общей сложности он входил в состав Совета Министров на протяжении почти 24 лет).

Особенностью Правительства 1985 г. является возраст входивших в него руководителей – к этому времени давал о себе знать постепенный процесс «старения» высших управленческих кадров. Так, лишь 2 руководителя (5,9 %) имели возраст от 30 до 40 лет, 7 (20,5 %) относились к категории от 40 до 50 лет, 17 (50 %) – от 50 до 60 лет. В Совет Министров также входили 8 опытных управленцев (23,5 %) 60 и более лет (Мордовия: энцикл. Т. 1, с. 123, 143, 145, 155, 179, 180, 205, 289, 317, 382, 397, 400, 432, 464, 478, 485, 533; Т. 2, с. 60, 67, 83, 96, 188, 218, 270, 385, 443, 471, 482, 486, 487, 512, 523).

Но, несмотря на значительное число руководителей пенсионного и предпенсионного возраста, следует согласиться с утверждением, что в отличие от высшей советской и партийной элиты страны в случае с региональными управлениями нельзя говорить о формировании «геронтократии» [Элиты Самарской (Куйбышевской) области... 2014, с. 87]. Так, средний возраст членов Совета Министров МАССР в 1985 г. составлял 53 года. Все входившие в Правительство МАССР управленцы, вне зависимости от заслуг, формального и неформального положения в номенклатурной системе, профессиональных качеств и т. д., отправлялись на пенсию по достижении определенного возраста, и во второй половине 1980-х гг. в высшем исполнительном и распорядительном органе автономной республики не было ни одного руководителя старше 65 лет.

Уход на пенсию руководителей, долгие годы находившихся на своих постах, стал дополнительным фактором обновления состава Совета Министров в конце 1980-х гг. Им часто предоставляли возможность поработать еще несколько лет после достижения 60-летнего возраста; некоторые также получали новые, менее ответственные должности. Именно в это время были освобождены от занимаемых постов в связи с достижением пенсионного возраста министр просвещения В.В. Кирдяшкин (на момент ухода ему исполнилось 65 лет) (Третья сессия ВС МАССР 11 созыва, с. 83), председатель Комитета народного контроля М.Т. Храмов (62 года) (Вторая сессия ВС МАССР 11 созыва, с. 84–85), министр здравоохранения А.И. Кулагин (62 года) (Вторая сессия ВС МАССР 11 созыва, с. 84–85), председатель Госкомитета по телевидению и радиовещанию В.П. Бочкарев (62 года) (Пятая сессия ВС МАССР 11 созыва, с. 94–95), министр местной промышленности Н.И. Ховряков (63 года) (Пятая сессия ВС МАССР 11 созыва, с. 94–95), председатель КГБ В.Н. Ашутов (62 года) (Шестая сессия ВС МАССР 11 созыва, с. 91–92).

Совет Министров, сформированный в 1990 г., включал лишь одного человека старше 60 лет (Ю.В. Попков), хотя достаточно много руководителей относились к категории от 50 до 60 лет (Мордовия: энцикл. Т. 1, с. 145, 150, 191, 201, 205, 243, 262, 289, 392, 395, 400, 407, 422; Т. 2, с. 60, 83, 84, 188, 385, 389, 443, 509, 520; Текущий архив отдела истории НИИГН; ЦГА РМ. Ф. 269-П. Оп. 31. Д. 16. Л. 2; Оп. 49. Д. 36. Л. 141–142; Оп. 60. Д. 142. Л. 1–8). Средний возраст членов Правительства составил 51 год, то есть почти не отличался от аналогичной характеристики Совета Министров 1985 г. Но более половины членов Совета Министров 1990 г. назначались впервые либо имели стаж работы в своих должностях не более 1,5 лет (Первая сессия ВС МАССР 12 созыва, с. 56).

Если обратиться к национальности членов Совета Министров, то будет видно, что большинство в правительствах 1985 и 1990 гг. составляли русские. В 1985 г. их было 21 человек (61,7 %); мордвы было 13 (38,2 %), в том числе 3 мокшан и 9 эрзян (неизвестно, к какому субэтносу принадлежал 1 человек) (Мордовия: энцикл. Т. 1, с. 123, 143, 145, 155, 179, 180, 205, 289, 317, 382, 397, 400, 432, 464, 478, 485, 533; Т. 2, с. 60, 67, 83, 96, 188, 218, 270, 385, 443, 471, 482, 486, 487, 512, 523). В 1990 г. русских в Совете Министров было 14 (53,8 %), мордвы – 11 (42,3 %), в том числе 3 мокшан и 8 эрзян, а также в состав Правительства входил 1 украинец (3,8 %) (Мордовия: энцикл. Т. 1, с. 145, 150, 191, 201, 205, 243, 262, 289, 392, 395, 400, 407, 422; Т. 2, с. 60, 83, 84, 188, 385, 389, 443, 509, 520; Текущий архив отдела истории НИИГН; ЦГА РМ. Ф. 269-П. Оп. 31. Д. 16. Л. 2; Оп. 49. Д. 36. Л. 141–142; Оп. 60. Д. 142. Л. 1–8). При этом в автономной республике продолжал сохраняться негласный принцип о назначении представителей коренной национальности на определенные долж-

ности, связанные с политикой или идеологией. Так, мордвой по национальности были председатель Совета Министров, ряд его заместителей, министры культуры и просвещения (народного образования), председатель Госкомитета по телевидению и радиовещанию и др.

По социальному происхождению основную часть высшего органа государственного управления представляли выходцы из семей крестьян, в чем проявлялось традиционное преобладание в республике аграрного сектора. В 1985 г. членов Совета Министров, происходивших из крестьян, было 21 (61,7 %), из служащих – 11 (32,3 %), совсем немного было выходцев из рабочего класса – 2 (5,9 %). Особо нужно выделить, что из состава Совета Министров, включавшего 34 человек, лишь 5 родились в городах, остальные же являлись уроженцами сельской местности (Мордовия: энцикл. Т. 1, с. 123, 143, 145, 155, 179, 180, 205, 289, 317, 382, 397, 400, 432, 464, 478, 485, 533; Т. 2, с. 60, 67, 83, 96, 188, 218, 270, 385, 443, 471, 482, 486, 487, 512, 523). К 1990 г. ситуация изменилась мало: выходцев из крестьян в Правительстве было 14 (53,8 %), из служащих – 10 (38,5 %), из рабочих – 1 (3,8 %); происхождение 1 руководителя (3,8 %) неизвестно. Уроженцами городов при этом были только 2 члена Совета Министров (неизвестно, в каком населенном пункте родился 1 человек) (Мордовия: энцикл. Т. 1, с. 145, 150, 191, 201, 205, 243, 262, 289, 392, 395, 400, 407, 422; Т. 2, с. 60, 83, 84, 188, 385, 389, 443, 509, 520; Текущий архив отдела истории НИИГН; ЦГА РМ. Ф. 269-П. Оп. 31. Д. 16. Л. 2; Оп. 49. Д. 36. Л. 141–142; Оп. 60. Д. 142. Л. 1–8).

Обязательным условием для занятия должности уровня руководителя министерства или иного республиканского ведомства являлось наличие у кандидата высшего образования, и все члены Совета Министров обладали дипломами об окончании вузов. В 1985 г. 19 из них (55,9 %) имели только общее высшее образование, 5 (14,7 %) – только партийное, 10 (29,4 %) – и общее, и партийное. 2 человека, входившие в Правительство (В.В. Кирдяшкин, И.Ф. ВIKANов), являлись кандидатами наук (Мордовия: энцикл. Т. 1, с. 123, 143, 145, 155, 179, 180, 205, 289, 317, 382, 397, 400, 432, 464, 478, 485, 533; Т. 2, с. 60, 67, 83, 96, 188, 218, 270, 385, 443, 471, 482, 486, 487, 512, 523). В Совете Министров 1990 г. 16 руководителей (61,5 %) обладали только общим высшим образованием, 1 (3,8 %) – только партийным, 9 (34,6 %) – и общим, и партийным (Мордовия: энцикл. Т. 1, с. 145, 150, 191, 201, 205, 243, 262, 289, 392, 395, 400, 407, 422; Т. 2, с. 60, 83, 84, 188, 385, 389, 443, 509, 520; Текущий архив отдела истории НИИГН; ЦГА РМ. Ф. 269-П. Оп. 31. Д. 16. Л. 2; Оп. 49. Д. 36. Л. 141–142; Оп. 60. Д. 142. Л. 1–8).

Особое внимание следует уделить вопросу о рекрутировании новых кадров на руководящие управленческие посты. Советская, хозяйственная и партийная элиты были настолько тесно перепле-

тены между собой, что иногда достаточно трудно провести четкую классификацию руководителей по их принадлежности к той или иной группе номенклатуры, но условно можно разделить членов Совета Министров на несколько категорий в зависимости от их предыдущей основной линии работы.

Из состава 1985 г. 17 человек, ранее занимавших должности в системе КПСС, так или иначе можно отнести к партийной бюрократии и/или политическому руководству республики. Но лишь 3 из них являлись партийными деятелями, в биографиях которых преобладала работа в райкомах и обкоме КПСС. Остальных можно назвать советско-партийной или хозяйственно-партийной элитой – эти управленцы часто переходили из «партийной обоймы» на советскую и производственную работу или наоборот. В Совете Министров 1990 г. руководителей из этой группы было 12, в том числе 2 человека, ранее находившихся почти на одной партийной работе.

Следующей категорией были чистые хозяйственники, администраторы и специалисты, которые, как правило, на протяжении всей своей трудовой биографии работали в одной отрасли народного хозяйства, не занимая партийных должностей. Чаще всего пост министра или председателя госкомитета оказывался для них закономерной вершиной карьеры в рамках автономной республики. Таких управленцев в Совете Министров 1985 г. насчитывалось 14, а в Совете Министров 1990 г. – 12.

Обособленное положение занимали руководители правоохранительной системы – представители органов внутренних дел, прокуратуры (юстиции), государственной безопасности. В Совете Министров 1985 г. из было 3 человека, в Правительстве 1990 г. – 2.

Перевод руководителя с партийной работы на советскую или хозяйственную не обязательно означал понижение в должности. Например, прогресс в карьере получали секретари райкомов и горкомов КПСС, назначаемые в Совет Министров и различные республиканские ведомства (А.Г. Морозова до назначения на пост заместителя председателя Совета Министров работала первым секретарем Дубенского райкома КПСС (Мордовия: энцикл. Т. 2, с. 60), председатель Госплана А.И. Попов – первым секретарем Ардатовского райкома (Мордовия: энцикл. Т. 2, с. 188), министр пищевой промышленности В.Г. Киушкин – вторым секретарем Ковылкинского горкома (Мордовия: энцикл. Т. 1, с. 400)). Несколько сложнее с точки зрения успеха в продвижении по должностной лестнице бывает дать оценку в случае перевода чиновника в Совет Министров из системы обкома КПСС. Как правило, для заведующего отделом обкома партии перевод на позицию руководителя государственного ведомства, соответствующего его профилю, оказывался понижением. Однако пост заместителя председателя Правительства считал-

ся более высокой должностью, чем заведующего отделом обкома КПСС.

Такое положение изменилось лишь на рубеже 1980-х – 1990-х гг., когда некоторые представители партийной номенклатуры, чувствуя назревающие перемены, стремились попасть на советские должности. Например, как уже отмечалось, из системы обкома КПСС в Совет Министров перешел А.Ф. Чижиков, долгое время работавший на партийных должностях (Мордовия: энцикл. Т. 2, с. 509). В 1990 г. министром юстиции автономной республики стал В.И. Верюлин, возглавлявший государственно-правовой отдел обкома КПСС (Мордовия: энцикл. Т. 1, с. 201). Более массовым это явление стало со второй половины 1990 г.

Назначения в Совет Министров, производившиеся с советских и хозяйственных должностей, в большинстве случаев являлись повышениями. Так, однозначным успехом для советского управленца был перевод в одно из региональных ведомств с поста председателя исполкома районного Совета депутатов трудящихся (с этой позиции в Совет Министров пришли, например, министр социального обеспечения Т.Г. Пятанова (Мордовия: энцикл. Т. 2, с. 218), министр просвещения В.В. Кирдяшкин (Мордовия: энцикл. Т. 1, с. 397)). В то же время относительно редко осуществлялись логичные на первый взгляд повышения с поста заместителя министра, что говорит об относительно невысокой ценности этого поста с точки зрения продвижения по системе советской должностной иерархии.

Наконец, характеризуя состав Правительства, нужно учитывать еще одно важное обстоятельство, связанное со спецификой Мордовской АССР. Значительный вес в системе региональной власти в целом, равно как и в Совете Министров в рассматриваемый период, имели советские и партийные деятели, вместе с которыми работал А.И. Березин в период своего руководства Атяшевским и Дубенским райкомами КПСС в 1961 – 1967 гг. В Совете Министров к ним относились В.С. Учайкин, первый заместитель председателя Правительства А.П. Брагин, министр сельского хозяйства, а затем первый заместитель председателя Госагропрома И.П. Железнов, министр здравоохранения А.И. Кулагин, министр культуры Н.Я. Наумкин. Президент Мордовской ССР В.Д. Гуслияников (1991–1993 гг.) так пишет о партийном лидере республики в своих мемуарах: «Его окружал ближний круг людей, который сформировался вокруг него во время работы секретарем райкома в Атяшевском районе. Этот район Анатолий Иванович считал “своим”. Самым заметным человеком в этой группировке был Василий Семенович Учайкин» (Гуслияников 2019, с. 86–87). В эпоху «позднего социализма» представители этой группы номенклатуры получали высокие должности как в обкоме партии, так и в Совете Министров автономной республики.

Изменения в составе Совета Министров в последние годы существования советской системы (1990–1991).

Несмотря на то что инициированные союзным центром перемены длительное время не находили широкого отклика в общественно-политической жизни Мордовии и в целом незначительно отражались на руководящем кадровом составе, на исходе советского исторического периода ситуация кардинальным образом изменилась. В республике начали разворачиваться демократические процессы, резко возросла политизация населения [Огрина 2013 б, с. 90]. Обком партии, десятилетиями являвшийся «стержнем» властной системы в регионе, стремительно терял свой авторитет и влияние. В 1990 г. многолетний партийный лидер республики А.И. Березин покинул пост первого секретаря Мордовского обкома КПСС, а затем и председателя Верховного Совета МАССР (Третья (внеочередная) сессия ВС МАССР 12 созыва, с. 93).

В этих условиях неожиданно возросло значение Совета Министров и в особенности его председателя. На непродолжительное время Правительство фактически превратилось в опору для консервативно настроенных властных групп, представители которых прилагали усилия для перехода на должности в советской системе. Председатель Совета Министров В.С. Учайкин в своем выступлении на сессии Верховного Совета МАССР в марте 1991 г. говорил о сильном давлении, которое оказывалось на него со стороны ряда руководящих товарищей из Верховного Совета и партийных органов власти. Так, на должность управляющего делами Совета Министров ему навязывали сначала секретаря обкома КПСС И.С. Цыганка, затем первого секретаря Саранского горкома партии Н.А. Уткина. Пытались устроиться в систему Совета Министров и другие партийные функционеры; по словам В.С. Учайкина, без просьбы в аппарат Правительства был принят только бывший секретарь Саранского горкома КПСС О.П. Калеткин (Мордовия. 1991. 29 марта).

23 марта 1991 г. Верховный Совет принял постановление об освобождении В.С. Учайкина от должности председателя Совета Министров по его личному заявлению (Мордовия). Еще в конце 1990 г. позиции главы Правительства сильно пошатнулись, и его отставку вряд ли можно было назвать добровольной. Не вдаваясь в подробности этих событий, следует отметить, что ими сумели грамотно воспользоваться председатель Верховного Совета Н.В. Бирюков с его сторонниками и так называемые «обновленцы» – влиятельная группа депутатов Верховного Совета из представителей партийной номенклатуры, выдвинувшихся относительно недавно и стремившихся сместить старых руководителей из окружения А.И. Березина. 13 марта 1991 г. они опубликовали заявление с обвинениями Правительства МССР и персонально его председателя в отсутствии четкой программы действий (Советская Мордовия), которое, судя по

всему, сыграло значительную роль в последовавшей затем резонансной отставке председателя Совета Министров.

Но «обновленцам» не удалось продать назначение на пост главы Правительства своего кандидата. Вопреки их протестному голосованию новым председателем Совета Министров стал малоизвестный на республиканском уровне первый секретарь Ковылкинского горкома Коммунистической партии РСФСР А.А. Паулов, рассматривавшийся как человек, полностью зависимый от быстро набиравшего влияние Н.В. Бирюкова. В одном из своих интервью А.А. Паулов признавался, что никогда не помышлял о столь высокой и ответственной должности и даже не собирался за нее бороться. В наиболее лаконичном виде его позиция выразилась в словах: «Коль уже народные депутаты оказали мне доверие, то буду работать» (Мордовия). Однако, по мнению Ж.Д. Кониченко и В.А. Юрченкова, назначение А.А. Паулова, несмотря на его слабость, было знаковым событием: если отставка В.С. Учайкина сама по себе представлялась лишь уходом одной из фигур прежней команды, то выдвижение А.А. Паулова можно было расценивать как некий этап в развитии региональной власти, означавший формирование нового поколения правящей элиты [Кониченко, Юрченков 2006, с. 40].

А.А. Паулов не обладал ни опытом управления на республиканском уровне, ни достаточным авторитетом в номенклатурной среде, и вопреки требованиям закона ему не удалось сформировать новый состав Совета Министров. Из-за противодействия со стороны многих депутатов Верховного Совета были проведены в жизнь лишь некоторые решения, приведшие к отставке некоторых должностных лиц: в апреле 1991 г. Совет Министров покинули Н.А. Байков, Н.Я. Наумкин, И.Г. Сыркин, В.А. Вальков, а отдельные члены старого Правительства (А.Ф. Чижиков, В.Ф. Солтаганов) остались на своих постах вопреки желанию А.А. Паулова, фактически навязанные Верховным Советом (Мордовия).

Нет смысла приводить качественные характеристики постоянно меняющегося состава Совета Министров за этот краткосрочный период. Из новых руководителей, вошедших в Правительство, были заместители председателя Совета Министров В.Н. Тарасов, П.Д. Грузнов; министры: народного образования – М.И. Учваткин, культуры – П.В. Криворотов; председатели госкомитетов: по экономике – П.В. Шичкин, по строительству и архитектуре – В.В. Годунов, по делам молодежи, физкультуре и спорту – В.Д. Сироткин. Также у двоих руководителей, которые ранее входили в состав Совета Министров, сменились названия должностей – В.А. Кечкин стал заместителем председателя (без приставки «первый»), И.Ф. Виканов – министром труда и занятости населения (Мордовия. 1991. 19 апреля). В последующие месяцы замены в руководящем составе исполнитель-

ных и распорядительных органов республики продолжались, однако новый Совет Министров так и не был сформирован.

Таким образом, прежний состав Правительства продолжал действовать в видоизмененном варианте, раздираемый внутренними конфликтами. Центральный орган государственного управления МССР становился местом политической борьбы и интриг, порой принимавших публичную форму, что не могло не сказываться на качестве его работы и состоянии экономики региона. Еще более усугубил ситуацию несчастный случай, произошедший с А.А. Пауловым осенью 1991 г., после которого обязанности председателя Правительства был вынужден исполнять один из его заместителей. Выступая в конце 1991 г. в качестве одного из претендентов на пост президента республики, П.Д. Грузнов коротко и очень жестко охарактеризовал работу Совета Министров, в котором на тот момент занимал высокую должность: «Его на самом деле нет» (Саранские вести). Хотя это и было явным преувеличением, однако в последние месяцы существования СССР власть в республике, включая Совет Министров, все больше погружалась в кризис, выхода из которого пока не было видно.

Заключение

В период реформ 1985–1991 гг. состав высшего органа государственного управления МАССР

подвергся трансформации, хотя в данном случае можно говорить скорее о замене отдельных фигур, нежели о радикальной смене руководящих советских кадров. В то же время проведение экономических и политических реформ, инициированных союзным центром, не могло не отразиться на состоянии региональных органов власти. Отчасти перемены связывались и с естественным «старением» элит, уходом многих руководителей по причине достижения пенсионного возраста. Однако на примере Совета Министров Мордовской автономной республики видно, что высшая прослойка региональной бюрократии изменялась постепенно, некоторым образом сопротивляясь обновлению властной системы. И хотя с конца 1980-х гг. и особенно в 1990–1991 гг. старая партийная номенклатура начала утрачивать контроль над происходящими процессами, до определенного времени перемены затрагивали состав Совета Министров относительно слабо. Примечательно, что этому способствовал не только консерватизм многих депутатов Верховного Совета – выходцев из номенклатурной среды, но и борьба, начавшаяся между отдельными элитными группами. В результате вплоть до конца 1991 г. региональным властям не удалось окончательно сформировать новое Правительство, несмотря на смену председателя и отдельных должностных лиц.

Таблица 1

Состав Совета Министров МАССР по состоянию на 15 марта 1985 г.

Table 1

Composition of the Council of Ministers of the Mordovian ASSR as of March 15, 1985

Должность	Руководители / годы нахождения на должности
1. Председатель Совета Министров	В.С. Учайкин (1978–1991)
2. Первый заместитель председателя Совета Министров	А.П. Брагин (1983–1989)
3. Первый заместитель председателя Совета Министров	Н.А. Байков (1984–1988)
4. Заместитель председателя Совета Министров	В.И. Антохин (1984–1988)
5. Заместитель председателя Совета Министров	А.Г. Морозова (1985–1991)
6. Заместитель председателя Совета Министров – председатель Госплана	А.И. Попов (1975–1988)
7. Министр бытового обслуживания населения	Н.И. Ховряков (1966–1986)
8. Министр внутренних дел	Н.С. Хорьков (1983–1989)
9. Министр жилищно-коммунального хозяйства	К.М. Калинин (1983–1988)
10. Министр здравоохранения	А.И. Кулагин (1978–1985)

Окончание таблицы 1

Должность	Руководители / годы нахождения на должности
11. Министр культуры	Н.Я. Наумкин (1985–1991)
12. Министр лесного хозяйства	П.А. Безруков (1979–1988)
13. Министр мелиорации и водного хозяйства	В.Ф. Рындин (1980–1987)
14. Министр местной промышленности	И.П. Никишин (1979–1988)
15. Министр пищевой промышленности	В.Г. Киушкин (1977–1985)
16. Министр просвещения	В.В. Кирдяшкин (1960–1986)
17. Министр сельского хозяйства	И.П. Железнов (1978–1985)
18. Министр социального обеспечения	Т.Г. Пятанова (1978–1989)
19. Министр топливной промышленности	А.Д. Ледайкин (1984–1988)
20. Министр торговли	А.В. Чистяков (1974–1987)
21. Министр финансов	Н.И. Лаврентьев (1971–1990)
22. Министр юстиции	М.Д. Фомичев (1974–1990)
23. Председатель Государственного комитета по делам издательств, полиграфии и книжной торговли	А.А. Долгачев (1985–1992)
24. Председатель Государственного комитета по делам строительства	И.Г. Сыркин (1981–1991)
25. Председатель Государственного комитета по кинофикации	Н.П. Мурзакаев (1972–1986)
26. Председатель Государственного комитета по материально-техническому снабжению	Е.И. Мелентьев (1979–1988)
27. Председатель Государственного комитета по производственно-техническому обеспечению сельского хозяйства	В.Н. Швецов (1977–1985)
28. Председатель Государственного комитета по телевидению и радиовещанию	В.П. Бочкарев (1973–1986)
29. Председатель Государственного комитета по труду	И.Ф. Виканов (1979–1995)
30. Председатель Государственного комитета по ценам	О.И. Шебалдина (1971–1986)
31. Председатель Комитета государственной безопасности	В.Н. Ашутков (1972–1987)
32. Начальник Аптечного управления Совета министров	В.А. Коротков (1982–1988)
33. Председатель Комитета народного контроля	М.Т. Храмов (1979–1985)
34. Управляющий делами Совета Министров	Ю.В. Попков (1979–1992)

Таблица 2

Состав Совета Министров по состоянию на 10 апреля 1990 г.

Table 2

Composition of the Council of Ministers as of April 10, 1990

Должность	Руководители / годы нахождения на должности
1. Председатель Совета Министров	В.С. Учайкин (1978–1991)
2. Первый заместитель председателя Совета Министров	А.Ф. Чижиков (1990–1991)
3. Заместитель председателя Совета Министров – председатель Государственного комитета продовольствия	В.А. Кечкин (1989–1991)
4. Заместитель председателя Совета Министров – председатель Госплана	Н.А. Байков (1988–1991)
5. Заместитель председателя Совета Министров	М.Ф. Ковшов (1989–1991)
6. Заместитель председателя Совета Министров	А.Г. Морозова (1985–1991)
7. Министр внутренних дел	В.Ф. Солтаганов (1989–1992)
8. Министр здравоохранения	А.И. Кондратьев (1985–1992)
9. Министр культуры	Н.Я. Наумкин (1985–1991)
10. Министр народного образования	В.А. Вальков (1988–1991)
11. Министр социального обеспечения	В.И. Баринов (1989)
12. Министр торговли	Е.Н. Бульенов (1987–1991)
13. Министр финансов	В.И. Кедров (1990–1998)
14. Министр юстиции	В.И. Верюлин (с 1990)
15. Председатель Государственного комитета по делам издательств, полиграфии и книжной торговли	А.А. Долгачев (1985–1992)
16. Председатель Государственного комитета по делам строительства	И.Г. Сыркин (1981 – 1991)
17. Председатель Государственного комитета по охране природы	Н.И. Шанжаев (1988–1992)
18. Председатель Государственного комитета по телевидению и радиовещанию	В.В. Емелькин (1990–1992)
19. Председатель Государственного комитета по труду и социальным вопросам	И.Ф. ВIKANов (1979–1995)
20. Председатель Государственного комитета по физической культуре и спорту	А.С. Грачев (1986–1991)
21. Председатель Государственного комитета по ценам	Г.И. Исаева (с 1986)
22. Председатель Комитета государственной безопасности	Н.Г. Табачук (1987–1992)
23. Начальник Производственно-технического управления связи	В.Е. Голубцов (с 1990)
24. Генеральный директор территориального производственного объединения «Мордовхлебпром»	В.Г. Киушкин (с 1990)
25. Генеральный директор производственного объединения «Мордовстройматериалы»	Б.А. Байков (с 1990)
26. Управляющий делами Совета министров	Ю.В. Попков (1979–1992)

Материалы исследования

Бойнов 2012 – *Бойнов Н.И.* О себе и времени. 2-е изд., доп. Саранск, 2012. – 824 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19981644>.

Вторая сессия ВС МАССР 11 созыва – *Вторая сессия Верховного Совета Мордовской АССР 11 созыва*. 20 декабря 1985 г.: стеногр. отчет / Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1986. 132 с.

Гусянников 2019 – *Гусянников В.Д.* Теория надежности: автобиографический очерк. Саранск: Голованов, 2019. 160 с., ил.

Мордовия – *Мордовия*: газета. 1991.

Мордовия: энцикл. Т. 1 – *Мордовия: энциклопедия*: в 2 т. / редкол.: А.И. Сухарев, В.А. Юрченков, П.П. Кузнецов [и др.] / НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2003. Т. 1. 540 с.

Мордовия: энцикл. Т. 2 – *Мордовия: энциклопедия*: в 2 т. / редкол.: А.И. Сухарев, В.А. Юрченков, П.П. Кузнецов [и др.] / НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2004. Т. 2. 550 с.

Огрин 2013 а – *Огрин Г.В.* Мордовия в годы перестройки (1985–1991 гг.): власть и общество: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Чебоксары, 2013. 242 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22342285>.

Первая сессия ВС МАССР 7 созыва – *Первая сессия Верховного Совета Мордовской АССР 7 созыва*. 7 апреля 1967 г.: стеногр. отчет. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1967. 109 с.

Первая сессия ВС МАССР 9 созыва – *Первая сессия Верховного Совета Мордовской АССР 9 созыва*. 2 июля 1975 г.: стеногр. отчет. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1975. 112 с.

Первая сессия ВС МАССР 10 созыва – *Первая сессия Верховного Совета Мордовской АССР 10 созыва*. 21 марта 1980 г.: стеногр. отчет. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1980. 180 с.

Первая сессия ВС МАССР 11 созыва – *Первая сессия Верховного Совета Мордовской АССР 11 созыва*. 15 марта 1985 г.: стеногр. отчет. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1985. 160 с.

Первая сессия ВС МАССР 12 созыва – *Первая сессия Верховного Совета Мордовской АССР 12 созыва*. 10 апреля 1990 г.: стеногр. отчет. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1990. 224 с.

Пятая сессия ВС МАССР 11 созыва – *Пятая сессия Верховного Совета Мордовской АССР одиннадцатого созыва*. 12 декабря 1986 г.: стеногр. отчет. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1987. 116 с.

Саранские вести – *Саранские вести*. 1991. 10 дек.

Сенькин 2018 – *Сенькин П.Е.* Жизнь в строчках: автобиограф. очерк. Саранск: Изд. Константин Шапкарин, 2018. 184 с.

Советская Мордовия – *Советская Мордовия*. 1991.

Текущий архив отдела истории НИИГН – *Текущий архив отдела истории НИИГН*. Сульдина Л.В. Емелькин Владимир Васильевич // Текущий архив отдела истории НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия.

Третья сессия ВС МАССР 11 созыва – *Третья сессия Верховного Совета Мордовской АССР 11 созыва*. 26 апреля 1986 г.: стеногр. отчет. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1986. 104 с.

Третья (внеочередная) сессия ВС МАССР 12 созыва – *Третья (внеочередная) сессия Верховного Совета Мордовской АССР 12 созыва*. 16 октября 1990 г.: стеногр. отчет. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1990. 111 с.

Утешев 2017 – *Утешев А.А.* Учайкин Василий Семенович / Люди долга и чести: альманах [редкол.: Н.С. Крутов (пред.) и др.; сост.: В.С. Учайкин и др.]. Саранск, 2017. Вып. 2. С. 17–41.

ЦГА РМ – *Центральный государственный архив Республики Мордовия*.

Центральные органы государственной власти и управления Татарстана – *Центральные органы государственной власти и управления Татарстана (1920–2020 гг.): научно-справочное издание [иллюстрированное]*. Казань: Институт татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ, 2017. 400 с., 16 с. ил.

Четвертая сессия ВС МАССР 11 созыва – *Четвертая сессия Верховного Совета Мордовской АССР 11 созыва*. 11 июля 1986 г.: стеногр. отчет. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1986. 120 с.

Шестая сессия ВС МАССР 11 созыва – *Шестая сессия Верховного Совета Мордовской АССР 11 созыва*. 15 июля 1987 г.: стеногр. отчет. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1987. 120 с.

Библиографический список

Гвоздев 2020 – *Гвоздев В.А.* Правовая основа деятельности Совета Министров Чувашской АССР (конец 1970-х – начало 1990-х годов // Вестник Марийского государственного университета. Серия: Исторические науки. Юридические науки. 2020. Т. 6, № 4 (24). С. 332–339. DOI: <http://doi.org/10.30914/2411-3522-2020-6-4-332-338>.

Гвоздев 2021 – *Гвоздев В.А.* Организационная структура аппарата Совета Министров Чувашской АССР в 1980-е гг. // Вестник Чувашского университета. 2021. № 2. С. 27–35. DOI: <http://doi.org/10.47026/1810-1909-2021-2-27-35>.

Доленко, Юрченков 1991 – *Доленко Д.В., Юрченков В.А.* Бюрократия и общество: история и современность. Саранск, 1991. 44 с.

Житаев 2020 – *Житаев А.Л.* Бочкарев Василий Петрович: «...Я горжусь, что родился и вырос в Советской стране» // Центр и периферия. 2020. № 1. С. 102–107. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42744634>.

Кабытов, Мякотин 2013 а – *Кабытов П.С., Мякотин А.А.* Историография административно-хозяйственной элиты Куйбышевской (Самарской) области в 1960–1990-е гг. // Вестник Самарского государственного университета. 2013. № 8–2 (109). С. 189–202. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20886471>.

Кабытов, Мякотин 2013 б – *Кабытов П.С., Мякотин А.А.* Источники изучения партийно-номенклатурной и хозяйственной элиты Куйбышевской / Самарской области в 1960–1990-е гг. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2013. Т. 15, № 5. С. 242–246. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20843134>; http://www.ssc.smr.ru/media/journals/izvestia/2013/2013_5_242_246.pdf.

Кебеков 1981 – *Кебеков М.Х.* Органы государственного управления АССР. Москва: Юрид. лит., 1981. 104 с.

Конищенко, Юрченков 2006 – *Конищенко Ж.Д., Юрченков В.А.* На пороге реформ: Общественно-политическая жизнь Мордовии в первой половине 1990-х годов / НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. Саранск, 2006. С. 18–65. URL: <http://www.niign.ru/knigi/na-poroge-reform.pdf>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19699829>.

Мохов 2003 – *Мохов В.П.* Региональная политическая элита России (1945–1991 годы). Пермь: Пермское книжное изд-во, 2003. 240 с. URL: <https://socioline.ru/pages/vp-mohov-regionalnaya-politicheskaya-elita-rossii>.

Мохов 2013 – *Мохов В.П.* Базовые идеологемы рекрутирования в советскую субрегиональную номенклатуру в 1970-е–1980-е гг. // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Культура, история, философия, право. 2013. № 8. С. 7–16. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19115048>.

Мякотин 2014 – *Мякотин А.А.* Кадры партийно-хозяйственного управления в 1960–1991 гг. (по материалам Куйбышевской области) // Самарский земский сборник. 2014. № 1 (24). С. 45–53. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=38713351>.

Огрин 2013 б – *Огрин Г.В.* Общественно-политические трансформации советского социума в период перестройки: региональный аспект (на примере Мордовии) // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2013. Т. 28, № 4. С. 84–94. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21023207>.

Тарнапольский 1983 – *Тарнапольский Р.И.* Конституционные основы правового положения Совета Министров АССР. Казань: Изд-во Казанского университета, 1983. 120 с.

Учватов 2016 – *Учватов П.С.* Трансформация региональной элиты в 1970-х–первой половине 1980-х гг.: Совет Министров Мордовской АССР // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2016. № 1 (37). С. 49–60. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25751147>.

Учватов 2020 – *Учватов П.С.* Управление сельским хозяйством как одно из приоритетных направлений деятельности Совета Министров Мордовской АССР (1934–1991 гг.) // Региональное измерение аграрной модернизации в России: материалы VIII Всерос. (XVI региональной) с междунар. участием конф. историков-аграрников Среднего Поволжья / НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. Саранск, 2020. С. 478–486. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44058569>.

Элиты Самарской (Куйбышевской) области... 2014 – Элиты Самарской (Куйбышевской) области в 1960-е – 1990-е гг. Очерки истории: коллективная монография / под ред. П.С. Кабытова. Самара: Самарский университет, 2014. 240 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23256886>; <http://repo.ssau.ru/handle/Monografii/Elity-Samarskoi-Kuibyshevskoi-oblasti-v-19601990e-gody-Elektronnyi-resurs-ocherki-istorii-kollektiv-monogr-77601?mode=full>.

References

Gvozdev 2020 – *Gvozdev V.A.* (2020) Legal basis for the activities of the Council of Ministers of the Chuvash ASSR (late 1970s – early 1990s). *Vestnik of the Mari State University. Chapter «History. Law»*, vol. 6, no. 4 (24), pp. 332–338. DOI: <http://doi.org/10.30914/2411-3522-2020-6-4-332-338>. (In Russ.)

Gvozdev 2021 – *Gvozdev V.A.* (2021) Organizational structure of the Chuvash ASSR Council of Ministers's Apparatus in the 1980s. *Vestnik Chuvashskogo Universiteta = Bulletin of the Chuvash University*, no. 2, pp. 27–35. DOI: <http://doi.org/10.47026/1810-1909-2021-2-27-35>. (In Russ.)

Dolenko, Yurchenkov 1991 – *Dolenko D.V., Yurchenkov V.A.* (1991) Bureaucracy and society: history and modernity. Saransk, 44 p. (In Russ.)

Zhitaev 2020 – *Zhitaev A.L.* (2020) Bochkarev Vasily Petrovich: «...I am proud I was born and grown up in the Soviet State». *Centre and Periphery*, no. 1, pp. 102–107. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42744634>. (In Russ.)

Kabytov, Myakotin 2013 а – *Kabytov P.S., Myakotin A.V.* (2013) Historiography of administrative and economic elite of Kuibyshev (Samara) region in 1960–1980. *Vestnik of Samara State University*, no. 8–2 (109), pp. 189–202. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20886471>. (In Russ.)

Kabytov, Myakotin 2013 б – *Kabytov P.S., Myakotin A.V.* (2013) Sources of studying the party-nomenclature and economic elite of the Kuibyshev/Samara region in 1960–1990th. *Izvestiya of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, vol. 15, no. 5, pp. 242–246. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20843134>; http://www.ssc.smr.ru/media/journals/izvestia/2013/2013_5_242_246.pdf. (In Russ.)

- Kebekov 1981 – *Kebekov M.Kh.* (1981) Public administration of ASSR. Moscow: Yurid. lit., 104 p. (In Russ.)
- Konichenko, Yurchenkov 2006 – *Konichenko Zh.D., Yurchenkov V.A.* (2006) On threshold of the reforms: Public and Political Life in Mordovia in the first half of the 1990th. Saransk, pp. 18–65. Available at: <http://www.niign.ru/knigi/naporoge-reform.pdf>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19699829>. (In Russ.)
- Mokhov 2003 – *Mokhov V.P.* (2003) Regional politic elite of Russia (1945–1991). Perm: Permskoe knizhnoe izd-vo, 240 p. Available at: <https://socioline.ru/pages/vp-mohov-regionalnaya-politicheskaya-elita-rossii>. (In Russ.)
- Mokhov 2013 – *Mokhov V.P.* (2013) Basic ideological constructions (ideologemes) of recruitment into the Soviet subregional top bureaucracy in 1970s – 1980s. *Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Kul'tura, istoriya, filosofiya, pravo*, no. 8, pp. 7–16. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19115048>. (In Russ.)
- Myakotin 2014 – *Myakotin A.A.* Personnel of party and economic management in 1960–1991 (on the materials of the Kuibyshev region). *Samarskii zemskii sbornik*, no. 1 (24), pp. 45–53. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=38713351>. (In Russ.)
- Ogrina 2013 b – *Ogrina G.V.* (2013) Social and political transformations of Soviet society during the perestroika period: regional aspect (by the example of Mordovia). *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia*, vol. 28, no. 4, pp. 84–94. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21023207>. (In Russ.)
- Tarnapolsky 1983 – *Tarnapolsky R.I.* (1983) The constitutional grounds for the legal status of the Council of Ministers of ASSR. Kazan: Izd-vo Kazanskogo universiteta, 120 p. (In Russ.)
- Uchvatov 2016 – *Uchvatov P.S.* (2016) Transformation of the regional elite in 1970s – the first half of 1980s: the Soviet of Ministers of the Mordovian ASSR. *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia*, no. 1 (37), pp. 49–60. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25751147>. (In Russ.)
- Uchvatov 2020 – *Uchvatov P.S.* (2020) Agricultural management as one of the leading direction of activity of the Council of Ministers of Mordovian ASSR (1934–1991). In: *Regional dimension of agrarian modernization in Russia: proceedings of the VIII All-Russian (XVI regional) conference with international participation of the Middle Volga Region agricultural historians*. Saransk, pp. 478–486. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44058569>. (In Russ.)
- Ruling elites of Kuibyshev (Samara) region... 2014 – *Kabytov P.S. (Ed.)* (2014) Ruling elites of Kuibyshev (Samara) region in 1960s–1990s. Outlines of history: a collective monograph. Samara: Samarskii universitet, 240 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23256886>; <http://repo.ssau.ru/handle/Monografii/Elity-Samarskoi-Kuibyshevskoi-oblasti-v-19601990e-gody-Elektronnyi-resurs-ocherki-istorii-kollektiv-monogr-77601?mode=full>. (In Russ.)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 93/94(47)

Дата поступления: 18.05.2021
рецензирования: 22.06.2021
принятия: 26.08.2021**Феномен аграрного развития СССР: специфика научного дискурса****О.А. Сухова**Пензенский государственный университет, г. Пенза, Российская Федерация
E-mail: savtemp@yandex.ru. Researcher ID (Web of Science): S-4085-2016.
Scopus ID: 57193094045. ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0658-736X>**О.В. Ягов**Правительство Пензенской области, г. Пенза, Российская Федерация
E-mail: yagovdom@mail.ru. Researcher ID (Web of Science): S-4141-2016.
ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-2053-2533>

Аннотация: Целью статьи является анализ концептуальных подходов в осмыслении процесса реализации аграрной политики в СССР в период 1922–1991 гг. Рассматриваются исследовательские стратегии, сложившиеся в современной российской историографии в последние десятилетия и раскрывающие содержание радикальной трансформации аграрного строя в СССР. Дана оценка сопряженности (возможности проведения компаративистского анализа) различных методологических подходов и критериев построения концепций. Ключевыми признаны тезисы о сохранении либо разрыве исторической преемственности в выборе цивилизационной перспективы, а также о методах и средствах достижения цели. Сделан вывод о необходимости перехода на уровень междисциплинарного и методологического синтеза как необходимого условия объяснения цивилизационной миссии советского проекта и национальной специфики в контексте всеобщей истории. Отмечена высокая познавательная ценность концепции институциональных циклов цивилизационного развития применительно к аграрной истории России и СССР.

Ключевые слова: аграрная политика; СССР; методология изучения; институциональные циклы и теория институциональных матриц.

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-09-43020: «Аграрная политика в СССР и региональные особенности ее реализации (1922–1991)».

Цитирование. Сухова О.А., Ягов О.В. Феномен аграрного развития СССР: специфика научного дискурса // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2021. Т. 27, № 3. С. 30–35. DOI: <http://doi.org/10.12287/2542-0445-2021-27-3-30-35>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Сухова О.А., Ягов О.В., 2021

Ольга Александровна Сухова – доктор исторических наук, профессор, декан историко-филологического факультета Педагогического института им. В.Г. Белинского, Пензенский государственный университет, 440026, Российская Федерация, г. Пенза, ул. Красная, 40.

Олег Васильевич Ягов – доктор исторических наук, профессор, врио заместителя председателя Правительства Пензенской области, Правительство Пензенской области, 440025, Российская Федерация, г. Пенза, ул. Московская, 75.

SCIENTIFIC ARTICLESubmitted: 18.05.2021
Revised: 22.06.2021
Accepted: 26.08.2021**Phenomenon of agrarian development of the USSR:
specificity of scientific discourse****O.A. Sukhova**Penza State University, Penza, Russian Federation
E-mail: savtemp@yandex.ru. Researcher ID (Web of Science): S-4085-2016.
Scopus ID: 57193094045. ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0658-736X>**O.V. Yagov**Government of the Penza Region, Penza, Russian Federation
E-mail: yagovdom@mail.ru. Researcher ID (Web of Science): S-4141-2016.
ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-2053-2533>

Abstract. The purpose of the article is to analyze conceptual approaches in understanding the process of implementing agrarian policy in the USSR in the period 1922–1991. The research strategies that have developed in modern Russian historiography in recent decades and reveal the content of radical transformation of the agrarian system in the USSR are examined in this article. An assessment of comparability (the possibility of conducting a comparative analysis) of various methodological approaches and criteria for constructing concepts is described. The theses about the preservation

or break of the historical continuity in the choice of the civilizational perspective, as well as on the methods and means of achieving the goal were recognized as key. It is concluded that it is necessary to move to the level of interdisciplinary and methodological synthesis as a necessary condition for explaining the civilizational mission of the Soviet project and national specifics in the context of world history. The high cognitive value of the concept of institutional cycles of civilizational development in relation to the agrarian history of Russia and the USSR is noted.

Key words: agrarian policy; USSR; research methodology; institutional cycles and the theory of institutional matrices.

Acknowledgments. The research was funded by the Russian Foundation for Basic Research, project number 21-09-43020: «Agrarian policy in the USSR and regional features of its implementation (1922–1991)».

Citation. Sukhova O.A., Yagov O.V. Phenomenon of agrarian development of the USSR: specificity of scientific discourse. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya = Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2021, vol. 27, no. 3, pp. 30–35. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2021-27-3-30-35>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: authors declare no conflict of interest.

© Sukhova O.A., Yagov O.V., 2021

Olga A. Sukhova – Doctor of Historical Sciences, professor, dean of the Faculty of History and Philology of V.G. Belinsky Institute of Teacher Education, Penza State University, 40, Krasnaya Street, Penza, 440026, Russian Federation.

Oleg V. Yagov – Doctor of Historical Sciences, professor, Acting Deputy Chairman of the Government of the Penza Region, Government of the Penza Region, 75, Moskovskaya Street, Penza, 440025, Russian Federation.

Введение

Актуальность исследования определяется необходимостью осмысления беспрецедентного в мировой практике проекта институциональной модернизации, реализованного в СССР. Однотипность процессов социокультурной трансформации в условиях смены технологических укладов обеспечивает возможности социального прогнозирования, позволяет спроецировать практики управления и социальной адаптации на современную ситуацию, минимизировать риски выбора неэффективных решений.

Изучение аграрного развития СССР

В последние годы в российской историографии сформировался запрос на разработку системного и консолидированного представления о природе реформистских инициатив в сфере аграрного производства и их обусловленности задачами цивилизационного развития. Первые шаги в этом направлении уже сделаны. Примером вариативности трактовок общей эволюции аграрного строя в советскую эпоху выступают исследования В.А. Ильиных, М.А. Безнина и Т.М. Димони, а также концепция «аграрного перехода» Г.Е. Корнилова.

В основу теоретических построений одного из ведущих историков-аграрников современной России В.А. Ильиных положен принцип дискретности аграрного развития, позволяющий описать различные по темпоральной и географической протяженности модели (конкретно-исторически обусловленные типы / этапы развития). По мнению исследователя, в XX в. в России можно наблюдать последовательную смену трех базовых моделей аграрного строя, различавшихся организационно-производственной структурой сельского хозяйства, спецификой агротехнологии, стратификации и социальной мобильности, социального протеста и адаптационного поведения.

Применительно к истории СССР выделим этап радикальной трансформации аграрного строя в форме аграрной революции (1930–1931 гг.), в ходе которой крестьянская экономика (модель, при которой определяющей формой сельскохозяйственного производства выступало семейное крестьянское хозяйство; ее формирование завершилось в России к концу XIX в.) была разрушена.

Новая модель строилась на основе внеэкономического принуждения и рефеодализации системы налогообложения деревни, а организационной формой стали колхозы. Итогом преобразований 1953 г. – середины 1960-х гг. становится формирование новой модели аграрного строя, характерными чертами которой являются укрупнение производственных структур (особенно в Сибири), индустриализация сельскохозяйственного производства, труда и системы оплаты. Организационно-производственной основой сельского хозяйства стали крупные государственные сельхозпредприятия, в которые были превращены и колхозы [Ильиных 2012].

Отдельно хотелось бы акцентировать вывод В.А. Ильиных о возможности деления протяженных во времени и пространстве моделей на региональные или временные субмодели по доминирующим признакам (специфика организационно-производственной структуры, специализации, агротехнологии и пр.) [Ильиных 2012, с. 622–623].

Основной целью национальных стратегий модернизации аграрного строя, по мнению автора, выступало создание условий для наращивания объемов производства сельскохозяйственной продукции. Благие намерения тем не менее натолкнулись на серьезные системные ограничители, главным из которых стало пассивное сопротивление модернизаторским усилиям государства со стороны крестьян, защищавших устои традиционного жизненного уклада [Ильиных 2017]. Данный вывод обозначает новые горизонты изучения проблемы, ориентируя исследователей на обращение к результатам междисциплинарного синтеза, к анализу социально-психологических и культурологических аспектов, репрезентируя крестьянство в качестве активного субъекта аграрной политики.

М.А. Безнин, Т.М. Димони последовательно развивают тезис о капитализации экономического механизма российской колхозно-совхозной деревни как о глубинном процессе, рожденном в недрах советской эпохи и развивавшемся под прикрытием коммунистической идеологии на протяжении десятилетий [Безнин, Димони 2005]. При этом в рамках первого колхозного 25-летия исследователи фиксируют определенное реверсивное движение с позиций выбора цивилизационной альтернати-

вы и практик управления, отмечая повинностный характер производственных отношений. Отказ от использования приемов феодализации, по мнению М.А. Безнина и Т.М. Димони приходится на 1960-е гг.: «оброки» – госпоставки были отменены в СССР лишь в 1958 г., а «барщина» продолжала существовать вплоть до конца 1960-х гг. [Безнин, Димони 2002].

В целом же на протяжении 1930-х – 1980-х гг. специфику развития советской деревни определяли сохранение многоукладности и рост товаризации сельского хозяйства. Период же завершения перехода аграрного строя к модернизационной индустриальной ступени своего развития (зрелый госкапитализм) авторы относят к середине 1960-х гг. [Безнин, Димони 2019, с. 126, 606]. Нельзя оставить без внимания и активное использование авторами терминологии, примиряющей советскую историографию и теорию модернизации. Воспроизводство понятийного аппарата, заимствованного из историографии изучения капитализма в России, стало критерием выделения марксистского направления в современной российской историографии [Кузнецов 2016].

Необходимо отметить, что характеристику природы советской экономики как ущербного варианта государственного капитализма в общем контексте формирования отечественной научной традиции, по всей видимости, следует соотносить с научным наследием Т.И. Заславской и датировать еще началом 1960-х гг. Так, А.М. Никулин, раскрывая этапы жизненной драмы выдающегося экономиста, не получившего возможности полностью реализовать свой творческий и научный потенциал в условиях идеолого-политического противоборства, цитирует ее дневниковые записи, созданные под впечатлением от событий в Новочеркасске 1962 г.: «Такая система ближе всего к государственно-монополистическому капитализму и дальше всего – от социализма» [Никулин 2014, с. 119].

Концепция «аграрного перехода», разработанная известным уральским историком Г.Е. Корниловым, охватывает период с конца XIX в. до начала 2000-х гг. и объединяет сразу несколько составляющих трансформации аграрного строя России: экономическое, демографическое, политическое, культурное, социальное и правовое развитие. В этом контексте и эффективность аграрной политики следует измерять с учетом взаимодействия отдельных акторов и процессов. Отличительной особенностью предложенной Г.Е. Корниловым модели социокультурного развития советской деревни выступает равновесное положение элементов, что приближает нас к системному видению существа проблемы [Корнилов 2012].

В концепции Г.Е. Корнилова советская аграрная политика предстает как целенаправленная стратегия комплексной модернизации, в рамках которой Г.Е. Корнилов выделяет: «поиск форм организации сельскохозяйственного производства, внедрение прогрессивных технологий и усовершенствование техники», в том числе «преодоление консервативных представлений крестьянства о смысле и задачах земледельческого труда, изме-

нение типа воспроизводства населения и трансформацию сельской семьи, изменение роли женщины, внедрение грамотности и изменение быта сельского населения» [Колхозная жизнь на Урале... 2006, с. 7]. Впрочем, общая оценка эффективности усилий властей в этом направлении неутешительна: программа агроперехода была продекларирована, но не реализована [Колхозная жизнь на Урале... 2006, с. 7].

Более категоричный характер имеет оценка эффективности советской экономики в теоретических построениях В.П. Попова. По словам исследователя, именно сельское хозяйство стало «ахиллесовой пятой» отечественной экономики. Аргументирует свою позицию автор на примере изучения государственного резерва хлеба, что, по его мнению, наилучшим образом характеризует противоречия распределительной системы, действовавшей в СССР [Попов 2020].

Огромный разрыв между возможностями людей и навязанной им государством хозяйственной практикой стал отправной точкой для послевоенной демографической катастрофы. Установка на первоочередное развитие военно-промышленного комплекса имела своим следствием стремление к хозяйственной автаркии, а также формирование в правящей верхушке устойчивых групп интересов, ориентированных исключительно на увеличение собственных доходов. Ключевым положением исследования В.П. Попова выступает тезис об ограниченных возможностях для трансформации экономической модели: жесткая блокировка реформистского потенциала происходила по мере возникновения угрозы стабильности политического режима, личностный фактор при этом существенной роли не играл. Перезапуск реформ (хрущевской, брежневской, горбачевской) лишь доказывал, что «без отмены мобилизационной модели советской экономики невозможно нормальное экономическое развитие» [Попов 2019, с. 71, 73]. В этих условиях гибель советской хозяйственной системы признается автором неизбежной, обусловленной самим характером централизованной плановой экономики [Попов 2020, с. 9, 53–55, 58, 113]. Однако сомнительная эффективность аграрной политики в постсоветской России вынуждает автора заключить, что «из нашего исторического (колхозного) опыта были сделаны не все необходимые выводы» [Попов 2019, с. 78].

В то же время Г.И. Ханин считает, что сложившаяся в СССР хозяйственная система выдержала испытания 1930-х гг. и не скатилась в общий экономический кризис. И это само по себе говорит о ее жизнеспособности в данный период. Несмотря на крайне неблагоприятные погодные условия, ограниченность капитальных вложений, мобилизацию части трудоспособного населения, продолжался и рост сельскохозяйственного производства. Резкое сокращение производства продовольствия в годы войны объясняется мобилизацией значительных демографических и материальных ресурсов советской деревни. В целом же советская экономика демонстрировала уверенный рост, что позволяло ей даже при чрезмерных военных расходах значительно увеличить почти все показатели уровня жизни населения [Ханин 2008, с. 33].

Как отмечает автор, в последний этап своего развития, в период перестройки, сельское хозяйство СССР вступило «как крупное и высокомеханизированное в основных производственных процессах (но и с большим количеством ручного труда во вспомогательных процессах) производство с относительно высоким уровнем развития технологий и кадрового потенциала, но с низкой индивидуальной и коллективной заинтересованностью в результатах производства, с наличием большой массы безынициативных спившихся работников» [Ханин 2008, с. 446–447]. В качестве характерной особенности функционирования сельскохозяйственного производства Г.И. Ханин рассматривает формирование системы неформальных или полуформальных (легальных) практик, встраивавших индивидуальные хозяйства в структуру колхозов и совхозов (обеспечение техникой и кормами). При этом такую экономическую модель уже нельзя было называть командной или социалистической, в ней был силен, хотя и уродливый, рыночный элемент, протокапитализм, преимущественно, как считает автор, разрывительного характера [Ханин 2008, с. 508].

Отдельного внимания заслуживает позиция автора относительно базового противоречия в развитии советской экономики, породившего череду кризисов и гибель системы. По мнению Г.И. Ханина, коренным фактором дестабилизации выступала органическая неспособность сложившейся в 30-х – начале 50-х годов социально-политической системы обеспечить успешное экономическое и социальное развитие на собственной, а не заимствованной основе, предполагавшей раскрытие творческого потенциала народа и обладавшей способностью к саморазвитию. Как ни парадоксально, но это осознавалось политическими лидерами, предпринимавшими попытки реформ: И.В. Сталиным в последние годы его жизни, Н.С. Хрущевым незадолго до его смещения, «и он был смещен из-за попытки такие изменения произвести». Через 20 лет в обстановке уже начавшегося экономического кризиса это было осознано М.С. Горбачевым, что и послужило причиной перестройки [Ханин 2008, с. 510; Ханин 2005].

Теоретические подходы к изучению аграрного развития СССР

В то же время современная наука создает широкие возможности для примирения полярных позиций, поиска и выявления данных общего порядка. Очевидной представляется необходимость дистанцироваться от концепций реофеодализации и капитализации, теряющих свою эффективность по мере преодоления методологических разночтений и согласования марксистской методологии и теории модернизации. Новым уровнем научного дискурса выступает поиск сущностных характеристик, определяющих цивилизационную миссию советского проекта и национальную специфику в контексте глобального социокультурного развития.

Высокой познавательной ценностью в этом отношении обладает концепция цивилизационных матриц как траекторий обусловленного развития О.Э. Бессоновой. В работах известного социолога цивилизационная матрица представлена как

саморазвивающаяся, саморегулируемая и самовоспроизводящая система выживания человечества. Важнейшим условием эволюции выступает локализация общественной системы в реальных средах: материально-технологической, природно-климатической, национально-демографической и культурно-религиозной. Специфику институционального ядра цивилизационной матрицы определяет совокупность элементов, обеспечивающих единство локальных сред. Для эволюции российского суперэтнуса непреходящее значение имеют следующие факторы: обширная территория, низкая плотность населения, суровый и разнообразный климат, рискованный характер земледелия в большинстве регионов, многонациональность, природные богатства и угроза внешней экспансии. В данном географическом ареале выживание цивилизации опосредовано институтами раздаточного типа, рыночные же институты играют лишь компенсирующую роль, выходя на доминирующие позиции только в периоды институциональных трансформаций. Период с 1917 до 1990 г. О.Э. Бессонова оценивает как третий институциональный цикл развития цивилизационной матрицы России, сформировавший зрелую формацию (модель трудовых отношений) с наемным трудом в служебной форме [Бессонова 2008].

Здесь же следует упомянуть и теорию институциональных матриц С.Г. Кирдиной. По мнению исследователя, определяющее влияние на развитие экономических, политических и идеологических институтов в стране оказывает характер материально-технической среды, что проявляется с момента возникновения государства и обусловлено влиянием природно-географических и геополитических условий. Базовой особенностью такой среды в российской истории выступает возрастающая коммунальность, что присуще и важнейшим технологическим системам и отраслям общественной инфраструктуры и характеризуется внутренним единством, нерасчлененностью элементов (Х-матрица). В первую очередь последовательное углубление коммунального характера материально-технической среды проявилось в особенностях аграрной сферы, но отражает специфику развития всей экономики в целом. Значимым для решения исследовательских задач выступает вывод автора о последовательном усилении свойственных России доминантных институтов в экономике, политике, идеологии в XX в. в ходе революции и «перестройки». В этом контексте естественный предел и глубину осуществляемых реформ, их эффективность будет определять соответствие преобразований доминантной матрице России. Попытки заменить базовые институты доминантной матрицы на альтернативные, характерные для Y-матрицы (некоммунальность Западного мира; модернизационные усилия имперского периода, начиная с реформ Петра I и заканчивая либерализацией экономики во второй половине XIX–XX вв.), оказались чреватые социальными потрясениями и спровоцировали революцию. История СССР при этом рассматривается как формирование несбаланси-

рованной системы, в которой нарушался принцип необходимого взаимодействия базовых и комплексных институтов при очевидном доминировании X-матрицы. В итоге тотальное искоренение и подавление Y-элементов в экономике, политике и идеологии привело к структурной деформации и политическому краху [Кирдина 2014, с. 269–276].

С позиций поиска новой методологической парадигмы представляется важным выделить концепцию циклической и технологической эволюции индустриальной экономики. В этом контексте ключевыми моментами выступают: задача завершения индустриализации и осознание политической элитой этой задачи, готовность к реализации реформ. Так, в теоретических построениях А.С. Смирнова в 1920-е гг. СССР под воздействием тяжелого бремени войн и революций перешел от рыночного имперского хозяйства к хозяйственной автаркии. В 1930-е гг. на ее основе была создана и до 1960-х успешно функционировала индустриально-аграрная милитаристская экономика. Однако преодолеть эту стадию развития отраслевой структуры и завершить индустриальное развитие экономика СССР оказалась неспособной. Народное хозяйство не стало единым индустриальным комплексом. Сельское хозяйство при этом сохраняло архаические черты, особенно в части переработки аграрной продукции. Более того, доля аграрного сектора в национальном доходе в 1980-е гг. существенно выросла (с 15 до 25 %). Тем самым не подавление рыночных институтов, а незавершенность, некомплексность индустриализации рассматривается ключевым фактором краха СССР [Смирнов 2014].

Заключение

Таким образом, вопрос о причинах неуспеха реформистских инициатив в отечественной историографии по-прежнему остается открытым. Доминирующие, почти исключительные позиции здесь занимает реставрация имперского опыта управленческих стратегий: обращение к архаичным, традиционным методам, основанным на принуждении, в целях мобилизации ресурсов системы для опережающего инновационного развития. И все же это лишь один из горизонтов проблемы: можно упрекать сталинский режим в излишней репрессивности и рассуждать о нереализованной нэповской альтернативе, но это не отменяет необходимости системного анализа факторов советской модернизации, если мы вообще признаем такую возможность. Вместе с тем специфика и природа научного дискурса относительно феномена аграрного развития СССР свидетельствуют о формировании социального запроса, острейшей потребности общественного сознания в осмыслении исторического опыта советской системы и разработке целостной концепции, объективно и системно отражающей глобальный, национальный и региональный уровни изучения, концепции, свободной от идеологических и методологических штампов, от политизированных оценок. Очевидно и то, что простое накопление эмпирических данных не будет способствовать решению проблемы: осознана необходимость междисциплинарного формата исследований, привлечения специальных методов и подходов экономики, политической социологии, социальной психологии и других наук.

Библиографический список

- Безнин, Димони 2019 – *Безнин М.А., Димони Т.М.* Аграрный строй России 1930–1980-х годов. Москва: ЛЕНАНД, 2019. 608 с.
- Безнин, Димони 2005 – *Безнин М.А., Димони Т.М.* Капитализация в российской деревне 1930–1980-х годов. Вологда: Легия, 2005. 126 с. URL: <https://vas-s-al.livejournal.com/926873.html>.
- Безнин, Димони 2002 – *Безнин М.А., Димони Т.М.* Повинности российских колхозников в 1930–1960-е годы // *Российская история*. 2002. № 2. С. 96–111. URL: <http://chronograf-vologda.narod.ru/web/librari/beznin3.pdf>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28934285>.
- Бессонова 2008 – *Бессонова О.Э.* Цивилизационная матрица России: траектория и перспективы развития // *Пути России: культура – общество – человек: материалы международного симпозиума (25–26 января 2008 г.)* / под общ. ред. А.М. Никулина. Москва: Логос, 2008. С. 61–79.
- Ильиных 2017 – *Ильиных В.А.* Аграрный вопрос в Сибири XX в.: модернизаторы и модернизируемые // *Известия Иркутского государственного университета. Серия «История»*. 2017. Т. 21. С. 123–127. URL: <https://izvestiahist.isu.ru/ru/article/file?id=413>.
- Ильиных 2012 – *Ильиных В.А.* Аграрный строй Сибири в XX веке: этапы трансформации // *Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы*. 2012 год: Типология и особенности регионального аграрного развития России и Восточной Европы X–XXI. Москва; Брянск: РИО Брянского государственного университета, 2012. С. 620–630. URL: <https://clck.ru/WWwtj>.
- Кирдина 2014 – *Кирдина С.Г.* Институциональные матрицы и развитие России: введение в X-Y-теорию. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2014. 468 с. URL: <http://www.kirdina.ru/doc/book/XYbook3.pdf>.
- Колхозная жизнь на Урале... 2006 – *Колхозная жизнь на Урале. 1935–1953* / сост. Х. Кесслер, Г. Корнилов. Москва: Российская политическая энциклопедия, 2006. 912 с. URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/84096>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26425857>.
- Корнилов 2012 – *Корнилов Г.Е.* Аграрная модернизация России в XX веке // *Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы*. 2012 год: Типология и особенности регионального аграрного развития России и Восточной Европы X–XXI. Москва; Брянск: РИО Брянского государственного университета, 2012. С. 607–620. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19424595>.
- Кузнецов 2016 – *Кузнецов И.А.* Приключения государственного капитализма в сельском хозяйстве СССР (по поводу одной исторической концепции) // *Крестьяноведение*. 2016. Т. 1, № 1. С. 171–179. DOI: <http://doi.org/10.22394/2500-1809-2016-1-1-171-179>.

Никулин 2014 – *Никулин А.М.* Научное наследие Т.И. Заславской и советские идеолого-политические конфликты // Социологический журнал. 2014. № 3. С. 116–139. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22138697>.

Попов 2019 – *Попов В.П.* Запланированная трагедия: коллективизация в исторической ретроспективе // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2019. № 3 (51). С. 67–80. DOI: <http://doi.org/10.21685/2072-3024-2019-3-7>.

Попов 2020 – *Попов В.П.* Очерки советской экономики: характер, механизмы, резервы, демографические последствия. Москва: Новый хронограф, 2020. 128 с.

Смирнов 2014 – *Смирнов А.С.* Циклическая и технологическая эволюция индустриальной экономики как причина великой депрессии и крушения экономики СССР (Часть 2) // Экономический журнал. 2014. № 1 (33). С. 6–25. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21567870>.

Ханин 2005 – *Ханин Г.И.* «Оттепель» и «перестройка» начались... при Сталине? // ЭКО. 2005. № 9 (375). С. 70–100. DOI: <http://dx.doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2005-9-70-100>.

Ханин 2008 – *Ханин Г.И.* Экономическая история России в новейшее время: в 2 т. Т. 1. Экономика СССР в конце 30-х годов – 1987 год. Новосибирск: НГТУ, 2008. 516 с. URL: https://istmat.info/files/uploads/56774/hanin_g.i._ekonomicheskaya_istoriya_rossii_v_noveyshee_vremya._tom_1.pdf; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18852437>.

References

Beznin, Dimoni 2019 – *Beznin M.A., Dimoni T.M.* (2019) The agrarian system of Russia in the 1930–1980-ies. Moscow: LENAND, 608 p. (In Russ.)

Beznin, Dimoni 2005 – *Beznin M.A., Dimoni T.M.* (2005) Capitalization in the Russian countryside in the 1930–1980-ies. Vologda: Legiya, 126 p. Available at: <https://vas-s-al.livejournal.com/926873.html>. (In Russ.)

Beznin, Dimoni 2002 – *Beznin M.A., Dimoni T.M.* (2002) Obligations of Russian collective farmers in the 1930–1960-ies. *Rossiiskaia istoriia = Russian History*, no. 2, pp. 96–111. Available at: <http://chronograf-vologda.narod.ru/web/librari/beznin3.pdf>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28934285>. (In Russ.)

Bessonova 2008 – *Bessonova O.E.* (2008) Civilization matrix of Russia: trajectory and development prospects. In: *Nikulina A.M. (Ed.) Ways of Russia: culture – society – man: proceedings of the international symposium (January 25–26, 2008)*. Moscow: Logos, pp. 61–79. (In Russ.)

Ilyinykh 2017 – *Ilyinykh V.A.* (2017) The Agrarian Question in Siberia in the XX Century: the Modernizers and Retrofit. *«Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta». Seriya «Istoriya» = «The Bulletin of Irkutsk State University». Series «History»*, vol. 21, pp. 123–127. Available at: <https://izvestiahist.isu.ru/ru/article/file?id=413>. (In Russ.)

Ilyinykh 2012 – *Ilyinykh V.A.* (2012) The agrarian system of Siberia in the XX century: stages of transformation. In: *Yearbook on the agrarian history of Eastern Europe. 2012: Typology and features of regional agrarian development in Russia and Eastern Europe X–XXI: collection of articles*. Moscow; Bryansk: RIO Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 620–630. Available at: <https://clck.ru/WWwtj>. (In Russ.)

Kirdina 2014 – *Kirdina S.G.* (2014) Institutional Matrices and Development in Russia: An Introduction to X-Y Theory. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya, 468 p. Available at: <http://www.kirdina.ru/doc/book/XYbook3.pdf>. (In Russ.)

Collective farm life in the Urals... 2006 – *Kessler Kh., Kornilov G.* (2006) Collective farm life in the Urals. 1935–1953. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya, 912 p. Available at: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/84096>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26425857>. (In Russ.)

Kornilov 2012 – *Kornilov G.Ye.* (2012) Russia's agrarian modernization in the 20th century. In: *Yearbook on the agrarian history of Eastern Europe. 2012: Typology and features of regional agrarian development in Russia and Eastern Europe X–XXI: collection of articles*. Moscow; Bryansk: RIO Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 607–620. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19424595>. (In Russ.)

Kuznetsov 2016 – *Kuznetsov I.A.* (2016) Adventures of state capitalism in the Soviet agriculture (about one historical theory). *Russian Peasant Studies*, vol. 1, no. 1, pp. 171–179. DOI: <http://doi.org/10.22394/2500-1809-2016-1-1-171-179>. (In Russ.)

Nikulin 2014 – *Nikulina A.M.* (2014) Soviet ideological and political conflicts and scientific heritage of T.I. Zaslavskaya. *Sotsiologicheskij Zhurnal = Sociological Journal*, no. 3, pp. 116–139. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22138697>. (In Russ.)

Popov 2019 – *Popov V.P.* (2019) Planned tragedy: collectivization in a historical retrospective review. *University proceedings. Volga region. Humanities*, no. 3 (51), pp. 67–80. DOI: <http://doi.org/10.21685/2072-3024-2019-3-7>. (In Russ.)

Popov 2020 – *Popov V.P.* (2020) Essays on the Soviet economy: nature, mechanisms, reserves, demographic consequences. Moscow: Novyi khronograf, 128 p. (In Russ.)

Smirnov 2014 – *Smirnov A.S.* (2014) The cyclic and technological evolution of industrial economy as a cause of the Great Depression and the collapse of the USSR economy (Part 2). *Ekonomicheskij zhurnal*, no. 1 (33), pp. 6–25. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21567870>. (In Russ.)

Hanin 2005 – *Hanin G.I.* (2005) «Оттепель» and «perestroika» began... under Stalin? *ECO Journal*, no. 9 (375), pp. 70–100. DOI: <http://dx.doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2005-9-70-100>. (In Russ.)

Khanin 2008 – *Khanin G.I.* (2008) Economic history of Russia in modern times: in 2 volumes. Vol. 1. Economy of the USSR at the end of the 1930-ies – 1987. Novosibirsk: NGTU, 516 p. Available at: https://istmat.info/files/uploads/56774/hanin_g.i._ekonomicheskaya_istoriya_rossii_v_noveyshee_vremya._tom_1.pdf; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18852437>. (In Russ.)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 94 (47)

Дата поступления: 17.07.2021
рецензирования: 20.08.2021
принятия: 26.08.2021**Деятель народного образования и духовного просвещения:
А.П. Херувимов в Самаре (XIX – начало XX вв.)****Л.М. Артамонова**Самарский государственный институт культуры, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: artamonovoi@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4584-6339>

Аннотация: Статья посвящена изучению социальных и культурных факторов развития народного образования, становления профессиональной группы его работников и организаторов в России последней четверти XIX – начала XX в. Особое внимание уделено взаимоотношениям школы, общества и церкви. Методологической основой исследования стали теория модернизации и приемы биографического метода. На большой источниковой базе рассмотрены административно-педагогическая и общественно-просветительская деятельность А.П. Херувимова в Самарском крае, направленная на развитие новых форм школьной организации при сохранении национальных духовных традиций. Во многом в результате его усилий в губернском городе было создано успешное среднее учебное заведение в виде Самарского реального училища, а также действенный канал поддержки нуждающихся учащихся через Общество поощрения образования. Значимым и плодотворным стал вклад Херувимова в труды Алексиевского православного братства, нацеленные на поддержку церковно-приходских школ и на религиозно-нравственное просвещение жителей. Два десятилетия на общественных началах он занимал в братстве ответственную должность председателя Совета с широким кругом реальных обязанностей. На его примере показан деятель российской модернизации, чье личное стремление к собственной социальной мобильности и продвижению прогрессивных культурных тенденций сочеталось с традиционными религиозными основами и консервативными политическими взглядами. Данный пример демонстрирует, что общественное движение в имперской России происходило в более сложных формах, нежели устоявшаяся в историографии парадигма противостояния «прогрессивных» и «реакционных» сил, часто сводимая к социальному происхождению или положению лиц, относимых к тому или иному лагерю.

Ключевые слова: история России; региональная история; Среднее Поволжье; модернизация; биографический метод; социальная история; добровольные ассоциации; братства.

Цитирование. Артамонова Л.М. Деятель народного образования и духовного просвещения: А.П. Херувимов в Самаре (XIX – начало XX вв.) // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2021. Т. 27, № 3. С. 36–42. DOI: <http://doi.org/10.12287/2542-0445-2021-27-3-36-42>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Артамонова Л.М., 2021

Людмила Михайловна Артамонова – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Отечества, Самарский государственный институт культуры, 443010, Российская Федерация, г. Самара, ул. Фрунзе, 167.

SCIENTIFIC ARTICLESubmitted: 17.07.2021
Revised: 20.08.2021
Accepted: 26.08.2021**Worker of public education and spiritual enlightenment:
A.P. Cheruvimov in Samara (XIX – early XX centuries)****L.M. Artamonova**Samara State Institute of Culture, Samara, Russian Federation
E-mail: artamonovoi@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4584-6339>

Abstract: The article is devoted to the study of social and cultural factors in the development of public education, the formation of a professional group of its workers and organizers in Russia in the last quarter of the XIX – early XX centuries. The particular attention is paid to the relationship between school, society and church. The methodological basis of the research was the theory of modernization and the techniques of the biographical method. In the article on a large source base the administrative-pedagogical and public-educational activities of A.P. Cheruvimov in the Samara Region, aimed at developing new forms of the school organization while preserving national spiritual traditions, were investigated. As a result of his efforts the successful secondary educational institution in the form of the Samara Real School was created in the provincial city and an effective channel was created to support needy students through the Society for the Promotion of Education was created too. Cheruvimov's contribution to the works of the Aleksievsky Orthodox brotherhood, aimed at supporting parish schools and at the religious and moral education of residents, has become significant and fruitful. For two decades on a voluntary basis he served in the brotherhood in the responsible position of the Chairman of the Council with a wide range of the real responsibilities. His example shows a figure of Russian modernization, whose personal desire for

his own social mobility and the promotion of the progressive cultural trends was combined with the traditional religious foundations and the conservative political views. This example demonstrates that the social movement in imperial Russia took place in more complex forms than the paradigm of opposition between the «progressive» and «reactionary» forces, which was established in historiography and often was reduced to the social origin or position of persons belonging to one political camp or another.

Key words: Russian history; regional history; Middle Volga region; modernization; biographical method; social history; voluntary associations; brotherhoods.

Citation. Artamonova L.M. Worker of public education and spiritual enlightenment: A.P. Cheruvimov in Samara (XIX – early XX centuries). *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya = Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2021, vol. 27, no. 3, pp. 36–42. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2021-27-3-36-42>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: author declares no conflict of interest.

© Artamonova L.M., 2021

Lyudmila M. Artamonova – Doctor of Historical Sciences, professor, head of the Department of History of the Fatherland, Samara State Institute of Culture, 87, Frunze Street, Samara, 443011, Russian Federation.

Введение

Повышенный интерес к прошлому народно-го образования как социокультурного института и учительства как социально-профессиональной группы заметен в современных исторических исследованиях, проводимых в масштабе страны [Миронов 2013, с. 67–77] и отдельных регионов [Бугаева 2016, с. 13, 20–25, 46–47, 62–89]. Если говорить конкретно о Самарском Поволжье, то особо следует отметить внимание ученых к опыту церковного управления училищами [Кокарев 2016, с. 195–226], религиозно-нравственного обучения и воспитания в начальных, воскресных школах и других учебных заведениях [Якунин 2019]. Рост числа исследований по истории взаимоотношений власти, общества, церкви является еще одной заметной тенденцией современной историографии в России [Миронов 2020; 2019], ближнем [Бендин 2021] и дальнем зарубежье [Фриз 2019].

Следует признать актуальным изучение биографий тех, кто проявил себя и собственно на педагогическом поприще, и в практиках сотрудничества учительства с Церковью. К таким деятелям, отличившимся в XIX – начале XX вв., относится Алексей Петрович Херувимов. Его труды в Самаре еще не стали объектом специального изучения, что и определило обращение к ним. Предметно в рамках данной статьи следует рассмотреть, по нашему мнению, наиболее яркие страницы его биографии как директора Самарского реального училища и председателя Совета Самарского Алексиевского братства. Полагаем, что такое исследование с необходимостью соблюдением принципов историзма и объективности позволяют провести подходы, разрабатываемые в биографическом и иных современных методах гуманитарного и общественного познания [Смирнов 2020], которые опираются на достижения «новой социальной истории» [Границы... 2018] и на модернизационные концепции [Миронов 2019].

На службе по учебному ведомству

Видный педагог, чиновник и просветитель А.П. Херувимов родился в семье церковнослужителя в с. Рождествено в 1840 г. Он получил блестящее образование, окончив Казанскую духовную

семинарию, а затем Казанский университет по 3 факультетам: юридическому, филологическому, естественному. Начальный педагогический опыт он также получил в Казани. С такой подготовкой Херувимов был переведен в Самарскую губернию на должность директора народных училищ и стал членом губернского училищного совета от Министерства народного просвещения [Зубова 2001, с. 256–257].

Самарский губернатор А.Д. Свербеев внес его в свой рабочий список наиболее важных чиновников Самары, считал «очень порядочным человеком», с которым было «поговорить приятно и полезно». При осмотре учебных заведений Херувимов был первым среди лиц, сопровождавших начальника губернии [Классика... 2019, с. 75–76, 85].

В 1877 г. Александр II согласился на просьбу городской думы Самары открыть в этом городе реальное училище и присвоить ему имя императора Александра I Благословенного. В отличие от классической гимназии, где большое место занимали мертвые языки, латынь и древнегреческий, в реальном училище больше внимания уделялось естественным наукам и предметам технической направленности. Наибольший интерес к обучению в нем проявили семьи купцов, мещан и крестьян, проживавшие в Самаре и окрестностях. Число сыновей дворян и чиновников, пожелавших здесь учиться, было незначительным, для них более предпочтительным оставалось гимназическое образование. Подготовка к открытию нового училища заняла три года. 2 мая 1880 г. городская дума утвердила Херувимова его директором, а 7 сентября, то есть через 4 месяца, Самарское реальное училище было открыто (Народное образование... 2002, с. 42–46, 48–49).

В должности директора этого образовательного учреждения Херувимов проработал до 1898 г. Под его началом оно стало лучшей средней школой Самары. Показателем тому являются выпускники. Так, в 1889 г. Самарское реальное училище с отличием закончил Г.М. Кржижановский – будущий академик (создатель плана ГОЭЛРО), революционер (друг В.И. Ленина) и поэт, написавший тексты ряда известных песен: «Вихри враждебные», «Беснуйтесь, тираны» и др. (Вместе с Ильичем 1979, с. 117–119).

В последний год службы Херувимова в этом училище в 1898 г. сюда не без труда мама А.Н. Толстого сумела перевести сына из Сызранского реального училища, стремясь дать ему более качественное образование. Поступить сразу в более престижное самарское училище годом ранее мальчик не смог, «завалив» вступительные экзамены, поэтому и была разыграна многоходовка с более доступным поступлением в училище уездной Сызрани, неизбежным проживанием там на съемной квартире и последующим переводом в желанную школу в Самаре. Несмотря на отсутствие стремления к карьере инженера, будущий создатель образов Буратино и Аэлиты, как и многие другие выпускники-«реалисты», получил высшее образование в технологическом институте в Петербурге (Селиванов 1953, с. 110).

Наконец, еще при жизни Херувимова, правда, когда тот уже не был директором, реальное училище окончил в 1913 г. с занесением на золотую доску лучших выпускников великий химик XX века Н.Н. Семенов. Ему еще только предстояло стать академиком и нобелевским лауреатом, но замечательные учителя, работавшие в этом училище, уже нацелили его на научную стезю (Семенов 1990, с. 81).

Несмотря на «технический» уклон реального училища, с Херувимовым связано одно из любопытных открытий в российском литературоведении. В ответ на сообщение издателя журнала «Русская старина» М. Семевского в 1891 г. об открытии музея М.Ю. Лермонтова и сборе материалов для него первым был получен пакет из Самары от ученика 7-го класса реального училища В. Акерблома. Как сообщил М. Семевский, это произошло при посредничестве директора Самарского реального училища Херувимова, в результате чего в распоряжении редакции его журнала оказалось письмо подруги и кузины поэта Катеньки Быховец, написанное в 1841 г., с рассказом о последних днях жизни и о дуэли Лермонтова в Пятигорске. Старшеклассник нашел этот документ случайно в книге, купленной «на толчке в Самаре у букиниста», а директор училища помог, видимо, понять научную значимость письма. Оно является одним из ключевых источников о пятигорской трагедии, вызывает серьезные споры и полемику, но вслед за Семевским видные современные лермонтоведы считают его подлинным, не видя оснований и возможностей у самарского педагога и школьника-реалиста заниматься историко-литературной мистификацией (Захаров 2021).

Этот случай говорит о высоком уровне не только естественнонаучной, но и гуманитарной подготовки в реальном училище Самары. Создавались там возможности и для творчества учащихся. В начале 1889–1890 уч. года для них были введены уроки музыки, и всего через пять месяцев в резиденции губернатора состоялся музыкальный утренник, где собравшуюся публику удивило стройное выступление оркестра, составленного из учеников-реалистов (Народное образование... 2002, с. 63).

Сам Херувимов не был чужд модным филологическим и «информационным» веяниям. Так, он единственный из жителей Самары фигурирует в списке россиян, которые к 1897 г. освоили искусственный интернациональный язык воляпюк, изобретенный в 1880 г. с целью облегчить общение между странами и народами [Список... 1888].

На службе по учебному ведомству Херувимов достиг высокого чина действительного статского советника. Этот чин по гражданской части в Табели о рангах был равнозначен генерал-майору по военному ведомству, а его обладатель, если был недворянского происхождения, получал потомственное дворянство.

Общественная деятельность на благо образования и духовности

После ухода в отставку Херувимов оставался активным общественным деятелем. В течение 11 лет, предшествующих своей отставке, он являлся членом правления Самарского Общества поощрения образования и передал в кассу Общества на учреждение именных стипендий учащимся 1450 руб. (Отчет о состоянии... 1898, с. 7, 13). Однако и позже он продолжал активно работать в этой добровольной ассоциации. Так, 19 января 1903 г. Херувимов был вновь избран почетным членом ее правления (Самарская губерния... 2008, с. 145).

Революционные события, начавшиеся в 1905 г., заставили его более четко определить свои политические пристрастия. В 1906 г. Херувимов поддерживал программу партии октябристов (Ставрополь-Тольятти... 2016. № 552).

Херувимов, воспитанный в христианских традициях, оставался верным сыном Церкви и деятельно участвовал в религиозной жизни. Кроме домового храма в руководимом им реальном училище, для которой директор привлек средства благотворителей (Освящение... 1911, с. 6–7), он стал также одним из строителей храма Рождества Богородицы в Мещанском поселке (1911), который, к сожалению, не сохранился [Зубова 2001, с. 257]. Однако самым заметным общественным служением Херувимова стало его участие в деятельности Самарского епархиального Алексиевского братства.

Благодаря модернизационному сдвигу, произошедшему в ходе Великих реформ 1860-х – 1870-х гг., и активизации социальной жизни страны, в провинциальных городах, включая Самару, стали появляться различные добровольные ассоциации [Кабытов 2020, с. 9, 230]. Общественность России создавала как светские организации (например, упоминавшееся Общество поощрения образования), так и религиозные. Среди последних выделялись своей активностью церковные братства. Численному росту православных братств способствовали подготовленные в МВД в 1864 г. Основные правила для их учреждения. Главным условием создания братств и утверждения их уставов являлось наличие разрешения епархиального

начальства и согласия губернской администрации [Акторы... 2016, с. 265, 267–268].

Братства были всеобщими организациями. Основную массу их членов составляли лица духовные или принадлежавшие к церковному причту, но также туда входили купцы, чиновники, представители интеллигенции, прежде всего учителя [Шкердина 2018, с. 244]. Дело в том, что основной целью братств являлась именно просветительская деятельность под покровительством духовенства.

Алексиевское братство название свое получило в память об Алексии, митрополите Московском. Святителя в Самаре почитали и почитают как небесного покровителя, за двести лет до возникновения этого города предсказавшего его появление и славное будущее [Смирнов 2018, с. 4–5, 12].

Прошение об образовании Алексиевского братства подали 87 видных и авторитетных жителей Самары. В их числе вместе с супругами П.В. и В.В. Алабиными, купцами Н.И., А.Н., Е.М. Шихобаловыми и другими это обращение к самарскому архиерею подписал также А.П. Херувимов. К прошению был приложен проект Устава организации. 10 февраля 1892 г. своей резолюцией архиепископ разрешил открыть братство и приказал приступить к исполнению данного намерения (Самарское епархиальное... 1892, с. 143–146).

Самарским епископом в это время был Владимир (Богоявленский). Он много сил отдал делу духовного просвещения, а потому немало поспособствовал открытию Алексиевского братства. Из-за тяжелой обстановки в голодные и холерные 1891–1892 гг. он привлек возникшую общественную организацию также к оказанию благотворительной помощи пострадавшим [Якунин 2018, с. 306–307].

12 февраля 1892 г., в день памяти Алексия Митрополита Московского, братство в Самаре было торжественно открыто. На должности председателя Совета братства, двух его «товарищей»-заместителей были избраны представители духовенства, а Херувимов с другими видными чиновниками и светскими общественными деятелями вошел в состав Совета братства в качестве его члена (Самарское епархиальное... 1892, с. 149).

Однако совмещать председательскую должность в братстве с церковным служением оказалось нерациональным. Архимандрита Серафима, избранного первоначально председателем Совета, перевели в 1893 г. из Самары ректором в семинарию в Тифлис, а затем назначили викарным епископом в Волынскую епархию (Пятидесятилетний юбилей... 1901, с. 68). Выдвигать на место председателя никого из заместителей-священников не стали, а избрали Херувимова, который тогда был директором реального училища. С трудами по учебной части он совмещал добровольное председательство в Совете братства пять лет и продолжил его затем после своей отставки с директорского поста.

По Уставу Алексиевского братства, частично измененному в 1897 г., председатель Совета брат-

ства вел работу общих собраний братства, которые проводились регулярно раз в год 12 февраля (или в ближайший к этой дате воскресный день). При необходимости могло собираться чрезвычайное общее собрание, если такое решение принимал Совет и утверждал архиерей. Председатель избирался общим собранием на четыре года, один из двух его заместителей должен был быть обязательно духовным лицом, но в указанном 1897 г. священнослужителями были они оба: кафедральный протоиерей В.В. Лаврский и ректор Самарской духовной семинарии Н.И. Боголюбский (Отчет Самарского... 1898, с. 2).

Сам Совет братства на своих заседаниях руководствовался повесткой, составленной председателем. Дискуссионные вопросы этот Совет разрешал большинством голосов, при их равенстве голос председателя становился решающим. Именно Совет рассматривал ходатайства и просьбы по обеспечению школ учебными и прочими принадлежностями, выдаче пособий или вознаграждения учителям, решал задачи по поиску мер к увеличению средств братства, их хранению и контролю. Председатель Совета следил за исполнением Устава братства и в случае необходимости, при появлении дел, требующих оперативного решения, оформлял все распоряжения собственной властью, предоставляя при этом отчет Совету. Сумма, которая в таких случаях могла быть израсходована председателем самостоятельно, заранее определялась Советом (Устав... 1898, с. 5–7).

В начале 1910-х гг. Херувимов оставался на посту председателя Совета братства. Это не было номинальным пребыванием в должности. Он вел все делопроизводство Совета, переписку с официальными лицами и учреждениями, книготорговцами, книгоиздателями и авторами (Отчет Самарского... 1911, с. 1–2).

Заключение

Херувимов скончался 21 января 1915 г. в Самаре. Его похоронили на Всесвятском кладбище, которое впоследствии было уничтожено вместе с его могилой. Однако вклад Херувимова в развитие светского и духовного образования в Самаре был весьма существенен. Под его руководством в 1880-е – 1890-е гг. реальное училище превратилось в лучшее среднее общеобразовательное учреждение этого города, о чем, в частности, свидетельствует перечень его выдающихся выпускников. Он также немало сделал, будучи членом правления и активным благотворителем Самарского общества поощрения образования, для поддержки молодежи, испытавшей стеснение в материальных средствах при обучении в школах Самары или при желании продолжить его в высших учебных заведениях других городов. Однако самым заметным его служением на общественном поприще стало продолжавшееся два десятка лет председательство в Совете Алексиевского братства. Эта организация

проявляла заботу о поддержании церковно-приходских школ особенно в бедных сельских общинах, а также о религиозно-нравственном просвещении и воспитании широких слоев населения.

Херувимов являет пример педагога и общественного деятеля эпохи российской имперской модернизации с ее новациями и традициями. Сменив духовную профессиональную стезю отца на педагогическую, перейдя в социальную группу

чиновничества и даже получив потомственное дворянство, приняв новый ритм общественной жизни, Херувимов остался верен религиозным устоям. Он поделил свою активность между помощью общеобразовательной школе и православной церкви, показав себя в обоих случаях очень полезным и деятельным. Его имя заслуживает того, чтобы сохраниться в памяти нынешнего и будущих поколений.

Материалы исследования

Вместе с Ильичем 1979 – *Вместе с Ильичем*: библиографический справочник / науч. ред. Р.П. Поддубная. Куйбышев: Кн. изд-во, 1979. 280 с.

Захаров 2021 – *Захаров В.А.* Письмо Е.Г. Быховец 5 августа 1841 года из Пятигорска // Пятигорский государственный университет: офиц. сайт. URL: <https://pgu.ru/upload/iblock/5b7/Zakharov-V.A..pdf> (дата обращения: 16.07.2021).

Народное образование... 2002 – *Народное образование Самары: хроника событий. 1851–1917*. Самара: Изд-во МГПУ, 2002. 219 с.

Освящение... 1911 – *Освящение нового здания Самарского реального училища* // Памятная книжка Самарской губернии на 1911 год. Самара: Губ. тип., 1911. С. 6–9.

Отчет о состоянии... 1898 – *Отчет о состоянии Самарского общества поощрения образования с открытия его 25 февраля 1873 г. по 1 октября 1897 г.* (двадцать пять отчетных лет). Самара: Тип. Губ. правления, 1898. 13 с.

Отчет Самарского... 1898 – *Отчет Самарского духовно-просветительного епархиального братства святого Алексия Митрополита за 1897 год* (шестой год существования) // Самарские епархиальные ведомости. 1898. № 9. Отдельный оттиск. С. 1–67.

Отчет Самарского... 1911 – *Отчет Самарского епархиального Алексиевского братства за 1910 год* [Б. м., б.и.], 1911. 34 с.

Пятидесятилетний юбилей... 1901 – *Пятидесятилетний юбилей Самарской епархии* (30 декаб. 1850 – 31 декаб. 1900 года). Самара: Тип. Самар. Духов. Консistorии (Н.А. Жданова), 1901. 85 с.

Самарская губерния... 2008 – *Самарская губерния: день за днем... 1901–1905 годы. Хроника событий*. Самара: Универс-групп, 2008. 411 с.

Самарское епархиальное... 1892 – *Самарское епархиальное Алексиевское братство. Открытие Самарского епархиального Алексиевского братства* // Самарские епархиальные ведомости. 1892. № 4. С. 143–149.

Селиванов 1953 – *Селиванов К.А.* Русские писатели в Самаре и Самарской губернии. Куйбышев: Кн. изд-во, 1953. 160 с.

Семенов 1990 – *Семенов Н.Н.* Автобиография // Физики о себе. Л.: Наука, 1990. С. 81–92.

Список... 1888 – *Список лиц в России, знающих воляток, с их адресами. 1887. Декабрь* / сост. В.К. Розенберг. Санкт-Петербург: Тип. Р. Голике, 1888. 3 с.

Ставрополь-Тольятти... 2016 – *Ставрополь-Тольятти в документах и материалах: (XVI – начало XX вв.)*. Тольятти: [ТЕНДЕР], 2016. 698 с.

Устав... 1898 – *Устав Самарского епархиального духовно-просветительного церковного Алексиевского братства* // Самарские епархиальные ведомости. 1898. № 2. Приложение к официальной части. С. 1–10.

Библиографический список

Актеры... 2016 – *Актеры российской имперской модернизации (XVIII – начало XX в.): региональное измерение* / отв. ред. И.В. Побережников. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2016. 316 с. URL: http://www.ihist.uran.ru/files/aktori-maket_v_rechat.pdf.

Бендин 2021 – *Бендин А.Ю.* Государственно-религиозные институты Российской империи в XVIII – начале XX в.: эволюция отношений «свой – иной – чужой» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2021. Т. 20, № 1. С. 8–31. DOI: <http://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-1-8-31>.

Бугаева 2016 – *Бугаева С.Я., Побережников И.В., Уколова О.С.* Профессиональные группы и общества как акторы российской позднеимперской модернизации (на материалах Урала второй половины XIX – начала XX в.) / С.Я. Бугаева [и др.]. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2016. 148 с. URL: http://www.ihist.uran.ru/files/prof_aktori2.pdf; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35382860>.

Границы 2018 – *Границы и маркеры социальной стратификации России XVII–XX вв.: векторы исследования* / под ред. Д.А. Редина. Санкт-Петербург: Алетей, 2018. 722 с. URL: http://www.ihist.uran.ru/files/Redin_Granitsy_i_markery+.pdf.

Зубова 2001 – *Зубова О.В., Радченко О.И., Подмарицын А.Г.* Православные святыни Самарского края / О.В. Зубова [и др.]. Самара: Наш Современник, 2001. 207 с. URL: <https://ru.rulib.org/book/3212938/fa21ae>.

Кабытов 2020 – *Кабытов П.С., Леонтьева О.Б., Смирнов Ю.Н.* История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней / П.С. Кабытов [и др.]. Т. 2. (2-е изд., исп. и доп.). Самара: Слово, 2020. 480 с. URL: <http://repo.ssau.ru/handle/Monografii/Istoriya-Samarskogo-Povolzhya-s-drevneishih-vremen-do-nashih-dnei-T-2-Samarskoe-Povolzhe-vo-vtoroi-polovine-XIX-nachale-XX-veka-87693>.

Классика... 2019 – *Классика самарского краеведения. Антология. Вып. 6. Дневник и воспоминания самарского губернатора Александра Дмитриевича Свербеева* / под ред. П.С. Кабытова, Э.Л. Дубмана, М.М. Леонова. Самара: Слово, 2019. 268 с. URL: <http://repo.ssau.ru/handle/Monografii/Klassika-samarskogo-kraevedeniya-Vyp-6-Dnevnik-i-vospominaniya-samarskogo-gubernatora-Aleksandra-Dmitrievicha-Sverbeeva-79703?mode=full>.

Кокарев 2016 – *Кокарев М.С., протоиерей.* Система управления Самарской епархии в предсоборный период (1894–1917). Москва: Спасское дело, 2016. 456 с.

Миронов 2013 – *Миронов Б.Н.* Культурный капитал России за тысячу лет // Экономическая политика. 2013. № 1. С. 62–95. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18776912>.

Миронов 2019 – *Миронов Б.Н.* Российская модернизация и революция. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2019. 528 с. URL: http://www.bmironov.spb.ru/wp-content/uploads/2021/02/Mironov_Ros_moderniz_revolyuciya.pdf.

Миронов 2020 – *Миронов Б.Н.* Церковь и государство до и после Российской революции 1917 года // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2020. Т. 65, № 2. С. 646–667. DOI: <http://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2020.219>.

Смирнов 2020 – *Смирнов Ю.Н.* Осмысление, конструирование и моделирование социального в истории России: новые подходы в коллективной монографии уральских ученых // Вестник Пермского университета. История. 2020. № 4 (51). С. 163–172. DOI: <http://doi.org/10.17072/2219-3111-2020-4-163-172>.

Смирнов 2018 – *Смирнов Ю.Н.* Предания самарских жителей о святителе Алексии в записях XVIII – середины XIX в. и их интерпретация // Центр и периферия. 2018. № 3. С. 4–13. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35664532>; <http://www.niign.ru/centrandperifirya/centr2018-3.pdf>.

Фриз 2019 – *Фриз Г.Л.* «Губительное благочестие»: Российская церковь и падение империи: сборник статей. Санкт-Петербург: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2019. 351 с. URL: <https://eupress.ru/books/index/item/id/313>.

Шкердина 2018 – *Шкердина Н.О.* Вклад православных братств в развитие образования на территории Мордовского края во второй половине XIX в. // Национальное культурное наследие России: региональный аспект. VI Всерос. науч.-практ. конф. Самара: СГИК, 2018. С. 242–248. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36459653>.

Якунин 2019 – *Якунин В.Н.* Духовное образование, церковно-приходские и воскресные школы в Самарской епархии во второй пол. XIX – нач. XX в. // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2019. № 3 (31). С. 276–289. DOI: <http://doi.org/10.32516/2303-9922.2019.31.19>.

Якунин 2018 – *Якунин В.Н.* Самарская епархия в 1851–1914 гг. // Макарьевские чтения: материалы XIII Международ. науч. конф. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2018. С. 305–315. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36494497>.

References

Actors... 2016 – *Poberezhnikov I.V. (Ed.)* (2016) Actors of Russian imperial modernization (XVIII – early XX century): regional dimension. Yekaterinburg: Bank kul'turnoi informatsii, 316 p. Available at: http://www.ihist.uran.ru/files/aktori-maket_v_pechat.pdf; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32298458>. (In Russ.)

Bendin 2021 – *Bendin A.Yu.* (2021) Russian Empire's religious institutions in the 18th – early 20th century: the evolution of «friend – alien – foe» relations. *RUDN Journal of Russian History*, vol. 20, no. 1, pp. 8–31. DOI: <http://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-1-8-31>. (In Russ.)

Bugaeva 2016 – *Bugaeva S.Ya., Poberezhnikov I.V., Ukolova O.S. et al.* (2016) Professional groups and societies as actors of Russian late-imperial modernization (on the materials of Urals of the second half of the XIX – beginning of the XX century). Yekaterinburg: Bank kul'turnoi informatsii, 148 p. Available at: http://www.ihist.uran.ru/files/prof_aktori2.pdf; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35382860>. (In Russ.)

Boundaries... 2018 – *Redin D.A. (Ed.)* (2018) Boundaries and markers of social stratification of Russia in the XVII – XX centuries: vectors of research. Saint Petersburg: Aleteiya, 722 p. Available at: http://www.ihist.uran.ru/files/Redin_Granitsy_i_markery+.pdf. (In Russ.)

Zubova 2001 – *Zubova O.V., Radchenko O.I., Podmaritsyn A.G. et al.* (2001) Orthodox shrines of the Samara region. Samara: Nash Sovremennik, 270 p. Available at: <https://ru.rulib.org/book/3212938/fa21ae>. (In Russ.)

Kabytov 2020 – *Kabytov P.S., Leontyeva O.B., Smirnov Yu.N. et al.* (2020) History of the Samara Volga Region from ancient times to this day. Vol. 2 (2nd edition, revised and enlarged). Samara: Slovo, 480 p. Available at: <http://repo.ssau.ru/handle/Monografii/Istoriya-Samarskogo-Povolzhya-s-drevneishih-vremen-do-nashih-dnei-T-2-Samarskoe-Povolzhe-vo-vtoroi-polovine-XIX-nachale-XX-veka-87693>. (In Russ.)

Classics... 2019 – *Kabytov P.S., Dubman E.L., Leonov M.M. (Eds.)* (2019) Classics of Samara local history: Anthology. Issue 6: Diary and memoirs of the Samara governor Alexander Dmitrievich Sverbeev. Samara: Slovo, 268 p. Available at: <http://>

repo.ssau.ru/handle/Monografii/Klassika-samarskogo-kraevedeniya-Vyp-6-Dnevnik-i-vospominaniya-samarskogo-gubernatora-Aleksandra-Dmitrievicha-Sverbeeva-79703?mode=full. (In Russ.)

Kokarev 2016 – *Kokarev M.S.* (2016) Management system of the Samara diocese in the pre-council period (1894–1917). Moscow: Spasskoe delo, 456 p. (In Russ.)

Mironov 2013 – *Mironov B.N.* (2013) Cultural capital of Russia for a thousand years. *Economic Policy*, no. 1, pp. 62–95. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18776912>. (In Russ.)

Mironov 2019 – *Mironov B.N.* (2019) Russian modernization and revolution. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin, 528 p. Available at: http://www.bmironov.spb.ru/wp-content/uploads/2021/02/Mironov_Ros_moderniz_revolyuciya.pdf. (In Russ.)

Mironov 2020 – *Mironov B.N.* (2020) Church and state before and after the Russian Revolution of 1917. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, vol. 65, issue 2, pp. 646–667. DOI: <http://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2020.219>. (In Russ.)

Smirnov 2020 – *Smirnov Yu.N.* (2020) Understanding, constructing and describing social patterns in Russia of the 17th – 20th centuries: new approaches in the collective monography by Ural scholars. *Perm University Herald. History*, no. 4 (51), pp. 163–172. DOI: <http://doi.org/10.17072/2219-3111-2020-4-163-172>. (In Russ.)

Smirnov 2018 – *Smirnov Yu.N.* (2018) Legends of the Samara residents about holy hierarch Alexius in the records of the XVIII – the middle of the XIX century and their interpretation. *Tsentr i periferiya*, no. 3, pp. 4–13. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35664532>; <http://www.niign.ru/centrandperifirya/centr2018-3.pdf>. (In Russ.)

Freeze 2019 – *Freeze G.L.* (2019) «Fatal piety»: Russian Church and the fall of the Empire: collection of articles. Saint Petersburg: Izd-vo Evrop. univ-ta v Sankt-Peterburge, 352 p. Available at: <https://eupress.ru/books/index/item/id/313>. (In Russ.)

Shkerdina 2018 – *Shkerdina N.O.* (2018) Contribution of orthodox brotherhoods to the development of education in the territory of the Mordovian region in the second half of the XIX century. In: *National cultural heritage of Russia: regional aspect. VI All-Russian research and practical conference*. Samara: SGIK, pp. 242–248. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36459653>. (In Russ.)

Yakunin 2019 – *Yakunin V.N.* (2019) Theological education, parish and Sunday schools in the Samara diocese in the second half of the XIX – early XX century. *Vestnik of Orenburg State Pedagogical University*, no. 3 (31), pp. 276–289. DOI: <http://doi.org/10.32516/2303-9922.2019.31.19>. (In Russ.)

Yakunin 2018 – *Yakunin V.N.* (2018) Samara eparchy in 1851–1914. In: *Makariev readings: materials of the XIII International scientific conference*. Gorno-Altai: GAGU, pp. 305–315. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36494497>. (In Russ.)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 93/94

Дата поступления: 17.05.2021
рецензирования: 23.06.2021
принятия: 26.08.2021

Дискуссии о будущем российского мусульманства на страницах крымского журнала «Асрий мусульманлык» (1924–1927) (на примере публикации самарского богослова-просветителя М.-Ф. Муртазина)

Ю.Н. Гусева

Московский городской педагогический университет, г. Москва, Российская Федерация
E-mail: j.guseva@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5731-7274>

В.С. Христофоров

Институт российской истории РАН, г. Москва, Российская Федерация
E-mail: xvсарhiv@rambler.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3964-1967>

Аннотация: Впервые в отечественной историографии анализируется русскоязычный перевод с турецкого (литературный вариант османского) рукописи статьи самарского имама Мухаммет-Фатыха Муртазина (1875–1938), направленной в редакцию печатного органа Народного управления религиозными делами мусульман Крыма (НУРДМК) – религиозно-просветительского журнала «Асрий мусульманлык» («Современное мусульманство», издавался в Симферополе в 1924–1927 гг.). Статья под названием «Ислам и цивилизация» планировалась к размещению в № 13 за 1926 г., ее перевод был выполнен сотрудником восточного отдела полномочного представительства ОГПУ по Крыму и направлен для согласования текста в Восточный отдел ОГПУ. Рукопись Муртазина содержит в себе ряд реформистских идей, по существу, весьма лояльных текущему политическому моменту, призванных адаптировать исламскую традицию к требованиям нового времени. Однако статья не была допущена к печати ввиду стремления ее автора представить приоритет исламской цивилизации над европейским и американским миром, что, очевидно, не отвечало мировоззренческим установкам работников советских спецслужб. Исследование выполнено в русле изучения интеллектуальной истории: представляя обзор сходных по содержанию статей крымского журнала, авторы обращают внимание на ход и характер напряженной богословской дискуссии и развитие «обновленческой» мысли в мусульманской среде Советского Союза 1920-х гг., дискуссии, протекавшей в условиях цензуры и зарождающегося идеологического прессинга.

Ключевые слова: Крым; ислам в СССР; журнал; «Асрий мусульманлык»; исламский реформизм; Самара; М.-Ф. Муртазин; Восточный отдел ОГПУ.

Цитирование. Гусева Ю.Н., Христофоров В.С. Дискуссии о будущем российского мусульманства на страницах крымского журнала «Асрий мусульманлык» (1924–1927) (на примере публикации самарского богослова-просветителя М.-Ф. Муртазина) // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2021. Т. 27, № 3. С. 43–48. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2021-27-3-43-48>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Гусева Ю.Н., Христофоров В.С., 2021

Юлия Николаевна Гусева – доктор исторических наук, доцент, Московский городской педагогический университет, 129226, Российская Федерация, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный пер., 4.

Василий Степанович Христофоров – член-корреспондент РАН, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Института российской истории РАН, 117218, Российская Федерация, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 17.05.2021

Revised: 23.06.2021

Accepted: 26.08.2021

Discussions about Russian muslims future on the pages of the Crimean journal «Asri Musulmanliq» (1924–1927) (on the example of the publication of the Samara theologian-educator M.-F. Murtazin)

Ju.N. Guseva

Moscow City University, Moscow, Russian Federation
E-mail: j.guseva@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5731-7274>

V.S. Khristoforov

Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
E-mail: xvсарhiv@rambler.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3964-1967>

Abstract: For the first time in Russian historiography, a Russian-language translation from Turkish (literary version of Ottoman) of a manuscript of an article by the Samara imam Mukhammet-Fatykh Murtazin (1875–1938), sent to the religious and educational journal «Asri Musulmanliq» («Modern Islam», published in Simferopol in 1924–1927) – editorial board of the People's Administration of Religious Affairs of Muslims of Crimea (NURDMK). The article entitled

«Islam and Civilization» was planned for placement in № 13 for 1926, its translation was carried out by an employee of the Eastern Department of the OGPU in Crimea and sent for approval of the text to the Eastern Department of the OGPU in Moscow. Murtazin's manuscript contains a number of reformist ideas, loyal to the current political moment. He tried to adapt the Islamic tradition to new reality. The article was not allowed for publication due to the desire of its author to present the priority of Islamic civilization over the European and American worlds, which, obviously, did not correspond to the ideological attitudes of the workers of the Soviet special services. The authors also draw attention to the course and nature of intense theological discussion and the development of «renovationist» thought in the Muslim world of the Soviet Union in the 1920-ies, a discussion that took place under censorship and the emerging ideological pressure.

Key words: Crimea; Islam in the USSR; magazine; «Asri Musulmanliq»; Islamic reformism; Samara; M.-F. Murtazin; Eastern Department of the OGPU.

Citation. Guseva Ju.N., Khristoforov V.S. Discussions about the Russian muslims future on the pages of the Crimean journal «Asri Musulmanliq» (1924–1927) (on the example of the publication of the Samara theologian-educator M.-F. Murtazin). *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya = Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2021, vol. 27, no. 3, pp. 43–48. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2021-27-3-43-48>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: authors declare no conflict of interest.

© Guseva Ju.N., Khristoforov V.S., 2021

Julia N. Guseva – Doctor of Historical Sciences, associate professor, Moscow City University, 4, Vtoroy Selskohoziastvenny Passage, Moscow, 129226, Russian Federation.

Vasily S. Khristoforov – Corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law, professor, chief researcher of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, 19, Dmitry Ulyanov Street, Moscow, 117218, Russian Federation.

Введение

Современное мировое востоковедение и исламоведение, специализирующееся на истории российского ислама имперского и советского периода, особое внимание уделяет изучению не только позиции внешних наблюдателей и политических субъектов, воздействовавших на носителей исламских идей, но и мнениям, оценкам и рефлексии самих мусульман. В этом контексте первые десятилетия установления советской власти до начала запуска репрессивных механизмов конца 1920-х – начала 1930-х гг. представляют собой оригинальный и непростой для понимания период. Уникальность его продиктована фактическим возобновлением начатой еще в конце XVIII века (Волго-Урал) и продолжившейся в XIX – начале XX вв. (Крым, Северный Кавказ, Средняя Азия) дискуссии о путях иджтихада, обновления, формулирования адекватного ответа российской исламской традиции на вызовы современности.

Бенефициарами новой эпохи стали джаиды, чья позиция «осовременивания» ислама, признания важности светского знания и образования была (обратим внимание: временно, на момент переходного периода) объективно ближе Советам, нежели позиция ортодоксов-консерваторов (кадимистов). На несовпадение позиций джаидов и кадимистов, на попытки соединения «реформаторами» ислама и коммунистических идей указывал еще «патриарх» советского исламоведения Л.И. Климович [Климович 1966, с. 65–88].

Однако разговор о характере адаптации мусульманских интеллектуалов СССР в условиях импульсивно разворачивающейся атеистической пропаганды и перехода к светскости (о флуктуациях советских атеистических подходов см. [Смолкин 2021, с. 72, 85 и др.]) невозможно вести без учета их публикаций. Мы не берем в расчет издания, появившиеся в 1920-е годы на волне атеистической критики ислама, хотя они, пусть и в искаженном

виде, могут дать представление об исходных тезисах тогдашних богословов-«реформистов».

Уникальность анализируемого источникового материала – в нескольких аспектах. Прежде всего речь идет о его содержании: статья «Ислам и цивилизация» подготовлена одним из наиболее известных в масштабах Волго-Уральского региона богословом-просветителем джаидского направления, организатором духовной жизни мусульман Самары, имамом Мухаммет-Фатыха Муртазина (1875–1937). Неудивительно, что в ней заложены новаторские богословские идеи.

Новизна исследования связана и с дальнейшим изучением крымского богословского наследия и его связи с общероссийской исламской интеллектуальной историей. Журнал «Асрий мусульманлык» («Современное мусульманство») являлся печатным органом НУРДМК и издавался на «общетюрско-могузском литературном языке османи конца XIX – начала XX вв.» в Симферополе в 1924–1927 гг. [Яблоновская, Джелилова 2019, с. 567]. Изучение журнала и введение его в общероссийское историографическое поле тормозится отсутствием русскоязычных вариантов статей, поэтому обнаруженные нами в Центральном архиве ФСБ России в документах Восточного отдела ОГПУ переводы статей из неофициальной части журнала представляют высокую научную ценность [Арапов, Косач 2007; Ислам и советское государство... 2010; Христофоров 2019].

Нами изучено объемное дело на 232 листах под названием «Переводы статей для религиозного журнала “Асры-Мусульманлык”», направлявшихся ГПУ Крыма на заключение в Восточный отдел ОГПУ, адреса подписчиков журнала», оно датировано февралем-ноябрем 1926 г. (ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 4. Д. 401). Переводы готовились сотрудником восточного отдела ПП ОГПУ по Крыму Забелевым и направлялись в Восточный отдел ОГПУ для дальнейшего рассмотрения и утверждения.

дения номера журнала печати. В Москве визу на допуск к печати ставили заместитель начальника ВО ОГПУ Л.Н. Волленберг и начальник 2-го отделения К.Х. Петросьян.

Таким образом, на примере прохождения статьи самарского имама мы можем проследить механизм цензуры, работавшей в отношении журналов, издававшихся под эгидой крымского муфтията.

Ход исследования

Что собой представляло это печатное издание? Крымское духовное управление в сентябре 1924 г. приняло решение о начале издания собственного печатного органа (его главным редактором стал муфтий Крыма Хаджи Муслихеддин) – журнала «Асрий мусульманлыкъ», целями которого становились информирование подписчиков об официальных решениях властей (первая часть выпуска), просвещение широких масс и поиск богословских решений на актуальные вопросы современности.

О географии подписчиков мы можем судить по списку, имеющемуся в деле Восточного отдела. В 1926 г. журнал по почте получало 413 человек, из них 273 проживало в Крыму. Оставшиеся 140 адресатов находились в разных уголках Советского Союза – это Москва, Ленинград, Казань, Чистополь, Уфа, Ташкент, Старая Бухара (медресе «Мир Араб»), Андижан, Коканд, Алма-Ата, Киргизская степь (г. Нуха и Токмак), Петропавловск, Тюмень, Красноярск, Троицк (подписчик: будущий муфтий Габдрахман Расулев), Семипалатинск, Нижегородская губерния (с. Уразовка, Красный Остров) (ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 4. Д. 401. Л. 92. С. 113–120). Подписчиком журнала был и М.-Ф. Муртазин.

Среди авторов статей были ведущие мыслители эпохи, чье наследие сегодня входит в «золотой фонд» российского богословия, – Р. Фахретдин, З. Камали, М. Бигиев, но в 1920-е гг. их новаторские подходы не всегда получали поддержку широкой общественности, что, однако, не мешало им пользоваться высочайшим авторитетом у верующих. Среди публикаций мы также находим переводы статей М. Абдо, крымского муфтия и местных имамов.

Вторая, неофициальная, часть журнала в обязательном порядке подвергалась пристрастному анализу сотрудников спецслужб, так как отвечала на злободневные вопросы, как жить верующим в новых условиях, как примирять начала шариата с происходящими в стране и мире переменами. Как указывают исследователи: «Во многих статьях журнала “Асрий мусульманлыкъ” при анализе причин бедственного положения мусульман Крыма часто указывается на тот факт, что мусульмане Крыма долгое время не развивали богословскую науку, прекратили выносить решения в соответствии с Кораном и Сунной на вопросы, созданные временем» [Хайрулдинова 2013, с. 145–148]. О модернистском подходе авторов статей в решении насущных вопросов пишут исследователи, указывая на связь этого дискурса с традициями крымскотатарской журналистики, идущей от И. Гаспринского [Яблоновская, Джелилова 2019, с. 571].

В ряду авторов крымского журнала был достоин оказаться и самарский имам М.-Ф. Муртазин (1875–1937). О самом Муртазине не существует серьезных монографических исследований: есть отдельные публикации о его биографии и деятельности [Гусева... 2007; 2011; Сафин 2020]. Не будем останавливаться на непростых перипетиях его судьбы, которая во многом являлась отражением эпохи, отметим лишь, что он был весьма авторитетным религиозным лидером не только Самарской губернии, но и Волго-Уральского региона. Мулла считался одним из наиболее образованных мусульманских священнослужителей того времени: он владел татарским, русским и арабским языками; состоял в переписке с Л. Толстым, М. Бигиевым, И. Гаспринским, С. Максудом, Р. Фахретдиновым, С. Баязитовым. Его статьи публиковались в широко известных татарских изданиях джадидского направления «Вақыт», «Шура».

До революции 1917 г., помимо организации духовной жизни местных мусульман, он неустанно вел просветительскую работу среди городских татар, закупал литературу, пытался открыть книжный магазин. Среди его особых заслуг выделяется новаторское издание экономического журнала на татарском языке «Икътисад» («Экономика»). Журнал стал издаваться с 1908 г. и содержал в себе материалы, касающиеся проблем социально-экономического, финансового характера (Головкин 2007), и был едва ли не первым изданием такого рода, появившимся в мусульманской среде Российской империи.

На момент написания статьи имам Муртазин являлся «мухтасибом первого района Самарской губернии, принимал участие в съездах уфимского Центрального духовного управления (1923, 1926). В январе 1926 г. Муртазин добился открытия при мечети медресе (ЦГАСО. Ф. Р828. Оп. 2. Д. 16. Л. 32). Однако его проповедническая и просветительская деятельность была прервана в 1937 г., когда он был необоснованно репрессирован (в 1956–1957 гг. реабилитирован).

Статья «Ислам и цивилизация» М.-Ф. Муртазина должна была быть опубликована в № 13 журнала за 1926 год. В этом же номере планировались к размещению следующие статьи: «О мусульманском конгрессе в Мекке» (автор – муфтий НУРДМК Х. Муслихеддин); «О гигиене» (Ф. Белял); «Как земля кружится вокруг своей оси» (З. Камали), «О спиртных напитках (конец статьи)» М. Бигиева; «Взгляд ислама на мифологию и фантастические сказания» (крымский имам Дж. Вероти); «Создание Адама /статья-разъяснение/» (Дж. Абызгильдин); «Зеркало истины» (Ф. Сейфетдин) (ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 4. Д. 401. Л. 200–229).

Мы видим, что все авторы принадлежат к джадидскому крылу российской богословской мысли, многие имели непосредственное отношение к уфимскому муфтияту. Тематика статей также

демонстрирует научно-богословский подход авторов, стремящихся раскрыть религиозные сюжеты с учетом научных знаний и социальных установок советской власти, которые тесно перекликаются с исламскими нормами (к примеру, вопрос о гигиене).

В подобном новаторском ключе выдержана и статья самарского богослова (ее машинописная копия занимает объем в две с половиной страницы). Остановимся поподробнее на основных идеях, которые, увы, пришлось не по вкусу сотрудникам Восточного отдела ОГПУ. На статье начертана карандашом уничижительная резолюция: «Выкинуть статью. Послать почтой в Самару – для сведения» (ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 4. Д. 401. Л. 229).

Основной вопрос, который пытается разрешить для себя и многомиллионной массы российских мусульман М.-Ф. Муртазин, – это совершенно в европейском духе поставленный вопрос об истоках прогресса мусульманского мира. Как ему преобразиться и усилиться так, чтобы, избавясь от навязчивой опеки европейских стран, суметь адекватно ответить вызовам эпохи? Вопрос до сегодняшнего дня волнует миллионы мусульман в разных уголках планеты. Увы, ответ на него так и не найден.

В самом начале статьи автор отстаивает следующий тезис: «Прогрессу исламского мира в сторону цивилизации послужило то, что ислам сумел разграничить религиозные ниспосланные дела от дел общественно светских» (ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 4. Д. 401. Л. 227). Процесс разграничения, по его словам, начался еще в эпоху Пророка: в качестве доказательства автор приводит один из эпизодов жизни Мухаммеда.

Отсюда делается вывод, что и в настоящее время чрезвычайно важно отделить религию от государства. При этом, опираясь на принцип совещательности и собственную традицию, следует обратиться к опыту других государств, не опасаясь заимствовать знания и науки других культур. Предки «в делах религиозных верований... ни на йоту не отделялись от шариата, в то же время в жизненно научных, технических, делах не упорствовали...», пишет самарский богослов.

Искренняя убежденность Муртазина, как и многих его современников, состояла в том, что нужно всеми силами помогать модернизации религии:

«...истинные ученые ислама не осмелились воздержаться от принятия какого-либо нового дела, не противоречащего уму, они не защищали бессмысленных обычаев и бесполезных правил, говоря, что это есть путь родителей, и не настаивали на отрицании чего-либо, не зная истину его. Во всех делах мусульманские ученые придерживались слов Корана, который говорил: “неизвестного тебе не нужно отрицать, а, напротив, необходимо найти его основание”. Вот поэтому они ни в каких вещах не проявили консерватизма, говоря, что мы должны воздержаться, так как это нам неизвестно, невозможности, это бессмысленно и что при дедах их не было. Они создали невиданную при дедах науку, технику и превосходную в свое время цивилизацию» (ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 4. Д. 401. Л. 228).

Далее автор статьи отмечает выдающиеся заслуги средневековых мусульманских ученых, которые развивали прикладные, технические науки, среди них особые успехи были достигнуты в таких сферах, как:

«...агрокультура, механика, передвигающая тяжелые вещи, рытье каналов для рек, почты, военные методы, караван-сарай, виноградники, сады, школы, медресе, университеты, библиотеки... Каждый может себе представить, какое финансовое, материальное и духовное состояние имело багдадское Исламское государство, которое лишь в одном округе Басра и Багдада создало для орошения полей более 10 000 каналов» (ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 4. Д. 401. Л. 228).

Причиной упадка исламского мира Муртазин (и в этом он не был оригинален) считал как внутренние распри мусульманских стран, развитие сект, так и негативную позицию христианских держав, которые опирались на мнение своих миссионеров и видели в исламе «электрический заряд фанатизма», который собирается в воздухе и готов «ежеминутно разразиться над христианским миром» (ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 4. Д. 401. Л. 228). Наиболее актуальным примером подобного отношения является ситуация с Османской империей, которую европейские державы были готовы разделить.

Любопытно, что в своих оценках деятельности современных ему европейских стран Муртазин опирается на секретные документы о планах по разделу Турции, обнародованные большевиками, а также использует термины физики для объяснения взаимоотношений христианского и исламского миров.

Перемены советской эпохи, связанные с просвещением и образованием, автор статьи характеризует положительно:

«В настоящее время у нас в России началась новая эпоха. После Октябрьской революции было объявлено истинное равенство и национальный вопрос был разрешен правильно, благодаря чему российским мусульманам представлялась возможность шагнуть в мир цивилизации. Не прошло и 8 лет, как стали показываться из мусульман доктора, адвокаты, агрономы, редактора, учителя и профессора. Вышли политики, гос. служащие для управления автономными республиками. До недостижимых уму [размеров] расширилось дело просвещения...» (ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 4. Д. 401. Л. 228).

Отсюда он делает вывод, что задача современников – максимально овладеть знаниями в науке и технике, использовать образовательные возможности, которые дает Советская власть:

«Исламизм [так в источнике. – *Авт.*] повелел пробрести знания, где бы они ни были, даже если нужно взять у китайцев, обязал женщину наравне с мужчинами приобрести знания. Для наших российских мусульман почва достаточная, посею все должны броситься на мир цивилизации и, прежде всего, должны обратить внимание на технику и промышленность... Наши места должны быть в электротехникумах, школах, радио и авиации...»

Таким образом, истоки прогресса для мусульманского мира, по мнению самарского богослова М.-Ф. Муртазина, лежат в отказе от консерватизма, расширении кругозора, изучении современных наук и сотрудничестве с Европой и Америкой. «Для хорошей жизни совместно с другими все должны работать вместе», – заключает он.

Нам остается ответить на последний вопрос: почему эта вполне лояльная рукопись получила нелестную оценку советских цензоров? Действительно, все эти идеи вполне созвучны тому, к чему призывала своих граждан советская власть: разделение светского и религиозного, культ знания, науки и техники, негативная оценка деятельности европейских держав. Однако в заключение Муртазин позволяет себе следующий пассаж: «Европейская и американская цивилизация – не что иное, как исламская цивилизация. Продукт наш, раз возможно его вернуть, то он должен быть возвращен» (ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 4. Д. 401. Л. 229). Трудно сказать, что конкретно понималось под «продуктом», который следовало вернуть. Возможно, речь шла о технологиях и знаниях мусульманских ученых, признанных их европейскими коллегами в эпоху нового и новейшего времени. Однако эта фраза вызвала бурную негативную реакцию «невидимых» рецензентов. Быть может, свою роль сыграла европоцентристская мерка, с которой сотрудники спецслужб подошли к оценке этого и ему подобных материалов журнала. Не случайно в 1927 г. журнал «Асрий мусульманлыкъ» перестал выходить: сказалось отсутствие средств и меняющаяся внутривнутриполитическая конъюнктура [Яблоновская, Джелилова 2019, с. 571].

Материалы исследования

Головкин 2007 – Головкин К.П. Самара в конце XVIII – начале XX вв. (краеведческая картотека) // Классика самарского краеведения / под ред. П.С. Кабытова и Э.Л. Дубмана. Вып. 3. Самара, 2007. С. 232–233.

ЦА ФСБ России – Центральный архив ФСБ России.

ЦГАСО – Центральный государственный архив Самарской области.

Библиографический список

Арапов, Косач 2007 – Арапов Д.Ю., Косач Г.Г. Ислам и мусульмане по материалам Восточного отдела ОГПУ. 1926 год. Москва; Нижний Новгород: ИД «Медина», 2007.

Гусева 2007 – Гусева Ю.Н. Ислам в Самарской области. Москва: Логос, 2007. 112 с. URL: https://russiancouncil.ru/library/books/islam_samara.pdf.

Гусева 2011 – Гусева Ю.Н. Мухаммед-Фатых Муртазин (1875–1937): страницы жизни // Самарский краевед: историко-краеведческий сборник / сост. А.Н. Завальный. Самара: ООО «Арт-Престиж», 2011. С. 137–147.

Климович 1966 – Климович Л.И. Борьба ортодоксов и модернистов в исламе // Вопросы научного атеизма. Вып. 2. Модернизация религии в современных условиях / Акад. обществ. наук ЦК КПСС. Ин-т научного атеизма. Москва: Мысль, 1966. 439 с. URL: <https://www.winstein.org/publ/13-1-0-4701>; http://publ.lib.ru/ARCHIVES/V/%27%27Voprosy_nauchnogo_ateizma%27%27/_%27VNA%.html.

Ислам и советское государство... 2010 – Ислам и советское государство: сб. документов / сост., автор предисловия и прим. Д.Ю. Арапов. Т. 2. Москва: ИД Марджани, 2010.

Сафин 2020 – Сафин И. Самара муллалары (на тат.). Самара: [б.и.], 2020.

Заключение

Данный сюжет лишь подтверждает резко негативное восприятие советскими спецслужбами подобных форм религиозной активности: по всей видимости, в начале и середине 1920-х годов они мирились с наличием мусульманских журналов как с «неизбежным злом», ориентируясь на атеистический курс, который постепенно все настойчивей утверждался партийной пропагандой.

Более важно, на наш взгляд, то, что изученные материалы помогают не только оценить масштаб и характер воздействия власти на «мусульманскую» прессу 1920-х годов, но и понять ход интеллектуальной дискуссии, ее взаимосвязанность в мусульманской среде разных регионов Советского Союза. Анализ географии крымского журнала, пула авторов свидетельствует о его общесоюзном характере и масштабах влияния, о воссоздании в середине 1920-х гг. каналов информационного обмена, налаженного еще в дореволюционную эпоху. Мы видим солидарную активность двух муфтиятов – НУРДМК и ЦДУ – в деле разработки новых мировоззренческих подходов к советской повседневности, в деле адаптации к новой образовательной реальности.

Демонстративное дистанцирование от политических вопросов, ориентир на ценности, которые принято относить к эпохе европейского Просвещения – «цивилизация», «прогресс», «знание», «наука», «труд», – так или иначе представлен в новаторских публикациях журнала «Современное мусульманство». И то, что статья самарского имама-просветителя М.-Ф. Муртазина «Ислам и цивилизация» была принята к печати, говорило о признании его интеллектуально-богословского авторитета на российском уровне.

Смолкин 2021 – *Смолкин В.* Свято место пусто не бывает: история советского атеизма / пер. с англ. О.Б. Леонтьевой; науч. ред. М.Ю. Смирнов. Москва: Новое литературное обозрение, 2021. 552 с. URL: <https://litportal.ru/avtory/viktoriya-smolkin/read/page/2/kniga-svyato-mesto-pusto-ne-byvaet-istoriya-sovetskogo-ateizma-1179107.html>.

Хайруддинова 2013 – *Хайруддинова Э.М.* Совет улемов при Народном управлении религиозными делами мусульман Крыма // Наукові праці історичного факультету Запорізького національного університету. 2013. Вип. XXXVI. С. 145–148. URL: http://irbis-nbuv.gov.ua/cgi-bin/irbis_nbuv/cgiirbis_64.exe?I21DBN=LINK&P21DBN=UJRN&Z21ID=&S21REF=10&S21CNR=20&S21STN=1&S21FMT=ASP_meta&C21COM=S&2_S21P03=FILA=&2_S21STR=Npifznu_2013_36_26; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21066172>.

Христофоров 2019 – *Христофоров В.С.* Советские спецслужбы открывают Восток. Москва: РГГУ, 2019, 300 с. URL: <https://e-univers.ru/upload/iblock/1cc/1cca4aa57f633fc60192d8fc1a5c4122.pdf>.

Яблоновская, Джелилова 2019 – *Яблоновская Н.В., Джелилова Л.Ш.* «Асрий мусульманлыкъ» (1924–1927) – первый мусульманский журнал Крыма // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 2. С. 565–573. DOI: <http://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-2-565-573>.

References

Arapov, Kosach 2007 – *Arapov D.Yu., Kosach G.G.* (2007) Islam and Muslims based on the materials of the Eastern Department of the OGPU. 1926 year. Moscow; Nizhny Novgorod: ID «Medina». Available at: <https://istina.cemi-ras.ru/publications/book/128057332/> (In Russ.)

Guseva 2007 – *Guseva Yu.N.* (2007) Islam in the Samara region. Moscow: Logos, 112 p. Available at: https://russiancouncil.ru/library/books/islam_samara.pdf. (In Russ.)

Guseva 2011 – *Guseva Yu.N.* (2011) Muhammad-Fatykh Murtazin (1875–1937): pages of life. In: *Zavalny A.N. (Ed.) Samara local history: historical and local history collection*. Samara: OOO «Art-Prestizh», pp. 137–147. (In Russ.)

Klimovich 1966 – *Klimovich L.I.* (1966) The struggle of the Orthodox and modernists in Islam. In: *Issues of scientific atheism. Issue 2. Modernization of religion in modern conditions*. Moscow: Mysl', 439 p. Available at: <https://www.winstein.org/publ/13-1-0-4701>; http://publ.lib.ru/ARCHIVES/V/%27%27Voprosy_nauchnogo_ateizma%27%27/_VNA.html. (In Russ.)

Islam and the Soviet state 2010 – *Islam and the Soviet state*: collection of documents. Compiler, author of the preface and notes by D.Yu. Arapov. Vol. 2. Moscow: ID Mardzhani. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41213264>. (In Russ.)

Safin 2020 – *Safin I.* (2020) *Samara mullalary* [Mullahs of Samara]. Samara: [b.i.] (In Tatar.)

Smolkin 2021 – *Smolkin V.* (2021) The holy place is never empty: the history of Soviet atheism: translation from English by O.B. Leontyeva, Smirnov M.Yu. (Ed.). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 552 p. Available at: <https://litportal.ru/avtory/viktoriya-smolkin/read/page/2/kniga-svyato-mesto-pusto-ne-byvaet-istoriya-sovetskogo-ateizma-1179107.html>. (In Russ.)

Khayruddinova 2013 – *Khayruddinova E.M.* (2013) The Council of Ulema at the spiritual directorate of Muslims in the Soviet Crimea. *Naukovi praci istorichnogo fakul'tetu Zaporiz'kogo nacional'nogo universitetu*, vip. XXXVI, pp. 145–148. Available at: http://irbis-nbuv.gov.ua/cgi-bin/irbis_nbuv/cgiirbis_64.exe?I21DBN=LINK&P21DBN=UJRN&Z21ID=&S21REF=10&S21CNR=20&S21STN=1&S21FMT=ASP_meta&C21COM=S&2_S21P03=FILA=&2_S21STR=Npifznu_2013_36_26; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21066172>. (In Russ.)

Khristoforov 2019 – *Khristoforov V.S.* (2019) Soviet special services are opening up the East. Moscow: RGGU, 300 p. Available at: <https://e-univers.ru/upload/iblock/1cc/1cca4aa57f633fc60192d8fc1a5c4122.pdf>. (In Russ.)

Yablonovskaya, Dzhelilova 2019 – *Yablonovskaya N.V., Dzhelilova L.Sh.* (2019) «Asri Musulmanliq» (1924–1927) – the first Muslim journal of Crimea. *Bulletin of Kemerovo State University*, vol. 21, no. 2, pp. 565–573. DOI: <http://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-2-565-573>. (In Russ.)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 93/94

Дата поступления: 12.07.2021
рецензирования: 20.08.2021
принятия: 26.08.2021

Октябристы и националисты в III и IV Государственной думе

А.С. Парахин

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация

E-mail: parahin_1996@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5511-5647>

Аннотация: Государственные думы третьего и четвертого созывов были представлены широким спектром фракций, среди которых были националисты и октябристы, консервативно-либеральные и либерально-консервативные силы соответственно. В исторической науке является общепринятой позиция, что единственным союзником октябристов (в полном смысле слова) был Всероссийский национальный союз. Целью статьи стало определение специфики взаимоотношений октябристов и националистов в III Государственной думе и в Думе четвертого созыва. Исследование базируется на массиве источников по работе обеих государственных дум, а также на базе статей и монографий, посвященных этой проблематике. На основе анализа данных источников и специальной литературы выделены основные направления деятельности двух фракций, их общие взгляды, причины выделения националистов из правых сил. Работа III Государственной думы связана с тем, что образовалось умеренно-правое большинство, а именно октябристско-националистический блок, однако его устойчивость была весьма относительной. В статье предпринята попытка системного исследования специфики отношений Союза 17 октября и ВНС, что дает возможность выявить пределы солидарности этих фракций по всем вопросам в период от III Государственной думы до 1917 года.

Ключевые слова: октябристы; националисты; Государственная дума; блок; думское большинство; Прогрессивный блок.

Цитирование. Парахин А.С. Октябристы и националисты в III и IV Государственной думе // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2021. Т. 27, № 3. С. 49–54. DOI: <http://doi.org/10.12287/2542-0445-2021-27-3-49-54>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Парахин А.С., 2021

Андрей Сергеевич Парахин – аспирант исторического факультета, кафедра отечественной истории и историографии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 12.07.2021

Revised: 20.08.2021

Accepted: 26.08.2021

Octobrists and nationalists in the III and IV State Duma

A.S. Parakhin

Samara National Research University, Samara, Russian Federation

E-mail: parahin_1996@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5511-5647>

Abstract: The State Duma of the third and fourth convocations were represented by a wide range of factions, among which were intermediate groups, namely nationalists and Octobrists, conservative-liberal and liberal-conservative, respectively. In historical science, it is generally accepted that the only allies of the Octobrists (in the full sense of the word) were the All-Russian National Union. The purpose of the article is to determine the specifics of the relationship between Octobrists and nationalists in the III State Duma and in the Duma of the fourth convocation. The study is based on an array of sources on the work of both state dooms, as well as on articles and monographs on this issue. Based on the analysis of these sources and special literature, the main areas of activity of the two factions, the places of their rapprochement, the reasons for the separation of nationalists from the right-wing forces were identified. The work of the III State Duma is connected with the fact that not a liberal majority was formed, but the right, but at the heart of it was not the extreme right, but the October-nationalist bloc, but its stability was very controversial. The novelty of the study is a systematic and multilateral study of all the specifics of relations between the Union of October 17 and the All-Russian National Union, which may call into question the full solidarity of these factions on all issues from the III State Duma to 1917.

Key words: Octobrists; nationalists; State Duma; bloc; Duma majority; progressive bloc.

Citation. Parakhin A.S. Octobrists and nationalists in the III and IV State Duma. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya = Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2021, vol. 27, no. 3, pp. 49–54. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2021-27-3-49-54>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: author declares no conflict of interest.

© Parakhin A.S., 2021

Andrey S. Parakhin – postgraduate student of the faculty of history, Department of National History and Historiography, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

Союз 17 октября и Всероссийский национальный союз (ВНС) объединяли многие общие программные положения, среди которых было укрепление российской государственности, основанной на власти самодержца при наличии Государственной думы [Коцюбинский 2016]. Однако октябристы не педалировали в своей программе особый статус русского народа, они не ставили его в привилегированное положение, но при этом большинство октябристов были русскими православного вероисповедания [Дёмин 2013 а, с. 579].

Национализм для А.И. Гучкова не был основополагающей деталью, он проявлялся, но в большей степени как дополнительное явление, и не носил формального характера.

В этой связи становится понятно, что одним из самых главных программных отличий националистов и октябристов было отношение к национальному вопросу. Националисты, умеренно-правые, были противниками равноправия еврейского населения, в то время как октябристы обходили этот вопрос молчанием (Погосский 1917, с. 29–30).

Одной из причин политического сближения октябристов и националистов является то обстоятельство, что Союз 17 октября был аморфной организацией, которая ставила своей целью объединение всех центристско-консервативных сил. Однако создание правого большинства было невозможно силами одной партии (Пономаренко 2004, с. 129). Другой причиной союза партии было то обстоятельство, что П.А. Столыпин не видел выгоды в октябристско-кадетском большинстве. Правые организации роль Государственной думы в политической системе России оценивали неоднозначно, что привело к появлению фракции умеренно-правых, которые видели парламент как законодательный орган. Как и любой политической группе, умеренно-правым нужны были союзники, которых они смогли увидеть в октябристах (Лопухова 2005, с. 70–71).

Обсуждение законопроекта по развитию Военно-морского флота служит примером разделённости октябристов, но при этом возможности их сотрудничества с национальной фракцией. В третьей Государственной думе лидер октябристской фракции и председатель нижней палаты парламента А.И. Гучков с несколькими однопартийцами выразил свой протест по ассигнованию на строительство нескольких новых крупных боевых кораблей. Однако большинство депутатов Союза 17 октября, как и большинство националистов, выступили за правительственную Морскую программу. За поддержку правительственной программы высказались октябристы Э.П. Беннигсен, Н.Н. Опочинин, а также националисты П.Н. Балашов, В.В. Шульгин, П.Н. Крупенский (Афанасьев 2010, с. 169).

Октябристы и националисты были заинтересованы в сотрудничестве между собой.

Думские совещания не оставляли без внимания вопрос действий власти по отношению к оппози-

ции. Обе парламентские фракции были едины во мнении против жесткой реакции, но и против революционных изменений, это их сближало с националистами [Гайда 2003, с. 40].

Националисты видели разложение октябристской фракции, это послужило основой для сомнения в необходимости дальнейшего взаимодействия. Уже в III Государственной думе депутат А.И. Савенко писал о расколе внутри Союза 17 октября, что он не в состоянии помочь создать умеренно-правое большинство. Националисты были возмущены критикой центральной власти октябристами в их печати [Балашов 2019].

В ходе работы III Государственной думы сложился мощный октябристско-националистический блок, но в ходе избирательной кампании 1912 года партии не поддерживали друг друга, каждый региональный отдел всеми силами продвигал только своих кандидатов. Многие националисты не смогли выдвинуть свои кандидатуры в Петербурге, а в Екатеринославской губернии мощное левооктябристское крыло в полную силу использовало свои возможности для продвижения своих однопартийцев [Балашов 2019].

В IV Государственной Думе произошел окончательный раскол октябристов. Часть из них по-прежнему выступала за союз с националистами, против него были такие депутаты, как Ключев, Годнев и Хомяков [Соловьёв, Шелохаев 2013, с. 74].

Совместная думская деятельность фракций

В связи с тем что регионы, из которых националисты были родом, имели смешанный национальный состав, члены национальной фракции больше, чем однопартийцы А.И. Гучкова, желали сильного административного аппарата [Коцюбинский 2001, с. 179–180]. Этот факт говорит о том, что националисты имели более развитое консервативное начало, чем октябристы.

Националисты и октябристы при согласии кадетов не поддержали правых в вопросе реформирования местного суда. Эти фракции считали волостной суд системой, которая изжила себя, поэтому предлагали его ликвидировать и установить должность мирового судьи, который будет избираться местным населением и будет знаком с местной спецификой (Государственная дума. Стенографические отчеты. Сессия 3. 1910, стб. 3202). Но в вопросе общего образования для национальных меньшинств, но не для всех, а для инородцев мнения депутатов разделились, октябристы продвигали проект разрешения обучения в школах на родных языках, но члены национальной фракции считали, что такая политика в области просвещения может способствовать разрушению целостности России (Государственная дума. Стенографические отчеты 1911, стб. 436–452).

По мнению националистов, многие сложности в работе III Государственной думы были вызваны непоследовательностью тактики октябристов, которая заключалась в их постоянных уступках ле-

вым [Коцюбинский 2001, с. 198]. Октябристы немецкого происхождения, на взгляд националистов, не были политически надёжными, ссылаясь на то, что в прибалтийских губерниях октябристы-немцы отвергали идею национальных курий во время выборов в IV Думу [Коцюбинский 2001, с. 311–312].

ВНС критиковал Союз 17 октября за защиту «русского землевладения» в Бессарабии и Малороссии в 1913 году от немецкой колонизации [Коцюбинский 2001, с. 316]. Националистическая риторика не способствовала единству двух фракций, а также не соответствовала интересам правительства по созданию приемлемого парламентского большинства.

Одним из самых обсуждаемых вопросов думских заседаний был вопрос бюджета и финансов. Поводом для разногласий была финансовая политика правительства в западных регионах. Националисты считали, что октябристы препятствуют желательной для них политике финансового ужесточения, так как они поддерживают политику министерства финансов на налоговые послабления.

Для националистов представлялось верным реформирование налогообложения с недвижимых имуществ в городах и посадах не только в Польше, но и во всей России.

Однако у обеих фракций были и общие взгляды. Например, октябристы и националисты были согласны в отмене русско-американского торгового договора 1832 года, так как, по их мнению, нужно было повысить ставки общего таможенного тарифа [Янченко 2009, с. 189].

Благодаря октябристско-националистическому большинству Министерство финансов почти не встречало препятствий со стороны Государственной думы (Янченко 2009, с. 207).

Депутаты Государственной думы ставили на обсуждение вопрос вероисповедания. Октябристы поддержали проект увеличения государственной финансовой поддержки Синода и отмену ограничений после снятия сана, также был поддержан проект о снятии ограничений со старообрядческих общин, благодаря этому они получили право исповедовать свою религию и право ее проповедовать, однако последнее не было поддержано националистами (особенно митрополитом Евлогием), так как это не соответствовало интересам официальной православной церкви. Помимо этого, националисты не поддержали проект либерализации перехода из одного вероисповедания в другое (Государственная дума. Стенографические отчеты 1910. Сессия 2. Часть 4, стб. 2032–2033). Проекты октябристов были поддержаны кадетами и другими оппозиционными фракциями, а националисты воздержались от дальнейшего обсуждения этой темы (Государственная дума. Стенографические отчеты. 1910, стб. 2997).

III Государственная дума не оставляла без внимания вопросы внешней политики. Депутатов интересовали не только отношения со странами Европы, но и с Дальним Востоком, а именно с

Японией и Китаем. В речах депутатов выражались опасения не только японской конкуренции, но и растущей мощи Китая. Националисты не считали нужным обсуждать китайскую проблему, а для октябристов она представлялась государственной важностью. Однако первые своим молчанием лишь поддержали вторых [Илюхин 2012, с. 48].

Националисты считали нужным создать в Монголии русский протекторат, а октябристы полностью поддерживали российское правительство, которое обеспечило Внешней Монголии фактическую независимость [Илюхин 2012, с. 52].

Существует мнение, что только фракция Союз 17 октября была разделенной, однако это явление было свойственно и националистам. В мае 1911 года от ВНС отделились т. н. независимые националисты, лидером которых стал П.Н. Крупенский. Эта группа по своим взглядам была близка к левым октябристам, хотя относительно них они были правее. От националистов Балашова «независимые» отличались тем, что делили народы на ассимилируемые и неассимилируемые. Для первых (немцы, татары, греки) они предлагали равенство перед законом [Санькова 2006, с. 124].

Авторитет П.А. Столыпина сглаживал некоторые противоречия между фракциями, именно благодаря его активности и было возможным существование октябристско-националистического большинства [Санькова 2006, с. 127].

После убийства главы правительства 1 сентября 1911 года пост председателя правительства занял В.Н. Коковцов, который только на словах проводил политический курс своего предшественника, октябристами и националистами он оценивался негативно. В.Н. Коковцов не стремился к умеренно-либеральному курсу, и в связи с этим фракции выбрали разные планы действий. Октябристы ушли в оппозицию, а националисты потеряли ориентир и дезорганизовались. Националисты выразили готовность сотрудничать с правыми, в то время как октябристы не желали идти на такой союз [Гайда 2011, с. 103–104].

А.Ф. Смирнов пишет, что IV Государственной думе была свойственна тенденция разделения фракций на умеренных и левоориентированных. Именно по этой причине руководящий состав Думы был избран сравнительно позже, чем была избрана новая нижняя палата парламента. Четвертая Государственная дума характеризовалась почти всеобщим левением, что сильно пошатнуло октябристско-националистический альянс. Националисты были разочарованы избранием М.В. Родзянко на должность председателя Государственной думы, так как хотели поставить на этот пост члена своей фракции. Избрание князя В.М. Волконского товарищем председателя нижней палаты парламента, которое отвечало интересам октябристов, было обеспечено благодаря тому, что националисты возглавили некоторые комиссии – о преюмственности законодательных работ, по вероисповедным делам, по военным и морским делам, по запросам [Смирнов 1998, с. 445–446].

Левение октябристов в IV Думе, раскол ВНС на сторонников Балашова и Крупенского привели к тому, что не удалось создать правое большинство. Крупенский имел очень тесные контакты с Коковцовым, который во многом хотел сохранить политическое положение, которое было при П.А. Столыпине, однако сильное противостояние октябристов и правых не позволило этому осуществиться. Другая причина такой ситуации заключается в том, что Крупенский хотел объединить все консервативные и умеренно-консервативные силы, но против этого были правые и Балашов (Донесения Л.К. Куманина 1999, с. 15).

Среди октябристов больше всех В.Н. Коковцовым был недоволен А.И. Гучков, который не верил в восстановление столыпинского курса. 3 сентября 1913 года, когда октябристы и националисты участвовали в мероприятии, посвященном памяти П.А. Столыпина, после которого в Киеве прошло совещание двух партий, руководство Союза 17 октября посчитало соглашение с националистами недействительным из-за его неофициального характера, отсутствия четкой программы и членов Государственного совета [Гайда 2011, с. 108].

26 августа 1913 года состоялось заседание Центрального комитета Союза 17 октября, в ходе которого был принят ряд постановлений. Одно из них провозглашало, что октябристская фракция не будет заключать обязательные соглашения с национальной фракцией (Отчет Центрального комитета 2000, с. 404–405).

В IV Государственной думе националисты разделились на правых, которыми руководил Балашов, и на оппозицию, которыми руководили А.И. Савенко и В.Я. Демченко.

Когда В. Коковцов возглавил российское правительство после смерти П.А. Столыпина, националисты всех направлений негативно отнеслись к новой правительственной бюрократии, а октябристы, несмотря на свое недовольство, были настроены более лояльно. Руководство фракции националистов было не против сближения октябристов с кадетами, поскольку это могло дать повод к роспуску Думы. Однако большинство фракции этот курс не поддержало.

Раскол националистов усилился в связи с возникновением Прогрессивного блока, в который вошла группа прогрессивных националистов [Дёмин 2013 б, с. 537–538].

15 августа 1915 года глава правительства Горемыкин выдвинул идею воссоздания правооктябристского большинства, похожего на то, что было в Государственной думе третьего созыва. Для реализации своего замысла Горемыкин вызвал В. Шульгина (прогрессивного националиста) и октябристов Г. Львова и С. Шидловского, убеждая их распустили Прогрессивный блок. Однако председателю правительства было отказано, так как, по мнению приглашенных, подобные решения должны принять все группы блока [Смирнов 1998, с. 509]. Этот факт говорит о том, что с середины

1915 г. наиболее вероятные сторонники действующей власти перешли на более критические позиции, они не перестали связывать надежды на реформы путем сотрудничества с правительством.

В Прогрессивном блоке прогрессивные националисты, земцы-октябристы и группа центра выступили с идеей правительства доверия [Дякин 1967, с. 97]. Во время работы Прогрессивного блока кадеты выдвинули проект деятельности Комитета государственной обороны, по которому он не наделялся распределительной властью, а занимался лишь контролирующими функциями в части государственных заказов в области обороны. Октябристы и националисты поддержали этот проект (Вишневы 1984, с. 117).

Весной 1916 года, за две недели до окончания сессии, М.В. Родзянко был на встрече с председателем Совета Министров. Результат его разговора вызвал разногласия среди депутатов. За это время они должны были поставить ряд вопросов на обсуждение. Националисты совместно с правыми и земцами-октябристами предлагали обсуждать законопроект о борьбе с немецким засильем, который, по их мнению, был наиболее важным, а кадеты и прогрессисты восприняли это как поражение Прогрессивного блока. В результате позиции правых и националистов оказалась сильнее (Вишневы 1984, с. 88). 16 июня 1916 года планировалось провести совещание по крестьянскому вопросу, по этой причине правые желали сорвать это обсуждение. Октябристы и националисты поддержали их пожелание и воспользовались своим численным большинством [Государственная дума 1916, стб. 5577–5580].

Этот факт говорит о том, что, несмотря на сложную военно-политическую обстановку и общественно-политическую ситуацию, националисты, в т. ч. прогрессивные националисты, наряду с правыми занимались рассмотрением своих узких программных вопросов; а что касается их совместной работы с октябристами, то этот факт показывает их готовность работать лишь с правой частью ранее единой октябристской фракции.

Заключение

В заключение следует сказать, что ВНС и Союз 17 октября испытывали общие проблемы, такие как внутренние разногласия, нежелание всегда действовать совместно, надежда на сильный центральный аппарат. Однако, несмотря на это, октябристы и националисты проявили себя как политические союзники, которые голосовали за одинаковые проекты, выражали поддержку власти. Следует сказать, что в октябристской фракции и в националистской выделялись собственные прогрессивные группы, что дает основу для развития исследования.

Обе фракции можно назвать союзниками не столько идеологическими, сколько ситуационными, так как октябристы были расколоты разногласиями, а националисты представляли собой силу,

которая отделилась от правой фракции и была заинтересована в союзниках, не успела найти свое место на политическом поле.

Общим моментом для обеих фракций было то, что их надежды на реализацию многих планов были связаны с П.А. Столыпиным, которому не было альтернативы, ведь он больше, чем другие высшие чиновники, выражал свою поддержку октябристско-националистическому блоку, такая ситуация помогала забывать определенные разно-

гласия, а после сентября 1911 года противоречия стали более очевидными, они заключались в первую очередь в национальном вопросе, во взглядах на правительственную реакцию, а также в том, что любой субъект политической деятельности (или тот, кто желает им быть) склонен отстаивать свои собственные интересы, не делая уступок ради большей выгоды, что могло дать умеренно-правое стабильное думское большинство для Союза 17 октября и ВНС.

Материалы исследования

Афанасьев 2010 – *Афанасьев Г.Ю.* Воссоздание императорского российского флота в дебатах III Государственной Думы и общественных дискуссиях 1906–1912 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Санкт-Петербург, 2010. 213 с.

Вишневецки 1984 – *Вишневецки Э.* Прогрессисты во время Первой мировой войны и Февральской буржуазно-демократической революции: дис. ... канд. ист. наук. Москва, 1984. 266 с.

Государственная дума 1910. Сессия 2. Часть 4 – *Государственная дума.* Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия 2. Часть 4. Санкт-Петербург: Государственная типография, 1910.

Государственная дума 1910. Сессия 3. – *Государственная дума.* Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия 3. Часть 1. Санкт-Петербург: Государственная типография, 1910.

Государственная дума 1911 – *Государственная дума.* Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия 4. Часть 1. Санкт-Петербург: Государственная типография, 1911.

Государственная дума 1916 – *Государственная дума.* Стенографические отчеты. Созыв IV. Сессия 4. Часть 1. Санкт-Петербург: Государственная типография, 1916.

Донесения Л.К. Куманина... 1999 – *Донесения Л.К. Куманина* из министерского павильона Государственной Думы, декабрь 1911 – февраль 1917 года // Вопросы истории. 1999. № 3. С. 3–27.

Лопухова 2005 – *Лопухова А.В.* Националисты в Государственной Думе Российской Империи: дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2005. 217 с.

Отчет Центрального комитета... 2000 – Отчет Центрального комитета Союза 17 октября о его деятельности с 1 сентября 1912 года по октябрь 1913 года // Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов, конференций и заседаний ЦК: в 2 т. Т. 2. Протоколы III съезда, конференций и заседаний ЦК. 1907–1915 гг. Москва: РОССПЭН. 2000. 512 с.

Погосский 1917 – *Погосский В.В.* Программы русских политических партий // Общедоступная политическая библиотека / под ред. Я.Д. Маковского. Москва: Издательство Я.Д. Маковского. 1917. 31 с.

Пономаренко 2004 – *Пономаренко Е.В.* Либерально-консервативные партии в России: место и роль в политическом процессе: дис. ... канд. полит. наук. Краснодар, 2004. 189 с.

Янченко 2009 – *Янченко Д.Г.* Бюджетно-финансовая деятельность III Государственной думы. 1907–1912 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Санкт-Петербург, 2009. 300 с.

Библиографический список

Балашов 2019 – *Балашов В.Е.* Всероссийский национальный союз и выборная кампания в IV Государственную думу // Наука. Общество. Оборона. Москва, 2019. Т. 7, № 4. DOI: <http://doi.org/10.24411/2311-1763-2019-10215>.

Дёмин 2013 а – *Дёмин В.А.* «Союз 17 октября» фракция // Государственная Дума России: энциклопедия: в 2 т. Т. 1: Государственная Дума Российской империи, 1906–1917. Москва: РОССПЭН, 2013. С. 579–581.

Дёмин 2013 б – *Дёмин В.А.* Русская национальная фракция // Государственная Дума России: энциклопедия: в 2 т. Т. 1: Государственная Дума Российской империи, 1906–1917. Москва: РОССПЭН, 2013. С. 536–538.

Дякин 1967 – *Дякин В.С.* Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны (1914–1917). Ленинград: Наука, 1967. 362 с. URL: <https://library6.com/3596/item/577100>.

Гайда 2011 – *Гайда Ф.А.* В.В. Коковцов в поисках политического курса (1911–1914) // Вестник ПСТГУ: История. История Русской Православной Церкви. 2011. Вып. 1 (38). С. 89–110. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/v-n-kokovtsov-v-poiskah-politicheskogo-kursa-1911-1914/viewer>; <https://periodical.pstgu.ru/ru/pdf/article/1343>.

Гайда 2003 – *Гайда Ф.А.* Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 – весна 1917 г.). Москва: РОССПЭН, 2003. 432 с. URL: <https://booksee.org/book/1475654>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=19682953>.

Илюхин 2012 – *Илюхин М.Ю.* Дальневосточная политика Российской империи в заседаниях Государственной Думы (III–IV созывы) // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2012. № 5 (49). С. 46–53. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=18165670>; <http://oreluniver.ru/public/file/archive/201205.pdf>.

Коцюбинский 2016 – *Коцюбинский Д.А.* Всероссийский национальный союз // Большая российская энциклопедия. Электронная версия (2016). URL: https://bigenc.ru/domestic_history/text/2334666.

Коцюбинский 2001 – *Коцюбинский Д.А.* Русский национализм в начале XX столетия: рождение и гибель идеологии всероссийского национального союза. Москва: РОССПЭН, 2001. 528 с. URL: <https://library6.com/3596/item/325991>.

Санькова 2006 – *Санькова С.М.* Русская партия в России: образование и деятельность Всероссийского национального союза (1908–1917). Орел, 2006. 370 с. URL: https://vk.com/wall-77265500_24354.

Смирнов 1998 – *Смирнов А.Ф.* Государственная Дума Российской Империи, 1906–1917: историко-правовой очерк. Москва: Книга и бизнес, 1998. 624 с. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=703951&p=1>.

Соловьёв, Шелохаев 2013 – *Соловьёв К.А., Шелохаев В.В.* История деятельности первых государственных дум дореволюционной России: сравнительный анализ традиций правотворчества. Москва: Государственная Дума, 2013. 240 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21415895>; <https://library6.com/3596/item/377114>.

References

Balashov 2019 – *Balashov V.Ye.* (2019) The All-Russian National Union and the election campaign in the IV State Duma. *Nauka. Obshchestvo. Oborona = Science. Society. Defense*. Moscow. Vol. 7, no. 4. DOI: <http://doi.org/10.24411/2311-1763-2019-10215>. (In Russ.)

Demin 2013 a – *Demin V.A.* (2013a) Union of October 17 faction. In: *State Duma of Russia: encyclopedia: in 2 vols. Vol. 1: State Duma of the Russian Empire, 1906–1917*. Moscow: ROSSPEN, pp. 579–581. (In Russ.)

Demin 2013b – *Demin V.A.* (2013b) Russian national faction. In: *State Duma of Russia: encyclopedia: in 2 vols. Vol. 1: State Duma of the Russian Empire, 1906–1917*. Moscow: ROSSPEN, pp. 536–538. (In Russ.)

Dyakin 167 – *Dyakin V.S.* (1967) The Russian bourgeoisie and tsarism during the First World War (1914–1917). Leningrad: Nauka, 362 p. Available at: <https://library6.com/3596/item/577100>. (In Russ.)

Gayda 2011 – *Gayda F.A.* (2011) V.N. Kokovtsov in search of a political policy (1911–1914). *St. Tikhon's University Review. Series II. History. Russian Church History*, Issue 1 (38), pp. 89–110. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/v-n-kokovtsov-v-poiskah-politicheskogo-kursa-1911-1914/viewer>; <https://periodical.pstgu.ru/ru/pdf/article/1343>. (In Russ.)

Gayda 2003 – *Gayda F.A.* (2003) Liberal opposition on the road to power (1914 – spring 1917). Moscow: ROSSPEN, 432 p. Available at: <https://booksee.org/book/1475654>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=19682953>. (In Russ.)

Ilyukhin 2012 – *Ilyukhin M.U.* (2012) Far East policy of the Russian Empire in meetings of the State Duma (III – IV convocations). *Scientific notes of Orel State University*, no. 5 (49), pp. 46–53. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=18165670>; <http://oreluniver.ru/public/file/archive/201205.pdf>. (In Russ.)

Kotsubinsky 2016 – *Kotsubinsky D.A.* (2016) All-Russian National Union. Retrieved from: *Great Russian Encyclopedia. Electronic version*. Available at: https://bigenc.ru/domestic_history/text/2334666. (In Russ.)

Kotsubinsky 2001 – *Kotsubinsky D.A.* (2001) Russian nationalism at the beginning of the XX century: the birth and death of the ideology of the all-Russian national union. Moscow: ROSSPEN, 528 p. Available at: <https://library6.com/3596/item/325991>. (In Russ.)

Sankova 2006 – *Sankova S.M.* (2006) The Russian Party in Russia: formation and activities of the All-Russian National Union (1908–1917). Orel, 370 p. Available at: https://vk.com/wall-77265500_24354. (In Russ.)

Smirnov 1998 – *Smirnov A.F.* (1998) State Duma of the Russian Empire, 1906–1917: historical and legal sketch. Moscow: Knigaibiznes, 624 p. Available at: <https://www.litmir.me/br/?b=703951&p=1>. (In Russ.)

Solovyev, Shelokhaev 2013 – *Solovyev K.A., Shelokhaev V.V.* (2013) The history of the first state dumas in pre-revolutionary Russia: comparative analysis of the traditions of lawmaking. Moscow: Gosudarstvennaya Duma, 240 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21415895>; <https://library6.com/3596/item/377114>. (In Russ.)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 94(47)

Дата поступления: 15.06.2021

рецензирования: 27.07.2021

принятия: 26.08.2021

«Свой/чужой» – межпоколенческие взаимоотношения отечественных историков первой четверти XX в.**А.А. Серых**

Самарский государственный технический университет, г. Самара, Российская Федерация

E-mail: serykha@mail.com. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5435-7185>

Аннотация: Статья посвящена анализу межпоколенческих отношений историков конца XIX – начала XX в. и молодых историков, слушателей Института красной профессуры. На примере текста рецензии А.А. Кизеветтера на сборник трудов молодых историков под редакцией М.Н. Покровского выделены ключевые проблемы, через которые раскрывается конфликт поколений историков в рамках научного сообщества первой четверти XX в. Первая проблема заключается в том, что А.А. Кизеветтер, как и остальные историки «старшего» поколения, оценивал «молодое» поколение историков сквозь призму личного отношения к М.Н. Покровскому, отсюда негативное отношение к работам историков. Вторая проблема – разногласие с молодыми исследователями в оценке деятельности историков «старшей» школы. Третья – неточность в интерпретации исторических источников и, главное, безапелляционность молодых историков. По мнению А.А. Кизеветтера, у молодых исследователей отсутствовало критическое мышление, необходимое при работе с историческим материалом. Дореволюционная историография отвергалась как «устаревшая». Ситуация социокультурного кризиса и революции 1917 г. создала почву для формирования конфликта поколений. Дореволюционная система эволюционного развития и бесконфликтной передачи опыта была уничтожена, и в результате диалога между поколениями не получилось. Каждая из генераций пыталась доказать собственную значимость в научной деятельности.

Ключевые слова: А.А. Кизеветтер; М.Н. Покровский; поколение; конфликт; «учитель»; «ученик»; научное сообщество; эмиграция.

Цитирование. Серых А.А. «Свой/чужой» – межпоколенческие взаимоотношения отечественных историков первой четверти XX в. // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2021. Т. 27, № 3. С. 55–64. DOI: <http://doi.org/10.12287/2542-0445-2021-27-3-55-64>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Серых А.А., 2021

Анна Александровна Серых – кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, Самарский государственный технический университет, 443100, Российская Федерация, 443100, г. Самара, ул. Молодогвардейская, 244.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 15.06.2021

Revised: 27.07.2021

Accepted: 26.08.2021

«Friend / Foe» – intergenerational relationships between Russian historians of the first quarter of the XX century**A.A. Serykh**

Samara State Technical University, Samara, Russian Federation

E-mail: serykha@mail.com. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5435-7185>

Abstract: The article is devoted to the analysis of intergenerational relations of historians of the late XIX – early XX century and young historians, students of the Institute of Red Professors. On the example of the text of the review by A.A. Kizevetter for a collection of works by young historians edited by M.N. Pokrovsky highlighted the key problems through which the conflict of generations of historians is revealed within the scientific community of the first quarter of the twentieth century. The first problem is that A.A. Kiesewetter, like other historians of the «older» generation, assessed the «young» generation of historians through the prism of a personal attitude towards M.N. Pokrovsky, hence the negative attitude towards the works of historians. The second problem is the disagreement with young researchers in assessing the activities of historians of the «senior» school. The third is the inaccuracy in the interpretation of historical sources and, most importantly, the categorical nature of young historians. According to A.A. Kiesewetter, young researchers lacked the critical thinking necessary when working with historical material. Pre-revolutionary historiography was rejected as «obsolete.» The situation of the socio-cultural crisis and the revolution of 1917 created the basis for the formation of a generational conflict. The pre-revolutionary system of evolutionary development and conflict-free transfer of experience was destroyed, and as a result, dialogue between generations did not work out. Each of the generations tried to prove its own significance in scientific activity.

Key words: A.A. Kiesewetter; M.N. Pokrovsky; generation; conflict; «teacher»; «student»; science community; emigration.

Citation. Serykh A.A. «Friend / Foe» – intergenerational relationships between Russian historians of the first quarter of the XX century. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya = Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2021, vol. 27, no. 3, pp. 55–64. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2021-27-3-55-64>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: author declares no conflict of interest.

© Serykh A.A., 2021

Anna A. Serykh – Candidate of Historical Sciences, associate professor of the Department of Philosophy, Samara State Technical University, 244, Molodogvardeyskaya Street, Samara, 443100, Russian Federation.

Введение. Определение понятия «поколение»

Первые научные разработки понятия «поколение» относятся к середине XIX в. В 1839 г. была опубликована работа О. Конта «Курс позитивной философии», в которой автор сформулировал основные идеи позитивизма и свое понимание идеи смены поколений [Конт 1971]. В начале XX в. проблема поколений выходит на новый уровень исследования. В 1928 г. К. Мангейм опубликовал работу «Проблема поколений», благодаря которой разработки проблематики вышли за рамки философии. К. Мангейм предложил использовать поколение как самостоятельную социальную единицу, он ввел понятие «судьба поколения» и определил значение общности переживаний социокультурных событий как один из важных факторов, определяющих поколение [Мангейм 1998]. В 1942 г. уже Х. Ортега-и-Гассет в работе «Вокруг Галилея» впервые раскрыл подход к пониманию «поколения» как метода исследования. Философ предложил использование «поколения» как одного из вариантов периодизации истории [Ортега-и-Гассет 1997].

В рамках исторической науки проблема поколений в первой половине XX в. оставалась непопулярной. Как отмечал П. Нора, многие историки вслед за М. Блоком и Л. Февром, хотя и осознавали «незаменимый свет, который могло бы пролить поколение на понимание эпохи, в целом отказались от этой категории как от схематичной, неэффективной, грубой и в конечном счете не столько плодотворной, сколько обедняющей» [Нора 1998, с. 55].

Во второй половине XX в. новый импульс в исследовании проблемы поколений был связан с молодежными движениями 1968 г., когда, по мнению ряда исследователей, произошел «разрыв поколений». Впоследствии поколение все чаще стало рассматриваться не столько как реальная группа, сколько как «воображаемое сообщество». Ключевой для нового понимания проблематики стала работа П. Нора «Поколение как место памяти», в которой автор пришел к выводу о символизме и условности понятия «поколение» [Нора 1998]. С конца XX в. понятие «поколение» вышло на новый междисциплинарный уровень исследования. В изданных в 2005 году сборниках «Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России» и «Поколения в социокультурном контексте XX века» проанализирован уже накопленный философский и социологический опыт восприятия проблемы

поколений, а также предложены новые модели межпоколенческой коммуникации и интеграции [Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России 2005; Поколение в социокультурном контексте XX века 2005].

В рамках современной исторической науки понятие «поколение» удобно, так как может быть применено для изучения почти любого периода прошлого, особенно для изучения всемирной и отечественной истории XIX и XX вв. Но также понятие «поколение» само по себе является очень емким и содержательно изменчивым, а отсюда возможность каждого исследователя использовать его в различных коннотациях. Так, Б.В. Дубин отмечает, что «понятие “поколение” в свернутом виде фиксирует соответствующие точки разлома социального и культурного порядка, направления и механизмы опосредования и перехода между прежним и новым» [Дубин 2005, с. 70].

Мы вслед за К. Мангеймом под «поколением» понимаем социокультурную общность людей, объединенных переживанием похожего социокультурного опыта в примерно одном возрасте. Мы предполагаем, что поколенческий метод исследования поможет более ярко отразить специфику внутринаучных коммуникаций, которые сложились в первой четверти XX в. Однако эта теория требует дополнения. К. Мангейм рассматривал поколение только как реально существующую социальную группу, что, на наш взгляд, лишает поколенческий метод исследования некоторой «гибкости», поэтому для нас оказались важными также методологические взгляды П. Нора, который понимал поколение как некоторое «воображаемое сообщество».

Для изучения характера взаимодействия в рамках научного сообщества первой четверти XX в. мы условно выделим поколение «старших» и «молодых» историков. Под поколением «старших» историков мы понимаем людей, получивших образование в университетах в 1880-х гг. и начавших свою профессиональную деятельность на рубеже столетий. К ним мы отнесем А.А. Кизветтера, С.Ф. Платонова, М.М. Богословского, Ю.В. Готье и так далее. Всем им на момент революции 1917 г. было от 50 до 60 лет. Они пережили революцию 1917 г. в осознанном возрасте, многие из них в результате произошедшего в стране переворота потеряли возможность профессионально работать или были вынуждены уехать.

К «молодым» историкам мы отнесем людей, начало профессиональной деятельности которых

совпало с началом становления советского государства и советской науки в 1920-х гг. Точнее, нас будут интересовать люди, прослушавшие курсы в Институте красной профессуры под руководством М.Н. Покровского: Н.Л. Рубинштейн, М.В. Нечкина, З.Б. Лозинский, А.Л. Сидоров, О.А. Лидак и другие, – которым в 1917 г. было около 20–25 лет. Специфика положения этих молодых историков заключалась в том, что для них преемственность и передача опыта (и профессионального, и обыденного) не воспринималась как ценность. Весь предыдущий накопленный опыт, а соответственно, и историки, транслирующие его, ассоциировались с побежденной монархической системой, а значит, были чужды молодому советскому историку.

Цель нашей работы – на примере условного, опосредованного диалога, который сложился между молодыми историками из школы М.Н. Покровского и А.А. Кизеветтером, рассмотреть возможную специфику как коммуникационной практики, так и в целом характера взаимоотношений историков, относящихся к разным возрастным группам, научным мирам и поколениям.

Взаимоотношения «старших» и «младших» историков, оказавшихся в эмиграции

Согласимся с Х. Ортега-и-Гассетом в том, что в каждый момент времени происходит взаимодействие сразу нескольких поколений, выстраивается система некоторого взаимного «притяжения» и «отталкивания» [Ортега-и-Гассет 1997, с. 261], что формирует характер взаимоотношений в нашем случае «старших» и «младших» историков.

«Старшие» историки вошли в первую четверть XX в. в статусе «взрослого» или «рабочего» поколения. На этот период приходится пик их работоспособности и вершина профессиональной карьеры. Они, уже получив определенный профессиональный и жизненный опыт, стремились транслировать его «младшему» поколению. Однако ситуация социокультурного кризиса и революции 1917 г. заставляла их также решать целый ряд других проблем, от мировоззренческих до бытовых, не связанных напрямую с профессиональной деятельностью. Зачастую единственный выход, который видели для себя эти люди, – это эмиграция в Европу или «внутренняя» эмиграция и принципиальное игнорирование происходящих в обществе процессов.

А.А. Кизеветтер стал одним из многих представителей «старой интеллигенции», который вынужден был выбрать для себя эмиграцию. В 1922 г. после постановления В.И. Ленина из страны была выслана значительная часть представителей дореволюционной интеллигенции, по некоторым данным, за рубежом находилось около 500 ученых [Раев 1994, с. 199].

Жизни и профессиональной работе А.А. Кизеветтера посвящаются все больше работ [Шпаковская 2003; Кочешков 2011; Волошина, Корзун 2017; Лачаева 2018; Корзун, Волошина 2020],

однако в его биографии остаются еще белые пятна. Александр Александрович был ярким представителем «старшего» поколения историков. Получив образование в Московском университете, прослушав курс русской истории В.О. Ключевского, поддерживая личные и профессиональные связи с П.Н. Милоковым, С.Ф. Платоновыми другими видными историками своего поколения, он «впитал» в себя традиции и мировоззренческие принципы «старой» исторической школы. Будучи в эмиграции, А.А. Кизеветтер принял активное участие в формировании одной из академических групп. С одной стороны, академические группы оказывали материальную поддержку ученым-эмигрантам и помогали им продолжить научную работу. С другой стороны, главная задача всех академических групп – подготовить новое, «молодое» поколение историков в соответствии с морально-нравственными и научными традициями «старой» школы. В Праге был создан Русский университет, в котором активно работал в том числе и А.А. Кизеветтер, отношения с молодым поколением эмигрантов, как правило, складывались без конфликтов. Университет предоставлял аспирантские стипендии молодым исследователям, например, такую стипендию получал Н.Г. Пушкарев, ученик А.А. Кизеветтера, в результате историк написал работу о крестьянском самоуправлении [Пушкарев 1924.]. Однако отношение к «молодому» поколению историков, формировавшемуся в это время в Советской России, было прямо противоположным.

Отметим, что отношения между «старшими» и «младшими» историками-эмигрантами складывались, как правило, бесконфликтно. Первая причина подобного поведения заключалась в том, что для научного сообщества отечественных историков конца XIX в. традиционно характерно бесконфликтное отношение с представителями старшего поколения, такой же была модель отношений с их «учителями». При этом ставшие уже классическими конфликты «Ключевский/Милоков» или «Бестужев-Рюмин/Платонов» – это лишь исключения, подтверждающие общие правила. Второй причиной было наличие «общего врага» в лице большевиков, захвативших власть на Родине. На фоне негодования в связи со сложившейся ситуацией и разногласий с большевиками внутренние противоречия между эмигрантами разных поколений уходили на второй план.

М.Н. Покровский и его историографическая школа

М.Н. Покровский – также условно представитель «старшего» поколения. Он младше А.А. Кизеветтера всего на два года, однако выбрал для себя другую поведенческую стратегию: М.Н. Покровский был готов к сотрудничеству с новой властью. Становление М.Н. Покровского как историка происходило одновременно с А.А. Кизеветтером, М.М. Богословским, М.К. Любавским и другими историками, получившими образование и начав-

шими профессиональную деятельность в конце XIX в. Историки находились в одной историографической ситуации, они были связаны единой сетью коммуникативных связей как профессиональных, так и дружеских, и с точки зрения теории поколений К. Мангейма мы должны отнести историков к одному, «старшему», поколению. В 1892 г. в одном из писем родным А.Е. Пресняков называл его «очень юным и талантливым субъектом» [Пресняков 2005, с. 51]. При этом принципиальная разница мировоззренческих и политических взглядов историков не позволяет нам это сделать. В данной ситуации теория П. Нора о поколении как «воображаемом сообществе» оказывается более применимой. М.Н. Покровский, будучи по возрасту и полученному профессионально опыту ближе к «старшему» поколению, все же не отождествлял себя с ним.

М.Н. Покровский оказался лоялен к новой политической системе, и в то же время новая государственная машина нуждалась в нем. П.Н. Милюков очень точно определил положение М.Н. Покровского: «Марксистам не хватало такого – совсем своего – специалиста-историка, который бы подвел фактическую основу под официальную формулу “диалектического материализма”. <...> Задача была нелегкая – в сущности даже невыполнимая. Тем более заслуги были за человеком, который за нее взялся. Это был русский историк М.Н. Покровский» [Милюков 2002, с. 507]. Однако «молодое» поколение советских историков также не воспринимало М.Н. Покровского как «своего». С.А. Пионтковский оставил в дневниковых записях очень эмоциональный и субъективный отзыв об историке: «Ему не хватало рабочей выдержки и постепенности. Историк у него портил политика, а политик портил историка, и фактически он умер, не бывши ни историком, ни политиком, хотя и внес в историческую науку очень много и, несомненно, является историографической фигурой. Это был человек с большими способностями, остроумный и парадоксальный. В личной жизни, я знал его уже после революции, начиная с 1920 г., это был самодур и рабовладелец. Он не уважал людей и страшно ценил то политическое положение, которое имел. За него он держался зубами, в кровь грызся за увеличение и укрепление своего положения» [Пионтковский 2009, с. 464].

Именно под редакцией М.Н. Покровского было опубликовано несколько сборников трудов молодых исследователей, проходивших подготовку в Институте красной профессуры. Вступительные статьи М.Н. Покровского можно рассматривать как самостоятельные работы, декларирующие его позицию о «буржуазных» историках, их работе и о «старом» научном сообществе в целом [Покровский 1923; Покровский 1927]. Для нас оказывается важна его позиция, потому что впоследствии историки «молодого» поколения будут, отталкиваясь от нее, развивать свои профессиональные взгляды и убеждения.

Критикуя структуру и специфику дореволюционного научного сообщества, М.Н. Покровский пытался показать все положительные, на его взгляд, моменты новой системы образования. Так, например, П.Н. Покровский считал, что система подготовки молодых специалистов в дореволюционных университетах была неудачной, так как давала «всегда колоссальное количество шлама. Считалось удачным, если из трех «оставленных при университете вырабатывался один университетский преподаватель» [Покровский 1923, с. 3]. При этом «оставлялись при университете, как правило, наиболее смиренные и почтительные, и лишь, как исключение, у самого смиренного и почтительного мог оказаться еще и талант» [Покровский 1923, с. 4]. И самое главное, размышляя о структуре дореволюционной научной школы, он с некоторой долей иронии ставил под сомнение авторитет старшего исследователя: «...профессор все знает – это догмат, в который каждый профессор и каждый “преданный” ученик верят не менее твердо, чем католик в “непорочное зачатие”» [Покровский 1923, с. 4]. Таким образом, М.Н. Покровский создал прецедент, благодаря которому стала возможной критика «старших» историков «молодым» поколением исследователей.

Истории образования и развития Института красной профессуры посвящено множество работ [Самородов 2020; Никуленкова 2021]. Не останавливаясь на подробном анализе структуры и системы работы этой организации, отметим лишь тот факт, что, критикуя образы и идеалы дореволюционной научной школы, М.Н. Покровский создавал свою школу, которая структурно очень напоминала дореволюционную, даже сама форма работы слушателей – семинарии – была взята из структуры дореволюционного университета. Однако содержательно подготовка молодых специалистов соответствовала потребностям государственной идеологии. М.Н. Покровский отмечал: «Наша задача – приготовить, прежде всего, хороших марксистов» [Покровский 1923, с. 7].

Рецензия как форма межпоколенческой коммуникации

В дореволюционном научном сообществе рецензии как жанр письма были востребованы. Как и другие официальные бумаги, они писались и публиковались в соответствии с определенными правилами. Это был один из официальных инструментов, благодаря которому «младшие» исследователи имели возможность получить оценку и обратную связь от «старших» коллег. Вместе с тем в текстах рецензий проявлялся и характер взаимоотношений историков. Например, в рецензии С.Б. Веселовского на книгу Е.Д. Сташевского [Веселовский 1913] проявляется резко негативное отношение историка к автору книги. В то же время рецензия П.Н. Милюкова на работу А.С. Лаппо-Данилевского [Милюков 1893] способствовала формированию в дальнейшем приятельских от-

ношений между историками. Поэтому мы рассматриваем рецензию как форму взаимоотношения поколений.

Написание А.А. Кизеветтером отзыва на сборник работ молодых советских исследователей было вполне естественным. С одной стороны, через рецензирование как форму коммуникации историк сохранял традиции дореволюционного сообщества, написать свой профессиональный отзыв на неоднозначную работу вполне естественно для него. С другой стороны, на страницах рецензии историк проводил границу «свой/чужие» между поколениями и мировоззренческими установками. А.А. Кизеветтер писал: «Ученические упражнения сами по себе, конечно, не могут представлять особого интереса. Но весьма любопытно знать, какие представления о выдающихся явлениях русской исторической литературы вбиваются в головы новобранцев «красной профессуры» [Кизеветтер 1930, с. 514].

Проблема заключалась в том, что после революции 1917 г. в Советской России изменился характер взаимоотношений между поколениями в научном сообществе. Традиционный эволюционный характер, при котором конфликты были редкостью, видоизменился в неравноправное состязание, в котором каждое из поколений стремилось доказать свою значимость. Выделим несколько реперных точек, через которые, как нам кажется, раскрывается конфликт поколений в тексте А.А. Кизеветтера.

Ключевые проблемы в «конфликте поколений»

Первая проблема – это оценка деятельности, текстов и в целом мировоззрения молодых советских исследователей сквозь призму своего личностного отношения к их «учителю». А.А. Кизеветтер крайне негативно относился к М.Н. Покровскому, что было вполне естественно в сложившейся ситуации. Однако А.А. Кизеветтер достаточно эмоционально переносил свое отношение и на его «учеников», называя их «послушной паствой» М.Н. Покровского [Кизеветтер 1930, с. 514]. По мнению историка, тексты сборника – это не более чем интерпретация уже существующих работ М.Н. Покровского. А.А. Кизеветтер отмечал, что в текстах практически нет самостоятельной работы, поэтому негативное отношение к М.Н. Покровскому транслировалось и на молодое поколение. А.А. Кизеветтер писал: «Изложив общие идеи того или иного историка, они затем раскрывают свой непререкаемый Коран, то есть «Русскую историю» товарища Покровского, и восклицают “смотри, читатель, все прежние историки мыслили совсем не так, как Покровский!”» [Кизеветтер 1930, с. 515].

Вторая проблема заключается в том, что А.А. Кизеветтер, в отличие от молодых историков, был лично знаком с некоторыми из тех историков, о которых идет речь в текстах. Так, например,

А.А. Кизеветтер оставил негативный отзыв о статье М.В. Нечкиной, посвященной В.О. Ключевскому [Нечкина 1930]. Отмечая достоинства молодого автора и называя Милицу Васильевну «наиболее серьезным автором в числе сотрудников Сборника» [Кизеветтер 1930, с. 514], вместе с тем он эмоционально показал неубедительность позиции молодого историка, который впоследствии станет основным специалистом по биографии и творчеству В.О. Ключевского. В статье М.В. Нечкина обвиняла В.О. Ключевского в шовинизме и в том, что он был «идеологом промышленного капитализма» (цит. по: [Кизеветтер 1930, с. 518]). Отсутствие марксистской идеи в исторической концепции В.О. Ключевского объяснялось М.В. Нечкиной тем, что В.В. Ключевский был незнаком с идеями марксизма. В свою очередь А.А. Кизеветтер резко и эмоционально реагировал на это умозаключение: «Госпоже Нечкиной не приходит в голову, что Ключевский, наверное, был знаком с марксистской теорией государства еще тогда, когда М. Нечкиной не было на свете, и если он этой теорией не соблазнился, то, очевидно, у него были на это свои теоретические основания» [Кизеветтер 1930, с. 518].

Если взгляды М.В. Нечкиной А.А. Кизеветтер был склонен оценивать как «наивные», то статью О.А. Лидака о П.Н. Милокове [Лидак 1930] А.А. Кизеветтер называл «нахальной» [Кизеветтер 1930, с. 518]. О.А. Лидак позволил себе называть П.Н. Милокова «сознательным фальсификатором» и «гнусным клеветником» [Лидак 1930, с. 212]. А.А. Кизеветтер, будучи лично знаком с П.Н. Милоковым, был оскорблен подобными формулировками. Историк отмечал: «Тут уже митинговая фразеология пущена целым фонтаном, и Милоков называется не иначе, как лжецом и грязным клеветником» [Кизеветтер 1930, с. 518].

Третья проблема – это вольность в интерпретации исторических фактов, которую, по мнению А.А. Кизеветтера, позволяли себе молодые историки. М.Н. Покровский в предисловии к сборнику отмечал, что «материал, собранный буржуазными историками, как материал, в тесном смысле этого слова, может быть попользован и нами, под условием его “расшифровки”, то есть снятия той идеологической оболочки, которою он был окутан у наших предшественников» [Покровский 1927, с. 10]. Однако А.А. Кизеветтер отметил несколько фактических ошибок в статье Н. Рубинштейна. Например, о времени появления славянофильства или об источниках формирования рабочей силы на мануфактурах первой четверти XVII в.

И главная проблема, на которую обращал внимание А.А. Кизеветтер в текстах сборника, – это безапелляционность молодых историков. По мнению А.А. Кизеветтера, у «молодых» историков отсутствовало критическое мышление, необходимое при работе с историческими источниками. Для молодого поколения советских историков «исторические идеи марксизма суть аксиомы,

не нуждающейся ни в каких доказательствах» [Кизеветтер 1930, с. 518]. Значение дореволюционной историографии отвергалось только потому, что дореволюционные историки не придерживались либо неверно интерпретировали идеи марксизма. «Старшее» поколение историков, находясь в эмиграции или под контролем со стороны государственных органов, не имело возможности «оправдаться» и донести свою методологическую позицию до молодого поколения.

До начала XX в. и связанных с ним социокультурных кризисов российское общество было основано на вертикально организованной институциональной системе. К похожим системам, по мнению Ю.А. Левады, относятся «общественные системы, опорные структуры которых легитимированы прошлыми, нередко сакрализованными установлениями, нормами, авторитетами и текстами» [Левада 2005, с. 237]. В подобных системах действует иерархия авторитетов, а условием социализации принято считать верность сложившимся традициям и догмам, отсюда и стремление к сохранению бесконфликтности в отношениях «старших» и «младших» поколений. У «младшего» поколения историков первой четверти XX в. авторитетов (за исключением самого М.Н. Покровского) нет, отсюда слом сложившейся вертикальной системы взаимодействия.

Одна из самых эмоциональных и субъективных оценок дореволюционных историков принадлежит С.А. Пионтковскому. Историк отмечал в дневнике: «Право, когда я смотрю на наших стариков профессоров, академиков вроде Богословского, мне всегда вспоминаются кельи алхимиков, которые я видел в Праге. Должно быть, и там такие сидели по своим кельям, запершись на замок, эти средневековые идиоты и варили из всякой дряни золото. Так и теперь сидят эти алхимики и варят историю о том, сколько пуговиц было на штанах у Петра Великого» [Пионтковский 2009, с. 133]. «Младшие» историки не считали возможным «равняться» на авторитет и профессиональные взгляды «старших». Для них прошлое, в том числе и прошлое отечественной исторической науки, – это исторический материал, который необходимо верно интерпретировать. Они не видели в С.М. Соловьеве, В.О. Ключевском, С.Ф. Платонове или М.М. Богословском авторитетов и «идеалов» для подражания. В то же время «старшее» поколение практически не имело возможности донести до молодых исследователей свои взгляды.

С.Н. Валк, анализируя этот период отечественной науки, отмечал «искусственно раздуваемую» тенденцию «к противопоставлению старых крупных ученых <...> начинающей научной молодежи, более начитанной в марксистской литературе, но еще не имеющей опыта исследовательской работы» [Валк 2000, с. 150]. Это, по мнению С.Е. Валка, было главной причиной «того нездорового нигилизма, который господствовал тогда среди значительной части историков-марксистов

в отношении изучения достижений буржуазной историографии. Эта историография обычно отрицалась полностью и безоговорочно» [Валк 2000, с. 150].

В результате диалога между поколениями не получилось: каждое из поколений в этом состязании пыталось доказать собственную значимость. А.А. Кизеветтер с горечью отмечал: «Это зрелище наводит <...> на тяжелые мысли, ибо оно показывает, что целое поколение ушибленных марксизмом молодых русских историков обречено на исторический дальтонизм и на непрерывное топтание все на одном месте» [Кизеветтер 1930, с. 514–515].

В подтверждение мысли историка об «историческом дальтонизме» молодых историков приведем умозаключение, к которому пришел в 1928 г. С.А. Пионтковский, после научного диспута в РАНИОНе. Историк отмечал в дневнике: «Люди никак не могут усвоить простейших вещей, что, например, в истории был класс и классовая борьба, и, когда им доказываешь, что нужно употреблять слово класс, им кажется это крайним флангом ортодоксии» [Пионтковский 2009, с. 129].

Сохранение традиций научного сообщества «молодыми» историками

Впоследствии историки-марксисты все же сохраняли черты преемственности со «старшим» поколением. Несмотря на разницу методологических взглядов, характер и форма работы с историческими источниками, а также с учениками была очень похожей. Так, например, лекторская манера М.В. Нечкиной была схожа с манерой В.И. Герье. В воспоминаниях о студенческих годах А.А. Кизеветтер так описывал лекторский талант историка: «Герье читал просто, без всяких эффектов, неторопливо и размеренно, очень ясно и отчетливо излагая свою мысль» [Кизеветтер 1997, с. 55]. М.Г. Рабинович позже писал о лекциях М.В. Нечкиной: «Читала хорошим языком, ровно, без больших эмоциональных перепадов. Подчеркивала только самое главное» [Рабинович 2005, с. 135].

При этом работа М.В. Нечкиной со студентами была во многом схожа с работой В.О. Ключевского. Оба историка не терпели «школярства» студентов. В.О. Ключевский отмечал: «Наша обязанность <...> помогать, чем можем, художникам, желающим изучить русскую историю и ищущим вдохновение в ней; я только не люблю, когда ко мне обращаются с вопросами специалисты: сам мне приходи» (цит. по: [Готье 1912, с. 180]). В рамках правила «сам приходи» работала и М.В. Нечкина. М.Г. Рабинович вспоминал: «Нечкина требовала от нас полной самостоятельности. Выражаясь фигурально, она сразу бросала нас в воду, чтобы мы сами выплывали» [Рабинович 2005, с. 136]. Со временем изменилось у историков и отношение к методологическим взглядам коллег или оппонентов. М.В. Нечкина, как один из ярких «ни-

гилистов» 1920-х гг., впоследствии доказывала необходимость присутствия в работе состязательного элемента. В отзыве на доклад С.В. Юшкова «История Русского государства» М.В. Нечкина отмечала, что «можно сделать любые выводы, но внутренне сходные между собой, и тогда можно спорить с концепцией, полностью опровергать, принимать частично: есть плацдарм для спора» (цит по: [Сидорова 2008, с. 251]).

Заключение

Таким образом, мы приходим к выводу, что в 1920–1930-е гг. в историческом научном сообществе Советской России преобладал конфликт поколений. Молодому государству требовались «молодые» историки с «правильным» мировоззре-

нием. «Отречение от отцов» и конфликт поколений были одной из основных идей нового государства. Невозможность непосредственного диалога между историками разных поколений приводила к эскалации конфликта, что находило выражение во взаимных обвинениях на страницах научных изданий. Однако впоследствии, когда социокультурный кризис, вызванный революцией, пошел на спад, историки «младшего» поколения, оказавшись уже сами в положении «учителей», во многом стали повторять формы и методы работы дореволюционных историков «старой» школы. В результате ключевые идеи и традиции дореволюционного отечественного научного сообщества, несколько видоизменившись в контексте советского государства, сохранились.

Библиографический список

- Валк 2000 – Валк С.Н. Иван Иванович Смирнов // Валк С.Н. Избранные труды по историографии и источниковедению. Москва: Наука, 2000. С. 146–188. URL: http://www.spbiiran.nw.ru/wp-content/uploads/2016/08/Valk_S_N_9.pdf.
- Веселовский 1913 – Веселовский С.Б. (Рец.) Сташевский Е.Д. Очерки по истории царствования Михаила Федоровича. Ч. I: Московское общество и государство от начала царствования Михаила Федоровича до эпохи Смоленской войны. Киев, 1913 // Журнал министерства народного просвещения. 1913. Октябрь. С. 358–380.
- Волошина, Корзун 2017 – Волошина В.Ю., Корзун В.П. Эмигрантский период жизни А.А. Кизеветтера в оптике «профессорской культуры» // Диалог со временем. 2017. № 58. С. 39–70. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28863632>; https://roii.ru/publications/dialogue/article/58_3/voloshina_v.yu.,korzun_v.p./aa-kisevetters-life-of-emigrant-in-the-light-of-professorial-culture.
- Готье 1912 – Готье Ю.В. В.О. Ключевский как руководитель начинающих ученых (из личных воспоминаний) // В.О. Ключевский. Характеристики и воспоминания. Москва, 1912. С. 177–182. URL: <https://www.prlib.ru/item/322778>.
- Дубин 2005 – Дубин Б.В. Поколение: смысл и границы понятия // Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России / сост. Ю.А. Левада, Т. Шанин. Москва, 2005. С. 61–79. URL: <https://knigogid.ru/books/83262-otcy-i-deti-pokolencheskiy-analiz-sovremennoy-rossii>.
- Кизеветтер 1930 – Кизеветтер А.А. Русская историография в оценке советских историков. Русская историческая литература в классовом освещении: сб. ст. / ред. и предисл. М.Н. Покровского. Том I. Труды Института красной профессуры // Современные записки. Париж. 1931. № 46. С. 514–520. URL: http://emigrantika.imli.ru/images/pdf/SZ-46_1931-05.pdf.
- Кизеветтер 1997 – Кизеветтер А.А. На рубеже двух столетий. Воспоминания. 1881–1914. Москва: Искусство, 1997. 396 с. URL: http://dugward.ru/library/kizevetter/kizevetter_na_rubeje.html.
- Конт 1971 – Конт О. Курс позитивной философии. // Антология мировой философии: в 4 т. Т. 3. Москва: Мысль, 1971. С. 549–586. URL: https://sociology.mephi.ru/docs/sociologia/html/kont_positive_philosophy.html.
- Корзун, Волошина 2020 – Корзун В.П. Волошина В.Ю. Советские и эмигрантские историки в оценке П.Н. Милюкова (1920–1940-е гг.): особенности корпоративной памяти // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2020. Т. 7, № 1 (25). С.81–89. DOI: [http://doi.org/10.24147/2312-1300.2020.7\(1\).81-89](http://doi.org/10.24147/2312-1300.2020.7(1).81-89).
- Кочешков 2011 – Кочешков Г.Н. Идеино-теоретическое наследие А.А. Кизеветтера. Ярославль: ЯГПУ, 2011. 133 с.
- Лачаева 2018 – Лачаева М.Ю. Историк Александр Александрович Кизеветтер о проблемах городского общественного управления в Москве в конце XVIII в. // Московская городская дума. 1785–1862 гг. От Екатерины II до Александра II: материалы науч.-практ. конф. Москва: Парламентская библиотека Московской городской думы, 2018. С.63–69. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=37002260>; <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/230292289.pdf>.
- Левада 2005 – Левада Ю.А. Заметки о проблеме поколений // Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России / сост. Ю.А. Левада, Т. Шанин. Москва: Новое литературное обозрение, 2005. С. 235–244. URL: <https://polit.ru/article/2002/04/17/474862>.
- Лидак 1930 – Лидак О.А. П.Н. Милюков как историк // Русская историческая литература в классовом освещении: сб. ст. в 2 т. / под ред. М.Н. Покровского. Москва: Издательство Коммунистической академии, 1930. Т. 2. С. 121–214.
- Мангейм 1998 – Мангейм К. Проблема поколений // Новое литературное обозрение. 1998. № 2 (30). С.7–47.
- Милюков 1893 – Милюков П.Н. Спорные вопросы финансовой истории Московского государства (Рец.) на сочинение А.С. Лаппо-Данилевского «Организация прямого обложения в Московском государстве». Санкт-

Петербург, 1890 // Журнал министерства народного просвещения. 1893. Июль. С. 200–224. URL: https://minfin.gov.ru/ru/document/?id_4=133787-milyukov_p_spornye_voprosy_finansovoi_istorii_moskovskogo_gosudarstva_retsenziya_na_sochinenie_a.s_lappo-danilevskogo_organizatsiya_pryamogo_oblozheniya_v_moskovskom_gosud.

Миллюков 2002 – Миллюков П.Н. Величие и падение М.Н. Покровского (эпизод из истории науки в СССР) // Миллюков П.Н. Очерки истории исторической науки. Москва: Наука, 2002. С. 505–524. URL: [http://ideology.rhga.ru/upload/iblock/bff/11\)%20П.%20Н.%20Миллюков.pdf](http://ideology.rhga.ru/upload/iblock/bff/11)%20П.%20Н.%20Миллюков.pdf); http://az.lib.ru/m/miljukow_p_n/text_1937_velichie_i_padenie.shtml.

Нечкина 1930 – Нечкина М.В. В.О. Ключевский // Русская историческая литература в классовом освещении: сб. ст. / под ред. М.Н. Покровского. Т. 2. Москва: Издательство Коммунистической академии, 1930. С. 215–350.

Никуленкова 2021 – Никуленкова Е.В. Проблема обеспечения Института красной профессуры преподавателями в 1920-е годы // Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. 2021. № 1 (70). С. 58–66. DOI: <http://doi.org/10.37724/RSU.2021.70.1.006>.

Нора 1998 – Нора П. Поколение как место памяти // Новое литературное обозрение. 1998. № 2 (30). С. 48–72.

Ортега-и-Гассет 1997 – Ортега-и-Гассет Х. Вокруг Галилея. (Схема кризисов) // Избранные труды. Москва: Весь мир, 1997. С. 233–403. URL: http://krotov.info/library/15_o/rt/ega_06.htm; http://scahi.org/download/ortega_i_gasset_izbrannoe.pdf.

Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России 2005 – *Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России* / сост. Ю.А. Левада, Т. Шанин. Москва: Новое литературное обозрение, 2005. 328 с. URL: <https://knigogid.ru/books/83262-otcy-i-deti-pokolencheskiy-analiz-sovremennoy-rossii>.

Пионтковский 2009 – Дневник историка С.А. Пионтковского (1927–1934) / Отв. ред. А.Л. Литвин. Казань: Казанский государственный университет, 2009. 515 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19720573>; https://www.studmed.ru/litvin-a-l-otv-red-i-vstup-st-dnevnik-istorika-s-a-piontkovskogo_22937bf5ddd.html.

Поколение в социокультурном контексте XX века 2005 – *Поколение в социокультурном контексте XX века* / отв. ред. Н.А. Хренов. Москва: Наука, 2005. 631 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23349142>.

Покровский 1923 – Покровский М.Н. Институт красной профессуры. К первой годовщине // Институт красной профессуры. Работы семинариев философского, экономического и исторического за 1921–1922 гг.: (1 курс). Москва; Петроград: Государственное издательство, 1923. С. 3–10. URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/8892-institut-krasnoy-professury-moskva-raboty-seminariyev-filosofskogo-ekonomicheskogo-i-istoricheskogo-za-1921-1922-gg-1-kurs-m-pg-1923-trudy-in-ta-krasnoy-professury-t-1>.

Покровский 1927 – Покровский М.Н. Предисловие к сборнику статей «Русская историческая литература в классовом освещении»: в 2 т. // Русская историческая литература в классовом освещении. Т. 1. Москва: Издательство Коммунистической академии, 1927. С. 5–18. URL: <http://pokrovsky.newgod.su/books/istoricheskaya-nauka-i-borba-klassov-1/predislovie-k-sborniku-statei-russkaia-istoricheskaya-literatura-v-classovom-osveshchenii/>.

Пресняков 2005 – Александр Евгеньевич Пресняков. Письма и дневники, 1889–1927. Санкт-Петербург: ДБ, 2005. 966 с.

Пушкарев 1924 – Пушкарев С.Г. Очерки истории крестьянского самоуправления в России. Прага: Винничук, 1924. 43 с. URL: <https://www.prlib.ru/item/436045>.

Рабинович 2005 – Рабинович М.Г. Записки советского интеллектуала. Москва: Новое литературное обозрение, 2005. 390 с. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=252173&p=1>.

Раев 1994 – Раев М. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции. 1919–1939. Москва: Прогресс-академия, 1994. 292 с.

Самородов 2020 – Самородов Д.П. Безвременье академической истории. Становление советской исторической мысли в 20-х – начале 30-х гг. XX в. и утверждение марксизма (организационно-академический аспект) // Клио. 2020. № 6 (162). С. 61–69. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43004815>.

Сидорова 2008 – Сидорова Л.А. Советская историческая наука середины XX века. Синтез трех поколений историков. Москва: ИРИ РАН, 2008. 294 с.

Шпаковская 2003 – Шпаковская М.А. А.А. Кизеветтер в российской историографии. Москва: РУДН, 2003. 314 с.

References

Valk 2000 – Valk S.N. (2000) Ivan Ivanovich Smirnov. In: *Valk S.N. Selected works on historiography and source study*. Moscow: Nauka, pp. 146–188. Available at: http://www.spbiiran.nw.ru/wp-content/uploads/2016/08/Valk_S_N_9.pdf. (In Russ.)

Veselovskii 1913 – Veselovskii S.B. (Reviewer) (1913) Stashevsky E.D. *Essays on the history of the reign of Mikhail Fedorovich. Part I: Moscow society and the state from the beginning of the reign of Mikhail Fedorovich to the era of the Smolensk war. Kiev, 1913*. In: *Zhurnal Ministerstva narodnogoprosveshcheniya*, October, pp. 358–380. (In Russ.)

Voloshina, Korzun 2017 – Voloshina V.Yu., Korzun V.P. (2017) A.A. Kiesewetter's life of emigrant in the light of «professional culture». *Dialog with Time*, no. 58, pp. 39–70. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28863632>; https://roii.ru/publications/dialogue/article/58_3/voloshina_v.yu.,korzun_v.p./aa-kiesewetters-life-of-emigrant-in-the-light-of-professorial-culture. (In Russ.)

Got'e 1912 – *Got'e Yu.V.* (1912) V.O. Klyuchevsky as the leader of novice scientists (from personal memoirs). In: *V.O. Klyuchevsky. Characteristics and memories*. Moscow, pp. 177–182. Available at: <https://www.prlib.ru/item/322778>. (In Russ.)

Dubin 2005 – *Dubin B.V.* (2005) Generation: meaning and boundaries of the concept. In: *Levada Yu.A., Shanin T. Fathers and sons: a generational analysis of contemporary Russia*. Moscow, pp. 61–79. Available at: <https://knigogid.ru/books/83262-otcy-i-deti-pokolencheskiy-analiz-sovremennoy-rossii>. (In Russ.)

Kiesewetter 1930 – *Kiesewetter A.A.* (1930) Russian historiography in the assessment of Soviet historians. Russian historical literature in class coverage. Collection of articles. Editorship and foreword by M.N. Pokrovsky. Vol. I. Proceedings of the Institute of Red Professors. *Sovremnyezapiski*, no. 46, pp. 514–520. Available at: http://emigrantika.imli.ru/images/pdf/SZ-46_1931-05.pdf. (In Russ.)

Kiesewetter 1997 – *Kiesewetter A.A.* (1997) At the turn of two centuries. Memories. 1881–1914. Moscow: Iskustvo, 396 p. Available at: http://dugward.ru/library/kizevetter/kizevetter_na_rubeje.html. (In Russ.)

Comte 1971 – *Comte A.* (1971) The Course in Positive Philosophy. In: *Anthology of world philosophy in 4 vol. Vol. 3*. Moscow: Mysl', 1971, pp. 549–586. Available at: https://sociology.mephi.ru/docs/sociologia/html/kont_positive_philosophy.html. (In Russ.)

Korzun, Voloshina 2020 – *Korzun V.P., Voloshina V.Yu.* (2020) Soviet and emigrant historians in the eyes of P.N. Milyukov (1920s–1940s): corporate memory features. *Herald of Omsk University. Series: «Historical Studies»*, vol. 7, no. 1 (25), pp. 81–89. DOI: [http://doi.org/10.24147/2312-1300.2020.7\(1\).81-89](http://doi.org/10.24147/2312-1300.2020.7(1).81-89). (In Russ.)

Kocheshkov 2011 – *Kocheshkov G.N.* (2011) Ideological and theoretical legacy of A.A. Kiesewetter. Yaroslavl: YaGPU, 133 p. (In Russ.)

Lachaeva 2018 – *Lachaeva M.Y.* (2018) Historian Alexander Kiesewetter about the problems of urban public administration in Moscow in the end. In: *Moscow City Duma. 1785–1862. From Catherine II to Alexander II: materials of the research and practical conference*. Moscow: Parlamentskaya biblioteka Moskovskoi gorodskoi dumy, pp. 63–69. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=37002260>; <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/230292289.pdf>. (In Russ.)

Levada 2005 – *Levada Yu.A.* (2005) Notes on the problem of generations. In: *Levada Yu.A., Shanin T. Fathers and sons: a generational analysis of contemporary Russia*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 235–244. Available at: <https://polit.ru/article/2002/04/17/474862>. (In Russ.)

Lidak 1930 – *Lidak O.A.* (1930) P.N. Milyukov as a historian. In: *Pokrovsky M.N. (Ed.) Russian historical literature in class coverage: a collection of articles in 2 volumes*. Moscow: izdatel'stvo Kommunisticheskoi akademii, vol. 2, pp. 121–214. (In Russ.)

Mannheim 1998 – *Mannheim K.* (1998) The problem of generations. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 2 (30), pp. 7–47. (In Russ.)

Milyukov 1893 – *Milyukov P.N.* (1893) Controversial Issues of the Financial History of the Moscow State (Review) on the composition of Lappo-Danilevsky A.S. «Organization of direct taxation in the Moscow state». Saint Petersburg, 1890. In: *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*, July, pp. 200–224. Available at: https://minfin.gov.ru/ru/document/?id_4=133787-milyukov_p_spornye_voprosy_finansovoi_istorii_moskovskogo_gosudarstva_retsenziya_na_sochinenie_a.s_lappo-danilevskogo_organizatsiya_pryamogo_oblozheniya_v_moskovskom_gosud. (In Russ.)

Milyukov 2002 – *Milyukov P.N.* (2002) The greatness and fall of M.N. Pokrovsky (episode from the history of science in the USSR). In: *Milyukov P.N. Essays on the history of historical science*. Moscow: Nauka, pp. 505–524. Available at: [http://ideology.rhga.ru/upload/iblock/bff/11\)%20П.%20Н.%20Миллюков.pdf](http://ideology.rhga.ru/upload/iblock/bff/11)%20П.%20Н.%20Миллюков.pdf); http://az.lib.ru/m/miljukow_p_n/text_1937_velichie_i_padenie.shtml. (In Russ.)

Nechkina 1930 – *Nechkina M.V.* (1930) V.O. Klyuchevsky. In: *Pokrovsky M.N. (Ed.) Russian historical literature in class coverage: a collection of articles: in 2 vols*. Moscow: Izdatel'stvo Kommunisticheskoi akademii, vol. 2, pp. 215–350. (In Russ.)

Nikulenкова 2021 – *Nikulenкова E.V.* (2021) The issue of personnel logistics in the Institute of Red Professors in the 1920s. *The Bulletin of Ryazan State University named for S.A. Yesenin*, no. 1 (70), pp. 58–66. DOI: <http://doi.org/10.37724/RSU.2021.70.1.006>. (In Russ.)

Nora 1998 – *Nora P.* (1998) Generation as a place of memory. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 2 (30), pp. 48–72. (In Russ.)

Ortega y Gasset 1997 – *Ortega y Gasset José* (1997). About Galileo. (Crisis diagram). In: *Selected works*. Moscow: Ves' mir, pp. 233–403. Available at: http://krotov.info/library/15_or/tega_06.htm; http://scahi.org/download/ortega_i_gasset_izbrannoe.pdf. (In Russ.)

Fathers and sons: a generational analysis of contemporary Russia 2005 – *Levada Yu.A., Shanin T. Fathers and sons: a generational analysis of contemporary Russia*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 328 p. Available at: <https://knigogid.ru/books/83262-otcy-i-deti-pokolencheskiy-analiz-sovremennoy-rossii>. (In Russ.)

Piontkovsky 2009 – *Litvin A.L. (Ed.)* (2009) The diary of the historian S.A. Piontkovsky (1927–1934). Kazan: Kazanski gosudarstvennyi universitet, 515 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19720573>; https://www.studmed.ru/litvin-a-l-otv-red-i-vstup-st-dnevnik-istorika-s-a-piontkovskogo_22937bf5ddd.html. (In Russ.)

Generation in the socio-cultural context of the XX century 2005 – *Khrenov N.A. (Ed.)* (2005) Generation in the socio-cultural context of the XX century. Moscow: Nauka, 631 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23349142>. (In Russ.)

- Pokrovsky 1923 – *Pokrovsky M.N.* (1923) Institute of Red Professors. On the first anniversary. In: *Institute of Red Professors. Works of seminaries of philosophical, economic and historical for 1921–1922: (1 course)*. Moscow; Petrograd: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, pp. 3–10. Available at: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/8892-institut-krasnoy-professury-moskva-raboty-seminariy-filosofskogo-ekonomicheskogo-i-istoricheskogo-za-1921-1922-gg-1-kurs-m-pg-1923-trudy-in-ta-krasnoy-professury-t-1>. (In Russ.)
- Pokrovsky 1927 – *Pokrovsky M.N.* (1927) Preface to the collection of articles «Russian historical literature in class coverage»: in 2 vols. In: *Russian historical literature in class coverage. Vol. 1*. Moscow: Izdatel'stvo Kommunisticheskoi akademii, pp. 5–18. Available at: <http://pokrovsky.newgod.su/books/istoricheskaya-nauka-i-borba-klassov-1/predislovie-k-sborniku-statei-russkaia-istoricheskaya-literatura-v-classovom-osveshchenii>. (In Russ.)
- Presnyakov 2005 – Alexander Evgenievich Presnyakov. Letters and Diaries, 1889–1927. Saint Petersburg: DB, 966 p. (In Russ.)
- Pushkarev 1924 – *Pushkarev S.G.* (1924) Essays on the history of peasant self-government in Russia. Praga: Vinnichuk, 43 p. Available at: <https://www.prlib.ru/item/436045>. (In Russ.)
- Rabinovich 2005 – *Rabinovich M.G.* (2005) Notes of a Soviet intellectual. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 390 p. Available at: <https://www.litmir.me/br/?b=252173&p=1>. (In Russ.)
- Raef 1994 – *Raef M.* (1994) Russia abroad: A Cultural history of the Russian emigration 1919–1939. Moscow: Progress-akademiya, 292 p. (In Russ.)
- Samorodov 2020 – *Samorodov D.P.* (2020) Timeless academic history. Formation of the Soviet historical thought in the 20 – the beginning of the 30s XX century and the approval of Marxism (organizational-academic aspect). *Klio*, no. 6 (162), pp. 61–69. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43004815>. (In Russ.)
- Sidorova 2008 – *Sidorova L.A.* (2008) Soviet historical science of the middle of the XX century. Synthesis of three generations of historians. Moscow: IRI RAN, 294 p. (In Russ.)
- Shpakovskaya 2003 – *Shpakovskaya M.A.* (2003) A.A. Kiesewetter in Russian historiography. Moscow: RUDN, 314 p. (In Russ.)

ПЕДАГОГИКА PEDAGOGICS

DOI: 10.18287/2542-0445-2021-27-3-65-71

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 378

Дата поступления: 12.05.2021
рецензирования: 18.06.2021
принятия: 26.08.2021

Формирование навыков работы с культурными кодами на занятиях по филологическим дисциплинам

С.А. Голубков

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация

E-mail: golubkovsa@yandex.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3423-1520>

Аннотация: В статье идет речь о формировании навыков работы с культурными кодами в процессе преподавания литературоведческих дисциплин в бакалавриате, магистратуре и аспирантуре. Автор исходит из современного понимания культурного кода как интегрального понятия, включающего большое количество взаимосвязанных элементов (мифологические архетипы, идеологемы, явления интертекстуальности, поведенческие стереотипы). Интерес к этой проблеме актуален. Совокупность культурных кодов составляет символический капитал наций, социальных групп, поколений. С научной точки зрения весьма продуктивно использование понятия уникального писательского кода. Большой художник слова передает как эстафету последующим писательским поколениям некий творческий код – уникальную систему художественных знаков (цитат, героев, ключевых слов, фабульных схем, жанровых моделей, приемов повествования и т. д.), опознаваемых как читателями, так и писателями-продолжателями. Существуют такие персональные культурные коды, как гоголевский, лесковский, чеховский, код Достоевского. Культурный код обычно реализуется в художественном тексте как в эксплицитных, так и в имплицитных формах. Таковы сатирико-юмористические произведения, ассоциативная лирическая проза, альтернативно-исторические и квазидокументальные тексты, фантастическая литература. Само наличие скрытой семантики и сложных интертекстуальных отсылок ставит перед читателем задачу адекватного творческого декодирования произведения. Непростыми для расшифровки оказываются и литературные произведения, созданные с использованием кинематографического кода (эффекты монтажа, «стоп-кадра», укрупнения детали, изобразительная динамика). В статье идет речь о выборе литературоведческих дисциплин, располагающих большими ресурсами для целенаправленного изучения культурных кодов. Дается оценка средствам выявления культурного кода в художественном тексте. Уделяется внимание отработке точного понимания и адресного использования системы понятий, которой обладает каждая дисциплина. Это связано с непростыми метаморфозами в нашу эпоху филологического тезауруса из-за освоения порой противоречивого понятийного аппарата относительно автономных иноязычных литературоведческих научных систем. В процессе углубления знания такого понятийного аппарата следует избегать нежелательного эклектизма. Главный результат такой работы видится автору статьи в поэтапном приобретении обучающимся всех тех знаний, умений и навыков, которые позволяют находить оптимальный баланс между практикой скрупулезного конкретного анализа отдельного литературного текста и целостным видением культурной эпохи и литературного процесса как масштабной динамичной системы.

Ключевые слова: культурный код; уникальный авторский код; символический капитал; системное изучение; тезаурус; геокультурный подход; интертекстуальность; декодирование.

Цитирование. Голубков С.А. Формирование навыков работы с культурными кодами на занятиях по филологическим дисциплинам // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2021. Т. 27, № 3. С. 65–71. DOI: <http://doi.org/10.12287/2542-0445-2021-27-3-65-71>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Голубков С.А., 2021

Сергей Алексеевич Голубков – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской и зарубежной литературы и связей с общественностью, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 12.05.2021
Revised: 18.06.2021
Accepted: 26.08.2021

**Formation of skills of working with cultural codes
in classes in philological disciplines**

S.A. Golubkov

Samara National Research University, Samara, Russian Federation

E-mail: golubkovsa@yandex.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3423-1520>

Abstract: The article deals with the formation of skills of working with cultural codes in the process of teaching literary disciplines in bachelor's, master's and postgraduate studies. The author proceeds from the modern understanding of the cultural code as an integral concept, which includes a large number of interrelated elements (mythological archetypes, ideologems, intertextuality phenomena, behavioral stereotypes). The interest in this problem is relevant. The totality of cultural codes is the symbolic capital of nations, social groups, and generations. From a scientific point of view, the use of the concept of a unique writer's code is very productive. A great artist of the word passes on a certain creative code as a baton to subsequent writer's generations – a unique system of artistic signs (quotes, characters, keywords, plot schemes, genre models, narrative techniques, etc.), recognized by both readers and writers-followers. There are such personal cultural codes as Gogol's, Leskovsky's, Chekhov's, and Dostoevsky's code. The cultural code is usually implemented in a literary text in both explicit and implicit forms. These are satirical and humorous works, associative lyrical prose, alternative historical and quasi-documentary texts, and fantastic literature. The very presence of hidden semantics and complex intertextual references sets the reader the task of adequate creative decoding of the work. Literary works created with the use of cinematic code (editing effects, «freeze-frame», detail enlargement, visual dynamics) are also difficult to decipher. The article deals with the choice of literary disciplines that have large resources for the purposeful study of cultural codes. The assessment of the means of identifying the cultural code in a literary text is given. Attention is paid to developing an accurate understanding and targeted use of the system of concepts that each discipline has. This is due to the difficult metamorphoses in our era of the philological thesaurus due to the development of the sometimes contradictory conceptual apparatus of relatively autonomous foreign-language literary scientific systems. In the process of deepening the knowledge of such a conceptual apparatus, undesirable eclecticism should be avoided. The main result of such work is seen by the author of the article in the gradual acquisition of all the knowledge, skills and abilities that allow students to find the optimal balance between the practice of scrupulous concrete analysis of a particular literary text and a holistic vision of the cultural era and the literary process as a large-scale dynamic system.

Key words: cultural code; unique author's code; symbolic capital; systematic study; thesaurus; geocultural approach; intertextuality; decoding.

Citation. Golubkov S.A. Formation of skills of working with cultural codes in classes in philological disciplines. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya = Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2021, vol. 27, no. 3, pp. 65–71. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2021-27-3-65-71>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: author declares no conflict of interest.

© Golubkov S.A., 2021

Sergey A. Golubkov – Doctor of Philology, professor, professor of the Department of Russian and Foreign Literature and Public Relations, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

Преподаватель-филолог в процессе преподавания литературоведческих дисциплин в бакалавриате, магистратуре и аспирантуре активно использует общекультурные исследовательские стратегии, к каковым относятся: филологическая и общекультурная реконструкция (текста, биографии, эпохи); изучение мифологических архетипов и их функционирования в искусстве слова; исследование границы как культурного феномена (граница между видами искусства, жанрами, типами художественного сознания, культурными эпохами); исследование функционирования и взаимодействия культурных кодов; обращение к проблеме литературоведческого тезауруса (понятийное и терминологическое оснащение литературоведения). Остановимся на вопросе о специфике работы с культурными кодами.

Культурный код относится к числу интегральных понятий, вбирающих большое количество значимых элементов. В его состав входят и архетипы мифологического сознания, и устойчивые идеологемы, и поведенческие стереотипы, и узнаваемые литературные цитаты, и отсылки к известным полотнам живописцев, театральным спектаклям, фильмам, к знакомым персонажам, порой проживающим вторую жизнь в пространстве нового произведения (киноверсии, пародии и т. п.). Знание культурного кода содержательно расширяет коммуникативные

возможности участников диалога (пишущего и его читателя; устных собеседников) – порой достаточно обрывка цитаты, упомянутого названия книги, намек на известную фабульную ситуацию, чтобы люди могли вступить в область взаимопонимания. Любая коммуникация имеет свою начальную границу, и для начала общения нужно ее пересечь, произвести опознание в бинарных параметрах «свой – чужой», «посвященный – непосвященный». Совокупность культурных кодов составляет символический капитал наций, социальных групп, поколений, позволяющий им осуществлять пресловутую связь времен.

Анализ проблемы

Изучением категории культурного кода занимались и занимаются ученые-гуманитарии, использующие продуктивные возможности семиотического анализа. Проблему кода как категории семиотики изучали в разные годы М. Фуко, Р. Якобсон, У. Эко, Р. Барт, Ю. Лотман [Барт 1989; Лотман 2010; Эко 2004]. Современный автор Н.А. Симбирцева отмечает в статье «Код культуры» как культурологическая категория»: «Коды культуры становятся своеобразной системой координат для человека, содержащей и задающей эталоны культуры. «Прочитать» культуру или воссоздать ее образ возможно при условии декодирования целой системы кодов, которая, по У. Эко, со-

стоит из 1) кодов восприятия; 2) кодов узнавания; 3) кодов передачи; 4) тональных кодов; 5) иконических кодов (фигуры, знаки, семы); 6) иконографических кодов; 7) кодов вкуса; 8) риторических кодов; 9) стилистических кодов; 10) кодов бессознательного. Каждая личность обладает своим набором кодов, и, несмотря на их универсальность в культуре большого времени, смысл кода получает индивидуальную интерпретацию» [Симбирцева 2016, с. 160].

В процессе такого изучения исследователи выделяют и типологизируют разновидности культурного кода: а) код культурной эпохи; б) общенациональные литературные коды; в) социокультурный код поколения; г) индивидуальный писательский код.

В 2008 году РГГУ выпустил сборник статей «Социокультурный феномен шестидесятых» (составители В.И. Тюпа, О.В. Федунина). В числе авторов – известные исследователи И.В. Фоменко, И.П. Смирнов, Ю.Л. Троицкий, С.П. Лавлинский, Д.Н. Магомедова, В.И. Тюпа и др. Фактически все статьи были посвящены категории ментальности и, в частности, такому явлению, как *культурный код поколения*, пришедшего в активную взрослую жизнь в эпоху «оттепели».

В середине шестидесятых стал доминировать новый, отличный от прежнего, модус сознания. Возникла ценностная дезинтеграция. Человек стал отказываться от анонимного бытия личности, растворенной в коллективе [Социокультурный феномен шестидесятых 2008]. Возник интерес каждого к каждому. В культурный код поколения шестидесятников вошли: увлечение Хемингуэем и Ремарком; культ дружбы (песни Окуджавы, позднее Высоцкого); увеличение зоны досуга (байдарочники, альпинисты, собиратели икон); эпатажный внешний вид (джинсы, длинные волосы, крикливые пиджаки и галстуки); интерес к самовыражению (джаз, лирическая проза, экспериментальная живопись); увеличение доли частного, Я-позиции в сознании (сравн.: «Дорогая моя столица, дорогая моя Москва» // «Ах, Арбат, мой Арбат!») = во второй строчке местоимение «мой» – это действительно личное местоимение, Арбат – объект индивидуального лирического переживания автора). Таким образом, в большом социальном слое возникла принципиально новая коммуникативная практика со своим культурным кодом. Достаточно было произнести несколько ключевых слов, назвать несколько знаковых имен, и ты опознавался как «свой» [Башляр 2004; Замятин 2004; Москва – Петербург 2000].

К числу культурных кодов относятся и *национальные образы мира*, исследованию которых посвятил свои труды Г.Д. Гачев. В сопроводительной информации к одной из своих книг он писал: «Кочевой, земледельческий, горский образы жизни излучают особые мировоззрения, отмечены своей шкалой ценностей и понятий. В книге дается философское истолкование быта как Бытия, вещи читаются как идеи. Изба, юрта, сакля – это разные

модели мира. Национальные варианты пространства и времени, телодвижения, танцы, игры, музыка, еда, зодиак – все это тексты, полные смысла. Книга являет спектр картин мира, демонстрирует интеллектуальное многообразие, которым обогащают друг друга народы – обитатели Севера Евразии» [Гачев 1999, с. 2].

С научной точки зрения литературоведу особенно близко использование понятия *уникального писательского кода*. Писатель оставляет после себя потомкам не только совокупность текстов, не только образ своей личности, отраженный во множестве мемуарных свидетельств, эпистолярном наследии, череде интервью, публичных выступлений. Он еще передает как эстафету последующим писательским поколениям некий *творческий код* – уникальную систему художественных знаков (цитат, героев, ключевых слов, фабульных схем, жанровых моделей, приемов повествования и т. д.), опознаваемых как вдумчивыми читателями, так и писателями-продолжателями складывающейся традиции. Активное освоение литературными последователями писательского творческого кода может стать вполне самостоятельным объектом литературоведческого изучения. История литературы может быть прочитана и как богатая история весьма содержательной и продуктивной смены писательских кодов. Мы можем говорить о функционировании гоголевского, толстовского, Достоевского, чеховского художественных кодов, о специфике их творческой рефлексии в художественной практике писателей XX века. Возможно исследование многоаспектной рецепции инокультурных кодов (Михайлин 2006; Куряев 2021).

Способы реализации культурных кодов в литературных произведениях

Нередко культурный код может реализоваться в художественном тексте как в *эксплицитных*, так и в *имплицитных формах*. Такое мы наблюдаем в сатирико-юмористических произведениях, в лирической прозе, в альтернативно-исторических и квазидокументальных текстах. Наличие скрытой семантики и сложных ассоциаций или интертекстуальных отсылок ставит перед читателем задачу подлинно творческого декодирования произведения, активной расшифровки образно-вербальной тайнописи. Набор вероятных культурных кодов помогает при поиске адекватных семантических ключей для такой расшифровки.

Кстати, наличие скрытых цитат создает зачастую немалые трудности и при переводе литературного произведения на другой язык. Дело в том, что такие «мерцающие» в тексте цитаты отсылают читателя к конкретному национальному культурному коду, к «культурному тексту» определенной эпохи. Если читатель хорошо знаком с такими явлениями, то он сразу же опознает скрытые цитаты, выявляет их происхождение и источник. Для инонационального же читателя, погруженного в мир совершенно другой культуры со своими кодами, своими традициями, символикой и прецедентны-

ми текстами, чужие цитаты могут оказаться просто неопознанными, принципиально не вычленимыми.

Имеет свою специфику реализация культурных кодов в *фантастической* литературе. Авторы, как правило, успешно используют принцип максимального сгущения, принцип гипотезирования. Писатель-фантаст не просто пользуется разнообразной художественной оптикой, в арсенале которой могут наряду с простыми зеркалами быть и кривые зеркала гиперболы или гротеска. Фантаст принципиально *пересоздает* действительность, рождает абсолютно новые удивительные миры, где буквально все может быть построено на совершенно невиданных началах. Вполне понятно, что такие виды художественной фантастики, как фантастика сказочная, мистическая, научная, социальная, имеют свои специфические механизмы пересоздания картины мира, перекомпоновки элементов житейского и ментального опыта. Чтобы осознать всю глубину воплощенной писателем-фантастом философской мысли, масштаб преподаваемого этического урока, необходимо в рамках читательской стратегии исходить из того, что имеешь дело с весьма специфическим семантическим кодом. Только грамотная дешифровка этого кода позволит адекватно воспринять все мерцающие в имплицитных недрах произведения уровни изначально заложенного смысла.

Весьма специфичные культурные коды возникают на стыке художественной литературы и других видов искусства. Еще в 1920-е годы отечественные литературоведы и писатели (В. Шкловский, Ю. Тынянов) всерьез занялись проблемами киноэстетики. Этот интерес возник далеко не случайно, ведь у поэтики литературного текста и поэтики кинофильма обнаруживается немало общего. Такое наблюдается в соотношении плана изображения и плана выражения, в монтажном принципе композиции, укрупнении детали, включении своеобразного «стоп-кадра» в динамичный поток отображаемых событий. Тяга литературоведов к сопоставлению литературного текста и «кинотекста» сохраняется сегодня. Так, современный исследователь И.Р. Куряев, рассматривая в своей кандидатской диссертации прозу М. Шишкина, В. Сорокина, В. Пелевина и Б. Акунина, акцентирует внимание на различных вариантах использования писателями кинематографического кода. Тут не только различные способы вербального закрепления кинематографических принципов монтажности, но и уместное включение экфразиса, совмещение бытовых элементов и элементов сомнамбулического, фантазмагорического дискурса, использование серии аудиовизуальных хронотопов [Куряев 2021].

Выбор литературоведческих дисциплин для целенаправленного изучения культурных кодов

Каждая литературоведческая дисциплина располагает своими ресурсами, помогающими наи-

более эффективно выявлять культурные коды в разнообразном литературном материале. Так, при изучении многосеместровой учебной дисциплины «История русской литературы» поднимается вопрос об устойчивых и доминирующих культурных кодах в ту или иную эпоху, о радикальной смене всей кодовой системы культуры в кризисные периоды исторических потрясений, о непростой и порой противоречивой писательской рефлексии нового набора культурных кодов, формирующегося в недрах эпохи. Содержание читаемых курсов «Литературная метагеография» и «Литературное краеведение» позволяет познакомиться с достаточно сложным и многокомпонентным понятием «геопозитика» – инструментом научного системного описания работы писателя с ландшафтно-территориальными образами и мифами. В смысловом пространстве культурного кода располагается связанное с этим понятие «городской текст», активно используемое современными литературоведами, хорошо усвоившими уроки В.Н. Топорова [Топоров 1995] и Ю.М. Лотмана [Лотман 1992]. Публикуются монографии, сборники и статьи, проводятся научные конференции, посвященные петербургскому, московскому, пермскому, тверскому и другим «городским текстам». Отображаемое писателями городское пространство трактуется не просто как необходимый фон действия литературных героев, а как самостоятельная смысловая знаковая система, элементы которой, будучи творчески осмыслены авторами, напрямую влияют на концепцию литературного произведения.

Средства выявления культурного кода, реализуемого в художественном тексте

С.Н. Зенкин в своем учебном пособии «Введение в литературоведение» рассмотрел взаимоотношения писателя и читателя в свете теории коммуникации. Точно так же можно интерпретировать и взаимоотношения вузовского преподавателя-филолога с его студенческой аудиторией. С.Н. Зенкин замечает: «В каждом высказывании должно быть по крайней мере два участника – тот, кто говорит, и тот, к кому обращаются (адресант и адресат). Чтобы высказывание дошло от *адресанта* к *адресату*, между ними должен быть *контакт* (грубо говоря, они должны слышать друг друга). Чтобы оно было понято, участникам коммуникации требуется также *код*, общий язык. Чтобы оно имело смысл, оно должно опираться на нечто ранее известное, т. е. вписываться в некоторый *контекст* (сумму общих знаний). И наконец, уже на этом фоне может состояться собственно *сообщение*, т. е. новая информация. Таковы шесть основных компонентов коммуникационного акта по Якобсону» (Зенкин 2000, с. 21).

При этом надо учитывать, что художественная литература в силу своей динамичной природы не обладает неким статичным набором раз и навсегда установленных кодов. С течением времени литературные произведения обрастают шлейфом новых

интерпретаций, «событиями» новой актуализации. «Литература – явление парадоксальное, поскольку сотворение литературного произведения – это одновременно обращение к устоявшимся формулам, то есть создание текста, внешне напоминающего сонет или отвечающего традиционным характеристикам романа, и преодоление границ, выход за их пределы. Литература функционирует путем выявления и нарушения собственных границ» [Каллер 2006, с. 48].

Преподаватель высшей школы, работающий с обучающимися в бакалавриате и магистратуре направления «Филология», имеет возможность пользоваться достаточно широким спектром средств выявления культурного кода в литературном произведении. Одним из таких необходимых средств в процессе обучения оказывается тщательная *про-работка тезауруса* каждой дисциплины – той совокупности понятий, которые системно связаны со смысловым понятием культурного кода. Проверка глубины усвоения понятийного минимума может вестись посредством тестирования. Фонд оценочных средств дисциплины обычно включает в свой состав подобные тесты.

Маркерами отражения в литературном тексте того или иного культурного кода часто выступают разнообразные *элементы интертекстуальности* – аллюзии, отсылки, реминисценции, прямые и косвенные цитаты. Чтобы соотнести их с многомерным содержанием культурного кода, можно использовать историко-культурное комментирование художественного текста как удобное средство обнаружения мерцающих элементов культурного кода. В такой работе важно обращение к широкому социокультурному процессу, позволяющему осмыслить культурный код как иерархическую пирамиду смыслов, располагающихся во временных и пространственных координатах.

Главное – нацелить обучающегося на профессиональное чтение как *декодирование*. Такое чтение есть процесс тщательного поиска и распознавания смыслов, заложенных в тексте. В литературоведении есть такое понятие, как *читательское ожидание* (читатель настраивается на определенный код, включающий знание жанровых, стилевых параметров, горизонта тематических приоритетов времени или соответствующих тематических пристрастий писателя). Гипотетически моделируя ситуацию чтения, человек либо использует набор привычных, давно известных кодов, и тогда чтение становится комфортным «узнаванием» любимой книги. Так поступают дети, изъявляя готовность слушать или читать давно известную им любимую сказку. Маленьким слушателям или читателям уютно находиться в том художественном мире, который радушно распаивает перед ними автор сказки. Иное дело – так называемое креативное чтение, когда читатель попадает в ситуацию первого знакомства с неизвестным ему культурным кодом. Тут следует использовать исследова-

тельские навыки, подбирать «ключи», развивать у себя критическое мышление.

Эффективным будет декодирование с помощью активного подключения широкого *культурного контекста*. Ведь код – это не просто система сочетания тех или иных слагаемых, а определенный способ их структурирования. Каждый литературный текст может прочитываться иначе в зависимости от того, какой культурный код используется.

Непосредственно с проблемой освоения культурных кодов связано преподавание специальных дисциплин в аспирантуре направления «Языкознание и литературоведение» (профиль «Русская литература»). Так, на втором курсе аспирантам читаются такие специальные дисциплины, как «Рецептивные стратегии современного читателя» (72 часа, 2 зет) и «Современные проблемы изучения истории литературы» (72 часа, 2 зет). В этих случаях тем более приобретает особый смысл тщательная отработка с будущими литературоведами-исследователями глоссария по данным предметам. Это связано с непростыми метаморфозами филологического тезауруса в нашу эпоху из-за некритического и не совсем строгого заимствования понятийного аппарата относительно автономных иноязычных литературоведческих научных систем. В процессе углубления знания такого понятийного аппарата следует избегать нежелательного эклектизма. При изучении курса «Рецептивные стратегии современного читателя» необходимо обратить преимущественное внимание на такие ключевые понятия, как *читатель, читательская стратегия, рецепция, реципиент, горизонт читательского ожидания, жанровое ожидание, читательская интерпретация, чтение как декодировка, читатель как внутритекстовый фактор, художественная провокация читателя, комментарий, «медленное чтение», скорочтение, бытование литературы, культовый автор, игра с читателем, дидактизм, занимательность*.

А в процессе ознакомления с дисциплиной «Современные проблемы изучения истории литературы» приобретает важность верное истолкование таких категорий, как *литературоцентричность культуры, общелогические методы, интерпретация, литературный процесс, построение истории литературы, сравнительно-исторический метод, семиотический метод, историко-генетический метод, историко-функциональный метод, геокультурный подход, проблема бытования литературы, литературный архетип, системное изучение*. Внимание к серьезной отработке понятийного аппарата диктуется основной задачей формирования у аспиранта глубокого профессионализма исследователя.

Выводы

Как мы видим, целенаправленная работа с культурными кодами на занятиях по литературоведческим дисциплинам чрезвычайно эффективна

на всех уровнях высшего филологического образования (бакалавриат, магистратура, аспирантура). Это понятно, поскольку главный результат такой работы – поэтапное приобретение обучающимся всех тех знаний, умений и навыков, которые позволяют находить оптимальный баланс между практикой конкретного анализа отдельного ли-

тературного текста и целостным видением культурной эпохи и литературного процесса как масштабной динамичной системы. Целенаправленная работа с культурными кодами в процессе преподавания литературоведческих дисциплин развивает у обучающегося умение мыслить целостными культурными эпохами.

Материалы исследования

Зенкин 2000 – *Зенкин С.Н.* Введение в литературоведение: Теория литературы: учебное пособие. Москва: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2000. 81 с. URL: https://www.studmed.ru/view/zenkin-sn-vvedenie-v-literaturovedenie-teoriya-literatury_b40ae40e4e7.html?page=1.

Куряев 2021 – *Куряев И.Р.* Кинематографичность отечественной прозы рубежа XX–XXI веков: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Нижегородский национальный исследовательский университет. 2021. 25 с.

Михайлин 2006 – *Михайлин В.Ю.* Мужские пространственно-ориентированные культурные коды в индоевропейской традиции: автореф. дис. ... д-ра филос. наук / Саратовский государственный университет. Саратов, 2006. 32 с.

Библиографический список

Барт 1989 – *Барт Р.* Избранные работы. Семиотика. Поэтика. Москва: Прогресс, 1989. 457 с. URL: <http://yanko.lib.ru/books/cultur/bart-all.htm>.

Башляр 2004 – *Башляр Г.* Избранное: Поэтика пространства / пер. с франц. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 376 с. (Серия «Книги света»). URL: http://yanko.lib.ru/books/philosoph/bachelard-roetika_prostranstva-2004-81.pdf.

Гачев 1999 – *Гачев Г.Д.* Национальные образы мира. Евразия – космос кочевника, земледельца и горца. Москва: Институт ДИДИК, 1999. 368 с. URL: https://lib.rmvoz.ru/sites/default/files/fail/gachev_non_evrazia.pdf.

Замятин 2004 – *Замятин Д.Н.* Метагеография: Пространство образа и образы пространства / Дмитрий Замятин. Москва: Аграф, 2004. 512 с. (серия «Кабинет визуальной антропологии»). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20025635>.

Каллер 2006 – *Каллер, Джонатан.* Теория литературы: краткое введение / Джонатан Каллер: пер. с англ. А. Георгиева. Москва: Астрель: АСТ, 2006. 158 с. URL: https://www.studmed.ru/view/kaller-dzhonatan-teoriya-literatury-kratkoe-vvedenie_10aee9cd040.html.

Лотман 2010 – *Лотман Ю.М.* Семиосфера. Санкт-Петербург: Искусство – СПб., 2010. 704 с. URL: http://yanko.lib.ru/books/cultur/lotman_semiosphera.htm.

Лотман 1992 – *Лотман Ю.М.* Символика Петербурга и проблемы семиотики города. Избранные статьи. Таллинн, 1992. URL: https://dspace.ut.ee/bitstream/handle/10062/48201/per_a_1169_664_18_ocr.pdf.

Москва – Петербург 2000 – *Москва – Петербург: Pro et contra.* Диалог культур в истории национального самосознания: Антология. Санкт-Петербург: Издательство Русского Христианского гуманитарного института, 2000. 707 с. (Серия «Русский путь»). URL: <http://russianway.rhga.ru/section/katalog/moskva-peterburg.html>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=22744853>.

Симбирцева 2016 – *Симбирцева Н.А.* «Код культуры» как культурологическая категория // Знание. Понимание. Умение. 2016. № 1. С. 157–167. DOI: <http://doi.org/10.17805/zpu.2016.1.12>.

Социокультурный феномен шестидесятых 2008 – *Социокультурный феномен шестидесятых:* [сборник статей] / Российский гос. гуманитарный ун-т, Ин-т филологии и истории, Учеб.-науч. центр глобалистики и компаративистики, Франко-Российский центр общественных и гуманитарных наук; [сост.: В.И. Тюпа, О.В. Федунина]. Москва: Российский гос. гуманитарный ун-т (РГГУ), 2008. 238 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19715082>.

Топоров 1995 – *Топоров В.Н.* Петербург и «Петербургский тест русской литературы» (Введение в тему) // Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. Москва: Издательская группа «Прогресс» – «Культура», 1995; С. 259–367. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25448401&pf=1>; http://biblio.imli.ru/images/abook/folklor/Toporov_V.N._Mif._Ritual._Obraz._Simvol._1995.pdf.

Эко 2004 – *Эко Умберто.* Открытое произведение. Санкт-Петербург: Академический проект, 2004. 384 с. URL: http://yanko.lib.ru/books/cultur/eco-otkrutoe_proizvedenie-81.pdf.

References

Bart 1989 – *Bart R.* (1989) Selected works. Semiotics. Poetics. Moscow: Progress, 457 p. Available at: <http://yanko.lib.ru/books/cultur/bart-all.htm>. (In Russ.)

Bashlyar 2004 – *Bashlyar G.* (2004) Favorites: Poetics of space. Translated from French. Moscow: *Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN)*, 376 p. (Series «Books of Light»). Available at: http://yanko.lib.ru/books/philosoph/bachelard--poetika_prostranstva-2004-8l.pdf. (In Russ.)

Gachev 1999 – *Gachev G.D.* (1999) National images of the world. Eurasia – the space of a nomad, a farmer and a mountaineer. Moscow: Institut DIDIK, 368 p. Available at: https://lib.rmvoz.ru/sites/default/files/fail/gachev_non_evrazia.pdf. (In Russ.)

Zamyatin 2004 – *Zamyatin D.N.* (2004) Meta geography: the space of the image and the images of space. Moscow: Agraf, 512 p. (series «Cabinet of Visual Anthropology»). Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20025635>. (In Russ.)

Culler 2006 – *Culler Jonathan* (2006) Literary Theory. A Very Short Introduction. Translated from English by A. Georgieva. Moscow: Astrel': AST, 158 p. Available at: https://www.studmed.ru/view/kaller-dzhonatan-teoriya-literatury-kratkoe-vvedenie_10aee9cd040.html. (In Russ.)

Lotman 2010 – *Lotman Yu.M.* (2010) Semiosphere. Saint Petersburg: Iskusstvo – SPb., 704 p. Available at: http://yanko.lib.ru/books/cultur/lotman_semiosphera.htm. (In Russ.)

Lotman 1992 – *Lotman Yu.M.* (1992) The symbolism of St. Petersburg and the problems of semiotics of the city. Selected articles. Tallinn. Available at: https://dspace.ut.ee/bitstream/handle/10062/48201/per_a_1169_664_18_ocr.pdf. (In Russ.)

Moscow – Petersburg 2000 – *Moscow – Petersburg: Pro et contra*. Dialog of cultures in the history of national self-consciousness: Anthology. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Russkogo Khristianskogo gumanitarnogo instituta, 707 p. (Series «Russian Way»). Available at: <http://russianway.rhga.ru/section/katalog/moskva-peterburg.html>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=22744853>. (In Russ.)

Simbirtseva 2016 – *Simbirtseva N.A.* (2016) «Culture code» as a category of culturology. *Znanie. Ponimanie. Umenie = Knowledge. Understanding. Skill*, no. 1, pp. 157–167. DOI: <http://doi.org/10.17805/zpu.2016.1.12>. (In Russ.)

Social and cultural phenomenon of the sixties 2008 – *Tyupa V.I., Fedunina O.V.* (Eds.) (2008) Social and cultural phenomenon of the sixties: [collection of articles]. Moscow: Rossiiskii gos. gumanitarnyi un-t (RGGU), 238 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19715082>. (In Russ.)

Toporov 1995 – *Toporov V.N.* (1995) Petersburg and the «Petersburg Test of Russian Literature» (Introduction to the topic). In: *Myth. Ritual. Symbol. Image: Studies in the field of mythopoetic: Selected writings*. Moscow: Izdatel'skaya gruppa «Progress» – «Kul'tura», pp. 259–367. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25448401&pf=1>; http://biblio.imli.ru/images/abook/folklor/Toporov_V.N._Mif._Ritual._Obraz._Simvol._1995..pdf. (In Russ.)

Eco 2004 – *Eco Umberto* (2004) The Open Work. Saint Petersburg: Akademicheskii proekt, 384 p. Available at: http://yanko.lib.ru/books/cultur/eco-otrutoe_proizvedenie-8l.pdf. (In Russ.)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 378

Дата поступления: 17.06.2021
рецензирования: 24.07.2021
принятия: 26.08.2021

Информационно-культурологический подход к оценке учебной литературы

М.Г. Вохрышева

Самарский государственный институт культуры, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: mgvohr@mail.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5110-1782>

Аннотация: В статье рассматривается место книги в современном медиаинформационном обществе, изменившаяся ее роль в системе образования. Книга предстает как информационный феномен (источник и средство передачи информации), а также как артефакт культуры, отражающий ценности общества определенного исторического периода. Раскрывается суть информационно-культурологического подхода для формирования научного знания и его применения в образовательной среде в виде учебной литературы. Дается современное определение книги как явления культуры, средства коммуникации и научного знания. Анализируется ситуация создания и функционирования учебников для бакалавриата и магистратуры, параллельного существования учебной книги в печатной и электронной средах. Учебник как уникальное явление образовательной среды представлен в соотношении со сферой духовности и сферой технологий, что и составляет сущность информационно-культурологического подхода.

Ключевые слова: книга; медиа; учебник; медиасфера; система образования; информационно-культурологический подход.

Цитирование. Вохрышева М.Г. Информационно-культурологический подход к оценке учебной литературы // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2021. Т. 27, № 3. С. 72–76. DOI: <http://doi.org/10.12287/2542-0445-2021-27-3-72-76>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Вохрышева М.Г., 2021

Маргарита Георгиевна Вохрышева – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры библиотечно-информационных ресурсов, Самарский государственный институт культуры, 443010, Российская Федерация, г. Самара, ул. Фрунзе, 167.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 17.06.2021
Revised: 24.07.2021
Accepted: 26.08.2021

Information and cultural approach to the evaluation of educational literature

M.G. Vokhrysheva

Samara State Institute of Culture, Samara, Russian Federation
E-mail: mgvohr@mail.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5110-1782>

Abstract: The article considers the place of the book in modern media information society, its changing role in the system of education. The book is represented as an information phenomenon (a source and means of transmitting information) as well as an artifact of culture, reflecting the values of the society of the current historical period. The essence of the information-cultural approach for the formation of scientific knowledge and its application in the educational environment in the form of educational literature is revealed. The modern definition of the book as a cultural phenomenon, a means of communication and scientific knowledge is given. The article analyzes the situation of creating and functioning the textbooks for bachelor and master programmes, parallel existing of manuals in printed and electronic forms. The textbook as an academic manual is a unique phenomenon of educational environment represented simultaneously in accord to the sphere of spirituality and technology which is the essence of information and culturological approach.

Key words: book; media; textbook; media sphere; system of education; information and culturological approach.

Citation. Vokhrysheva M.G. Information and cultural approach to the evaluation of educational literature. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya* = *Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2021, vol. 27, no. 3, pp. 72–76. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2021-27-3-72-76>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: author declares no conflict of interest.

© Vokhrysheva M.G., 2021

Margarita G. Vokhrysheva – Doctor of Pedagogical Sciences, professor, professor of the Department of Library and Information Resources, Samara State Institute of Culture, 167, Frunze Street, Samara, 443010, Russian Federation.

Введение

В традиционной системе отечественного образования центральное место занимает книга.

Книга – это прежде всего учебник. Именно в учебнике скомпрессированы базовые и актуальные знания, благодаря чему преподаватель получает

возможность осуществлять в процессе обучения управление потоками сообщений, которыми переполнена современная информационная среда. Но в книжном мире произошли серьезные изменения: книга приобрела дополнительный способ существования, который может стать основным, – электронную форму.

Современное общество по-разному обозначается исследователями и общественными деятелями: «постиндустриальное», «информационное», «общество знания». Но все чаще оно определяется как общество «медийное», «медиаинформационное», «медиакоммуникационное», связанное с феноменом массовых коммуникаций – медиа. Человек XXI века живет не только в информационном, но и в медиатизированном пространстве, которое составляет его новую среду обитания, реальность современной культуры.

В связи с этим возникает необходимость в понимании того, какое место занимает книга в новой медийной среде. Важно уточнение содержания различных понятий, и прежде всего понятия «книга», в соотношении с понятием «медиа», что имеет значение как теоретическое, так и практическое: для формирования научного знания и его применения в образовательной среде, а также в контексте реального функционирования книги в обществе и, в частности, учебной литературы в системе образования.

Целью данной статьи является обоснование и раскрытие сути информационно-культурологического подхода для подтверждения феномена книги на «пересечении» информационного и культурологического методов. Такой синтез обусловлен многомерностью уникального явления, который может быть соотнесен с материальным и идеальным миром, со сферой культуры, духовности и со сферой технологий. Этот феномен может быть рассмотрен с содержательной («внутренней») стороны и с формально-оформительской («внешней»).

Новые концепции учебных изданий

В теоретико-методологическом труде известного русского книговеда М.Н. Куфаева «Проблемы философии книги» (1924) книга определялась как «психический» феномен и как особая форма общения [Куфаев 2004].

Хорхе Луи Борхес свое эссе «Книга» начинает с феноменологического определения: «Среди различных орудий, которыми располагает человек, самым удивительным, несомненно, является книга. Все остальное можно считать его физическим продолжением. Микроскоп и телескоп продолжают глаз, телефон – голос, плуг и шпага – руки. Но книга – совсем другое дело, книга – продолжение памяти и воображения» [Борхес 2011, с. 501].

Книга выделяется в особую сферу проявления человеческих «сущностных сил», принципиально отличную от телесности и прагматических целей. Это не только материально-предметная ее оболочка (книжное издание), но и нечто идеальное, что

существует умозрительно, в нашем сознании, в то же время вызывает эмоциональное переживание. После ее прочтения в нашем сознании остается некое отражение содержания книги, идея, образ, который будет храниться в нашей памяти вне зависимости от существования материальной конструкции книги.

Подходы к определению понятия «книга» достаточно разнообразны и в значительной степени обусловлены изменениями в технологии изготовления и распространения книжной продукции. Обращаясь к словарям, содержащим, на наш взгляд, наиболее устоявшиеся и нередко конвенционально выработанные дефиниции, можно обнаружить две основные позиции, отражающие принципы выявления специфики феномена. Они связаны либо с формальным фактором, либо с полиаспектным раскрытием сущности книги со стороны формы и содержания. Первая позиция подтверждается определением, предложенным в «Международной энциклопедии по информатике и библиотековедению», где «книга есть средство фиксирования информации в форме письма или изображений, как правило, составленных из большого числа страниц, выполненных на папирусе, пергаменте, коже или бумаге, переплетенных вместе и объединенных обложкой» (Feather, Sturges 2003, p. 41).

Информационный, близкий по смыслу подход прослеживается в определении энциклопедии «Британика»: «Книга – это написанное или напечатанное произведение или ряд произведений, занимающих несколько листов бумаги или другого материала, которые скреплены вместе и составляют материальное целое» (Book 2021).

В словаре Макмиллана дается более краткое, но учитывающее современные реалии определение, в котором книга представлена как письменное произведение, опубликованное в печатной форме в виде страниц с обложкой либо в электронной форме (Book 2009).

Вторая позиция, связанная со стремлением многоаспектного раскрытия сущности книги, представлена в отечественной энциклопедии «Книга», где книга определяется как «важнейшая исторически сложившаяся форма закрепления и передачи во времени и пространстве многообразной информации в виде текстового и (или) иллюстрационного материала» (Большая российская энциклопедия 1999, с. 299).

В дополнение к этому она представлена в разных ракурсах: семиотическом (как знаковая система), коммуникологическом (как форма распространения семантической информации), форматно-статистическом (как произведение печати в форме кодекса объемом свыше трех печатных листов). Любое краткое определение не может включить в себя многообразие смыслов, которое заключено в понятии. Отсюда возникает необходимость методологии контекстов, использованной авторами определения в энциклопедии «Книга».

Вместе с тем указанными аспектами не ограничивается контекстуальное окружение понятия.

В частности, на наш взгляд, необходимо отражение культурологического аспекта, поскольку книга – это не только материальная, но и духовная ценность, которая образуется благодаря содержанию и оформлению как произведения культуры. При культурологическом подходе книга представит как артефакт культуры, отражающий ценности общества определенного исторического периода. В связи с этим не представляется случайным интерес ученых к проблеме книжной культуры, исследование которой привело к формированию одного из важных направлений в развитии современного книговедения.

Кроме того, современное определение книги должно синтезировать ключевые моменты, отраженные в имеющихся определениях, и дополнить элементами, связанными с включением ее в современную медийную систему. Для того чтобы понять место книги в новой реальности, необходимо рассмотреть содержание понятия «медиа». Понятие «медиа» (от лат. *media, medium*) появилось в значении «посредника» впервые в английском языке в XVI в. В современных определениях медиа выделяются два подхода: интегративный и узкофункциональный – информационно-коммуникационный. Наиболее развернутое определение медиа представил Е.В. Колесников, отразив в нем разные составляющие: средства медиа, функции, взаимодействие субъектов, социальные институты и содержание информации (контент) [Колесников 2017].

Таким образом, медиа в широком понимании термина – это культурная универсалия, относящаяся к целостному информационно-коммуникационному пространству, несущая в себе комплекс смыслов.

Приведенные определения медиа и книги позволяют утверждать, что книга со всем ее смысловым многообразием правомерно относится к системе медиа, занимая в ней вполне определенную и значимую нишу. Современное определение книги дополняется указанием на ее функционирование в медийной среде и культуре: книга – это явление культуры, средство коммуникации и распространения информации в медийной среде в печатной и электронной формах. Динамика формирования и трансформаций книжного феномена на разных исторических этапах становится предметом специальных исследований [Лизунова, Павленко 2020].

Развитие так называемых новых медиа, особенно Интернета, предложило новые вызовы книге. Но книга адаптировалась к новой ситуации: она стала не только печатной, но и электронной, кроме того, звучащей, что значительно расширяет возможности доступа к ней. Следует заметить в связи с этим, что звучащая книга представляет особую перспективу в дополнительном обучении такой категории, как пенсионеры. Сотрудники библиотек отмечают популярность такой формы работы среди этих групп читателей, как чтение вслух.

Электронная книга закономерно стала объектом книговедения. Наиболее развернутый сравнительный анализ печатной (бумажной) и электронной книги представил К.Н. Костюк. Подробно рассмотрев технологию создания и функционирования электронной книги, он предсказывает ей победу в будущем благодаря массовости, общедоступности, дешевизне, допускает постепенное исчезновение бумажной книги в цифровую эпоху [Костюк 2015, с. 341].

На наш взгляд, такой пессимистический прогноз не является фатальным. Основания для оптимизма связаны с рядом обстоятельств. Печатная книга имеет свои достоинства, которые не могут быть замещены каким-то иным средством коммуникации. Среди них – возможность долговременного сохранения информации. Книга «работает» на время и поэтому представляет собой стратегический информационный продукт. Книга – надежный способ сохранения культурного наследия. Кроме того, мир печатной продукции должен сохраниться потому, что он представляет собой более человеческий способ извлечения и переживания информации в процессе чтения. Этот фактор может серьезно повлиять на предпочтения потребителя. Электронная среда «дематериализует» книгу, лишает ее «вещности», ценности как явления культуры в целостном единстве содержания и формы.

К сожалению, тиражи печатной продукции падают, книгоиздание переживает серьезные трудности. В 2020 году тираж изданных книг и брошюр, как следует из данных Российской книжной палаты, снизился на 19 %: с 435,1 млн экземпляров в 2019 году до 351,4 млн экземпляров. Выпущено меньше и учебной литературы, хотя этот сегмент традиционно считался наиболее динамично развивающимся за счет издания пособий для подготовки к ЕГЭ и ОГЭ. В 2020 году школьники сократили покупку пособий для подготовки к этим экзаменам [Российская книжная палата...].

Если рассматривать печатные средства коммуникации как полноправное звено целостной медиасистемы, то можно ожидать количественные колебания в соотношении печатной и электронной книги, изменения их статуса и роли на разных этапах развития общества. В любом случае важно достижение равноправного существования разных средств коммуникации, чтобы, функционируя в едином медийном пространстве, они усиливали преимущества друг друга и взаимно компенсировали недостатки. Для этого институты производства и распространения книги, библиотеки и система образования призваны вести более активную работу по продвижению книги, используя все имеющиеся средства коммуникации, влиять на изменение управленческой политики относительно книги и чтения, на развитие новых технологий, удешевляющих печатную продукцию.

Рассмотрение дефиниций понятия «книга» показывает, что они соответствуют представлениям о

медиа как средствах коммуникации и информации, но в современных условиях целесообразно акцентировать культурологический аспект, связанный с пониманием книги не только в качестве полезного источника информации, но и как культурной ценности, самостоятельного явления культуры.

Книга, включаясь в медиасферу, преобразовывается в новые формы существования в электронной среде и получает определенные преимущества за счет электронных ресурсов, виртуальности, нового языка и многообразия средств коммуникации. Вместе с тем печатная (бумажная) книга, обладая определенными ценными свойствами, способностью влиять на глубинные когнитивные и психологические структуры восприятия ее человеком в процессе чтения, испытывает серьезные трудности издания и распространения, в определенной степени оттесняется во второй ряд информационной политики и массового сознания. В связи с этим методологически важным является рассмотрение книги в любой форме ее существования как одного из важных звеньев современной медиасистемы. Актуальной становится проблема гармонизации взаимоотношений различных социальных институтов в медийном пространстве. Эта задача является важной и для образовательной сферы, где наблюдаются две позиции в этом вопросе: с одной стороны, апологетика цифровизации и электронного обучения; с другой стороны, опасения, что «сложный гуманистический дискурс уходит из образовательной, культурной и даже социальной практики, уступая место оптимальной «цифре» [Королева, Сухоруких 2019, с. 376].

В системе высшего образования процесс обучения традиционно строится на использовании бумажных учебников, хотя в последнее время в связи с внедрением онлайн-обучения ситуация меняется. Учебники функционируют в печатном формате, электронном варианте и смешанном, когда один и тот же текст представлен в разных средах. В условиях перехода на трехуровневую систему обучения высшая школа поставлена перед необходимостью формирования новой концепции учебных изданий и, в первую очередь, учебников, составляющих их ядерное звено.

Каждый преподаватель, даже если он полностью самостоятельно формирует свой лекционный курс, должен учитывать материал, содержащийся в учебнике, ссылаться на него, воспроизводить определения понятий из учебника, соглашаясь с ними или в той или иной степени их уточняя. Это тем более необходимо потому, что авторские коллективы всех учебников нового поколения, как правило, состоят из наиболее известных ученых,

обладающих высоким уровнем знаний по тем вопросам, которые они освещают. Изучение формуляров вузовской библиотеки, отражающих выдачу учебников по библиотечно-информационным дисциплинам бакалаврам, обнаружило неожиданное явление: учебники выдавались преимущественно преподавателям. Следовательно, в современных обстоятельствах, связанных с небольшими тиражами учебников и возможностями использования студентами материалов из Интернета, учебники должны адресоваться не только студентам, но и преподавателям, выполняющим по существу функцию посредников. Автор учебника вступает в диалог не только со студентом, но и с преподавателем. Он определяет, что надо давать студенту по данному предмету (содержательный аспект), а преподаватель определяет, как это надо делать (методический аспект). Возможно, функции учебника тоже меняются, равно как и требования к его содержанию. Усложняются и профессиональные компетенции преподавателя, который должен обладать способностью «постоянно изменять необходимые навыки... и обращаться к источникам для обучения этим навыкам», чтобы «перепрограммировать себя в соответствии с бесконечно изменяющимися задачами» [Кастельс 2000, с. 353].

Выводы

В изменившихся условиях представляются возможными три стратегии в создании учебников. Первая состоит в разработке отдельных учебников для бакалавриата и магистратуры. Вторая стратегия предусматривает создание единого учебника с возможностью диверсификации объема знания на уровне различных модулей. Такой подход соответствует целям составления индивидуальных траекторий развития обучающихся. Возможна и третья стратегия, когда наряду с учебниками, содержащими конкретные знания «по предмету», создаются учебники, которые привлекают знания из смежных областей в случаях пересечения проблематики. В последние годы приветствуется трансдисциплинарный подход к созданию учебных материалов, при котором осуществляется переход через границы научных и учебных дисциплин, когда исходным моментом рассмотрения становится общезначимая проблема. При таком подходе достигается необходимый синтез знания, целостное восприятие и усвоение его обучающимися. Материалы учебника, дополненные информационным «сетевым» контекстом, создают прочную основу для достаточно полного и осмысленного понимания изучаемых дисциплин.

Материалы исследования

Book 2009 – *Book*. Macmillan Dictionary / Free English Dictionary and Thesaurus On Line. URL: http://www.macmillandictionary/british/book_1 (дата обращения: 25.12.2019).

Book 2021 – *Book*. URL: <https://www.britannica.com/topic/book-publication> (дата обращения: 15.06.2021).

Feather, Sturges 2003 – *Feather J., Sturges P.* (eds.). International encyclopedia of information and library science. London, New York, Routledge, 2003. 688 p. Available at: https://www.academia.edu/4904499/International_Encyclopedia_of_Informatio_John_Feather.

Большая российская энциклопедия 1999 – *Большая российская энциклопедия*. Москва: Большая российская энциклопедия, 1999. 800 с.

Библиографический список

Борхес 2011 – *Борхес Х.-Л.* Книга // Борхес Х.-Л. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 3. Санкт-Петербург: Амфора, 2011. С. 501–510. URL: https://www.rulit.me/data/programs/resources/pdf/Borhes_Sobranie-sochineniy-Tom-tretiy-_RuLit_Me_607988.pdf.

Кастельс 2000 – *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура. Москва: Наука, 2000. 607 с. URL: https://www.rulit.me/data/programs/resources/pdf/Kastels_Informacionnaya-epoha-ekonomika-obshchestvo-i-kultura_RuLit_Me_602112.pdf.

Колесников 2017 – *Колесников Е.В.* Понятие «медиа»: критический анализ // Молодой ученый. 2017. № 18 (152). С. 292–296. URL: <https://moluch.ru/archive/152/43152/>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=29105828>.

Королева, Сухоруких 2019 – *Королева Л.Г., Сухоруких А.В.* «Цифровизация» или гуманизация образования: актуальность аксиологической альтернативы // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2019. Т. 44. № 3. С. 375–385. DOI: <http://doi.org/10.18413/2075-4566-2019-44-3-375-385>.

Костюк 2015 – *Костюк К.Н.* Книга в новой медийной среде. Москва: Директ-Медиа, 2015. 432 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25689699>.

Куфаев 2004 – *Куфаев М.Н.* Проблемы философии книги. Книга в процессе общения. Москва: Наука, 2004. 192 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23163405>; <https://indusbook.xyz/books/problemyi-filosofii-knigi-knig>.

Лизунова, Павленко 2020 – *Лизунова И.В., Павленко С.В.* Трансформация книги в условиях медийных революций // Библиосфера. 2020. № 1. С. 12–23. DOI: <http://doi.org/10.20913/1815-3186-2020-1-12-23>.

Российская книжная палата... – *Российская книжная палата* представила данные об итогах 2020 года. URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2021/03/02/603cf8939a79477bc8251ae4> (дата обращения: 24.08.21).

References

Borges 2011 – *Borges J.L.* (2011) Book. In: *Borges J.L. Collected works: in 4 vol. Vol. 3.* Saint Petersburg: Amfora, pp. 501–510. Available at: https://www.rulit.me/data/programs/resources/pdf/Borhes_Sobranie-sochineniy-Tom-tretiy-_RuLit_Me_607988.pdf. (In Russ.)

Castells 2000 – *Castells M.* (2000) The Information Age: Economy, Society and Culture. Moscow: Nauka, 607 p. Available at: https://www.rulit.me/data/programs/resources/pdf/Kastels_Informacionnaya-epoha-ekonomika-obshchestvo-i-kultura_RuLit_Me_602112.pdf. (In Russ.)

Kolesnikov 2017 – *Kolesnikov E.V.* (2017) The concept of «media»: critical analysis. *Molodoi uchenyi*, no. 18 (152), pp. 292–296. Available at: <https://moluch.ru/archive/152/43152/>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=29105828>. (In Russ.)

Koroleva, Sukhorukikh 2019 – *Koroleva L.G., Sukhorukikh A.V.* (2019) «Digitalization» or humanization of education: activity of axiological alternative. *Belgorod State University. Scientific Bulletin. Series: Philosophy. Sociology. Law*, vol. 44, no. 3, pp. 376–385. DOI: <http://doi.org/10.18413/2075-4566-2019-44-3-375-385>. (In Russ.)

Kostyuk 2015 – *Kostyuk K.N.* (2015) Book in a new media environment. Moscow: Direkt-Media, 432 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25689699>. (In Russ.)

Kufaev 2004 – *Kufaev M.N.* (2004) Problems of the philosophy of the book. Book in the process of communication. Moscow: Nauka, 192 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23163405>; <https://indusbook.xyz/books/problemyi-filosofii-knigi-knig>. (In Russ.)

Lizunova, Pavlenko 2020 – *Lizunova I.V., Pavlenko S.V.* (2020) The book transformations in the context of media revolutions. *Bibliosphere*, no. 1, pp. 12–23. DOI: <http://doi.org/10.20913/1815-3186-2020-1-12-23>. (In Russ.)

Russian Book Chamber – *Russian Book Chamber* presented the data on the results of the XX century. Available at: <https://www.rbc.ru/newspaper/2021/03/02/603cf8939a79477bc8251ae4> (accessed 24.08.2021). (In Russ.)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 378.14.015.62

Дата поступления: 17.06.2021
рецензирования: 27.07.2021
принятия: 26.08.2021

Конструктивная деятельность акторов: стратегия интенсификации добавленной ценности высшего образования

В.М. Нестеренко

Самарский государственный технический университет, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: nesterenko.fgo@gmail.com. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1381-6992>

Н.М. Мельник

Самарский государственный технический университет, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: prfgo@rambler.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2422-954X>

Аннотация: Цифровизация экономики кардинально изменяет профессиональную среду. Полноценным участником профессиональной деятельности наряду с человеком становится искусственный интеллект. Создание продукта с востребованными свойствами обеспечивается взаимодействием изменяющейся среды, естественного и искусственного интеллектов. Актуальным является подготовка специалиста-актора, способного создавать технические системы с искусственным интеллектом и выстраивать продуктивные отношения с такими системами в реальном времени. Новая действительность обострила проблему интенсификации прироста ценности высшего образования. В статье утверждается, что добавленная ценность высшего образования реализуется в переходе выпускника университета из пассивного и реактивного приобретателя знания в активного специалиста-актора, создателя качественно нового продукта практически в любой сфере интересов за счет целостного представления продуктивной деятельности и осознанного выбора типа отношений с участниками профессиональной деятельности, включая искусственный интеллект. Доказывается необходимость и возможность перехода к стратегии организации структуры и содержания высшего образования, основанной на переносе онтологического статуса как субъектов, так и среды на отношения между ними, обеспечивая эффект взаимодействия разнородных участников в распределенной сети отношений и опосредуя интеробъективность (целостность деятельности) воздействия на объект всех участников созидания.

Ключевые слова: конструктивная деятельность актора; искусственный интеллект; модель представления отношений участников профессиональной деятельности; добавленная ценность; персональное измерение вклада в изменение состояния объекта деятельности.

Цитирование. Нестеренко В.М., Мельник Н.М. Конструктивная деятельность акторов: стратегия интенсификации добавленной ценности высшего образования // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2021. Т. 27. № 3. С. 77–83. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2021-27-3-77-83>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Нестеренко В.М., Мельник Н.М., 2021

Владимир Михайлович Нестеренко – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры «Педагогика, межкультурная коммуникация и русский как иностранный», Самарский государственный технический университет, 443100, Российская Федерация, г. Самара, ул. Молодогвардейская, 244.

Надежда Михайловна Мельник – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры «Педагогика, межкультурная коммуникация и русский как иностранный», Самарский государственный технический университет, 443100, Российская Федерация, г. Самара, ул. Молодогвардейская, 244.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 17.06.2021
Revised: 27.07.2021
Accepted: 26.08.2021

Constructive activities of actors: strategy of intensification of added value of higher education

V.M. Nesterenko

Samara State Technical University, Samara, Russian Federation
E-mail: nesterenko.fgo@gmail.com. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1381-6992>

N.M. Melnik

Samara State Technical University, Samara, Russian Federation
E-mail: prfgo@rambler.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2422-954X>

Abstract: Digitalization of the economy is fundamentally changing the professional environment. Artificial intelligence is becoming a full-fledged participant in professional activity along with humans. The creation of a product with in-demand properties is ensured by the interaction of a changing environment, natural and artificial intelligence. It is important to train a specialist-actor who is able to create technical systems with artificial intelligence and build productive relationships with such systems in real time. The new reality has exacerbated the problem of the intensification of the increase in the value of higher education. The article argues that the added value of higher education is realized in the transition of a university graduate from a passive and reactive acquirer of knowledge to an active specialist-actor, creator

of a qualitatively new product in almost any area of interest due to holistically presentation of productive activity and a conscious choice of the type of relationship with participants in professional activity including artificial intelligence. The necessity and possibility of transition to the strategy of organizing the structure and content of higher education based on the transfer of the ontological status of both subjects and the environment on the relations between them, providing the effect of interaction of heterogeneous participants in a distributed network of relations and mediating the interobjectivity (integrity of activity) of the impact on the object of all participants in the creation is proved.

Key words: constructive activity of an actor; artificial intelligence; model of representing the relations of participants in professional activity; added value; personal measurement of the contribution to a change in the state of the object of activity.

Citation. Nesterenko V.M., Melnik N.M. Constructive activities of actors: strategy of intensification of added value of higher education. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya = Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2021, vol. 27, no. 3, pp. 77–83. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2021-27-3-77-83>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: authors declare no conflict of interest.

© Nesterenko V.M., Melnik N.M., 2021

Vladimir M. Nesterenko – Doctor of Pedagogical Sciences, professor, professor of the Department Pedagogics, Intercultural Communication and Russian as a Foreign Language, Samara State Technical University, 244, Molodogvardeyskaya Street, Samara, 433100, Russian Federation.

Nadezhda M. Melnik – Candidate of Pedagogical Sciences, associate professor, associate professor of the Department Pedagogics, Intercultural Communication and Russian as a Foreign Language, Samara State Technical University, 244, Molodogvardeyskaya Street, Samara, 433100, Russian Federation.

Постановка проблемы

Сегодня всеобъемлющим трендом развития общества является цифровизация и как один из ее элементов – технологии искусственного интеллекта, означающие широкий набор изменений традиционных практик в различных сферах деятельности человека [Adachi, Kawaguchi, Saito 2021; Vogehoj 2016; Hochtl, Parycek, Schollhammer 2016].

Технические системы, в которых реализован искусственный интеллект, становятся технико-технологической основой производства во всех отраслях экономики. Искусственный интеллект, как и любой сложный феномен, имеет целый ряд вариантов понимания и интерпретации [Непростая технология 2020].

1. Искусственный интеллект в широком понимании – это не только ряд технологических решений, но также свойства цифровых систем, которые ранее считались присущими только человеку: способности цифровых систем воспринимать информацию, понимать ее, обучаться, совершать самостоятельные действия.

2. Искусственный интеллект – это имитация человеческого интеллекта при выполнении функций, присущих человеку и не присущих классическим программам: искусственный интеллект обучается, строит прогнозы, принимает решения.

3. Искусственный интеллект умеет самообучаться (после получения каких-либо данных из внешней среды извлекает из них закономерности и делает то, что не закладывалось напрямую программистами) и принимать решения на основе новых «знаний», вносящих существенный вклад в повышение ценности продукта.

4. Искусственный интеллект – это технология, анализирующая и интерпретирующая данные (иногда огромные массивы), выполняющая (умо) заключения и извлекающая уроки из процессов анализа и интерпретации, а также использующая полученные уроки и заключения для решения определенных задач.

5. Искусственный интеллект анализирует обстановку в реальном времени, ищет оптималь-

ные и эффективные решения, меняет алгоритм управления, вырабатывает схемы целесообразных внешних действий в варьирующих условиях. При этом выработка схем целесообразных внешних действий происходит не по принципу «стимул – реакция», а, как и в процессе человеческого мышления, на основе знаний, получаемых дополнительно из среды, для поведения в которой вырабатывается схема действия.

В настоящее время практически все исследователи, эксперты, практики, осуществляющие разработку и внедрение систем искусственного интеллекта, едины в том, что стремительное развитие технологий искусственного интеллекта означает появление не только нового посредника в человеческой орудийной деятельности, но и нового «напарника», который становится как инструментом – орудием деятельности, так и другой стороной интеракции, активно противостоящей человеку, а не только дополняющей его и опосредующей воздействие на объект деятельности [Игнатьев 2019].

С этих позиций в многочисленных современных исследованиях система искусственного интеллекта рассматривается как соавтор человека в создании объекта с желаемыми свойствами и ценностями. Исследователи процессов цифровизации заявляют о появлении нового участника профессиональной деятельности – Искусственного интеллекта [Андреев 2021; Грингард 2017; Форд 2016]. В итоге принципиально меняется среда профессиональной деятельности. Необходимостью становится взаимодействие специалиста-актера не только с другими специалистами, но и с продуктами человеческого интеллекта – системами искусственного интеллекта, которым также присущи черты актора [Atwell 2017; Latour 2007; Соيفер 2021].

Понятие актер в контексте данного исследования авторы вводят для того, чтобы подчеркнуть созидательный характер деятельности на основе актуальных ценных знаний, конструируемых непосредственно в процессе профессиональной деятельности, а не воспроизведение в процессе

профессиональной деятельности стандартных знаний, типовых алгоритмов, стереотипных технологий [Мельник, Нестеренко 2019].

Возникают актуальные вызовы и риски, обусловленные необходимостью: создания и внедрения технических систем, в которых реализован искусственный интеллект, во все сферы экономики; выстраивания отношений с такими системами.

Новая реальность обострила проблему интенсификации прироста ценности высшего образования при подготовке специалиста-актера, способного создавать объекты с актуальными (заданными) свойствами в результате продуктивного взаимодействия и организованных им отношений с другими участниками профессиональной деятельности, в том числе техническими системами с искусственным интеллектом.

Методология исследования

Многолетние исследования авторов позволяют говорить о целесообразности перехода к новой онтологии знания в подготовке специалиста-актера, которая имеет системную направленность на развитие способности осознанно конструировать продуктивную деятельность (инвариантов преобразования объекта деятельности) на основе непрерывного реагирования субъекта на изменение состояния среды и объекта созидательной деятельности [Нестеренко, Мельник 2020].

Конструирование инвариантов преобразования объекта деятельности – априори интеллектуальный процесс. С позиций современных научных подходов интеллектуальный процесс есть взаимодействие мыслительного и познавательного процессов. Мыслительный процесс – интенция, постановка релевантной цели, рассуждения, рефлексия. Познавательный процесс – это анализ данных, прогнозирование, порождение корреляционных зависимостей, закономерностей [Финн 2019]. При этом основное назначение интеллекта видится в структурировании (организации) отношений с изменяющейся средой деятельности, конечной целью которых является создание продукта с желаемыми свойствами.

В профессиональной среде, где присутствуют технические системы с искусственным интеллектом, процесс конструирования продуктивной деятельности обусловлен естественным и искусственным интеллектами в их синергетическом взаимодействии в изменяющейся сложноорганизованной среде [Сергеев 2013]. Для описания процессов и результатов отношений естественного, искусственного интеллектов и изменяющейся среды необходимо создать модель представления взаимодействия всех участников профессиональной деятельности, язык которой мог бы описывать поведение любых систем в среде и их взаимодействие в одних и тех же терминах.

Исследования показывают, что любые потенциально возможные инварианты преобразования объекта можно представить посредством функци-

онально связанного множества образов отношений участников профессиональной деятельности, через единый системообразующий параметр «деятельность». Такой подход позволяет осуществлять легитимные (признанные, определенные) процедуры представления взаимовлияния отношений участников профессиональной деятельности в образе объекта деятельности. Участник профессиональной деятельности, способный самоопределяться, самостоятельно (автономно) принимать решения, формировать процесс конструирования профессиональной деятельности, оказывать влияние на всю систему, является актором (А) в отношениях с другими действующими участниками профессиональной деятельности (V), активная самостоятельность которых в принятии решений ограничивается в разной степени его инструкциями.

Каждый действующий участник профессиональной деятельности (люди, технические системы с искусственным интеллектом, среда деятельности, объекты среды) вносит свою долю влияния в изменение состояния объекта деятельности в соответствии с разрешенным ему актором уровнем свободы принятия решения, не допуская никакого разделения между ними (они находятся в отношении, во взаимосвязи).

Активная самостоятельность участников профессиональной деятельности в отношении принятия решения может иметь множество вариантов поведения, представленных сочетанием четырех определенных простых типичных стратегий, создающих функциональность формируемых отношений.

Проактивная стратегия направленной активности – это созидательная активность, обеспечивающая реализацию способности самоопределяться и формировать процесс конструирования. Это деятельность в реальном времени с осознанием будущих проблем, потребностей, изменений, обусловленных необходимостью реагирования на внешние воздействия. Основной постулат проактивной стратегии гласит, что все объекты, события и процессы характеризуются внутренними противоречиями, которые являются источником, силой роста и развития. С этих позиций основой изменения реальности являются не внешние факторы, а факторы, имеющие место или возникающие в объектах и (или) самих участниках профессиональной деятельности.

Реактивная стратегия направленной активности – это активность, обеспечивающая реализацию определенной реакции на конкретное воздействие или условие, она является мнимой продуктивной деятельностью. Основной постулат реактивной стратегии гласит, что небольшие постоянные количественные изменения шаг за шагом формируют переход в новое качество по типу «прыжка». В этот момент прежнее состояние устраняется, а новое создается в зависимости от характера объектов и условий их развития.

Негативно-реактивная стратегия направленной активности – это рефлексивная активность, направленная на персональное саморазвитие и развитие среды профессиональной деятельности. Она потенциально обеспечивает персональное проявление активности при отсутствии готовых ценных вариантов принятия решений и направляет деятельность участника на создание нового варианта, обеспечивает автономность воли при принятии решений и влияние на всю систему.

Пассивная стратегия направленной активности – это инертная деятельность, которая отличается отсутствием активного реагирования на потенциально возможные внешние воздействия. Основной постулат негативно-реактивной стратегии гласит: направленное развитие проявляется в накоплении ресурсов и средств трансформации информации. Пассивность помогает в сложных ситуациях собраться с мыслями, направить энергию на решение важных задач, переосмыслить ценности или ситуации. Такая форма пассивности считается нормальным этапом развития личности, обеспечивая направленность на сохранение того, что у нас уже есть, вовремя приостанавливать себя и передавать инициативу окружающей среде.

Основные типы отношений, которые могут быть организованы и реализованы при различных сочетаниях данных стратегий в деятельности ее участников, представлены моделью отношений (таблица 1).

При взаимодействии А и V ими могут быть персонально актуализованы все типы отношений,

что позволяет генерировать и реализовать любые типы существующих и перспективных реальных отношений. Особые отношения возможны при сочетании реактивных и негативно-реактивных стратегий, которые не всегда дают предсказуемый результат, так как допускают два типа взаимодействия. Для однозначного определения их поведения можно использовать внешнее воздействие на V (например, воздействие эксперта, актора, наставника и т. д.) или внешнее воздействия на А (например, воздействие эксперта, актора, наставника и т. д.).

Представленная модель организации и реализации отношений специалиста-актора и действующих участников профессиональной деятельности решает педагогическую проблему статуса материальных объектов в познавательных взаимодействиях. Так как материальные объекты не являются деятелями (у них нет интенциональности), в модели реализован принципиально иной теоретический подход представления объектам среды способности к действию, реализуемый в переносе онтологического статуса с определенных сущностей (социальное, материальное) на отношения между ними, обеспечивая эффект взаимодействия разнородных участников в распределенной сети отношений. Таким образом, материальные объекты рассматриваются как действующие по отношению к человеку в смысле того, что «действовать» – значит опосредовать действия другого», т. е. как опосредующие различные воздействия, осуществляя при этом координирующую функцию. В итоге возникает новый тип коммуникации между

Таблица 1

Типы отношений актора и действующих участников профессиональной деятельности в процессе конструирования объекта, где: возможно \rightarrow , невозможно \nrightarrow

Table 1

Types of relations between an actor and active participants in professional activity in the process of constructing an object, where: possible \rightarrow , not possible \nrightarrow

Стратегия участника (V) \ Стратегия актора (A)	Проактивная	Реактивная	Негативно-реактивная	Пассивная
Проактивная	$A \overset{\rightarrow}{\leftarrow} V$	$A \overset{\rightarrow}{\leftarrow} V$	$A \overset{\rightarrow}{\not\leftarrow} V$	$A \overset{\rightarrow}{\not\leftarrow} V$
Реактивная	$A \overset{\rightarrow}{\leftarrow} V$	$A \overset{\nrightarrow}{\not\leftarrow} V$ / $A \overset{\rightarrow}{\leftarrow} V$	В статике не существует	$A \overset{\nrightarrow}{\not\leftarrow} V$
Негативно-реактивная	$A \overset{\nrightarrow}{\not\leftarrow} V$	В статике не существует	$A \overset{\nrightarrow}{\not\leftarrow} V$ / $A \overset{\rightarrow}{\leftarrow} V$	$A \overset{\nrightarrow}{\not\leftarrow} V$
Пассивная	$A \overset{\nrightarrow}{\not\leftarrow} V$	$A \overset{\nrightarrow}{\not\leftarrow} V$	$A \overset{\nrightarrow}{\not\leftarrow} V$	$A \overset{\nrightarrow}{\not\leftarrow} V$

всеми участниками процесса преобразовательной деятельности – коммуникация отношений, которая обеспечивает определенность взаимодействия на всех этапах принятия решения.

Участники профессиональной деятельности могут различаться по их способности к действию, но эти различия проистекают не из присущих им внутренних характеристик, а из текущей конфигурации в отношениях в рамках единой универсальной модели, опосредующей интеробъективность (целостность деятельности) воздействия на объект всех участников созидательного процесса. Учет совместного действия людей, технических средств с искусственным интеллектом, объектов среды позволяет осознанно решать проблему интенсификации развития созидательных возможностей специалиста и его персонального человеческого капитала.

Внедрение модели представления взаимовлияния участников при совместной профессиональной деятельности определенными отношениями и связями между ними обеспечивает:

- адекватность процесса принятия решения активными специалистами-актерами во взаимодействии с внешней средой и искусственным интеллектом;
- раскрытие талантов;
- повышение производительности персонального интеллекта и полноценное использование знаний и умений людей;
- применение нового типа коммуникации в отношениях между участниками совместной деятельности как движущей силы прогресса;
- возможность создания единой системы измерения результативности деятельности и вклада каждого участника; повышая не только наглядность и увлекательность процесса образования, но и продуктивность, создают условия для представления и измерения многомерной реальности.

Добавленная ценность высшего образования и ее основные результаты

Для понимания особенностей и возможностей реализации в системе высшего образования предлагаемого подхода и модели представления взаимовлияния участников при совместной профессиональной деятельности определенными отношениями и связями между ними применен высокоуровневый критерий – добавленная ценность высшего образования.

Добавленная ценность высшего образования – это дополнительная совокупность полезных качеств, знаний, умений, навыков, созидательных способностей, компетенций, приобретенных выпускниками в процессе реализации предложенного подхода.

Основное, что дает добавленная ценность высшего образования, – это переход выпускника университета из пассивного приобретателя знания в активного созидателя:

- вовлеченного в преобразовательную деятельность, актуальную изменяющимся общественным и личностным потребностям;

- нацеленного на новизну решения;
- воспринимающего окружающую среду, в том числе среду профессиональной деятельности, через единое общее основание «деятельность» – как основу изменения этой среды;
- способного создавать качественно новый продукт практически в любой сфере интересов за счет целостного представления продуктивной деятельности и осознанного выбора типа отношений с участниками профессиональной деятельности;
- принимающего на себя ответственность за собственное развитие и развитие среды деятельности;
- самооценивающего свои способности и возможности к актуальной продуктивной деятельности в выбранном направлении активности.

В результате интенсификации направленности высшего образования на формирование добавочной ценности обеспечиваются качественное изменение всех этапов образовательного процесса и, как следствие, подготовка специалистов качественно нового уровня, способного понимать изменяющийся мир и готового к продуктивной деятельности в быстро меняющейся профессиональной среде.

Добавленная ценность высшего образования реализуется в новых компетенциях выпускников:

- практически преобразовывать знания и внутренний потенциал личности в способности решать общие и профессиональные задачи;
- реализовывать внутренний потенциал личности в создании инновационных научных и материальных продуктов, инновационном развитии экономики, техники, технологий, социальной сферы.

Выводы

Цифровизация и технологии искусственного интеллекта означают широкий набор изменений традиционных практик в различных сферах деятельности человека. Развитие технологий искусственного интеллекта означает появление не только новых средств профессиональной деятельности, но и нового «напарника» профессиональной деятельности.

Консолидация информации изменяющейся среды, естественного и искусственного интеллектов, конструирование ценных знаний непосредственно в реальном времени процесса профессиональной деятельности обеспечит созидательный характер деятельности. Признаками актора являются способность самоопределяться и формировать процесс конструирования, автономность воли при принятии решений и ее влияние на всю систему, способности создавать новые знания.

Предлагаемая стратегия организации структуры и содержания высшего образования при подготовке специалистов-актеров основана на переносе онтологического статуса как субъектов, так и среды на отношения между ними, что обеспечивает эффект взаимодействия разнородных участников в распределенной сети отношений и опосредует интеробъективность (целостность деятельности) воздействия на объект всех участников созидания.

Библиографический список

Adachi, Kawaguchi, Saito 2021 – *Adachi Daisuke, Kawaguchi Daiji, Saito Yukiko Umeno*. Will robots be good or bad for our jobs? Here are lessons from Japan // *The World Economic Forum*. 15 February, 2021. URL: <https://www.weforum.org/agenda/2021/02/robots-artificial-intelligence-japan> (дата обращения: 16.06.2021).

Atwell 2017 – *Atwell C.* Yes, Industry 5.0 is Already on the Horizon. URL: <https://www.machinedesign.com/automation-iiot/article/21835933/yes-industry-50-is-already-on-the-horizon> (дата обращения: 16.06.2021).

Bogehoj 2016 – *Bogehoj L.* Artificial Intelligence vs. Human Intelligence (Man vs. Machine) // Discussion paper on Artificial Intelligence, Human Intelligence and the rapid transformation of digitalization and datafication that our current society is going through. December 2016. 20 p. DOI: <http://doi.org/10.13140/RG.2.2.28050.35526>.

Höchtel, Parycek, Schöllhammer 2016 – *Höchtel J., Parycek P., Schöllhammer R.* Big data in the policy cycle: Policy decision making in the digital era // *Journal of Organizational Computing and Electronic Commerce*. 2016. Vol. 26, no. 1. P. 147–169. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/10919392.2015.1125187>.

Latour 2007 – *Latour B.* Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network Theory. Oxford: Oxford University Press, 2007, 468 p. URL: https://townsendgroups.berkeley.edu/sites/default/files/reassembling_the_social_selections.pdf.

Андреев 2021 – *Андреев А.Л.* Гуманитарные контексты российского технического образования // Высшее образование в России. 2021. Т. 30, № 4. С. 62–72. DOI: <http://doi.org/10.31992/0869-3617-2021-30-4-62-72>.

Грингард 2017 – *Грингард С.* Интернет вещей: Будущее уже здесь. Москва: Издательская группа «Точка», 2017. 224 с. URL: <https://www.rulit.me/books/internet-veshchej-budushchee-uzhe-zdes-zdes-read-439306-1.html>.

Игнатъев 2019 – *Игнатъев В.И.* И грядет «другой» актор... Становление техносубъекта в контексте движения к технологической сингулярности // Социология науки и технологий. 2019. Т. 10, № 1. С. 64–78. DOI: <http://doi.org/10.24411/2079-0910-2019-10005>.

Непростая технология 2020 – *Непростая технология: панорамный обзор понимания ИИ* // ICT.Moscow. URL: <https://ict.moscow/news/ai-definitions> (дата обращения: 05.06.2021).

Нестеренко, Мельник 2020 – *Нестеренко В.М., Мельник Н.М.* Онтология знания в подготовке специалиста-созидателя // Общество. Коммуникация. Образование. 2020. Т. 11, № 4. С. 29–42. DOI: <http://doi.org/10.18721/JHSS.11403>.

Нестеренко, Мельник 2019 – *Нестеренко В.М., Мельник Н.М.* Высокотехнологичная педагогика созидания: аксиологический и эволюционно-деятельностный подходы // Научный результат. Педагогика и психология образования. 2019. Т. 5, № 4. С. 3–15. DOI: <http://doi.org/10.18413/2313-8971-2019-5-4-0-1>.

Сергеев 2013 – *Сергеев С.Ф.* Искусственный и естественный интеллект в техногенных образовательных средах // Открытое образование. 2013. № 2 (97). С. 52–60. DOI: [https://doi.org/10.21686/1818-4243-2013-2\(97\)-52-60](https://doi.org/10.21686/1818-4243-2013-2(97)-52-60).

Сойфер 2021 – *Сойфер В.А.* Human fActor // Онтология проектирования. 2021. Т. 11, № 1 (39). С. 8–19. DOI: <http://doi.org/10.18287/2223-9537-2021-11-1-8-19>.

Финн 2019 – *Финн В.* Далеко не все функции естественного интеллекта могут быть формализованы и автоматизированы // Коммерсантъ Наука. 2019. № 68. С. 33–34. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4198609> (дата обращения: 05.06.2021).

Форд 2016 – *Форд М.* Роботы наступают: Развитие технологий и будущее без работы. Москва: Альпина нон-фикшн, 2016. 430 с. URL: <https://bookshake.net/b/roboty-nastupayut-martin-ford>.

References

Adachi, Kawaguchi, Saito 2021 – *Adachi Daisuke, Kawaguchi Daiji, Saito Yukiko Umeno* (2021) Will robots be good or bad for our jobs? Here are lessons from Japan. *The World Economic Forum*, 2021. February 15. Available at: <https://www.weforum.org/agenda/2021/02/robots-artificial-intelligence-japan> (accessed 16.06.2021).

Atwell 2017 – *Atwell C.* (2017) Yes, Industry 5.0 is Already on the Horizon. Available at: <https://www.machinedesign.com/automation-iiot/article/21835933/yes-industry-50-is-already-on-the-horizon> (accessed 16.06.2021).

Bogehoj 2016 – *Bogehoj L.* (2016) Artificial Intelligence vs. Human Intelligence (Man vs. Machine). *Discussion paper – on Artificial Intelligence, Human Intelligence and the rapid transformation of digitalization and datafication that our current society is going through*. December 2016, 20 p. DOI: <http://doi.org/10.13140/RG.2.2.28050.35526>.

Höchtel, Parycek, Schöllhammer 2016 – *Höchtel J., Parycek P., Schöllhammer R.* (2016) Big data in the policy cycle: Policy decision making in the digital era. *Journal of Organizational Computing and Electronic Commerce*, vol. 26, no. 1, pp. 147–169. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/10919392.2015.1125187>.

Latour 2007 – *Latour B.* (2007) Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network Theory. Oxford: Oxford University Press, 468 p. Available at: https://townsendgroups.berkeley.edu/sites/default/files/reassembling_the_social_selections.pdf.

Andreev 2021 – *Andreev A.L.* (2021) Humanitarian Contexts of Technical Education in Russia. *Vyshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*, 2021, vol. 30, no. 4, pp. 62–72. DOI: <http://doi.org/10.31992/0869-3617-2021-30-4-62-72>. (In Russ.)

Gringard 2017 – *Gringard S.* (2017) *Internet of Things: The Future Is Here*. Moscow: Izdatel'skaya gruppa «Tochka», 224 p. Available at: <https://www.rulit.me/books/internet-veshchej-budushchee-uzhe-zdes-read-439306-1.html>. (In Russ.)

Ignatyev 2019 – *Ignatyev V.I.* (2019) And the «Other» Actor is Coming... The Formation of Tehnosubject in the Context of the Movement to Technological Singularity. *Sociology of Science and Technology*, vol. 10, no. 1, pp. 64–78. DOI: <http://doi.org/10.24411/2079-0910-2019-10005>. (In Russ.)

Difficult technology... 2020 – *Difficult Technology: A Panoramic View of Understanding AI*. Retrieved from *ICT.Moscow*. Available at: <https://ict.moscow/news/ai-definitions> (accessed 05.06.2021). (In Russ.)

Nesterenko, Melnik 2020 – *Nesterenko V.M., Melnik N.M.* (2020) Ontology of knowledge in the training of specialist-creator. *Society. Communication. Education*, vol. 11, no. 4, pp. 29–42. DOI: <http://doi.org/10.18721/JHSS.11403>. (In Russ.)

Melnik, Nesterenko 2019 – *Melnik N.M., Nesterenko V.M.* (2019) High-tech pedagogy of creation: axiological and evolutionary action-oriented approaches. *Research result. Pedagogy and Psychology of Education*, 2019, vol. 5, no. 4, pp. 3–15. DOI: <http://doi.org/10.18413/2313-8971-2019-5-4-0-1>. (In Russ.)

Sergeev 2013 – *Sergeev S.F.* (2013) Artificial and Natural Intelligence in Anthropogenic Educational Environments. *Open Education*, 2013, no. 2 (97), pp. 52–60. DOI: [https://doi.org/10.21686/1818-4243-2013-2\(97\)-52-60](https://doi.org/10.21686/1818-4243-2013-2(97)-52-60). (In Russ.)

Soifer 2021 – *Soifer V.A.* (2021) Human fActor. *Ontology of Designing*, vol. 11, no. 1 (39), pp. 8–19. DOI: <http://doi.org/10.18287/2223-9537-2021-11-1-8-19>. (In Russ.)

Finn 2019 – *Finn V.* (2019) Not all functions of natural intelligence can be formalized and automated. *Kommersant Nauka*, no. 68, pp. 33–34. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/4198609> (accessed 05.06.2021). (In Russ.)

Ford 2016 – *Ford M.* (2016) *Rise of the Robots: Technology and the Threat of a Jobless*. Moscow: Al'pina non-fikshn, 430 p. Available at: <https://bookshake.net/b/roboty-nastupayut-martin-ford>. (In Russ.)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 378

Дата поступления: 04.07.2021
рецензирования: 15.08.2021
принятия: 26.08.2021

Иностранный язык как средство воспитания профессионала

А.Б. Храмцова

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация

E-mail: ash-wave@yandex.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5777-4950>

Аннотация: Переосмысление целей профессионального образования, интегрирующегося в международное профессиональное сообщество, потребовало переосмысления роли учебных дисциплин, что в первую очередь коснулось иностранного языка. Исследователи отмечают его значимость для успешной профессиональной деятельности, для развития специальных качеств. Вместе с тем проблема воспитания профессиональной ответственности, обусловленной мировоззрением личности, убеждением в необходимости принятия профессиональных решений с ориентацией на их последствия для общества и страны в целом, перестала быть приоритетной. В статье акцентируется внимание на средствах реализации воспитательной функции иностранного языка в единстве содержания (контекст языка) и способов сопоставления с краеведческим материалом, активизирующим креативное мышление и влияющим на социальную позицию в восприятии картины современного мира, на формирование мотивационно-ценностного отношения личности к родной культуре. Сопоставительный анализ родной и иноязычной культуры позволяет глубже понять родную культуру и сформировать патриотические убеждения. Выводы, полученные в ходе осмысления воспитательной функции иностранного языка, базируются на результатах комплексного исследования, проведенного аспирантами Самарского университета по теории и методике профессионального образования, цель которого заключалась в определении результативной личностной характеристики студентов разных направлений профессиональной подготовки.

Ключевые слова: профессиональная подготовка; функции иностранного языка; воспитательная функция иностранного языка; гуманитарная культура; этнокультурная идентичность; профессиональная ответственность; патриотические убеждения.

Цитирование. Храмцова А.Б. Иностранный язык как средство воспитания профессионала // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2021. Т. 27, № 3. С. 84–88. DOI: <http://doi.org/10.12287/2542-0445-2021-27-3-84-88>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Храмцова А.Б., 2021

Анна Борисовна Храмцова – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 04.07.2021
Revised: 15.08.2021
Accepted: 26.08.2021

Foreign language as a means of educating a professional

A.B. Khramtsova

Samara National Research University, Samara, Russian Federation

E-mail: ash-wave@yandex.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5777-4950>

Abstract: Rethinking the goals of vocational education, integrating into the international professional community, required rethinking of the academic disciplines role, which primarily affected the foreign language. Researchers note its importance for successful professional activity, for the development of special qualities. At the same time, the problem of educating professional responsibility, conditioned by the outlook of the individual, the conviction of the need to make professional decisions with an orientation towards their consequences for society and the country as a whole, has ceased to be a priority. The article focuses on the means of implementing the educational function of a foreign language in the unity of the content (context of the language) and methods of comparison with regional natural history, which activates creative thinking and affects the social position in the perception of the modern worldview, on the formation of a person's motivational-value attitude to his native culture. Comparative analysis of the native and foreign language culture allows a deeper understanding of the native culture and the formation of patriotic beliefs. The conclusions obtained in the course of understanding the educational function of a foreign language are based on the results of a comprehensive study conducted by graduate students of Samara University on the theory and methodology of vocational education, the purpose of which was to determine the effective personal characteristics of students in different areas of vocational training.

Key words: vocational training; foreign language functions; educational function of a foreign language; human culture; ethnocultural identity; professional responsibility; patriotic beliefs.

Citation. Khramtsova A.B. Foreign language as a means of educating a professional. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya = Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2021, vol. 27, no. 3, pp. 84–88. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2021-27-3-84-88>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: author declares no conflict of interest.

© Khramtsova A.B., 2021

Anna B. Khramtsova – Candidate of Pedagogical Sciences, associate professor, associate professor of Department of Foreign Languages and Professional Communication, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

Сегодня знание иностранного языка является необходимостью и потребностью представителей большинства сфер профессиональной деятельности. «Революция» в методах преподавания иностранного языка заключалась в смене приоритетов: информационная функция заменялась функцией общения, что актуализировало его аутентичность. Однако насколько правомерно уходить от классического подхода к изучению иностранного языка?

Не утрачены задачи постановки произношения, изучения грамматики, развития умения письменной и устной речи, аудирования. Сегодня внимание направлено на коммуникативный уровень общения, так как фактор понимания обусловлен двумя характеристиками общения – языкового и межкультурного.

Основные языковые навыки приобретаются в процессе живого общения, погружающего в реальную ситуацию с помощью активных методов [Хусаинова, Мельченкова 2007]. Обладая большим запасом слов, собеседник не всегда может понять другого, не овладев знаниями другой культуры. Внеязыковые факторы могут создавать языковые барьеры: мир языка богаче объема лексики. Эмоциональные факторы позволяют воспринимать иностранный язык на интуитивном уровне. Таким образом, психологический аспект имеет большое значение, так как способствует устранению языкового барьера.

Методические основы обучения иностранному языку

Дань новому не должна отрицать положительное в уже проверивших себя методиках. Так, интенсивная методика в виде диалогового общения и тренингов позволяла за короткий срок выучить язык за счет запоминания устойчивых выражений. Методика суггестопедия, активизирующая речевые возможности, за счет элементов внушения позволяла вжиться в реальность, устраняя страх от возможных речевых ошибок. Но этот метод потребовал специальной подготовки преподавателей иностранного языка. Были попытки обучения иностранному языку с помощью графических символов, что также было положительным в общей стратегии иноязычного образования [Руднева, Храмцова 2018].

Цель обучения иностранному языку обусловлена осознанной потребностью личности, что предполагает переход от авторитарной к развивающей парадигме. В последние годы сосредоточенность на практической стороне образовательного про-

цесса почти нивелировала воспитательную цель: формирование у обучаемых системы моральных ценностей, эмоционально-ценностного отношения к миру.

Содержательная сторона учебного материала (тексты) оказывает воспитательное воздействие. Воспитательная функция языка усиливается формами взаимодействия обучаемых на занятиях, посвященных знакомству с культурой, историей, литературой, традициями страны изучаемого языка. В итоге не только развивается лингвистический кругозор, но и происходит осознание ценности родного языка, формируются личностные убеждения, идеология, появляется понимание своей культурной идентичности. Мировосприятие, личностные убеждения, социокультурные ориентации выражаются патриотическими качествами.

Учебный материал, взятый из страноведческих и краеведческих текстов, способствует формированию качеств патриота. В практике обучения иностранному языку следует обращаться к различным текстам: во-первых, содержащим информацию о традициях, праздниках страны изучаемого языка в сравнении с традиционными праздниками в российских традициях; во-вторых, содержащих краеведческий материал (история Самары, памятные места, выдающиеся люди); в-третьих, к патриотическим пословицам, в которых даже негативные моменты не влияют на чувство привязанности к родным местам и уважения к старшему поколению.

Содержание текстов требует включения обучаемых в активную познавательную деятельность. При отборе методов обучения английскому языку необходимо обращаться к критериям, свидетельствующим об отношении обучаемых к изучению иностранного языка, о принятии его и родного языка как личностных ценностей (Гальскова 2003). Достижению результатов будут способствовать: комфортная атмосфера, стимулирующая потребность оценивать и сравнивать культурные традиции; активные методы, стимулирующие когнитивные и творческие способности; разнообразие форм взаимодействия с участниками обучающего процесса; лично вовлекающие ситуации в самостоятельное изучение иностранного языка; включение в содержание занятий материалов сети Интернет.

Приобщение обучающихся к осознанию культурного наследия своего народа и народа изучаемого языка позволяет приобрести личностные взгляды, установки и мотивы патриотического поведения, готовность к нравственному выбору.

Таким образом, современное иноязычное образование – это не только процесс познания, но и развития личности через присвоение культуры как системы ценностей. Это всегда – воспитание приобщением к культуре для становления творческой индивидуальности, критерии которой представляются нравственностью и гуманизмом.

Воспитательная функция иностранного языка

Исследователи [Пассов 2005; Зимняя 2001] обращаются к воспитательным возможностям иностранного языка, центрируются на характере общения (коммуникативно-речевой такт, коммуникабельность, потребность в практическом использовании иностранного языка в профессиональной деятельности). Однако процесс личностного развития не может происходить без ориентации в мире ценностей. Ориентация выражается выбором цели и средств ее достижения, поиском своего места в мире.

С психологической точки зрения изучение иностранного языка является сложным процессом формирования в коре головного мозга новой речевой системы, что вызывает ассоциативные связи с родным языком. Овладевая иностранным языком сознательно, обучающийся имеет возможность не только приобрести новый социально-культурный опыт, но и осознать культурные особенности социально-ролевого взаимодействия на родном языке, расширить представления о родной лингвокультуре; глубже познать родной язык, обогащая свою гуманитарную культуру (Гвоздева 2006) [Зарубина 2004].

Столкновение новых социокультурных образов с образами родной лингвокультуры способствует не только когнитивному развитию личности профессионала, но и созданию значимого внутреннего мира как базиса надежности и устойчивости личности, осознанию гражданской этнокультурной и общечеловеческой идентичности. В итоге иностранный язык стимулирует обучаемых на приобретение вневелингвистических характеристик (эмоциональное, ценностное развитие с опорой на ядро отечественных духовных норм и правил), а на стыке двух лингвокультур (родная и иноязычная) формируется социально-профессиональная ответственность [Храмцова, Руднева 2014]. Доказано, что овладение иностранным языком в диалоге с родной лингвокультурой оказывает социализирующее воздействие на гражданскую позицию обучающихся.

Решая образовательные задачи, преподаватель иностранного языка не только дает знания, но и влияет на мировоззрение, вызывая активными методами чувство патриотизма и национальной гордости при овладении информацией страноведческого и краеведческого характера.

Анализ исследований, посвященных профессиональной подготовке студентов, подтвердил роль иностранного языка в формировании профессионально значимых свойств личности с целью адап-

тации к быстро меняющимся условиям функционирования современного рынка труда, с целью развития способностей к установлению контактов с представителями другой культуры как партнерами [Меркулова 2008]. Доказано, что профессионально-личностное развитие обусловлено не только средствами, задающими профессиональный контекст занятий (лингвострановедческая направленность процесса обучения, созвучие языка и культуры), но и сравнением ментальности представителей страны изучаемого языка с культурой родной страны и собственным мировоззрением [Баканова 2008]. Таким образом, одновременно с образовательной решается воспитательная задача.

Исследователями доказано, что успешность в деятельности обусловлена взаимодействием пространства деятельности и пространства личности, которое не сводится только к деятельностным характеристикам и профессионально значимым умениям [Постникова 2005]. Профессиональная ответственность как нравственно-этическая характеристика предполагает выполнение профессионалом своего долга, совершение правильного морального выбора, осознание того, как отзовутся предпринимаемые действия, каковы их последствия в жизни конкретных людей и общества. Исследователями представляются системы профессиональной подготовки, ориентированной на результат в виде профессиональной культуры, культуры самовыражения в диалоге культур [Лапшова 2005]. Подтверждается, что профессиональные решения требуют соотнесения мировоззренческих позиций иноязычной культуры с реалиями родной культуры [Липатова 2007].

Выводы

1. Актуальность проблемы реализации на занятиях воспитательной функции иностранного языка подтверждается анализом исследований по проблеме профессиональной подготовки обучаемых средствами иноязычной культуры в сравнении с родной. Формирование этнокультурной идентичности требует специальных способов столкновения новых социокультурных способов с образами родной лингвокультуры.

2. Результат воспитательного воздействия иностранного языка на личностное развитие профессионала выражается мировоззренческой позицией и профессиональной ответственностью, чему способствуют содержание и средства, не только активизирующие познавательный процесс, но и мотивирующие патриотическое поведение в ситуациях профессионального выбора.

3. Воспитательная функция иностранного языка достигается, если он становится предметом взаимодействия, страноведческий и краеведческий контекст языка представляет содержание взаимодействия, а диалоговые методы выступают средством взаимодействия.

Материалы исследования

Гальскова 2003 – *Гальскова Н.Д.* Современная методика обучения иностранным языкам: пособие для учителей. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: АРКТИ, 2003. 192 с. URL: https://www.studmed.ru/view/sovremennaya-metodika-obucheniya-inostrannym-yazykam_342293b6ecd.html.

Гвоздева 2006 – *Гвоздева Е.Н.* Воспитание национального самосознания студентов педагогического вуза средствами иностранного языка: дис. ... канд. пед. наук. Чита, 2006. 184 с.

Библиографический список

Зимняя 2001 – *Зимняя И.А.* Лингвopsихология речевой деятельности. Москва: Модэк, 2001. 432 с. URL: <http://psychlib.ru/mgppu/zlp/zlp-001-.htm#p1>.

Пассов 2003 – *Пассов Е.И.* Коммуникативное иноязычное образование: готовим к диалогу культур. Минск: Лексис, 2003. 184 с.

Баканова 2008 – *Баканова И.Г.* Профессионально-личностное развитие студентов – будущих экономистов средствами иностранного языка // Вестник Самарского государственного университета. 2008. № 5–1 (64). С. 106–111. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/professionalno-lichnostnoe-razvitie-studentov-buduschih-ekonomistov-sredstvami-inostrannogo-yazyka-1/viewer>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17293746>.

Лапшова 2005 – *Лапшова Е.С.* Развитие эмоциональной сферы студентов гуманитарных факультетов // Педагогический процесс как культурная деятельность: материалы и тезисы докладов Международной науч.-практ. конф. Самара: СИПКРО, 2005. С. 67–71.

Постникова 2005 – *Постникова Е.В.* Модель личности и модель деятельности экономиста // Образование в XXI веке: сборник научных статей. Самара: СГПУ, 2005. С. 25–30.

Зарубина 2004 – *Зарубина О.Б.* Иностранный язык как инструмент формирования профессиональной культуры // Социальные процессы и молодежь: взгляд в будущее: материалы VI Международной науч.-практ. конф. Самара: СФ МГПУ, 2004. С. 114–118.

Хусаинова, Мельченкова 2007 – *Хусаинова М.А., Мельченкова Н.В.* Подготовка менеджеров к профессиональному общению: монография. Самара: ООО «Офорт», 2007. 254 с.

Меркулова 2008 – *Меркулова Л.П.* Системно-синергетический подход к формированию профессиональной мобильности специалистов технического профиля средствами иностранного языка // Казанский педагогический журнал. 2008. № 6 (60). С. 3–10. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=12832508>.

Храмцова, Руднева 2014 – *Храмцова А.Б., Руднева Т.И.* Иноязычная профессиональная деятельность в юридической сфере: проблема аутентичности // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия «Психолого-педагогические науки». 2014. Т. 11, № 2. С. 172–176. URL: <https://vestnik-pp.samgtu.ru/1991-8569/article/view/51986>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22822686>.

Руднева, Храмцова 2018 – *Руднева Т.И., Храмцова А.Б.* Воспитательная функция иноязычного образования в аспекте национальной идентичности // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2018. Т. 20, № 1. С. 23–26. URL: http://www.ssc.smr.ru/media/journals/izvestia_hum/2018/2018_1_23_26.pdf; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35173359>.

References

Zimnyaya 2001 – *Zimnyaya I.A.* (2001) Linguopsychology of speech activity. Moscow: Modek, 432 p. Available at: <http://psychlib.ru/mgppu/zlp/zlp-001-.htm#p1>. (In Russ.)

Passov 2003 – *Passov E.I.* (2003) Communicative foreign language education: preparing for a dialogue of cultures. Minsk: Leksis, 184 p. (In Russ.)

Bakanova 2008 – *Bakanova I.G.* (2008) Professional and personal progress of the students–future economists by means of English. *Vestnik of Samara State University*, no. 5–1 (64), pp. 106–111. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/professionalno-lichnostnoe-razvitie-studentov-buduschih-ekonomistov-sredstvami-inostrannogo-yazyka-1/viewer>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17293746>. (In Russ.)

Lapshova 2005 – *Lapshova E.S.* (2005) Development of the emotional sphere of students of humanitarian faculties. In: *Pedagogical process as a cultural activity: International research and practical conference*. Samara: SIPKRO, pp. 67–71. (In Russ.)

Postnikova 2005 – *Postnikova E.V.* (2005) The personality model and the model of the economist's activity. In: *Education in the XXI century: collection of scientific articles*. Samara: SGPU, pp. 25–30. (In Russ.)

Zarubina 2004 – *Zarubina O.B.* (2004) Foreign language as a tool for the formation of professional culture. In: *Social processes and youth: a look into the future: materials of the VI International research and practical conference*. Samara: SF MGPU, pp. 114–118. (In Russ.)

Khusainova, Melchenkova 2007 – *Khusainova M.A., Melchenkova N.V.* (2007) Preparation of managers for professional communication: monograph. Samara: ООО «Ofort», 254 p. (In Russ.)

Merkulova 2008 – *Merkulova L.P.* (2008) System-synergetic approach to the formation of professional mobility of technical specialists by means of a foreign language. *Kazan Pedagogical Journal*, no. 6 (60), pp. 3–10. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=12832508>. (In Russ.)

Khramtsova, Rudneva 2014 – *Khramtsova A.B., Rudneva T.I.* (2014) Foreign-language professional activity in the legal sphere: the problem of authenticity. *Vestnik of Samara State Technical University. Series: Psychological and Pedagogical Sciences*, vol. 11, no. 2, pp. 172–176. Available at: <https://vestnik-pp.samgtu.ru/1991-8569/article/view/51986>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22822686>. (In Russ.)

Rudneva, Khramtsova 2018 – *Rudneva T.I., Khramtsova A.B.* (2018) Educational function of foreign-language education in the aspect of national identity. *Izvestiya of the Samara Science Centre of the Russian Academy of Sciences*, vol. 20, no. 1, pp. 23–26. Available at: http://www.ssc.smr.ru/media/journals/izvestia_hum/2018/2018_1_23_26.pdf; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35173359>. (In Russ.)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 371.1

Дата поступления: 12.07.2021
рецензирования: 18.08.2021
принятия: 26.08.2021**Влияние оптимизации структуры сельской общеобразовательной сети на повышение качества образования****С.В. Еремин**Московский городской педагогический университет, г. Москва, Российская Федерация
E-mail: eremin2000@mail.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3452-3371>

Аннотация: На примере Самарской области исследуется вопрос влияния процессов оптимизации структуры сельской общеобразовательной сети на повышение качества образования обучающихся в сельской местности. Рассмотрена актуальность процессов, разработанность темы посредством представления исследований российских и зарубежных авторов, посвященных развитию социального и образовательного пространства, социальных и образовательных сетей. Даны определения образовательной сети и оптимизации структуры общеобразовательной сети; прослежены тенденции изменения структуры сельской общеобразовательной сети Самарской области с конца 90-х годов прошлого века на примере 19 школ Самарской области, подвергнутых реорганизации. Представлен анализ изменений качества образования обучающихся на основе результатов основного государственного экзамена и единого государственного экзамена в зависимости от вида «оптимизации»: реорганизация малочисленной школы, являющейся самостоятельным юридическим лицом, в филиал другой школы; изменение уровня реализуемых образовательных программ.

Ключевые слова: сельская общеобразовательная сеть; оптимизация структуры; качество образования; единый государственный экзамен; основной государственный экзамен.

Цитирование. Еремин С.В. Влияние оптимизации структуры сельской общеобразовательной сети на повышение качества образования // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2021. Т. 27, № 3. С. 89–95. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2021-27-3-89-95>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Еремин С.В., 2021

Сергей Владимирович Еремин – заместитель директора института среднего профессионального образования имени К.Д. Ушинского, Московский городской педагогический университет, 129226, Российская Федерация, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, 4.

SCIENTIFIC REVIEW

Submitted: 12.07.2021

Revised: 18.08.2021

Accepted: 26.08.2021

Impact of optimization of the structure of the rural general education network on improving the quality of education**S.V. Eremin**

Moscow City University, Moscow, Russian Federation

E-mail: eremin2000@mail.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3452-3371>

Abstract: On the example of the Samara Region, the question of the influence of the processes of optimizing the structure of the rural general education network on improving the quality of education of students in rural areas is investigated. The relevance of the processes, the elaboration of the topic through the presentation of research by Russian and foreign authors devoted to the development of social and educational space, social and educational networks are considered. The definitions of the educational network and optimization of the structure of the general educational network are given; the tendencies of changes in the structure of the rural general education network of the Samara Region are traced since the end of the 90-ies of the last century on the example of 19 schools of the Samara region subjected to reorganization. The analysis of changes in the quality of education of students based on the results of the main state exam and the unified state exam depending on the type of «optimization» is presented: reorganization of a small school, which is an independent legal entity, into a branch of another school; change in the level of educational programs being implemented.

Key words: optimization of the structure of the rural educational network; rural general education network; quality of education; analysis of changes in the quality of education; unified state exam; basic state exam; network node; Samara Region.

Citation. Eremin S.V. Impact of optimization of the structure of rural general education network on improving the quality of education. *Vestnik Samarского университета. Istoriia, pedagogika, filologiya = Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2021, vol. 27, no. 3, pp. 89–95. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2021-27-3-89-95>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: author declares no conflict of interest.

© Eremin S.V., 2021

Sergey V. Eremin – deputy director of the institute of secondary vocational education named after K.D. Ushinsky, Moscow City University, 4, 2nd Agricultural Passage, Moscow, 129226, Russian Federation.

Введение

Изменение структуры общеобразовательных сетей в сельской местности является важнейшим направлением деятельности органов власти практически на всей территории Российской Федерации с конца прошлого века. Причины этого заключаются в сложной демографической ситуации в сельской местности, разрыве в качестве образования не только между городскими и сельскими школами, но и внутри муниципальных районов.

В Концепции модернизации Российского образования на период до 2010 года ставились задачи «обеспечения государственных гарантий доступности и равных возможностей получения полноценного образования» и «достижения нового современного качества дошкольного, общего и профессионального образования» (Концепция модернизации).

Целью Федеральной целевой программы развития образования на 2011–2015 годы, утвержденной постановлением Правительства Российской Федерации от 07.02.2011 № 61, является «обеспечение доступности качественного образования, соответствующего требованиям инновационного социально ориентированного развития Российской Федерации» (Федеральная целевая программа). Национальным проектом «Образование», паспорт которого был утвержден протоколом президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам от 24.12.2018 № 16, одной из основных целей является «обеспечение глобальной конкурентоспособности российского образования, вхождение Российской Федерации в число 10 ведущих стран мира по качеству общего образования» (Паспорт национального проекта «Образование»). Достижение поставленных целей и задач, в том числе повышение качества образования, по-прежнему во многом зависит от структуры общеобразовательной сети, базирующейся на стратегическом подходе.

Ход исследования

Анализ научных исследований позволяет утверждать, что с конца прошлого века зарубежными (С. Вассерман, М. Грановеттер, Ч. Кадушин, К. Фауст, Р. Хойслинг) и российскими специалистами (М.В. Груздев, Т.В. Кружилина, А.М. Новиков, Р.Е. Пономарев, А.А. Попов, В.И. Слободчикова, Е.Н. Федина, И.Д. Фруммин, Б.Д. Эльконин, В.А. Ясвин) значительное внимание уделялось вопросам развития социального и образовательного пространства, что создавало условия для представлений о социальных и образовательных сетях [Пономарев 2014; Попов, Глухов, Луппа 2015; Ясвин 2001; Филимонов 2017] (Груздев 2004). Различные аспекты развития образовательных сетей и их структуры отражены в исследованиях Н.Н. Жуковицкой, И.В. Абанкиной, Т.В. Абанкиной, А.А. Каспржак, Е.Я. Когана, В.А. Пылева, О.Э. Соборновой,

Г.А. Соколенко, А.Ю. Скопина, В.Н. Угрюмова, Л.И. Фишмана. Проблемы российской сельской школы представлены в работах М.П. Гурьяновой, Т.В. Воронцовой, В.Б. Орлова, В.И. Семенова. Социологические исследования, посвященные оценке мнений жителей об изменениях, происходящих в сельском образовании в начале XXI века, проводились Аналитическим центром Юрия Левады, ВЦИОМ, Институтом социологии РАО.

Различные аспекты рассматривались в педагогических исследованиях Ю.К. Бабанским, В.П. Беспалько, М.А. Даниловым, Л.В. Занковым, Т.А. Ильиной, Н.А. Менчинской, М.М. Поташником, М.Н. Скаткиным, Н.Ф. Талызиной, Г.И. Щукиной, которые во многом основывались на работах исследователей теории оптимального управления (В. Лившиц, У.Р. Эшби и др.).

Анализ статистических данных о состоянии образования в сельской местности позволил выявить ключевую проблему сельского образования: недостаточно высокое качество образования в малокомплектных сельских школах, вызванное:

- кадровыми проблемами, выражающимися в значительном количестве учителей, ведущих учебные предметы, непрофильные полученной специальности, невысокой численностью педагогов, имеющих квалификационные категории и/или имеющих высшее образование;
- несовершенством материально-технической базы;
- ограниченностью информационного поля и образовательной среды детей, проживающих в сельской местности, особенно в малочисленных населенных пунктах.

Решение данных проблем во многом зависит от оптимального состояния сельской общеобразовательной сети в регионе. Данную зависимость отмечал С.П. Боргатти, утверждавший, что структура сети оказывает такое же влияние на ее участника, как и характеристики ее членов [Borgatti 2014]. Но, прежде чем подтвердить или опровергнуть это утверждение в отношении образовательной сети, необходимо дать определение данному педагогическому феномену.

В целях анализа педагогического феномена «образовательная сеть» были рассмотрены работы, связанные не только с этим определением, но и с такими терминами, как «социальная сеть», «сеть образовательных учреждений». Обобщение результатов исследований С. Вассермана, М. Грановеттера, Н.Н. Жуковицкой, Ч. Кадушина, Е.Б. Куркина, Д.А. Новикова, М.В. Ромма, О.Э. Соборновой, Г.А. Соколенко, Х. Уайта, К. Фауста, Р. Хойслинга позволило дать авторское определение понятия «образовательная сеть»: *структурная основа образовательного пространства, представляющая собой совокупность элементов, взаимосвязанных формальными и(или) неформальными отношениями разной степени интенсивности, обеспечивающих получение образования индивидуумами.*

В рамках данного определения отмечаем несколько ключевых позиций. Во-первых, под образовательным пространством понимается «совокупность всех субъектов территории, прямо или косвенно участвующих в образовательных процессах, либо заинтересованных в них. К примеру, образовательное пространство региона – это все физические и юридические лица, весь регион, только взятый в определенном аспекте – в отношении к народному образованию» [Новиков 2000]. Во-вторых, под элементами понимаются как юридические лица (организации), их структурные подразделения (филиалы, отделения), так и физические лица. Несмотря на значимую роль образовательных организаций в становлении молодых людей, их образование зависит не только от усвоения ими образовательных программ, но и от качества взаимодействия с родителями, близкими, друзьями, от качества управления, осуществляемого органами управления образованием. Качество образования индивидуума зависит от элементов образовательной сети, которые находятся в его окружении. В-третьих, в числе элементов рассматриваются не только образовательные организации и их структурные подразделения, но и иные организации (например, из сферы культуры), деятельность которых способствует получению образования индивидуумами. В-четвертых, ссылаясь на М. Грановеттера [Granovetter 1973], автор статьи считает, что в рамках образовательной сети важна не только сильная, но и слабая степень интенсивности отношений между элементами сети. Отношения (сетевые связи) между элементами сети не только могут быть формальными или неформальными и различаться по силе (интенсивности), но также быть симметричными (например, с обменом ресурсами/услугами) или асимметричными (односторонними), прямыми или косвенными (через посредника).

Термин «оптимизация» (У.Р. Эшби, В. Лившиц и др.) означает приближение процесса к его оптимальному функционированию, к оптимуму. Под оптимизацией структуры общеобразовательной сети будем понимать *процесс изменения структуры общеобразовательной сети как совокупного субъекта предоставления общеобразовательных услуг для повышения качества образования индивидуумов.*

В зависимости от результатов своей деятельности и качества педагогических ресурсов, материально-технической базы школы-узлы образовательной сети подразделяют на:

– «узлы развития» – «образовательные центры», имеющие качественные педагогические и материально-технические ресурсы и достигающие высоких образовательных результатов, к которым имеют доступ, в том числе потенциальный, дети школьного возраста, проживающие в малочисленных населенных пунктах, находящихся в пределах транспортной доступности, соответствующей санитарно-эпидемиологическим требованиям к ус-

ловиям и организации обучения в общеобразовательных учреждениях;

– «узлы стагнации» – школы, имеющие проблемы в качестве педагогических ресурсов, материально-технической базы и в достижении высоких образовательных результатов;

– «узлы функционирования» – школы, не имеющие проблем в качестве педагогических ресурсов, материально-технической базы и в достижении высоких образовательных результатов, но не пригодных к рассмотрению в качестве «узлов развития» ввиду недостаточно высоких образовательных результатов обучающихся, недостаточной наполненности качественными образовательными ресурсами или географической удаленности.

Следует отметить, что в сельской местности Самарской области процессы оптимизации структуры общеобразовательной сети были начаты еще в конце XX века. Так, если в 1998/1999 учебном году в регионе действовали 1098 учреждений общеобразовательных учреждений, из них в сельских муниципальных районах – 729, то в 2009/2010 учебном году общее количество общеобразовательных учреждений составило уже 750, из них в сельских муниципальных районах – 364. То есть за указанный период реорганизации (как правило, в виде преобразования в филиал более крупной школы) подверглись 31,7% от общей численности общеобразовательных учреждений и 50,1 % сельских общеобразовательных учреждений. К 2019/2020 учебному году общая численность общеобразовательных организаций-юридических лиц в Самарской области достигла 707, из них в сельских муниципальных районах – 334. Следовательно, за эти годы общее снижение составило 35,6 %, а в сельских районах – 54,2 %.

Одной из основных причин данного процесса стало снижение численности обучающихся ввиду демографического кризиса, в котором оказалась Россия в целом и Самарская область в частности. Так, если в 1997/1998 учебном году в общеобразовательных учреждениях губернии обучалось 462 694 учащихся, то в 2019/2020 учебном году – 338 714 человек (притом что наименьшее число школьников наблюдалось в 2009/2010 учебном году – 278 626 учащихся). Таким образом, к 2009/2010 учебному году снижение численности школьников составило 39,8 %, и даже спустя 10 лет, несмотря на позитивные демографические процессы, доля обучающихся в государственных, муниципальных и негосударственных общеобразовательных учреждениях Самарской области была более чем на четверть ниже, чем в 1997/1998 учебном году.

Согласно прогнозам, численность учащихся в общеобразовательных учреждениях Самарской области в ближайшие десятилетия не сможет достичь значений конца 1990-х годов. Ближайший пик числа школьников ожидается в 2024/2025 учебном году и составит около 376 тысяч человек, после чего вновь начнется отрицательная динамика.

Одним из ключевых аспектов оптимизации структуры сельской общеобразовательной сети Самарской области в начале 2000-х годов стало придание в 2002–2005 годах 118 сельским школам статуса «образовательных центров» и обеспечение подвоза к ним детей из малочисленных населенных пунктов. В результате уже в 2005/2006 учебном году в 10–11 классах данных «узлов развития» обучалось 64,6 % от общей численности сельских учащихся.

Схожие тенденции наблюдались и в других субъектах Российской Федерации. Однотипными являлись и проблемы сельского образования, причем многие из них продолжают быть актуальными.

Например, в 2017 году отмечалось, что в Брянской области «до сих пор наблюдается проблемная ситуация с малокомплектными школами, и департамент образования и администрации муниципальных образований области продолжают работу по реорганизации образовательных учреждений с целью создания сети, состоящих из базовых школ и примыкающих к ним филиалов» [Журавлева, Огнева 2017].

Не так давно, в 2019 году, в одном из исследований говорилось, что отличительной особенностью сельских малочисленных школ является тот факт, что для сельских детей практически нет возможности для получения дополнительного образования, и что «далеко не все школы имеют современные средства обучения: компьютерные классы, интерактивные доски, документ-камеру, цифровые микроскопы, модульные системы и др.» [Щербакова Е.В., Щербакова Т.Н. 2019]. В этом же году Уполномоченным по правам человека в Алтайском крае в специальном докладе «Сельская малокомплектная школа и право на образование» фиксировалось, что «во многих регионах страны отмечается слабое кадровое обеспечение малокомплектных школ, где один учитель, как правило, ведет несколько предметов» [Специальный доклад 2019].

Таким образом, одной из ключевых задач в российской системе общего образования по-прежнему остаётся повышение качества образования детей, проживающих в малочисленных сельских населенных пунктах. Но возникает вопрос: какими способами можно измерить степень решения данной задачи? Для ответа на него в Самарской области было проведено исследование. Опытную экспериментальную базу представили 19 школ Самарской области, реорганизованных в 2010–2014 годах и располагавшихся на территории 11 сельских муниципальных районов, что составляет 40,7 % от общего количества сельских муниципальных районов Самарской области (всего – 27 сельских районов). Были разработаны критерии оптимизации структуры сельской общеобразовательной сети:

– качество педагогического состава (доля учителей, имеющих квалификационные категории; доля учителей, ведущих учебные предметы, не со-

ответствующие профилю полученного профессионального образования; доля учителей, имеющих высшее образование; доля учителей, имеющих педагогическое образование; доля учителей пенсионного возраста);

– качество материально-технической базы (наличие спортивного зала, столовой, «теплого» туалета, водопровода, центрального отопления; скорость сети Интернет);

– мнение участников образовательных отношений (родителей, обучающихся, учителей);

– качество обучения: результаты государственной итоговой аттестации (ЕГЭ или ОГЭ).

Первые две группы относятся к условиям организации образования. Следующие две группы имеют прямое отношение к качеству образования, поскольку, согласно действующему Федеральному закону «Об образовании в Российской Федерации», качество образования – это «комплексная характеристика образовательной деятельности и подготовки обучающегося, выражающая степень их соответствия федеральным государственным образовательным стандартам, образовательным стандартам, федеральным государственным требованиям и (или) потребностям физического или юридического лица, в интересах которого осуществляется образовательная деятельность, в том числе степень достижения планируемых результатов образовательной программы» (Федеральный закон). Следовательно, более высокая степень удовлетворённости физических лиц, в интересах которых осуществляется образовательная деятельность, а также повышение качества обучения, выраженное результатами государственной итоговой аттестации, может свидетельствовать о повышении качества образования как результате оптимизации.

Анализ качества педагогического состава 19 школ, реорганизованных в 2010–2014 годах, которые могут быть рассмотрены в качестве «узлов стагнации», показал, что до момента преобразования в 17 из них (89,5 %) были отмечены критические отклонения значений показателей, способствующих, в том числе потенциально, снижению качества образования обучающихся: в 12 школах (63,2 %) доля учителей, ведущих учебные предметы, непрофильные полученной специальности, составляла 25 % и выше; в 7 школах (36,8 %) доля учителей, имеющих квалификационную категорию, составляла 25 % и ниже; в 4 школах (21 %) доля учителей с высшим образованием была 50 % и менее; в 3 школах (15,8 %) доля учителей, не имеющих педагогического образования, также была 50 % и менее; в 5 школах (26,3 %) доля учителей пенсионного возраста составляла не менее 25 %.

Существенные проблемы в состоянии материально-технической базы отмечались в 7 реорганизованных школах (36,8 %): в 3 школах (15,8 %) отсутствовал оборудованный школьный пищеблок; в 2 школах (10,5 %) – теплые санитарно-технические узлы; в 3 школах (15,8 %) не было подключения к сети Интернет, а еще в 9 (47,4 %) – скорость подключения к сети Интернет была менее 1 Мб/с.

Для оценки мнения основных участников образовательных отношений относительно результативности оптимизации структуры сельской общеобразовательной сети региона был проведен опрос родителей, обучающихся, учителей. Опрос показал улучшение условий обучения детей после проведения оптимизационных мероприятий с точки зрения родителей и обучающихся.

Учителя «образовательных центров» – «узлов развития», у которых обучающиеся прибыли для продолжения образования из реорганизованных школ, дали положительную оценку качеству обучения (по 10-балльной шкале это 9,0 и 8,2 соответственно).

Влияние оптимизации структуры сельской общеобразовательной сети Самарской области на повышение качества обучения подтверждалось сравнительным анализом результатов государственной итоговой аттестации за период с 2010 по 2019 год (выпускники 19 школ – «узлов стагнации» до проведения оптимизационных мероприятий, выпускники 17 школ – «узлов развития», ранее обучавшихся в вышеуказанных 19 школах до проведения «оптимизационных» мероприятий; выпускники школ контрольных групп (всего – 27 школ), сходных по своим параметрам с 19 «узлами стагнации»).

На основе полученных результатов пришли к выводам:

- положительная динамика результатов единого государственного экзамена (ЕГЭ) детей, ранее обучавшихся в 5 школах – «узлах стагнации», но завершивших обучение в школах – «узлах развития» (категория 2), по сравнению с выпускниками, завершившими обучение в 5 школах – «узлах стагнации» до их преобразования (категория 1), наблюдается по 5 из 6 учебных предметов, тогда как по школам контрольной группы (в сравнении категорий 4 и 3) по всем учебным предметам выявлена отрицательная динамика;

- по 5 из 6 учебных предметов динамика результатов ЕГЭ детей, ранее обучавшихся в 5 школах – «узлах стагнации», но завершивших обучение в школах – «узлах развития» (категория 2), по сравнению с выпускниками, завершившими обучение в школах – «узлах стагнации» до их преобразования (категория 1), лучше, чем между выпускниками категорий 4 и 3 (динамика выпускников школ контрольной группы лучше только по физике);

- по учебным предметам, обязательным для прохождения государственной итоговой аттестации (русскому языку и математике), динамика результатов ЕГЭ ранее обучавшихся в 5 школах – «узлах стагнации», но завершивших обучение в школах – «узлах развития» (категория 2), по сравнению с выпускниками, завершивших обучение в школах – «узлах стагнации» до их преобразования (категория 1), существенно лучше, чем в школах контрольной группы.

Заключение

Положительная динамика результатов основного государственного экзамена (ОГЭ) обучавшихся в 6 основных общеобразовательных школах (ООШ) – «узлах стагнации», но завершивших освоение основной общеобразовательной программы основного общего образования в школах – «узлах развития» (категория 6), по сравнению с выпускниками, завершившими обучение в ООШ – «узлах стагнации» до их преобразования в начальные общеобразовательные школы (категория 5), наблюдается по 5 из 6 учебных предметов;

- положительная динамика результатов ОГЭ обучавшихся в 8 ООШ – «узлах стагнации», завершивших освоение основной общеобразовательной программы основного общего образования в данных школах после их преобразования в филиалы школ – «узлов развития» (категория 8), по сравнению с выпускниками, завершившими ранее обучение в ООШ – «узлах стагнации» до их преобразования в филиалы (категория 7), наблюдается по 5 из 7 учебных предметов (по географии и биологии выявлена небольшая отрицательная динамика);

- положительная динамика результатов ОГЭ выпускников школ контрольной группы (между выпускниками категорий 10 и 9) отмечена по 5 из 7 учебных предметов;

- динамика результатов ОГЭ выпускников категории 6 по сравнению с выпускниками, завершившими обучение в ООШ – «узлах стагнации» до их преобразования (категории 5), по 5 из 6 учебных предметов лучше, чем в школах контрольной группы;

- динамика результатов ОГЭ обучавшихся в 8 ООШ – «узлах стагнации», завершивших освоение основной общеобразовательной программы основного общего образования в данных школах после их преобразования в филиалы школ – «узлов развития» (категория 8), по сравнению с выпускниками, завершившими ранее обучение в ООШ – «узлах стагнации» до их преобразования (категория 7), по 4 из 7 учебных предметов лучше, чем в школах контрольной группы (по математике динамика равна (+0,2 балла), а по обществознанию и биологии динамика результатов выпускников школ контрольной группы несколько выше);

- по учебным предметам, обязательным для прохождения государственной итоговой аттестации (русскому языку и математике), динамика результатов ЕГЭ выпускников школ контрольной группы (категории 10 по сравнению с категорией 9) в основном ниже (только по математике динамика равна результатам ОГЭ выпускников категории 8 по сравнению с выпускниками категории 7). Полученные результаты свидетельствуют об оптимизации структуры сельской общеобразовательной сети, обеспечивающей повышение качества образования.

Материалы исследования

Груздев 2004 – *Груздев М.В.* Формирование образовательного пространства сельских территорий: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Ярославль: Ярославский государственный педагогический университет имени К.Д. Ушинского, 2004. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01002666481>.

Концепция модернизации – *Концепция модернизации российского образования* на период до 2010 года. URL: http://www.edu.ru/db/mo/Data/d_02/393.html.

Паспорт национального проекта «Образование» – *Паспорт национального проекта «Образование»*. URL: <http://government.ru/info/35566>.

Специальный доклад 2019 – *Специальный доклад* Уполномоченного по правам человека в Алтайском крае. Сельская малокомплектная школа и право на образование. Барнаул: 2019. 28 с. URL: <http://upch.alregn.ru/publikatsii/spetsialnye-doklady/malokomp1.pdf>.

Федеральный закон – *Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации»*. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/.

Федеральная целевая программа – *Федеральная целевая программа* развития образования на 2011–2015 годы. URL: https://www.surwiki.admsurgut.ru/wiki/images/3/33/Целевая_программа_развития_образования_на_2011-2015гг.pdf.

Библиографический список

Borgatti 2014 – *Borgatti S.P., Brass D.J., Halgin D.S.* Social network research: confusions, criticisms and controversies // *Research in the Sociology of Organizations* / ed. by D.J. Brass, G. Labianca, A. Mehra, D.S. Halgin, S.P. Borgatti. Bradford: Emerald, 2014. Vol. 40. DOI: [http://dx.doi.org/10.1108/S0733-558X\(2014\)0000040001](http://dx.doi.org/10.1108/S0733-558X(2014)0000040001).

Granovetter 1973 – *Granovetter M.S.* The strength of weak ties // *American Journal of Sociology*. 1973. Vol. 78, № 6. P. 1360–1380. URL: https://sociology.stanford.edu/sites/g/files/sbiybj9501/f/publications/the_strength_of_weak_ties_and_exch_w-gans.pdf.

Журавлева, Огнева 2017 – *Журавлева Л.А., Огнева В.В.* Государственная политика и управление развитием общего образования в современной России: некоторые проблемы и пути их решения // *Среднерусский вестник общественных наук*. 2017. № 6. Т. 12.

Новиков 2000 – *Новиков А.М.* Российское образование в новой эпохе / Парадоксы наследия, векторы развития. Москва: Эгвес, 2000. 272 с. URL: <http://anovikov.ru/books/ros.pdf>.

Пономарев 2014 – *Пономарев Р.Е.* Образовательное пространство: монография. Москва: МАКС Пресс, 2014. 100 с. URL: https://istina.msu.ru/media/publications/book/dcd/679/8746495/Ponomarev_Obrazovatelnoe_prostranstvo.pdf.

Попов, Глухов, Луппа 2015 – *Попов А.А., Глухов П.П., Луппа Г.М.* Идея открытого образования в контексте современной образовательной политики страны // *Журнал руководителя управления образованием*. 2015. № 8.

Филимонов 2017 – *Филимонов А.А.* Сетевая организация образовательного процесса // *Гуманитарные исследования*. 2017. № 1.

Щербакова Е.В., Щербакова Т.Н. 2019 – *Щербакова Е.В., Щербакова Т.Н.* Использование дистанционных компьютерных технологий в учебном процесс сельской школы с малой наполняемостью классов // *Балтийский гуманитарный журнал*. 2019. Т. 8, № 1.

Ясвин 2001 – *Ясвин В.А.* Образовательная среда: от моделирования к проектированию. Москва: Смысл, 2001. 365 с. URL: http://parhomenko.pro/d/965353/d/_yasvinv.a.obrazovatelnyasreda.pdf.

References

Borgatti 2014 – *Borgatti S.P., Brass D.J., Halgin D.S.* (2014) Social network research: confusions, criticisms and controversies. In: *Brass D.J., Labianca G., Mehra A., Halgin D.S., Borgatti S.P. (Eds.) Research in the Sociology of Organizations*. Bradford: Emerald, vol. 40. DOI: [http://dx.doi.org/10.1108/S0733-558X\(2014\)0000040001](http://dx.doi.org/10.1108/S0733-558X(2014)0000040001).

Granovetter 1973 – *Granovetter M.S.* (1973) The strength of weak ties. *American Journal of Sociology*, vol. 78, no. 6, pp. 1360–1380. URL: https://sociology.stanford.edu/sites/g/files/sbiybj9501/f/publications/the_strength_of_weak_ties_and_exch_w-gans.pdf.

Zhuravleva, Ogneva 2017 – *Zhuravleva L.A., Ogneva V.V.* State policy and management of the development of general education in modern Russia: some problems and ways to solve them. *Central Russian Bulletin of Social Sciences*, 2017, vol. 12, no. 6. (In Russ.).

Novikov 2000 – *Novikov A.M.* (2000) Russian education in a new era. Paradoxes of heritage, vectors of development. Moscow: Egves, 272 p. Available at: <http://anovikov.ru/books/ros.pdf>. (In Russ.).

Ponomarev 2014 – *Ponomarev R.E.* (2014) Educational space: monograph. Moscow: MAKS Press, 100 p. Available at: https://istina.msu.ru/media/publications/book/dcd/679/8746495/Ponomarev_Obrazovatelnoe_prostranstvo.pdf. (In Russ.).

Popov, Glukhov, Luppа 2015 – *Popov A.A., Glukhov P.P., Luppа G.M.* (2015) The idea of open education in the context of modern educational policy of the country. *Zhurnal rukovoditelia upravleniia obrazovaniem*, no. 8. (In Russ.)

Filimonov 2017 – *Filimonov A.A.* Network organization of the educational process. *Humanitarian research*, 2017, no. 1. (In Russ.).

Shcherbakova E.V., Shcherbakova T.N. 2019 – *Shcherbakova E.V., Shcherbakova T.N.* The use of remote computer technologies in the educational process of a rural school with a low occupancy of classes. *Baltic Humanitarian Journal*, 2019, vol. 8, no. 1. (In Russ.).

Yasvin 2001 – *Yasvin V.A.* (2001) Educational environment: from modeling to design. Moscow: Smysl, 365 p. Available at: http://parhomenko.pro/d/965353/d/_yasvin.v.a.obrazovatel'nayasreda.pdf.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

LINGUISTICS

DOI: 10.18287/2542-0445-2021-27-3-96-110

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 16.07.2021

Revised: 19.08.2021

Accepted: 26.08.2021

Der Duden, die Genera und die Geschlechter

Norbert Richard Wolf

Julius-Maximilians-Universität Würzburg, Würzburg, Germany

E-mail: NRWolf@t-online.de. ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-1272-9897>

Zusammenfassung: Anlass für diesen Aufsatz ist die Tatsache, dass die Duden-Redaktion bei zahlreichen Personenbezeichnungen das sog. ‚generische Maskulinum‘ wegdefiniert hat. Das Anfang 2021 erschienene online Wörterbuch gibt als Bedeutungserklärung des Substantiv *der Arzt* folgende Beschreibung an: „männliche Person, die nach Medizinstudium und klinischer Ausbildung die staatliche Zulassung (Approbation) erhalten hat, Kranke zu behandeln (Berufsbezeichnung)“. Demgegenüber hieß es im Duden Universalwörterbuch von 2015: „jemand, der nach Medizinstudium und klinischer Ausbildung die staatliche Zulassung (Approbation) erhalten hat, Kranke zu behandeln (Berufsbezeichnung)“. Der Aufsatz versucht, wieder einmal zu überprüfen, ob es das generische Maskulinum als geschlechtsübergreifende oder besser: geschlechtsneutrale Bezeichnung gibt oder ob es, nicht zuletzt aufgrund des jahrhundertelangen Einflusses des Patriarchats auf die Sprachentwicklung, sich doch um den Ausdruck männlicher Vormacht handelt. Dabei werden sowohl das Problem ‚Genus‘ als auch der Begriff ‚generisch‘ untersucht und auf seine Bezeichnungsfunktion hin getestet. Schließlich soll auch überprüft werden, ob die Sprache tatsächlich die Wirklichkeit widerspiegelt und ob die Sprache wirklich alle Phänomene in der außersprachlichen Realität benennen muss. Dazu kommt natürlich auch die Frage, ob die Duden-Redaktion ihre Kompetenzen richtig interpretiert (hat).

Schlüsselwörter: generisches Maskulinum; Sexus; Genus; Gender; gendergerechtes Sprechen; DUDEN; Deutsch.

Danksagungen. Die Veröffentlichung erfolgt zum 20-jährigen Bestehen der Partnerschaft des Instituts für Germanistische Linguistik der Julius-Maximilians-Universität Würzburg und des Instituts für Deutsche Philologie der Samara National Research University.

© Norbert Richard Wolf, 2021

Norbert Richard Wolf – Professor, Doktor der philologischen Wissenschaften, Institut für deutsche Philologie, Lehrstuhl für deutsche Sprachwissenschaft, Julius-Maximilians-Universität Würzburg, Sanderring, 2, Würzburg, 97070, Deutschland.

The Duden, the genera and the sexes

Abstract: The problematic of this article concerns the debate that the editorial group of the Duden dictionary established the so-called «biological masculine gender» with numerous designations of various persons. So, in the online dictionary Duden, which was published in early 2021, the meaning of the noun «Arzt (doctor)» is explained as follows: «a man who, after studying medicine and clinical training, received state admission (testing) to treat patients (designation of the position)». But in contrast to this, the 2015 edition of the Duden universal dictionary noted: «This is the one who, after studying medicine and clinical training, received state admission (approbation) for the treatment of patients (designation of the position)». In the article, on the basis of extensive material, a diachronic attempt is made to check once again whether the common masculine gender exists in German as a cross-gender or, more precisely, as a gender-neutral designation, or whether it is an expression of the so-called. male superiority, not least because of the centuries-old influence of patriarchy on the development of the language. The problem of «genus» and the concept of «generic» are investigated in detail in terms of content. They are analyzed using a variety of examples and in the aspect of their significative function. The article also deals with the general theoretical problem of whether language really reflects reality and whether language should really name all the phenomena of extra-linguistic reality. The final part critically discusses the question of how correctly the edition of the Duden dictionary interpreted and interprets its normalizing competences.

Key words: natural masculine gender; biological sex; biological / grammatical gender; gender; gender speech equality; dictionary «Duden»; German.

Acknowledgements. Publication is for the 20th anniversary of partnership of the Department of German Linguistics at the Julius-Maximilians-Universität Würzburg and the Department of German Philology, Samara National Research University.

Citation. Wolf N.R. (2021) Der Duden, die Genera und die Geschlechter. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorija, pedagogika, filologija* = *Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, vol. 27, no. 3, pp. 96–110. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2021-27-3-96-110>. (In German)

Information on the conflict of interests: author declares no conflict of interest.

© Norbert Richard Wolf 2021

Norbert Richard Wolf – Professor, Doctor of Philological Sciences, Institute for German Philology, Department for German Linguistics, Julius-Maximilians-Universität Würzburg, 2, Sanderring, Würzburg, 97070, Germany.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 811

Дата поступления: 16.07.2021
рецензирования: 19.08.2021
принятия: 26.08.2021

Норберт Рихард Вольф

Университет Вюрцбурга, институт немецкой филологии, г. Вюрцбург, Германия
E-mail: NRWolf@t-online.de, ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-1272-9897>

Словарь Duden, грамматическая и естественная родоотнесенность

Аннотация: Проблематика этой статьи касается дискуссии о том, что редакционная группа словаря Duden установила так называемый «биологический мужской род» при многочисленных обозначениях различных лиц. Так, в онлайн-словаре Duden, который был опубликован в начале 2021 года, значение существительного Arzt («врач») объясняется следующим образом: «мужчина, который после изучения медицины и клинической подготовки получил государственный допуск (апробацию) на лечение больных (обозначение должности)». Но, отличие от этого, в универсальном словаре Duden 2015 года издания отмечалось: «...это тот, кто после изучения медицины и клинической подготовки получил государственный допуск (апробацию) на лечение больных (обозначение должности)». В статье на обширном материале делается диахроническая попытка еще раз проверить, существует ли в немецком языке общий мужской род как кросс-гендерное или, точнее, как гендерно-нейтральное обозначение, или же он является выражением т. н. мужского превосходства, не в последнюю очередь из-за многовекового влияния патриархата на развитие языка. Проблема «рода» и понятие «родовой» подробно исследуются в содержательном плане. Они анализируются на разнообразных примерах и в аспекте их сигнификативной функции. Статья касается также общетеоретической проблемы, действительно ли язык отражает реальность и действительно ли язык должен называть все феномены внеязыковой реальности. В итоговой части критически обсуждается вопрос о том, насколько правильно редакция словаря Duden интерпретировала и интерпретирует свои нормализаторские компетенции.

Ключевые слова: естественный мужской род; биологический пол; биологический/грамматический род; гендер; гендерное речевое равенство; словарь «Дуден»; немецкий язык.

Цитирование. Wolf N.R. (2021) Der Duden, die Genera und die Geschlechter // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2021. Т. 27, № 3. С. 96–110. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2021-27-3-96-110>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Вольф Н.Р. 2021

Норберт Рихард Вольф – профессор, доктор филологических наук, Университет Вюрцбурга, Институт немецкой филологии, кафедра немецкого языкознания, на Хубланде, D-97070, г. Вюрцбург, Германия.

1. Poetisches Vorspiel

Es kommt wohl nicht allzu häufig vor, dass ein/e Sprachwissenschaftler/in oder ein/e Sprachhistoriker/in zur Feder oder in die Tastatur greift, um sein/ihr Missbehagen oder seine/ihre Verstörung poetisch, d. h. in gereimten Versen kund zu tun. Jüngst fand ein kritisches Gedicht zu einem sprachwissenschaftlichen Problem aus der Feder des Leipziger Kollegen Hans Ulrich Schmid durch die Entscheidung der Duden-Redaktion, das sog. generische Maskulinum wegzudefinieren, den Anlass seines Entstehens. Schmid's Poem reiht sich in zahlreiche gereimte Klagen in Versform über den Zustand der Sprache oder eines sprachlichen Bereichs, der Haupttitel nimmt – heute würde man sagen: intertextuell – Bezug auf barocke Klagegedichte. Doch jetzt endlich soll der Dichter das Wort haben:

Thraenen der Muttersprache
oder:

Im Grünen zu DUDE(l)N

„Man schreib', weil es gerecht und flo.. is,
Stets nur mit Stern! Und sprech' mit
Glo..s!

Wer's unterlässt oder vergisst, Gelte fortan als
Chauvinist.

(Auch wenn er gar kein solcher ist)“

So sprach's herab vom hohen Ross
Der deutschen Sprache strenger Boss,
Der DUDEN im Gefühl der Macht
Halb Deutschland hat sich krumm
gelacht.

Und ..ppt sich fragend an die S..rn:
„Was ham die DUDler denn im Hirn?
Kann's sein, dass sie's nicht besser
wüssten?

Nein! Tun sie nicht. Sie sind – –
Linguisten!

Die sonst mit ihrer Weisheit prahlen
Und über Wörter Bäumchen malen.

Wer denken kann, der schreibt doch
nie

Im Wort ein eRiGiErTeS „I“!
Denkt s..ll: Ach, DUDEN, hab mich
gern,
Samt Doppelpunkt und Strich und *

Der Konrad Duden, wüsst' er drum,
Er drehte sich im Grab herum.

Er war, wie jede* _:(r) wissen kann,
Ein böser, alter, weißer Mann.

Der Dichter nimmt nicht direkt Bezug darauf, dass der Online-Duden das generische Maskulinum nicht mehr anerkennt, sondern vielmehr die grafischen Kennzeichen des sog. geschlechtergerechten Schreibens parodiert. Im Gedicht begegnen wir der Binnenmajuskel I (*StudentIn*) sowie den neueren Versuchen, neben der Geschlechtergerechtigkeit auch Gendergerechtigkeit durch ein Gendergap grafisch wiederzugeben: *Student*in*, *Student_in*, *Student:in*. Während die Binnenmajuskel kaum auszusprechen ist, soll dem Willen der Erfinder/innen nach ein Glottisschlag als spezielle Realisierung einer Junktur die Spalte hörbar machen. Der Rat für deutsche Rechtschreibung (RDR, <https://www.rechtschreibrat.com>) hingegen konnte sich bislang (Ende Juni 2021) nicht dazu durchringen, eine solche Schreibung zuzulassen.

Das Binnen-I gibt dem Autor die Gelegenheit, mit Majuskeln als semantischem Mittel spielerisch umzugehen: Die Abfolge von Minuskel und Majuskel im attributiven Partizip steht auch in komischem Kontrast zur Majuskel I, bei der im gegebenen Kontext die Möglichkeit, auch eine Minuskel zu setzen, aus semantischen Gründen nicht vorhanden ist. Wenn schon Minuskeln in einem Wort, das der erotischen Allusion dienen soll, vorkommen, dann wird das Spiel mit der Erotik der Majuskel zur Farce.

Das Spiel mit graphischen Zeichen wird fortgesetzt: Die Buchstabenfolge *ti* wird durch zwei Pünktchen als Variable angedeutet, wodurch die Zeichen im Gendergap parodiert werden sollen.

„Hauptübeltäter“ ist der DUDEN, und zwar zunächst die Institution und nicht eine Einzelperson. DUDEN wird, dem Verlagsusus entsprechend, immer in Versalien geschrieben. Doch schon in der Überschrift wird deutlich, dass der Name die Grundlage für eine Verspottung der Institution ist. Dem substantivischen Eigennamen wird als vorletzter Buchstabe ein *l* eingefügt, klein geschrieben, da dieses *l* ja kein Bestandteil des Verlagszeichens ist; dadurch wird aus dem Substantiv ein Verb, das keinerlei Namensfunktion mehr hat. Das Verbum *dudeln* hat die Bedeutung: monoton klänge hervorbringen, zunächst nur von Blasinstrumenten, besonders von Flöte, Dudelsack und Orgelpfeife; daneben seit dem 19. Jh. auch vom eintönigen Gesang; im 20. Jh. auch von Radio, Grammophon u. ä. bis Anfang 20. Jh. wertfrei, daneben seit dem Ende des 18. Jhs. Umgangssprachlich abwertend von kunstlos vorgetragener oder unbeachtet abspielender Musik (URL 1).

Vereinfachend könnte man sagen: *dudeln* bezeichnet negativ wertend monotone Äußerungen, die zunächst irgendwie musikalisch sind, in metaphorischen Gebrauch aber auf Sprachliches angewendet werden können. Schmidts Wortspiel ist also eine Verunglimpfung der Duden'schen Bedeutungserklärungen.

Die letzte ‚Strophe‘ schreibt *Duden* nicht mehr in Versalien, sondern nur noch mit initialer Majuskel, weil die Person und nicht die Institution genannt werden soll. Deshalb wird zum Familiennamen auch

der Vorname gesetzt. Der Autor des Gedichts nimmt an, dass der historische Konrad Duden (1829 – 1911) mit den verschiedenen Formen des Genders nicht einverstanden wäre, was die postmortale Reaktion erklärbar macht. Dennoch distanziert sich Hans-Ulrich Schmid satirisch von der historischen Person, indem er die postmortale Reaktion darauf zurückführt, dass Konrad Duden ein „böser, alter, weißer Mann“ war.

Das ursprüngliche Syntagma *alter weißer Mann* hat sich zu einem Maledictum, zu einem Scheltwort entwickelt und zu einem negativ wertenden Phraseologismus verfestigt. Durch die Me-Too-Bewegung (<https://de.wikipedia.org/wiki/MeToo>) und die Berichterstattung darüber ist er aus den USA nach Europa gelangt, wo er in seiner wörtlichen Lesart (*alter und weißer und Mann*) kaum brauchbar ist. Daher ist diese Wortgruppe weitgehend idiomatisiert. „Um ein ‚weißer alter Mann‘ zu sein, muss man nicht zwangsläufig weiß, alt und männlich sein“ [Steiner 2019]. So gesehen bezeichnet der Phraseologismus eine Person, die gegen politische Korrektheit ist, die sich gerne rassistisch, sexistisch, antifeministisch oder auch transphob äußert. Wenn sich jemand gegen „gendergerechten“ Sprachgebrauch äußert, verhält er/sie sich antifeministisch und ist somit ein „alter weißer Mann“.

2. Maskulina in Duden 2021

Das Problem allerdings ist, dass das kritisierte Duden-Online-Wörterbuch nicht, wie im Gedicht angedeutet, ‚gendergerechten‘ Sprachgebrauch vollzieht, sondern bei den Bedeutungsangaben substantivischer Personenbezeichnungen maskuline Formen als Bezeichnungen männlichen Geschlechts interpretiert; einige Beispiele (Duden 2021): **Arzt:** männliche Person, die nach Medizinstudium und klinischer Ausbildung die staatliche Zulassung (Approbation) erhalten hat, Kranke zu behandeln (Berufsbezeichnung); **Mieter:** männliche Person, die etwas gemietet hat; **Bäcker:** Handwerker, der Backwaren für den Verkauf herstellt (Berufsbezeichnung); **Handwerker:** männliche Person, die berufsmäßig ein Handwerk ausübt; **Friseur:** männliche Person, die berufsmäßig anderen das Haar schneidet [und frisiert].

In der 8. und der 9. Auflage des Duden-Universalwörterbuchs sehen die Bedeutungserklärungen noch etwas anders aus (Duden 2019; Duden 2015a): **Arzt:** jemand, der nach Medizinstudium und klinischer Ausbildung die staatliche Zulassung (Approbation) erhalten hat, Kranke zu behandeln (Berufsbezeichnung); **Mieter:** jemand, der etwas gemietet hat; **Bäcker:** Handwerker, der Backwaren für den Verkauf herstellt (Berufsbezeichnung); **Handwerker:** jemand, der berufsmäßig ein Handwerk ausübt; **Friseur:** jemand, der berufsmäßig anderen das Haar schneidet [und frisiert].

Trotz gravierender Änderungen im Online-Wörterbuch von 2021 fällt in den Duden-Bänden sofort die Tradition in der Formulierung der Bedeutungserklärungen auf, dies besonders

deutlich beim *Friseur*, dessen Haupttätigkeit das Haarschneiden zu sein scheint; das Frisieren war wohl nur gelegentlich Teil seiner Aufgabe. Auf die Rolle der Wortbildung im Online-Duden 2021 werden wir später noch ausführlicher zu sprechen haben. Doch schon bei diesem Beispiel fällt auf, dass im Online-Duden Wortbildungsregularitäten kaum zur Rekonstruktion des Wortbildungsinhaltsmusters mithilfe der Paraphrasentechnik herangezogen werden. Ich würde das Substantiv, das Nomen Agentis *Friseur* zunächst einmal mit ‚jemand, der jemanden frisiert‘ paraphrasieren. Das Verbum *frisieren* hat für die Duden-Redaktion folgende Bedeutung (Duden 2021): **frisieren**: jemandem, sich das Haar in bestimmter Weise ordnen, kämmen, zu einer Frisur formen. Nach dieser Bedeutungserklärung gehört das Schneiden nicht zum *Frisieren*, doch das Schneiden ist die Haupttätigkeit des *Friseurs*.

An dieser Stelle sei eine kurze metalexikographische Kritik angebracht: Das Wörterbuch scheint auf Beziehungen zwischen Wörtern, die innerhalb des Wörterbuchs interpretiert werden, keine Rücksicht zu nehmen. Der/Die Autor/in des Artikels *frisieren* kümmert sich nicht um das, was er/sie oder eine andere Person s. v. *Friseur* geschrieben hat. Eine Redaktion findet anscheinend ebenfalls nicht statt.

Das Wahrig-Wörterbuch (Wahrig 2012) verweist zunächst vom Lemma *Friseur* auf die eingedeutschte Form *Frisör*. Dort können wir dann lesen: **Frisör**: <...> Handwerker, der anderen das Haar pflegt, färbt, schneidet u. in Form bringt. Die Internet-Enzyklopädie Wikipedia schreibt: Ein **Friseur** <...> ist eine Fachkraft für die Pflege des Kopfhaares und die Gestaltung der Frisur (URL 2). Wahrig und Wikipedia beschreiben also die Tätigkeit eines Friseurs detaillierter und somit zutreffender, als es in der Duden-Tradition liegt. Dieser Befund aber ist nicht unser Problem. Der Unterschied zwischen dem Online-Duden und den früheren Duden-Auflagen sowie Wahrig und Wikipedia liegt darin, dass die Bedeutungsparaphrase des Online-Duden das maskuline Substantiv deutlich und eindeutig als männlich interpretiert.

Und das ist eine fundamentale und gravierende Änderung gegenüber dem bisherigen Usus der Duden-Redaktion und gegenüber anderen Wörterbüchern. Diese Änderung hat eine heftige und teilweise hochemotionale Diskussion in den öffentlichen Medien hervorgerufen. An die Spitze der Gegner positionierte sich der Verein für Deutsche Sprache (<https://vds-ev.de>), der sich gerne und oft, meist ohne Zimperlichkeit, als pegidahafter „Kampfverband“ [Lobin 2021, S. 67; 70] geriert. Dazu kamen auch Sprachwissenschaftler/innen, vor allem Grammatiker wie Gisela Zifonun und Peter Eisenberg, die auch schon vor dem Erscheinen des Online-Duden zu Fragen des ‚gendergerechten‘ Sprachgebrauchs Stellung genommen hatten.

Den Befürwortern/innen schienen und scheinen die Änderungen des Online-Dudens nicht so gravierend zu sein. Unter der Überschrift „Die Bösewichtin“ und im Artikel unter der Zwischenüberschrift „Ein

Arzt ist jetzt ein Mann. Mehr ist nicht passiert“ [Stremmel 2021]: Die Redaktion hatte <...> im vergangenen Sommer damit begonnen, insgesamt 12000 Einträgen eigene Beschreibungen zu geben. Unter „Ärztin, die“ steht jetzt: „weibliche Person, die nach Medizinstudium und klinischer Ausbildung die staatliche Zulassung (Approbation) erhalten hat, Kranke zu behandeln“. Bei „Mieterin“ steht: „weibliche Person, die etwas gemietet hat“. Umgekehrt gilt, dass der Arzt oder der Mieter jetzt laut Duden eine „männliche Person“ ist. Mehr ist nicht passiert [Stremmel 2021].

Für den Journalisten Jan Stremmel sind die Änderungen nur Kleinigkeiten. Die öffentliche Aufregung darüber scheint ihm unverständlich zu sein, noch dazu, wo doch im Wörterbuch – endlich – Geschlechtergleichgewicht hergestellt zu sein scheint: Zunächst spricht er vom movierten Femininum (ohne es so zu nennen), und dem entspricht dann einfach das Maskulinum. Tatsächlich sind diese Änderungen aber, sowohl für die praktische Wörterbuchbenutzung als auch – und das ist im Augenblick das Wesentliche – für die Theorie von Wortbedeutung und Wortgebrauch geradezu gravierend.

Ein Artikel in der Hamburger Wochenzeitung ‚Die Zeit‘ [Knuth 2021] zitiert die Leiterin der Duden-Redaktion Kathrin Kunkel-Razum: „Wir sind ein Wörterbuch. Wir unterscheiden zwischen der Bedeutung und der Verwendung von Wörtern“. Damit sagt Kunkel-Razum, dass die Bedeutung eines Lemmas von der Verwendungsfrequenz bestimmt werden muss. Dies aber ist ein großer und fundamentaler Irrtum. Denn die Unterscheidung zwischen Langue und Parole gilt auch für den Wortschatz, in Sonderheit für die Bedeutung von Appellativa bzw. von ‚Begriffszeichen‘, also von sprachlichen Zeichen, die auf einen ‚Begriff‘ referieren und nicht wie die Eigennamen bzw. ‚Namenzeichen‘ auf einen individuellen Gegenstand in der Außenwelt [Wolf 2002]. Begriffe sind mentale Konzepte, die durch Wörter benannt und dadurch kommunizierbar werden („Nomination“). Begriffe werden dadurch gebildet, dass einzelne Merkmale mehrerer Objekte als klassenbildend verallgemeinert werden („Klasseme“), während von mehreren anderen Merkmalen abstrahiert wird. Ein einfaches Beispiel: Für den Begriff ‚Frau‘ werden die Merkmale Mensch, erwachsen und weibliches Geschlecht verallgemeinert, während von individuellen Merkmalen wie Größe, Haarfarbe, Hautfarbe o. A. abgesehen wird. Dies ist sowohl für das Erkennen als auch für das Kommunizieren notwendig, damit die Wörter als Nominationseinheiten auf möglichst viele und vielfältige Situationen und Gegenstände anwendbar sind.

3. Lexikalische und aktuelle Bedeutung

So gesehen, ist die Bedeutung von Begriffszeichen nicht präzise, nicht wohlbestimmt, darf das auch nicht sein, sondern stets vage, schlechtbestimmt.

Die Bedeutungserklärungen in einem Wörterbuch müssen dem Rechnung tragen: Sie müssen zuallererst die ‚lexikalische Bedeutung‘ eines Wortes erklären und können danach auf die aktuellen Bedeutungen, wie sie der/die Lexikograph/in in seinem/ihrem Quellenkorpus gefunden hat, eingehen. Die lexikalische Bedeutung ist der „komplexe Inhalt des Wortes als Bestandteil des Systems der Sprache“ [Heusinger 2004, S. 185]; mit anderen Worten: „Die lexikalische Bedeutung ist das Gesamt an Bedeutungen, die ein Lexem hat“ [Heusinger 2004, S. 185]. Wie das System der Langue ein System von Möglichkeiten ist, ist auch die lexikalische Bedeutung eine „potentielle Bedeutung“ [Schippan 1992, S. 134]. Demgegenüber ist die aktuelle Bedeutung der Inhalt, „der mit einem im Kontext stehenden Wort verbunden ist“ [Wilhelm Schmidt, zit. Heusinger 2004, S. 185]. Ein Wort, in unserem Fall: ein Begriffszeichen aktualisiert bzw. präzisiert seine Bedeutung im jeweiligen Kontext; erst hier wird in Kooperation mit anderen Wörtern präzise ausgedrückt und erfahrbar, auf welche Gegenstände der Außenwelt referiert wird. „Im konkreten Redeakt werden Bedeutungen durch Ko- und Kontext [bzw. durch Kontext und Konsituation. – NRW] aktiviert und aktualisiert“ [Schippan 1992, S. 135].

Die Bedeutungserklärungen zum Substantiv *Lehrer* in zwei Wörterbüchern sollen das Gesagte illustrieren:

(1) Duden Online-Wörterbuch

1. a) männliche Person, die an einer Schule unterrichtet (Berufsbezeichnung);

b) männliche Person, die an einer Hochschule oder Universität lehrt;

c) männliche Person, die aufgrund ihres Könnens Ausbilder (besonders in sportlichen Disziplinen) ist.

2. männliche Person, die anderen ihr Wissen vermittelt, die durch ihr Wissen, ihre Persönlichkeit als Vorbild angesehen wird; Lehrmeister.

(2) Wahrig 2012

1. jmd., der beruflich lehrt, unterrichtet, Inhaber eines Lehramtes, Pädagoge;

2. jmd., der als Ausbilder tätig ist, z. B. im sportlichen Bereich;

3. jmd., der als Vorbild für andere gilt, Lehrmeister.

Als gegenwartssprachlich motivierte Wortbildung hat das Substantiv *Lehrer* die (Wortbildungs-) Bedeutung ‚eine Person, die (berufsmäßig) lehrt‘. Wenn man dies berücksichtigt, dann könnte man die Bedeutungen eins und zwei in Wahrig 2012 zusammenfassen. Das Duden-Wörterbuch differenziert noch deutlicher, indem es verschiedene Schultypen – auch eine Universität ist eine Schule – als differenzierende Bedeutungsmerkmale nimmt. Auch hier könnte man leicht die angegebenen ‚Lesarten‘ minimieren, ohne dass ein Informationsverlust zu befürchten wäre. Debattieren könnte man die Bedeutung ‚Vorbild, Lehrmeister‘, da diese Bedeutung keinerlei Lehrtätigkeit voraussetzt. Vor allem zum Online-Duden kann man sagen, dass dieses Wörterbuch von Anfang an zu

stark Bedeutungen differenziert, somit nur aktuelle Bedeutungen oder Kontextbedeutungen aufgeführt, während die lexikalische Bedeutung, die mit der Wortbildungsbedeutung weitgehend übereinstimmt, überhaupt nicht vorkommt.

In diesem Zusammenhang ist auch die Geschlechtsbestimmung des Online-Dudens zu sehen: als eine nicht nur überflüssige, sondern auch sachwidrige Festlegung, die sicherlich nicht Teil der lexikalischen Bedeutung von *Lehrer* ist. Dies haben auch zahlreiche Kritiker/innen so gesehen. Sie werfen der Duden-Redaktion vor, der „Duden entwerte das generische Maskulinum“ (so ein Zitat bei Stremmel [Stremmel 2021]); die Folge davon sei, dass „man von nun an beide Formen [Maskulinum und Femininum. – NRW] verwenden“ müsse.

Damit sind wir bei einem zentralen Problem der sog. ‚feministischen Sprachwissenschaft‘ angelangt. Von Anfang dieser sprachwissenschaftlichen Richtung an wird die Gültigkeit des generischen Maskulinums zumindest bezweifelt, wenn nicht in Abrede gestellt. Und so hat sich – das obige Zitat aus Stremmel 2021 belegt dies – der Begriff ‚generisches Maskulinum‘ zu einem Kampfbegriff entwickelt; das Für und das Wider werden gleichermaßen stets aufs Neue betont und begründet. Das beginnt schon bei der Bedeutungserklärung in Fremdwörter- oder auch allgemeinen Wörterbüchern.

Duden-Fremdwörterbuch (Duden 2015b, S. 388):

a) das Geschlecht od. die Gattung betreffend;

b) (Sprachwiss.) in allgemeingültigem Sinne gebraucht.

Fastwörtlich gleich sind die Bedeutungserklärungen von *generisch* in (Wahrig 2010). Scheinbar kleine Änderungen gibt es wieder im Online-Duden (Duden 2021):

1. im allgemeingültigen Sinne [gebraucht] – Sprachwissenschaft;

2. das Geschlecht oder die Gattung betreffend – Biologie.

Beide Bedeutungen werden je einem wissenschaftlichen Referenzbereich zugeordnet, eine gemeinsprachliche Verwendung dieses Adjektivs scheint es nicht mehr zu geben. Die Sprachwissenschaft steht nun an erster Stelle, darauf folgt die Biologie. Die biologische Verwendung wird nicht mit einem Beispiel belegt, die sprachwissenschaftliche sehr wohl: generisches Maskulinum (Verwendung der maskulinen Form für weibliche und männliche Personen).

Anordnung der zwei Bedeutungen und Wahl des einzigen Kontextbelegs sind manipulativ. Überraschend ist es auch, dass die Duden-Redaktion nur zwei Referenzbereiche gefunden hat, in denen das Adjektiv generisch verwendet wird. Ein kurzer Blick in die Internet-Enzyklopädie Wikipedia hätte noch eine Reihe weiterer Referenzbereiche zu Tage gefördert (URL 3):

• In „der Opernmusik der generische Terminus für Duette, Terzette, Quartette und anderen mehrstimmigen Gesang: Ensemble“;

• IT-Bereich:

Eine generische Domain (auch beschreibende oder sprechende Domain) ist eine Internet-Domain, deren Name aus einem Gattungsbegriff besteht, z. B. *pizza.com* oder Ähnliches. Im Gegensatz dazu stehen Domains, die aus Eigennamen oder Phantasienamen bestehen.

Generische Treiber sind Computerprogramme, die zum Betrieb vieler unterschiedlicher Geräte einer Klasse (z. B. für viele Festplatten) eingesetzt werden können.

In der objektorientierten Programmierung werden die Funktionen (genauer: Methoden) einer Objektklasse absichtlich zunächst möglichst allgemein entworfen, um für unterschiedliche Datentypen und Datenstrukturen verwendet werden zu können;

• Mathematik:

In der algebraischen Geometrie gibt es den Begriff des „generischen Punkts“.

Allgemein gibt es den Begriff „generisch“ in der Mathematik insbesondere im Zusammenhang mit Funktionenräumen.

Es verwundert aber, dass das große Duden-Korpus, zumindest zur Zeit der Bearbeitung des Online-Dudens, keine Belege für andere Referenzbereiche enthalten hat.

In der Sprachwissenschaft hat das Adjektiv „generisch“ die Aufgabe, anzugeben, dass eine Aussage sich nicht auf ein bestimmtes Objekt, auf einem bestimmten Gegenstand, auf einen bestimmten Sachverhalt bezieht, sondern auf eine Klasse von Objekten, Gegenständen, oder Sachverhalten. So gesehen kann es nicht nur generische Maskulina, sondern auch generische Feminina und generische Neutra sowie generische Pluralia geben, wie die folgenden Beispiele aus Wikipedia zeigen:

Der Wolf (*Canis lupus*) ist rezent das größte Raubtier aus der Familie **der Hunde** (*Canidae*). **Wölfe** leben meist in Familienverbänden, fachsprachlich Rudel genannt.

Über eine stärkere Durchblutung kann **die Giraffe** so mehr Körperwärme abgeben und ist nicht auf Schatten angewiesen. Vor allem bei **männlichen Giraffen** werden die Flecken mit zunehmendem Alter dunkler.

Das Hauspferd ist die domestizierte Form **des Wildpferdes**, das mit **den Eseln und Zebras** die Familie **der Pferde** (*Equidae*) innerhalb der Ordnung **der Unpaarhufer** (*Perissodactyla*) bildet.

Diese Beispiele, je eines für jedes Genus der deutschen Gegenwartssprache, sind generische Aussagen, also generelle Aussagen über Klassen von Gegenständen, in unserem Fall von Tieren. Durch diese Beispiele wird auch sichtbar, dass in solchen generischen Aussagen die oppositiven Funktionen der Artikelformen neutralisiert werden, ebenso die der Numeri: Gibt es keinen wirklichen Situationsbezug, geht es also nicht um individuelle Größen der Erfahrungswelt, sondern um „generelle“ Aussagen über eine gesamte Klasse

besprochener Erscheinungen, so ist die Opposition „Determiniertheit – Indeterminiertheit“ aufgehoben. <...> Da es hier nicht auf gezählte „Individuen“ ankommt, ist zugleich der Gegensatz „Einzahl – Mehrzahl“ aufgehoben [Erben 1972, S. 227].

Generische Aussagen herzustellen ist keine Leistung des Genus, sondern, wie dieses Zitat aus J. Erben 1972 zeigt, der Teile des sprachlichen Kontexts, die Definitheit oder Indefinitheit signalisieren. Damit werden auch Wort und Begriff ‚Generisches Maskulinum‘ problematisch: Es ist eben nicht das Genus, das das Entscheidende ist. Wenn wir generische Aussagen über das Tierreich machen wollen, können wir hierfür Substantive mit allen drei Genera verwenden. Dass dies bei Aussagen über menschliche Nomina *Agentis*, Berufs- und Personenbezeichnungen so nicht möglich ist, liegt daran, dass die meisten derartigen Bezeichnungen maskulin sind. Das hat – diese Sottise sei hier eingefügt – nichts mit den Wirkungen des Jahrhunderte lang waltenden Patriarchats zu tun, sondern mit einem ganz anderen und viel älteren sprachgeschichtlichen Faktum.

4. Sprachsystematisches

4.1. Genus commune

Das Indogermanische, insbesondere die sog. altindogermanischen Schulsprachen wie das Altgriechische und das Lateinische, kennen drei Genera. Doch „läßt der formale Aufbau einzelner Flexionsparadigmen auf ein vorhistorisches Zwei-Genus-System schließen“ [Tichy 1993, S.1]. Dieses äußert sich in Adjektiven „der dritten Deklination“, in sog. *i*-Stämmen: „*omnis* m. f., *omne* n., *facilis*, *facile*, *fortis*, *forte*“. Die Genus-Markierung „m. f.“ ist ein syntaktischer Hinweis: Sie zeigt an, mit welchen Substantiven das Adjektiv kongruieren kann; die Form *omnis* kann demnach mit maskulinen und femininen Substantiven kongruieren. Mit anderen Worten, Genusklassen sind zunächst „Kongruenzklassen“. Es spielt dabei keine Rolle, ob ein maskulines Substantiv ein männliches Lebewesen oder eben nur einen geschlechtslosen Gegenstand bezeichnet. „Da Genus durch die Kongruenz definiert wird, ohne dass der Auslöser derselben zwingend hinsichtlich dieses Merkmals markiert sein müsste, können Klassen nur aufgrund der Kongruenzmuster etabliert werden“ [Litscher 2015, S. 5]. Aus den zwei Kongruenzklassen wurden zwei Genusklassen, das ‚Genus commune‘ und ‚Genus neutrum‘.

Hinter der vorgrundsprachlichen Genusopposition, durch die der Gesamtbestand an Substantiva auf zwei formal geschiedene Gruppen verteilt wird, steht aller Wahrscheinlichkeit nach eine semantische Differenzierung, die wohl mit der Opposition ‚belebt vs. unbelebt‘ charakterisiert werden kann. „Einem Genus inanimatum (*genre inanimé*) hätte demnach ein Genus animatum (*genre animé*) gegenübergestanden“ [Tichy 1993, S. 3].

Die Urindogermanen bzw. die Sprecher der vorhistorischen Grundsprache waren Herdenhalter. Für sie war es besonders aus wirtschaftlichen Gründen wichtig, zwischen weiblichen und männlichen Tieren zu unterscheiden; denn in der Regel sind nur weibliche Tiere für die Herdenhaltung geeignet, während die männlichen Tiere, sofern sie nicht ‚neutralisiert‘ werden, von der Herde abgesondert werden. Anders ausgedrückt, die Möglichkeit, den Plural von Substantiven *neutri generis* als singularische Kollektivbezeichnung zu verwenden, wurde auch für eine spezielle Art von Metonymie genutzt: Die den weiblichen Herdentieren zugesprochene Tauglichkeit für Herdenkollektive bewirkte, dass auch einzelne weibliche Lebewesen mit derselben Suffixableitung bezeichnet werden können. Das neue Genus wird dadurch möglich, dass das Inhaltsmuster der Movierung (oder Motion) geschaffen wird.

Movierung ist ein Inhaltsmuster, und zwar die „Bildung eines als ‚weiblich‘ (Sexus) markierten Substantivs zu einem sexusneutralen Substantiv mit maskulinem oder femininem Genus (*der Storch > die Storchin, die Giraffe > die Giraffin*)“ [Fleischer, Barz 2012, S.236]. Es geht also bei diesem Inhaltsmuster um die explizite ausdrucksseitige Kennzeichnung des Geschlechts eines Lebewesens. Bei ungeschlechtigen Lebewesen wie bei einigen Würmern ist eine Movierung nicht möglich: **die Wurmin*. Deshalb ist die Annahme eines weiteren movierenden „Derivationsprozesses“ nicht nur nicht notwendig, sondern wohl auch falsch: „Bildung der femininen Entsprechung zu einem maskulinen Substantiv (*Arzt > Ärztin, Headhunter > Headhunterin*)“ [Fleischer, Barz 2012, S.236]; auch hier geht es letztlich um nichts anderes als um die Kennzeichnung weiblichen Geschlechts und nicht um feminine Entsprechungen zu Maskulina.

Dies Alles ist schon seit Längerem bekannt. Bereits Walter Henzen (1895 – 1967) fasste dies in seiner historischen Wortbildungslehre knapp zusammen [Henzen 1965, S.152]: Wie schon angedeutet, bildet das Idg. persönliche Feminina aus Maskulinen mittels reinen *ā*-Stammes (lat. *lupa, domina, puella*).

Diese Feststellung kommentiert Luise F. Pusch als „rein androzentrische (d. h. verfälschende) Sehweise“. Sie erklärt das Zustandekommen dieser „verfälschenden Sehweise“ mit der Dominanz der Männer in der älteren Wissenschaft: Natürlich sind alle älteren sprachhistorischen Arbeiten und auch die meisten neueren von Männern verfaßt, und wie wir Frauen inzwischen wissen, sind deren Forschungsergebnisse, Rekonstruktionen und Interpretationen, vor allem soweit sie uns, hier: Bezeichnungen für uns, betreffen, mit Vorsicht zu genießen [Pusch 1984, S. 55]. Es bleibt hier nur zu erwähnen, dass sich seit dem Erscheinen von Pusch (1984) auch Frauen den Ergebnissen der männlichen Sehweise angeschlossen haben; siehe auch oben erwähnte bzw. zitierte Literatur.

Die grammatische Benennung der Genera müsste, diesem Befund entsprechend, etwas anders aussehen: Statt ‚Maskulinum‘ sollte es weiterhin ‚Genus commune‘ heißen, sodass wir die Dreiheit

‚Commune‘, ‚Femininum‘ und ‚Neutrum‘ hätten. Dies bedeutete einen gewaltigen Schritt in der Entwicklung der Struktur der Grundsprache des Indogermanischen.

4.2. Markierte und unmarkierte Einheiten

Sprachstrukturen sind ganz wesentlich geprägt von der Opposition von unmarkierten und markierten Einheiten. Markierte Einheiten besitzen ein ausdrucks- und (bei sprachlichen Zeichen) inhaltsseitiges Merkmal, das die unmarkierte Einheit nicht hat. In diesem Sinn ist das movierte Femininum *Ärztin* durch das Movierungssuffix *-in* und das semantische Merkmal ‚(weibliches) Geschlecht‘ markiert. Dieses semantische Merkmal ist bei der unmarkierten maskulinen Form *Arzt* nicht vorhanden. „Generell sind markierte Formen merkmalsreicher“ [Boettcher 2009, S. 12]. Sie haben daher einen kleineren Bezeichnungsumfang als unmarkierte Ausdrücke. Wenn also ein maskulines Nomen agentis oder auch eine maskuline Personenbezeichnung auf einen Mann referieren soll, dann bedarf es mehr oder weniger deutlicher Kontextsignale. In der Anrede: *Liebe Mitbürgerinnen und Mitbürger* z. B. ist es das Zusammenspiel von zwei Personenbezeichnungen, die dann bei der maskulinen Form die Verwendung als männliche Bezeichnung ermöglicht. Dadurch können sich alle, die an einer Versammlung teilnehmen, angesprochen fühlen.

Dies alles gilt auch, mutatis mutandis, für viele weitere Fälle von Doppelnennungen, etwa: 183 Nationalratsabgeordnete sollen in der kommenden Legislaturperiode die Interessen der **Österreicherinnen und Österreicher** vertreten. (<https://www.derstandard.at/story/2000109168988/wer-waehlte-wie-waehlergruppen-und-ihre-motive>) [03.06.2021] Damit wird es signalisiert, dass sämtliche Individuen, die in Österreich leben, sich angesprochen fühlen sollen.

Noch deutlicher wird der Anspruch an Individuen im folgenden Beispiel: Es gibt keinen Unterschied, ob man aus Ostpreußen, der Türkei, Bosnien oder Aachen stammt oder gekommen ist. Wer den deutschen Pass besitzt, gehört zum deutschen Staatsvolk, Punkt. Aber das setzt eben auch ein gewisses Maß an Loyalität voraus. **Jeder Migrant und jede Migrantin, der oder die** sich durch einen erfolgreichen Integrationsprozess mit der freiheitlich-demokratischen Grundwerten und den demokratischen Institutionen unseres Staates identifiziert und **Staatsbürger oder Staatsbürgerin** dieses Landes wird, soll und darf über dieses Gemeinwesen mitbestimmen (Die Zeit. Nr. 16, 15.04.2021).

Das Indefinitum *jeder/jede* verstärkt das Signal, dass hier mit der Doppelformel *Migrant und Migrantin* jedes einzelne Individuum, das im dazugehörigen Relativsatz – der ebenfalls mit der Doppelung *der oder die* angeschlossen wird – genauer definiert wird, gemeint ist. Generell kann gesagt werden, dass die ‚Doppelformel‘, bestehend aus moviertem Femininum und männlich interpretiertem Maskulinum weniger ein Kollektiv anspricht resp. benennt als vielmehr

die einzelnen Mitglieder eines Kollektivs, die Individuen, die das Kollektiv bilden, in zwei Gruppen zusammenfassend ausdrückt.

Ganz anders hingegen: Eine große Ehre ist es, an Fronleichnam den Baldachin zu tragen, den man Himmel nennt. Das ist allerdings immer noch den **Männern** vorbehalten. Als vor Jahren in Rottal eine junge Frau aus Versehen zu nahe bei den **Himmelträgern** stand, wurde sie angeraunt: „Ja, wo kemma denn da hin, wenn d'Weiber hinterm Himmi noch gengan <...>!“ (Süddeutsche Zeitung. 02./03.06.2021) Dadurch, dass schon vor dem Nomen *agentis Himmelträger* die Substantivform *Männer* steht, ist auch das Geschlecht der *Himmelträger* eindeutig festgelegt. Wiederum aber ist es der Kontext, der dem Nomen *agentis* das Sexusmerkmal zuweist.

Daneben aber gibt es immer wieder Texte, in denen eine maskuline Personenbezeichnung als generisches Maskulinum verwendet wird: An einem Nachmittag im Turnhouter Stadtbad färbt sich das Wasser plötzlich weiß wie Milch. **Die Schwimmer** sehen sich an, manche geraten in Panik; ein Kind muss sich übergeben. Eine ältere Dame kann gerade noch an den Beckenrand gezogen werden bevor sie ohnmächtig wird. (Die Zeit. 06.05.21, S. 58)

Dieser Text stammt von der Autorin Maja Beckers, die als Frau des ‚genderungerechten‘ Sprachgebrauchs kaum verdächtig ist. Wenn ein Sexusmerkmal zur ‚lexikalischen‘ Bedeutung des Substantivs *Schwimmer* gehörte (wie es der Online-Duden notiert: „männliche Person, die schwimmen kann“), dann wäre es nicht möglich, dass zu den *Schwimmern* auch Frauen wie die erwähnte *ältere Dame* gezählt werden müssen. Dazu ist es in unserem Weltwissen verankert, dass sich in einem öffentlichen Schwimmbad in der Regel Personen beiderlei Geschlechts tummeln. Auch das sog. generische Maskulinum ist eine Kontextfunktion der lexikalischen Bedeutung bzw. der Wortbildungsbedeutung von *Schwimmer*: ‚eine Person, die schwimmt‘. Wenn hingegen das movierte Femininum *die Schwimmerinnen* in diesem Text stünde, dann könnte es später nicht heißen: *ein älterer Herr*, dann wären nur weibliche Personen gemeint.

Ähnlich ist es zu lesen: Eine bahnbrechende Technologie für Windows wird unter **Nutzern** in Deutschland immer beliebter – dank der enormen Vorteile, die sie für PCs bringt. <...> Heute besitzt **jeder** einen Computer. Sie sind für unseren Alltag unverzichtbar und helfen uns bei allem – von der Verwaltung unserer Finanzen bis zum Online-Shopping. Aber **wer** weiß schon, wie man die Funktionsfähigkeit **seines** Computers erhält? (<https://securitysaversonline.com>) [09.05.2021].

Im Pronominalbereich gleichen das Interrogativum, Indefinitum und Relativum *wer* der maskulinen Pronominalform *der*. Entsprechend der femininen Form *die* müsste ein feminines Interrogativum (etc.) *wie* lauten, was aber nicht möglich ist, denn *wie* ist als erstarrte Instrumentalform mit ganz anderen Aufgaben belegt. Zudem liegt es in der Logik der Sache, dass

Interrogativpronomina nicht sexusmarkiert sein können: Die Frage: *Wer hat angerufen?* enthält auch die Mitteilung darüber, dass der/die Fragende nicht weiß, ob der/die Anrufer/in männlich oder weiblich war. Daher greift das Pronomen *wer* auf das alte Genus commune zurück. Ähnlich verhält sich das Indefinitum *jemand*.

Eine besondere Aufgabe kann die Erwähnung von Männern und Frauen in ein und derselben sozialen Rolle in einem Textstück sein: Margaret Thatcher, britische **Premierministerin**, hat einen neuen Rekord aufgestellt: Sie hat die längste Amtszeit erreicht, die ein **Premierminister** nach dem Zweiten Weltkrieg erlebte. Bisheriger **Rekordhalter** war Harold Wilson, der – mit einer vierjährigen Pause – sieben Jahre und 278 Tage an der Macht war (Süddeutsche Zeitung. 09.02.1987).

Das movierte Femininum *Premierministerin* tut kund, dass hier von einer Frau gesprochen wird. Die maskuline Form *Premierminister* referiert nur auf die soziale Rolle, gemeint sind also ‚die bisherigen Inhaber der Rolle‘, während sich das Maskulinum *Rekordhalter* wiederum auf ein männliches Individuum bezieht. Noch einmal: Es sind immer Kontextsignale, die eine eindeutige Referenz der einschlägigen Substantive ermöglichen.

Wenn z. B. in einem Text von einer Frau und einem Mann die Rede ist, dann ist es völlig eindeutig, dass sich die Pluralform *Freunde* auf Personen beiderlei Geschlechts bezieht: Auf Instagram stellte Dunja Hayali einen seltenen emotionalen Beitrag online. Er richtet sich an ihren Kollegen Mitri Sirin. Seit acht Jahren moderieren die beiden zusammen das ZDF-Morgenmagazin. Längst scheinen aus den beiden **Freunde** geworden zu sein. Das zeigen jedenfalls die Fotos, die die 46-Jährige in einer Collage zusammenfasst (https://www.t-online.de/unterhaltung/stars/id_89646690/dunja-hayali-mit-seltenem-emotionalen-posting-auf-dich-meinbegleiter-.html) [13.03.2021].

Dadurch wird auch möglich, dass die Textbotschaft so ökonomisch wie möglich und dennoch verständlich vermittelt wird. In diesem Sinn können auch Doppelformeln wie *Wählerinnen und Wähler* bzw. vereinfachte Schreibungen wie *Wähler/innen* oder *Wähler/-innen* ohne „sprachökonomische Verluste“ verwendet werden [Harnisch 2020, S. 9], denn sie liefern ja die zusätzliche Information, dass gewissermaßen jedes Individuum einer Gruppe angesprochen wird.

5. Gendergerechte Sprache?

Gleichwohl, seit Beginn der Debatte um geschlechter- und (später) gendergerechte Sprache wird über das generische Maskulinum diskutiert. Zunächst ging es nur um das Verhältnis von ‚Genus‘ (grammatisches Geschlecht) und ‚Sexus‘ (biologischem Geschlecht); eine strikte und konsequente Trennung dieser beiden Bereiche wurde und wird geleugnet. Inzwischen ist auch der Begriff ‚Gender‘ (soziales Geschlecht) dazugekommen. Helga Kotthoff und Damaris Nübling demonstrieren

in ihrer Einführung in die Genderlinguistik (2018) die Problematik des generischen Maskulinums mit einem „sog. Sprachrätsel, das dem genuslosen Englischen entstammt und einfach (bzw. brachial) in die Drei-Genus-Sprache [recte: Drei-Genera-Sprache? – NRW] Deutsch übertragen wird <...>: „Vater und Sohn fahren im Auto. Sie haben einen schweren Unfall, bei dem der Vater sofort stirbt. Der Junge wird mit schweren Kopfverletzungen in ein Krankenhaus gebracht, in dem ein Chef-Chirurg arbeitet, der eine bekannte Kapazität für Kopfverletzungen ist. Die Operation wird vorbereitet, alles ist fertig, als der Chef-Chirurg erscheint, blass wird und sagt: „Ich kann nicht operieren, das ist mein Sohn!“ Frage: In welchem Verwandtschaftsverhältnis stehen der Chirurg und das Kind? [Kotthoff, Nübling 2018, S. 95].

Die Autoren [Kotthoff, Nübling 2018, S. 96] sagen selbst, dass eine simple Übertragung eines englischen Sprachspiels nicht auch im Deutschen funktionieren kann. In unserem Fall ist die Sache aber noch viel einfacher: der Begriff ‚generisches Maskulinum‘ bezieht sich, wie schon gesagt, auf eine Gattung und nicht auf ein Individuum. Wenn von einem Individuum die Rede ist, muss ein geschlechtsspezifischer Ausdruck gewählt werden.

In seiner Zusammenfassung sagt auch Henning Lobin: Formen im generischen Maskulinum wie „Wähler“, mit denen gleichermaßen auf Männer wie Frauen referiert wird, bewirken eine Verstärkung einer Vorstellung von Männlichem, die sich experimentell nachweisen lässt [Lobin 2021, S. 46f]. Deshalb plädiert er für die Verwendung eines „generischen Femininums“ [Lobin 2021, S. 52f], zum Beispiel in Gesetzestexten. Darauf wird noch zurückzukommen sein.

Da es hier nicht um Formen und Möglichkeiten gendergerechter Sprache geht, sondern um die lexikalische Bedeutung maskuliner Personenbezeichnungen und deren Position im System des personenbezeichnenden Wortschatzes, soll unser Augenmerk jetzt weiteren Personenbezeichnungen gelten. Zuvor aber sei noch einmal betont, dass die Bedeutung maskuliner Personenbezeichnungen durch männliche Paraphrasen in keiner Weise sachgerecht ist. Sowohl die Beschreibung von maskulinen Personenbezeichnungen in authentischen Kontexten als auch die semantische Analyse machen deutlich, dass das Duden-Online-Wörterbuch den untauglichen Versuch unternimmt, den Wortgebrauch in einem gewissen Sinn zu steuern, ihn aber nicht zu dokumentieren. Es drängt sich der Verdacht auf, dass die Duden-Redaktion bestrebt ist, die frühere normative Funktion in einem anderen Bereich als dem der Orthographie zurückzuerobieren.

Nach der lexikographischen Behandlung der einschlägigen Lemmata bietet der Online-Duden immer einen Kasten mit einem stets identischen Text (Duden 2021):

VERWENDUNG DER PERSONENBEZEICHNUNG
In bestimmten Situationen wird die maskuline Form (z. B. *Arzt, Mieter, Bäcker*) gebraucht, um damit

Personen aller Geschlechter zu bezeichnen. Bei dieser Verwendung ist aber sprachlich nicht immer eindeutig, ob nur männliche Personen gemeint sind oder auch andere. Deswegen wird seit einiger Zeit über sprachliche Alternativen diskutiert.

Die Unsicherheit des Geschlechtsbezugs wird allerdings – dies scheint die Duden-Redaktion zu übersehen – in den allermeisten Fällen durch den Kontext aufgehoben. Das Duden-Online-Wörterbuch enthält keine Kontextbelege, sondern nur feste Wendungen ohne Kommentar: *zum Friseur gehen; für eine Reparatur einen Handwerker kommen lassen; wir haben die Handwerker im Haus*. Die meisten dieser Beispiele belegen aber, dass der Geschlechtsbezug der Lemmata nicht das Primäre ist. In Knuth (2021) konzidiert eine Duden-Redakteurin: Es gibt die generische Verwendung von ‚Arzt‘, die will ja auch keiner abschaffen. Aber die Leute sagen eben auch: ‚Ich gehe zu meiner Hautärztin‘.

Dieses Beispiel zeigt, dass das Possessivpronomen individualisierend wirkt; dies gilt auch für die maskuline Entsprechung: *Ich gehe zu meinem Hautarzt*. Auch in diesem Fall wird niemand von einem generischen Maskulinum sprechen. ‚Generisch‘ bedeutet also etwa eine Klasse oder ein Exemplar aus einer Klasse bezeichnend. Wenn jemand *zum Friseur* geht, dann geht er zu einem Exemplar der Klasse Friseur, und das kann männlich oder weiblich sein. Peter Eisenberg beschreibt diesen Sachverhalt völlig zurecht [Eisenberg 2019, S. 38]: Bei den Personenbezeichnungen im Deutschen ist das Maskulinum unmarkiert. Während die feminine Form *Lehrerin* ein Sexusmerkmal hat, weist die maskuline Form *Lehrer* ein solches Merkmal nicht unbedingt auf. Das Wort kann sich auf Männer beziehen, muss es aber nicht, während dem Wort *Lehrerin* der Bezug auf weibliche Wesen fest eingeschrieben ist.

Wenn dem nicht so wäre, dann wäre die Kritik an Meinungen von zwei Männern über die Sprache aufgrund von deren (vermeintlicher) sexueller Orientierung nicht nur missglückt – das ist sie ohnehin und richtet sich selbst –, sondern vor allem nicht möglich: Die Grünen sind eine extrem janusköpfige Partei: Ihnen zufolge muss die tierische und pflanzliche Natur um jeden Preis in maximaler Weise geschützt werden, die menschliche Natur hingegen erscheint ihnen formbar wie Plastilin. Nicht weniger schizophren argumentieren viele moderne Linguisten: Jede Sprache sollte vor dem Aussterben bewahrt werden, da sie ihr ganz eigenes erhaltungswürdiges Weltbild enthält. Aber die europäischen Sprachen können nach Belieben gemäß den Vorgaben der politischen Korrektheit deformiert werden. Volker Beck und André Meinunger – zwei BrüderInnen im Geiste <...> [Rinas 2011, S. 145].

Wenn Berufsbezeichnungen in einem strittigen Kontext sich explizit auf Männer und nur auf Männer beziehen sollen, dann können (und sollen), der Eindeutigkeit halber, die Berufsbezeichnung mit dem Adjektiv *männlich* attribuiert werden: In kaum einem anderen Bereich konnte sich das Patriarchat so lange unangefochten halten wie im Theater.

Noch heute werden rund drei Viertel aller großen Häuser von **männlichen Intendanten** geleitet, noch heute stammen ebenfalls drei Viertel aller Inszenierungen von **männlichen Regisseuren**. Einige dieser Theatermänner nutzen ihre von kaum einer Kontrollinstanz gebremste Macht schamlos aus, nicht zuletzt sexuell, wie man spätestens seit der Metoo-Debatte weiß (Die Zeit. 12.05.2021).

Diese Fügungen sind keine tautologischen Ausdrücke, Präzisierungen, „attr[ibutive] Geschlechtsspezifikation[en]“ [Pusch 1984, S. 59]. Demgegenüber sind derartige weibliche Syntagmen Tautologien, die in den frühen 1980er Jahren in den Anfängen der ‚feministischen Linguistik‘ gezielt zur verstärkten Betonung des weiblichen Geschlechts eingesetzt werden; sie kommen daher zunächst in feministischen Kontexten, etwa in der Zeitschrift ‚Emma‘ (<https://www.emma.de>), vor (Beispiele aus Pusch 1984, S. 103; Hervorhebungen von mir. – NRW): Dieser Beruf ist ziemlich neu für Mädchen aus meiner Gegend, obwohl es einige **weibliche Kolleginnen** geben soll. Er konnte <...> mit seinen Kollegen vergnügt zum geistigen Salto mortale ansetzen – über dem Netz, versteht sich – das die **weiblichen Assistentinnen** stets gespannt halten. [Die Interpunktion in diesem Beispiel findet sich so in Pusch 1984. – NRW]. Tatsächlich hat man in Hessen nicht gerade eifrig nach einer **weiblichen Leiterin** gesucht. Luise F. Pusch kommentiert diese Beispiele folgendermaßen [Pusch 1984, ebd.]: Offenbar empfinden viele Frauen (ich schließe mich ein) die Redundanz dieser Konstruktion als kaum störend im Vergleich zu dem Verstoß, eine Frau mit einem Maskulinum zu bezeichnen.

Die movierten Feminina in derartigen Beispielen können nicht als generische Feminina angesehen werden, denn die Ableitung mit dem Movierungssuffix *-in* bezeichnet eindeutig nur weibliche Personen, ist „der Bezug auf weibliche Wesen fest eingeschrieben“ [Eisenberg 2019, S.38]. Rüdiger Harnisch hat zahlreiche ‚tautologische Syntagmen‘ untersucht und meint, dass nicht „durch reguläre, hier Kongruenz herstellende, syntaktische Prozesse semantisch irreguläre Konstruktionen, hier Tautologien, entstehen, sondern vielmehr politisch propagierte und sozial kontrollierte Sprachregelungen dafür verantwortlich sind“ [Harnisch 2021, S. 27]. Die Tautologien kämen von der „gendergerechten Sprachregelung her, kein generisches Genus zuzulassen“ [Harnisch 2021, S. 28]. Vor allem „die schriftsprachlichen Belege“ legen die Vermutung nahe, „dass diese Bildungen sich auf dem Weg der Normalisierung – und vielleicht sogar Normwerdung – befinden“ [Harnisch 2021, S. 29].

Zum generischen Femininum, besonders in Gesetzestexten, nimmt auch Henning Lobin Stellung. Auch in diesem Referenzbereich seien „sprachliche Konventionen [...] einem beständigen Wandel unterzogen“ [Lobin 2021, S. 54]; als Beispiel führt er zahlreiche Eindeutungen im Bürgerlichen Gesetzbuch von 1900 an: Hieß es in älteren Gesetzen noch „Exekution“, „Defizit“ oder „Erbeslegitimationsattest“, ist nun von

„Zwangsvollstreckung“, „Fehlbetrag“ oder „Erbschein“ die Rede. Rechtstexte sind also nicht nur Gegenstand politischen Gestaltungswillens <...>, sondern gestalten immer auch ihrerseits die gesellschaftliche und politische Wirklichkeit, nicht zuletzt sprachlich [Lobin 2021, S. 54f].

Doch gibt es einen gravierenden Unterschied: Die Eindeutungen werden mithilfe der deutschen Wortbildungsregularitäten gebildet, wodurch regelkonforme neue Wörter entstehen, während eine ‚Generisierung‘ der femininen Movierungen ein deutlicher und starker Normverstoß wäre. Ob ein solcher Verstoß gegen sprachliche Normen durch eine politische Handlung zur Regel werden kann, bleibe dahingestellt.

Durch die Möglichkeit, aus maskulinen Personenbezeichnungen movierte Feminina abzuleiten, ist das – heute noch gültige, wenn nicht unumstrittene – System ‚(generisches) Maskulinum – Femininum (– Neutrum)‘ entstanden. Diese rein sprachwissenschaftliche Feststellung wurde mehrfach experimentell überprüft: In einem psycholinguistischen Experiment wurde schon vor zehn Jahren herausgefunden, dass bei maskulinen Bezeichnungen für stereotyp männliche (Spione), neutrale (Zuschauer) und weibliche Tätigkeiten (Kosmetiker) von den meisten Menschen angenommen wird, dass es sich dabei um reine Männergruppen handelt. Dies betrifft nicht nur Spione, sondern auch geschlechtlich ausgewogene Wörter wie Zuschauer sowie mehrheitlich weibliche Kosmetiker [Lobin, Nübling 2018].

Dieses Experiment bestätigt hingegen die Annahme von einem generischen Maskulinum, das eben nicht männliche und weibliche Wesen gleichermaßen bezeichnen kann, sondern das geschlechtsneutral ist und somit überhaupt kein Geschlecht bezeichnet. Deshalb und nur deshalb können mit einem solchen Maskulinum männliche und weibliche Wesen gemeint sein, es entscheidet unser Weltbild und unser Weltwissen, ob ein Wort auf einen Mann oder eine Frau referiert. Ein schönes und eindrucksvolles Beispiel dafür sah und hörte ich am 31.03.2021 und 21:40 Uhr in der Sendung ‚Das Berchtesgadner Land‘ im Mitteldeutschen Rundfunk. Gezeigt und interviewt wurde ein Paar, das von der Stadt auf eine Alm gezogen war, um dort eine Imkerei zu betreiben. In dieser Situation sagte die Frau (neben ihrem Mann): „Ich bin **der Romantiker** von uns zwei“ (<https://www.mdr.de/tv/programm/sendung920730.html>).

Diese Äußerung kam ganz spontan und wirkt daher (auf mich) viel überzeugender als jedes psycholinguistische Experiment, das letztlich Daten nur aus künstlichen Situationen liefert: Bei den psycholinguistischen Experimenten <...> wird zudem nur eine Form der Kontextualisierung und ein bestimmter referentieller Modus für die Personengruppen getestet. Ob bei anders gearteter Kontextualisierung und bei verändertem referentiellen Modus in ähnlicher Weise das männliche Geschlecht bevorzugt wird, ist keineswegs sicher [Zifonun 2018, S. 45].

Im weiteren Fortschritt der Kritik am generischen Maskulinum und der Diskussion um weitere Geschlechter ist der Begriff des ‚Gendergaps‘ entstanden: Gender-Gap <...> oder Gendergap bezeichnet den Einsatz eines Unterstrichs im Wortinneren als Mittel der gendergerechten Schreibung im Deutschen, um in Personenbezeichnungen zwischen männlichen und weiblichen auch nichtbinäre, diversgeschlechtliche Personen typografisch sichtbar zu machen und zu referenzieren (URL 4).

Dieses orthographische Konzept sowie das Konzept von einem Raum zwischen den beiden Geschlechtern weiblich und männlich sollen hier nicht diskutiert werden. Ein Beispiel aber soll zeigen, dass sachfehlerhafte Äußerungen entstehen, wenn gewaltsam das generische Maskulinum vermieden werden soll: <...> zudem fordern wir, dass sexuelle Gewalt und Machtmissbrauch zu einem unabdingbaren Thema in der Aus- und Fortbildung nicht zuletzt von **Priesterkandidat: innen** werden (Main-Post. 29.04.2021).

Hier wäre die intendierte Gendergerechtigkeit (einschließlich markiertem Gendergap, obwohl das generische Maskulinum nicht benötigt wird), gar nicht notwendig, weil es in der katholischen Kirche vermutlich auf lange Sicht nur männliche Priesterkandidaten – dies ist, wie gesagt, keine Tautologie – geben wird.

Anstelle von Nomina agentis wird häufig empfohlen, Partizipformen zu verwenden. So finden wir heute *Dozierende* für *Dozenten*, *Arbeitende* für *Arbeiter* oder *Radfahrende* für *Radfahrer*. Der Plural dieser Formen wird deshalb bevorzugt, weil sich im Plural von Partizipien wie in dem von Adjektiven die Genusoppositionen neutralisieren. Im Singular aber ist eine eindeutige Genuszuweisung möglich: *der Dozierende* vs. *die Dozierende*. Was nicht berücksichtigt wird, ist die unterschiedliche Semantik der beiden Formen, des Nomen agentis und des Partizips I. Helmut Glück macht dies an einem überzeugenden Beispiel deutlich [Glück 2020, S.46]: Ein *Fahrer* oder *Führer* eines Fahrzeugs ist eine Person, die zu dieser Tätigkeit berechtigt ist, weil sie einen *Führerschein* (eine *Fahrerlaubnis*) besitzt. *Fahrzeugführende* sind hingegen Personen, die gerade dabei sind, ein Fahrzeug zu fahren und es (hoffentlich) so zu führen, dass sie nicht gegen die StVO verstoßen.

Dabei begegnet eine Reihe von Merkwürdigkeiten: So wird das Substantiv *Einwohner* durch die Partizipform *Einwohnende* ersetzt. *Einwohner* ist schon im Mittelhochdeutschen als *inwoner* belegt (Lexer, Matthias 1872, S. 1149). Das möglicherweise zugrundeliegende Verb *inwonen* ist bei M. Lexer nicht gebucht. Die Neubearbeitung des ‚Deutschen Wörterbuchs‘ von Jacob und Wilhelm Grimm notiert s. v. *Einwohner*: „lexikalisierte abl. von einwohnen“ (URL 1); unter dem Lemma *einwohnen* steht nur: „einwohnen vb. (mit abl. einwohner m., einwohnung f.)“.

Die Sache ist in der Gegenwartssprache nicht einfacher geworden. Der Online-Duden (2021) bucht das Substantiv *Einwohner* und erklärt dessen Bedeutung: „männliche Person, die in einer

Gemeinde, einem Land ihren ständigen Wohnsitz hat“. Daneben findet sich ‚natürlich‘ auch *die Einwohnerin*, doch nicht die ganz junge Partizipialbildung *der/die Einwohnende*. Duden-Online bucht das verbale Lemma *einwohnen* und dazu mehrere Lesarten: „1. a) (als Mitbewohner) wohnen, b) sich an eine Wohnung anpassen, sich in einer neuen Wohnung eingewöhnen, c) durch längeres Bewohnen behaglich machen; 2. innewohnen“. Daraus folgt, dass das Substantiv *Einwohner* im Gegenwartsdeutschen nicht von *einwohnen* abgeleitet sein kann und dass die Form *Einwohnender* kein Partizip I zu einem Verb sein kann.

Gleichwohl, Verwaltungsjuristen haben dieses Partizip ‚erfunden‘ und schreiben es den Behörden zur Verwendung vor: Und Sie, liebe Hörer, pardon: liebe Hörenden: Sagen Sie nicht mehr „Ausländer“! Sondern „Einwohnende ohne deutsche Staatsbürgerschaft“! Dann machen Sie einige Mitarbeiter, äh, Mitarbeitende der Berliner Landesstelle für Gleichbehandlung und gegen Diskriminierung glücklich, allerdings Matthias Heine traurig (URL 5).

Der setzte sich nämlich in der WELT mit dem neuen „Leitfaden für diversitysensible Kommunikation“ kritisch auseinander, den die besagte Gleichbehandlungsstelle für die Berliner Ämter und Behörden verfasst hatte. Demnach solle man nicht nur statt „Ausländer“ „Einwohnende ohne deutsche Staatsbürgerschaft“ sagen, sondern auch statt „Schwarzfahrer“ – „Fahrende ohne gültigen Fahrschein“.

Matthias Heine sah darin den „Versuch, mit dem Programm ‚Sprache‘ der Gehirnwaschmaschine böse, diskriminierende und unreine Gedanken aus den Köpfen der Menschen zu spülen.“ Heines Sarkasmus verriet, dass er nicht glaubt, man könne die Gesellschaft durch verordneten Sprachwandel verändern. Goebbels und Mao und auch Demokraten seien jedoch von der Idee fasziniert gewesen (URL 5).

Weitgehend durchgesetzt hat sich der Plural *Studierende* als Ersatz für *Studenten*. Was, z. B. an der Universität Würzburg, früher das *Studentenbüro* war, ist jetzt das *Servicezentrum Studierende*, das auch den Bereich *Studierendenkanzlei* enthält. Aus der *Studentenvertretung* wurde eine *Studierendenvertretung*. Der Online-Duden (Duden 2021) führt eine Suffixableitung (*Studierendenschaft*) und sieben Komposita mit der Pluralform *Studierende* als Erstglied (*Studierendenausweis*, *Studierendengemeinde*, *Studierendenparlament*, *Studierendenvertretung*, *Studierendenwerk*, *Studierendenwohnheim*, *Studierendenzahl*) auf. Daneben gibt es auch noch – fast möchte man sagen: natürlich – das Lemma *Student* und das movierte Femininum *Studentin* sowie acht Komposita (*Studentenaustausch*, *Studentenausweis*, *Studentenbewegung*, *Studentenblume*, *Studentenbude*, *Studentenehe*, *Studentenfutter*, *Studentengemeinde*) (URL 9).

Trotz dieses Befundes dürfte für den aktuellen Sprachgebrauch gelten: „Als geschlechtsneutrale Bezeichnung oder als Ausweichform für die Doppelnennung *Studentinnen* und *Studenten* setzt sich

der Plural *Studierende* immer mehr durch.“ (Duden 2021) In einigen Fällen aber kann *Studierende* kaum als Ersatzform in Frage kommen:

- „Eine **Studentenbewegung** ist eine politische Bewegung von hauptsächlich studentischen Teilnehmern, die ihren Ausgang von Universitäten nimmt.“ (URL 6) Es handelt sich hier schon um einen festen historisch-politologischen Begriff, der wohl kaum durch *Studierendenbewegung* ersetzt werden kann. In diesem Zusammenhang wird auch von *Studentenunruhen* und *Studentenrevolten* gesprochen. Aufschlussreich ist zudem, dass in die Wikipedia-Zitat (URL 6) *studentische Teilnehmer* und nicht *Teilnehmende* genannt werden, obwohl Duden-Online auch die Lemmata *Teilnehmende* und *Teilnehmende*, aber keine Komposita mit der Partizipkonversion bucht.

- **Studentenblume** ist eine ‚volkstümliche‘ Bezeichnung für die Tagetes. „Die unkomplizierte Tagetes stammt aus der Familie der Korbblütler. <...> Die Gattung der Tagetes wurde nach ‚Tages‘, dem etruskischen Gott der Weisheit, benannt. Bei einem derart klugen Namenspaten wird auch klar, warum die Pflanze im Volksmund auch unter dem Namen ‚Studentenblume‘ bekannt ist“ (URL 7).

- Das Substantiv **Studentenfutter**: „Mischung aus Nüssen, Mandeln und Rosinen zum Knabbern“ (Duden 2021) ist schon seit der frühen Neuzeit belegt; es bezeichnete ursprünglich eine Mischung aus Mandeln und Rosinen, „amygdala cum uvis passis mixta“ (Stieler 1691, S. 526). Die Bezeichnung kommt möglicherweise von „der ‚schleckerey deutscher gymnasiasten und burschen““ (König-Rumohr geist d. kochkunst, 1822; zit. URL 8). Die Bezeichnung *Studentenfutter* wird wohl bleiben, auch wenn heute „deutsche gymnasiastinnen und mädel“ diese „schleckerey“ lieben.

Über die unterschiedlichen syntaktischen Potenzen von Nomen agentis und Partizip I informiert ausführlich Helmut Glück [Glück 2020]. Deshalb soll hier nur kurz darauf hingewiesen werden, dass die von ein und demselben Verb abgeleiteten Nomina agentis und die zu diesem Verb gebildeten Partizipien nicht als Synonyme angesehen werden können. Die Ausnahme bilden hier nur ganz oder teilweise lexikalisierte Partizipien, zu denen auch *Studierender* gehört.

Rüdiger Harnisch hat zudem Belege gefunden, die gerade in diesem Zusammenhang sehr aussagekräftig sind [Harnisch 2016]. In einer Prüfungsordnung einer deutschen Universität fand sich zunächst folgender ‚genderungerechte‘ Satz: Auf Anfrage erhält **der Student** Auskunft über den Stand **seiner** Leistungspunkte. Diese Äußerung mit dem traditionellen generischen Maskulinum wurde dann in eine ‚geschlechtergerechte‘ Version geändert: Auf Anfrage erhält **der Studierende** Auskunft über den Stand **seiner** Leistungspunkte.

Das Substantiv *Student* wurde in die Partizipkonversion *Studierender* geändert. Diese Änderung wurde anscheinend von Justizariat und Prüfungsamt der Universität als ausreichend geschlechtergerecht empfunden; denn in dieser

Prüfungsordnung wurde das singularische Wort *Student* mehrfach durch das singularische Partizip *Studierender* ersetzt [Harnisch 2016, S. 204]. Das Morph *-end*, das der Bildung von Partizipien I dient, wird immer wieder „als generelles Symbol der politisch korrekten Ausdrucksweise interpretiert“ [Harnisch 2016, S. 210]. Dies alles kann aber nur funktionieren, wenn man annimmt, dass das generische Maskulinum im Sprachsystem des Deutschen so fest verankert ist, dass es sich – trotz aller Versuche, es zu verhindern – immer aufs Neue „einschleicht“ [Harnisch 2016, S. 203 et passim]. In einem Fall in meiner Belegsammlung wird das substantivierte Partizip I sogar als Erklärung bzw. Eindeutschen zu einem Anglizismus gesetzt: Der aus Hass und Häme geformte Shitstorm ist ein Brauch, der sich bis heute größter Beliebtheit erfreut. Eine Internetverbindung, eine Neigung zu schimpfen und eine Prise Gehässigkeit – das ist alles, was der moderne Hater (**Hassende**) braucht, um sein Herz zu wärmen (Süddeutsche Zeitung. 15.05.2021).

Die semantisch-grammatische Funktion Numerus ist stärker als die möglichen individuierenden Interpretationen einzelner Sprachbetrachter. Inwieweit Genus und Sexus auseinanderfallen oder, in extremis, als 1:1-Entsprechungen zu interpretieren sind, hängt letztlich von Kontext ab, der in den allermeisten Fällen die Denotate der einschlägigen Wörter disambiguiert. Deshalb hätte der Hinweis der Duden-Redaktion, dass bei Verwendung des generischen Maskulinums „sprachlich nicht immer eindeutig [sei], ob nur männliche Personen gemeint sind oder auch andere“ falsch, denn gerade der Kontext ist in erster Linie sprachlich und nicht situationell.

Da Duden-Online (nahezu) alle maskulinen Personenbezeichnung als männlich definiert, führt das Wörterbuch zu allen maskulinen Ausdrücken auch das dazugehörige movierte Femininum an: *Bäcker – Bäckerin*, *Mieter – Mieterin*, *Bischof – Bischöfin*, *Papst – Päpstin*. Wenn es schon in der Realität der katholischen Kirche keine *Päpstin* gibt, so können wird doch die Erzählung von der *Päpstin Johanna* lesen und dort die weibliche Amtsbezeichnung finden. Doch eine *Kardinalin* gibt es nicht einmal fiktiv, sodass dieses Lemma auch in Duden (2021) nicht vorhanden ist. Daneben aber finden sich im Online-Duden ungewöhnliche Feminina wie *Gästin* und *Bösewichtin*. Zu *Bösewichtin* lesen wir z. B. bei Stremmel: <In zahlreichen Medien> ist von „abenteuerlichen Kreationen“ die Rede, etwa „Bösewichtin“. Dabei steht auch dieses Wort schon seit 2006 im Duden, weil es nachweislich immer häufiger benutzt wird, besonders in Filmrezensionen [Stremmel 2021].

Allerdings, die 8. Auflage des Duden-Universalwörterbuchs von 2018 enthält das Lemma *Bösewichtin* nicht. Dazu kommt, dass Duden (2021) als Bedeutungserklärung „böser Mensch, Schuftin, Verbrecherin“ angibt, also zwei weitere nicht extrem geläufige movierte Feminina, und zur Verwendung dieses Wortes schreibt: „veralte[n]d“. Wie passt diese Charakterisierung zur Angabe „weil es nachweislich immer häufiger benutzt wird, besonders in Filmrezensionen“? [Stremmel 2021].

Ähnlich verhält es sich mit *Gästin* und *Menschin*. Dazu vermerkt Stremmel: Zwei Evergreens, wenn es darum geht, das Wörterbuch als weltfremd abzukanzeln. Dass diese Begriffe schon seit vielen Jahren dort stehen und bereits in Grimms Wörterbuch von 1864 auftauchen, das wendet zwar hin und wieder ein um Fakten bemühter Diskutant ein. Aber es geht im Geplärr unter [Stremmel 2021].

Gästin und *Menschin* sind ebenfalls in Duden (2018) nicht vertreten. Das Grimm'sche Wörterbuch kennt das Lemma *Gästin* und notiert dazu: „weiblicher gast, wenig gebraucht“, belegt es schon im Alt- und Mittelhochdeutschen, aber nicht mehr im 19. Jahrhundert (URL 10, 11). Auch *Menschin* ist als Lemma im Grimm'schen Wörterbuch zu finden, doch die Quellenverweise nennen nur südbairische Mundartwörterbücher des Tirolerischen und des Kärntnerischen; es dürfte sich also um ein Substandardwort handeln. Stremmels Hinweise auf das DWb bringen überhaupt keine Information zur gegenwartsdeutschen Standardsprache. Überdies stehen die Aussagen Stremmels teilweise im Gegensatz zu dem, was in Duden (2021) zu lesen ist. In zahlreichen deutschsprachigen Zeitungen erschienen Artikel, die die Vermännlichung der Nomina agentins in Duden (2021) guthießen. Die Artikel enthielten über weite Strecken gleiche oder ähnlich Passagen, sodass der Verdacht entsteht, dass diese Artikel auf einer Presseaussendung des Duden-Verlags beruhen. Wenn dem so ist, dann überrascht die Qualität der ‚Argumentation‘ schon gewaltig.

Generell kann gelten, dass von (nahezu) jeder Personenbezeichnung ein moviertes Femininum abgeleitet werden kann; über Restriktion s. Fleischer und Barz [Fleischer/Barz 2012, S. 236f]. Dann aber ist die Movierung in erster Linie ein Objekt der Wortbildungslehre und gehört nicht völlig undifferenziert in ein Wörterbuch.

Es hat auch eine große Zahl von kritischen und skeptischen Artikeln gegeben. Dazu kamen mehrere Aufrufe, die von zahlreichen Persönlichkeiten des öffentlichen und kulturellen Lebens unterzeichnet wurden. Ein sehr problematischer Aufruf kam vom ‚Verein Deutsche Sprache‘ (VDS, <https://vds-ev.de>), einem deutlich nach rechts tendierenden ‚Kampfverein‘ [Lobin 2021, S. 67]. Stremmel schreibt über die Unterzeichner dieses Aufrufs: „Es sind überwiegend Männer, und zumindest von den Prominenten ist kaum jemand unter 60“ [Stremmel 2021]. Es sind also ‚weiße alte Männer‘, die gegen die sich gegen die ‚Sexualisierung‘ eines Wörterbuchs wenden.

6. Nachspiel

Der Duden-Redaktion kann man vorwerfen, dass sie auf diese Weise irgendeine normative Funktion, die das Rechtschreibwörterbuch von 1955 bis 1996 hatte, zurückholen will. In der Öffentlichkeit wird das Bild vom Duden als normierender Institution als falsch zurückgewiesen: „Es ist nämlich so, dass der Duden gar nicht die Regeln macht. Die macht der Rat für deutsche Rechtschreibung“ [Knuth 2021].

Im Zusammenhang mit dem Genus von Substantiven ist dies Rechtfertigung schlicht und einfach Unsinn, denn der Rat für deutsche Rechtschreibung ist nur für die Orthographie zuständig und für nichts Anderes.

Wenn also das jüngste Produkt der Duden-Redaktion aus genusneutralen maskulinen Personenbezeichnungen Ausdrücke für männliche Personen macht, dann ist dies kein den Sprachgebrauch dokumentierendes lexikographisches Handeln mehr, sondern eine genderpolitische Aktion. Hans Ulrich Schmidts Befürchtungen, die er in seinem Gedicht ausdrückt, sind – noch – nicht wahr geworden. Doch werden sie durch die willkürliche Aktion, mehrere 1000 maskuline Personenbezeichnungen als männlich zu erklären, sehr wohl vorbereitet. Dem dient auch der rekurrente Hinweis, dass „seit einiger Zeit über sprachliche Alternativen diskutiert“ (Duden 2021) wird. Die Feststellung, dass die maskulinen Personenbezeichnungen auf männliches Geschlecht referieren, schon ohne genauere Textanalysen und ohne jede historische Begründung, getroffen worden zu sein.

Es ist nicht gelungen, die maskulinen Personenbezeichnungen zu Männern zu erklären. Auch die Art der Bedeutungsparaphrase ist alles andere als einheitlich. Nehmen wir als Beispiel folgende fünf Suffixableitungen mit *-ist* (die Bedeutungserklärungen sind Zitate aus Duden 2021): **Idealist**: „männliche Person, die selbstlos, dabei aber auch die Wirklichkeit teilweise außer Acht lassend, nach der Verwirklichung bestimmter Ideale strebt“; **Optimist**: „von Optimismus erfüllter männlicher Mensch“; **Naturalist**: „Vertreter des Naturalismus“.

Die Duden-Redaktion erwartet vom Leser/von der Leserin, dass sie etwas tun, was denen, die das Lemma *Mieterin* aufsuchen wollen, nicht zugemutet werden kann: „Die Website [der früheren Auflagen des Online-Duden] stützt sich auf den gedruckten Duden. Darin wird bei einer weiblichen Person wie ‚Mieterin‘ auf die männliche Person verwiesen, also ‚siehe: Mieter‘. Das hat in erster Linie Platzgründe, denn auch ein Duden darf nicht zu dick werden. Es ist auch logisch, weil die Begriffe im Buch häufig direkt untereinander stehen. Für den Online-Duden aber, da waren sich Pescheck, Neuhaus und Kunkel-Razum einig, gilt das nicht. Der hat Platz. Die Redaktion bekam viele Zuschriften: Warum muss ich auf ‚Mieter‘ klicken, um eine Definition für ‚Mieterin‘ zu erhalten? ‚Das ist unpraktisch‘, sagt Kunkel-Razum, ‚und es entsteht der Eindruck, Mieterinnen seien nicht gleichwertig“ [Knuth 2021]. Das Interpretament von *Naturalist* enthält das Substantiv *Vertreter* ohne jedes geschlechtsspezifizierende Attribut. Um sicher zu gehen, dass *Vertreter* hier nicht als geschlechtsneutral zu verstehen ist, müssen wir das Lemma *Vertreter* aufsuchen und können dort lesen: „männliche Person, die <...>“ (Duden 2021).

Zufällig fand ich auch noch zwei Stichwörter, die durch rein geschlechtsneutrale Interpretamente erklärt werden: **Pessimist**: „von Pessimismus erfüllter

Mensch“; **Realist**: „jemand, der die Gegebenheiten des täglichen Lebens nüchtern und sachlich betrachtet und sich in seinem Handeln danach richtet; Wirklichkeitsmensch“. Die maskuline Fügung *jemand, der* kann nicht einmal der Online-Duden zu einem Signal für männliches Geschlecht machen.

Zu all den aufgeführten Lemmata bietet der Online-Duden die movierten Feminina. Zu *Pessimistin* etwa heißt es dann: „weibliche Form zu *Pessimist*“. Um Genaueres zu erfahren, muss der Leser/die Leserin nun doch von der *Pessimistin* zum *Pessimisten* gehen.

Es bleibt noch ein Fall, den die Duden-Redaktion nicht beachtet oder übersehen hat: Lena Gercke: Halbschwester Yana ist ein echter **Hingucker**. (www.bunte.de/stars/star-life/stars-privat/lena-gercke-halbschwester-yana-ist-ein-echter-hingucker.html) [17.02.2021].

Eine Frau, *Halbschwester Yana*, ist ein Maskulinum, ein *Hingucker*. Von solchen Objekt- oder Passivbildungen (,jemand, auf den man hinguckt‘ oder ,jemand, auf den hingeguckt wird‘) ist (noch?) kein moviertes Femininum möglich. Die Form *Hinguckerin* ist – so das Ergebnis einer kurzen Google-Recherche – in erster Linie als Nomen agentis (,eine weibliche Person, die hinguckt‘) belegt.

Schon bei dem Befund, der sich mit dem Namen DUDEN aus einer Wörterbuchanalyse ergeben hat, fällt mir die letzte Strophe von Hans Ulrich Schmidts Gedicht wieder ein:

Der Konrad Duden, wüsst’ er drum,
Er drehte sich im Grab herum.
Er war, wie jede* _/(r) wissen kann,
Ein böser, alter, weißer Mann.

Sprachquellen / Sources

Duden 2015a – *Duden* (2015a). Deutsches Universalwörterbuch. 8. Aufl. Software-Version. Berlin.

Duden 2015b – *Duden* (2015b). Das Fremdwörterbuch. 11. Aufl. Berlin.

Duden 2019 – *Duden* (2019). Deutsches Universalwörterbuch. 9. Aufl. Software-Version. Berlin.

Duden 2021 – *Duden* (2021). Online-Wörterbuch. URL: <https://www.duden.de/woerterbuch>.

Lexer, Matthias 1872 – *Lexer, Matthias* (1872). *Mittelhochdeutsches Handwörterbuch* Bd. 1. Leipzig, 1872. Digitalisierte Fassung im Wörterbuchnetz des Trier Center for Digital Humanities, Version 01/21. URL: www.woerterbuchnetz.de/Lexer (16.06.2021).

Stieler, Kaspar 1968 – *Stieler, Kaspar* (1968). *Der Teutschen Sprache Stammbaum und Fortwachs oder Teutscher Sprachschatz*. Bd. 1. Nürnberg, 1691. Nachdruck Hildesheim, 1968.

URL 1 – *URL 1*: Deutsches Wörterbuch von Jacob Grimm und Wilhelm Grimm. Neubearbeitung (A-F), digitalisierte Fassung im Wörterbuchnetz des Trier Center for Digital Humanities, Version 01/21. URL: <https://www.woerterbuchnetz.de/DWB2> (01.05.2021).

URL 2 – *URL 2*: Friseur. URL: <https://de.wikipedia.org/wiki/Friseur> (11.05.2021).

URL 3 – *URL 3*: Generisch // Wikipedia. URL: <https://de.wikipedia.org/wiki/Generisch> (18.05.2021).

URL 4 – *URL 4*: Gender-Gap. URL: [https://de.wikipedia.org/wiki/Gender-Gap_\(Linguistik\)](https://de.wikipedia.org/wiki/Gender-Gap_(Linguistik)) (15.06.2021).

URL 5 – *URL 5*: Einwohner // Deutsches Wörterbuch von Jacob Grimm und Wilhelm Grimm. Neubearbeitung (A-F). Digitalisierte Fassung im Wörterbuchnetz des Trier Center for Digital Humanities. Version 01/21. URL: www.woerterbuchnetz.de/DWB2?lemid=E08316. 21 (16.06.2021).

URL 6 – *URL 6*: Tobias Wenzel: Neue Wörter braucht das Land – oder etwa doch nicht? Deutschlandfunk Kultur. URL: www.deutschlandfunkkultur.de/aus-den-feuilletons-neue-woerter-braucht-das-land-oder-etwa.1059.de.html?dram:article_id=484815 (16.06.2021).

URL 7 – *URL 7*: Studentenbewegung. URL: <https://de.wikipedia.org/wiki/Studentenbewegung> (17.06.2021).

URL 8 – *URL 8*: Studentenblume. URL: www.google.de/search?q=studentenblume+name&sxsrf=ALeKk03rwQ0TQDgutuR3yweJ15anW7iU2g%3A1623923191640&source=hp&ei=9xnLYN_BJI-WlwTQuoIo&iflsg=AINFCbYAAAAAYMsoB_Yrc35wCTFTp88Z7gwFy8eL3nmw&oq=Studentenblume+name&gs_lcp=Cgnd3Mtd2l6EAEYADICCAAYBggAEBYQHjIGCAAQFhAeOgQIIXAnOgQIABBDogQILhBDOggILhCxAXCDAToICAAQsQMqgwE6BQgAELEDQgIILCxDFjgVmDwfmGAcAB4AIAB7wGIAZgQkgEGMTIuNi4xmAEAoAEBqgEHZ3dzLXdppeg&scient=gws-wiz (17.06.2021).

URL 9 – *URL 9*: Studentenfutter // Deutsches Wörterbuch von Jacob Grimm und Wilhelm Grimm. Digitalisierte Fassung im Wörterbuchnetz des Trier Center for Digital Humanities. Version 01/21. URL: www.woerterbuchnetz.de/DWB?lemid=S53924 (17.06.2021).

URL 10 – *URL 10*: Gästin // Deutsches Wörterbuch von Jacob Grimm und Wilhelm Grimm. Digitalisierte Fassung im Wörterbuchnetz des Trier Center for Digital Humanities. Version 01/21. www.woerterbuchnetz.de/DWB?lemid=G01991 (17.06.2021).

URL 11 – *URL 11*: Menschin // Deutsches Wörterbuch von Jacob Grimm und Wilhelm Grimm. Digitalisierte Fassung im Wörterbuchnetz des Trier Center for Digital Humanities. Version 01/21. www.woerterbuchnetz.de/DWB?lemid=M04168 (17.06.2021).

Wahrig 2010 – *Wahrig* (2010). Fremdwörterlexikon. Gütersloh/München.

Wahrig 2012 – *Wahrig* (2012). Deutsches Wörterbuch. 9. Aufl. CD-ROM-Version. Gütersloh/München.

Zitierte Literatur / References / Библиографический список

Boettcher 2009 – *Boettcher Wolfgang* (2009) Grammatik verstehen II – Einfacher Satz. Tübingen.

Eisenberg 2019 – *Eisenberg Peter*. (2019) Dankesworte. In: *Kulturpreis Deutsche Sprache 2019. Ansprachen und Reden*. Hg. von H. Glück, W. Krämer, F. Schöck. Paderborn, ss. 34–42.

Erben 1972 – *Erben Johannes*. (1972) Deutsche Grammatik. Ein Abriß. 11. Aufl. München. Available at: <https://docplayer.org/27192390-Deutsche-grammatik-johannes-erben-ein-abriss-hueber.html>.

Fleischer and Barz 2012 – *Fleischer Wolfgang & Barz Irmhild*. (2012) Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. 4. Aufl. Berlin / Boston, 484 s. Available at: <https://docplayer.org/76595806-Wortbildung-der-deutschen-gegenwartssprache.html>.

Glück 2020 – *Glück Helmut* (2020) Das Partizip I im Deutschen und seine Karriere als Sexusmarker. Mit einer Einleitung von R. Harnisch. Paderborn. Available at: <https://docplayer.org/213239409-Das-partizip-i-im-deutschen-und-seine-karriere-als-sexusmarker.html>.

Harnisch 2016 – *Harnisch Rüdiger* (2016) Das generische Maskulinum schleicht zurück. Zur pragmatischen Remotivierung eines grammatischen Markers. In: *Formen und Funktionen. Morphosemantik und grammatische Konstruktion*. Hg. A. Bittner, C. Spieß. Berlin / Boston, s. 203–219. DOI: <https://doi.org/10.1515/9783110478976-010>.

Harnisch 2020 – *Harnisch Rüdiger* (2020) Sprachregime gegen Sprachsystem – Eine Übersicht. In: *Glück Helmut. Das Partizip I im Deutschen und seine Karriere als Sexusmarker. Mit einer Einleitung von R. Harnisch*. Paderborn, s. 9–20. Available at: <https://docplayer.org/213239409-Das-partizip-i-im-deutschen-und-seine-karriere-als-sexusmarker.html>.

Harnisch 2021 – *Harnisch Rüdiger* (2021) Von weiblichen Leserinnen und Frauenskispringerinnen. Tautogische Syntagmen auf dem Weg zu festen Konstruktionen. In: *Prototypen – Schemata – Konstruktionen. Untersuchungen zur deutschen Morphologie und Syntax*. Hg. A. Binanzer, J. Gampe, V. Wecker. Berlin / Boston, s. 13–30. DOI: <http://dx.doi.org/10.1515/9783110710595-002>.

Heusinger 2004 – *Heusinger Siegfried* (2004) Die Lexik der deutschen Gegenwartssprache. München.

Knuth 2021 – *Knuth Hannah*. (2021) Wir verbieten doch nichts. *Die Zeit*, 12.05.2021. Available at: <https://www.zeit.de/serie/die-menschen-von> [16.05.2021].

Kotthoff and Nübling 2018 – *Kotthoff Helga & Nübling Damaris* (2018) Genderlinguistik. Eine Einführung in Sprache, Gespräch und Geschlecht. Tübingen.

Litscher 2015 – *Litscher Roland* (2015) Die Entstehung des femininen Genus in den indogermanischen Sprachen. Diss. Zürich, 2015. In: *Zurich Open Repository and Archive, University of Zurich. ZORA*. Available at: <https://doi.org/10.5167/uzh-159689>.

Lobin 2021 – *Lobin Henning*. (2021) Sprachkampf. Berlin.

Lobin and Nübling 2018 – *Lobin Henning & Nübling Damaris* (2018) Tief in der Sprache lebt die alte Geschlechterordnung fort. *Süddeutsche.de*, 07.06.2018. Available at: <https://www.sueddeutsche.de/kultur/2.220> [01.03.2019].

Pusch 1984 – *Pusch Luise F.* (1984) Das Deutsche als Männersprache. Frankfurt (Main). Available at: <https://www.ardaudiothek.de/episode/zeitpunkte/das-deutsche-als-maennersprache-die-linguistin-luise-f-pusch/rbbkultur/78185874>.

Rinas 2011 – *Rinas Karsten* (2011) Sprache, Stil und starke Sprüche. Darmstadt, 208 S.

Schippan 1992 – *Schippan Thea* (1992) Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache. Tübingen. Available at: <https://docplayer.org/50647631-Thea-schippan-lexikologie-der-deutschen-gegenwartssprache.html>.

Steiner 2019 – *Steiner Bettina* (2019) Weiße alte Männer. *Die Presse*, 02.11.2019. Available at: <https://www.diepresse.com/5715842/weisse-alte-manner> [05.05.2021].

Stremmel 2021 – *Stremmel Jan* (2021) Die Bösewichtin. *SZ Online*, 05.03.2021. Available at: <https://www.sueddeutsche.de/leben/sprache-gendern-duden-geschlechtergerechtigkeit-kathrin-kunkel-razum-1.5221946> [06.03.2021].

Tichy 1993 – *Tichy Eva* (1993) Kollektiva, Genus femininum und relative Chronologie im Indogermanischen. *Historische Sprachforschung. Historical Linguistics*, Bd. 106, s. 1–19. Available at: https://www.researchgate.net/publication/331862994_Kollektiva_Genus_femininum_und_relative_Chronologie_im_Indogermanischen.

Wolf 2002 – *Wolf Norbert Richard* (2002) Zeichenklassen und Wortklassen. In: *Grenzüberschreibungen. Fs. Henrik Nikula*. Vaasa / Germersheim, S. 169–176.

Zifonun 2018 – *Zifonun Gisela* (2018) Die demokratische Pflicht und das Sprachsystem. Erneute Diskussion um einen geschlechtergerechten Sprachgebrauch. *Sprachreport*, Jg. 34, H. 4, S. 44–54. Available at: https://ids-pub.bsz-bw.de/frontdoor/deliver/index/docId/8290/file/Zifonun_Die_demokratische_Pflicht_2018.pdf.

Structure of second-grade diminutives in Czech and Slovak. A corpus-based synchronic-diachronic analysis

R. Gregová

Pavol Jozef Šafárik University, Košice, Slovakia

E-mail: renata.gregova@upjs.sk. ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4743-2559>

Abstract: In Slavic languages, diminutivization is a highly productive morphological process. A diminutive marker can be attached to nouns, adjectives, verbs and adverbs. Secondary or even multiple diminutives are also possible. Considering the combinability of diminutive suffixes in nouns, Manova and Winternitz (2011) claim that only productive DIM1 suffixes function as DIM2 suffixes. The aim of this paper is to verify this idea on the basis of the analysis of data from Czech and Slovak. The DIM2 for the analysis were excerpted from the corpora. Neither Czech nor Slovak current sources apprehend diminutive markers as combinations of primary and secondary diminutive suffixes. The complex character of secondary diminutivizers is understood as a diachronic issue. Therefore, a historical analysis of all secondary diminutives was necessary. The research proved the assumption about the combinability of diminutive markers. The analysis also revealed that unproductive DIM2 suffixes are attached by substitution in both languages.

Key words: primary diminutive markers; secondary diminutive markers; Czech; Slovak; synchrony; diachrony.

Acknowledgements. I hereby thank Dušan Ptáček for his help with the analysis of the Czech data.

Citation. Gregová R. Structure of second grade diminutives in Czech and Slovak. A corpus-based synchronic-diachronic analysis. *Vestník Samarskogo universiteta. Istorija, pedagogika, filologija = Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2021, vol. 27, no. 3, pp. 111–117. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2021-27-3-111-117>. (In English)

Information on the conflict of interests: author declares no conflict of interest.

© Gregová R., 2021

Renáta Gregová – Department of British and American Studies, Faculty of Arts, Pavol Jozef Šafárik University, 9, Moyzesova Street, Kosice, 040 01, Slovakia.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 811

Дата поступления: 11.06.2021

рецензирования: 16.07.2021

принятия: 26.08.2021

Структура диминутивов второго сорта в Чехии и Словакии. Синхронно-диахронический анализ на основе корпуса

Рената Грегова

Университет Павла Йозефа Шафарика, г. Кошице, Словакия

E-mail: renata.gregova@upjs.sk. ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4743-2559>

Аннотация: В славянских языках диминутивизация – это высокопроизводительный морфологический процесс. Уменьшительно-ласкательный маркер может быть прикреплен к существительным, прилагательным, глаголам и наречиям. Также возможны вторичные или даже множественные уменьшительные. Учитывая возможность комбинирования уменьшительных суффиксов в существительных, Manova и Winternitz (2011) утверждают, что только продуктивные суффиксы DIM1 функционируют как суффиксы DIM2. Цель данной статьи – проверить эту идею на основе анализа данных из Чехии и Словакии. DIM2 для анализа были взяты из корпусов. Ни чешские, ни словацкие современные источники не воспринимают уменьшительные указатели как комбинации первичных и вторичных уменьшительных суффиксов. Сложный характер вторичных диминутивизаторов понимается как диахроническая проблема. Следовательно, был необходим исторический анализ всех вторичных уменьшительных. Исследование подтвердило предположение о возможности комбинирования миниатюрных маркеров. Анализ также показал, что непродуктивные суффиксы DIM2 присоединяются путем подстановки в обоих языках.

Ключевые слова: первичные миниатюрные маркеры; вторичные миниатюрные маркеры; чешский язык; словацкий язык; синхронность; диахрония.

Благодарности. Автор благодарит Душана Птачека за его помощь в анализе чешских данных.

Цитирование. Gregová R. Structure of second grade diminutives in Czech and Slovak. A corpus-based synchronic-diachronic analysis // *Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология*. 2021. Т. 27, № 3. С. 111–117. DOI: <http://doi.org/10.12287/2542-0445-2021-27-3-111-117>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Грегова Р., 2021

Рената Грегова – кафедра британских и американских исследований, отделение гуманитарных наук, Университет Павла Йозефа Шафарика, 040 01, Словакия, г. Кошице, ул. Мойзесова, 9.

Introduction

Diminutivization is a derivational process of transforming a word into its diminutive form, that is, the one with an attribute of diminutiveness which can be of a quantitative (small size) or a qualitative (affection) nature (cf., e.g., Zelinková 1993, Schneider 2003). For Slavic languages, diminutivization is highly productive and enables a diminutive affix to be attached to an already existing diminutive; for example, Czech *strom* ‘tree’ → DIM1 *strom-ek* ‘small tree’ → DIM2 *strom-eč-ek* ‘very small tree’. Diminutives with one diminutive marker are called first-grade or primary diminutives (DIM1 – ‘small x’). Diminutives with two diminutive suffixes (DIM2 – ‘very small x’) are referred to as secondary, second-grade or double diminutives in various sources (cf., e.g., Trnková 1991, Dunn, Khairov 2009).

Diminutives are created by adding a diminutive marker (or diminutive markers) to nouns, adjectives, verbs and adverbs. Slavic nominal diminutive markers are suffixes only (Panocová 2011). Taking into account the rich group of nominal diminutives, diminutive suffixes can be attached to all types of nouns: concrete nouns and abstract nouns, common nouns and proper nouns, as well as family members. With respect to their form, derivations from nouns denoting family members are similar to derivations from proper names and common nouns. Compare, for example, Czech/Slovak *baba* ‘grandmother’ → *bab-ka* ‘grandmother-DIM1’ → *bab-ič-ka* ‘grandmother-DIM1-DIM2’ with the Czech proper name *Hana* → *Han-ka* → *Han-ič-ka* and with the Czech/Slovak common noun *ruka* ‘hand’ → *ruč-ka* ‘head-DIM1’ → *ruč-ič-ka* ‘head-DIM1-DIM2’. However, with respect to semantics, the primary function of diminutive suffixes in family members and proper names is the expression of affection. But, considering Czech and Slovak diminutives from common nouns, they usually have both semantic values – qualitative and quantitative – and the real meaning of a diminutive can be fully disclosed only by context (Zelinková 1993, see also Gregová 2015)¹.

¹ This idea seems to be in contradiction with the prototypical understanding of diminutives as concepts expressing smallness (Schneider 2003, p. 10). However, the claim that the real meaning of both Slovak and Czech diminutives depends on context has its root not only in literature on diminutives (Štolc 1958, Zelinková 1993) but is also supported by research carried out on a sample of 55 Slovak respondents (university students) who were given a questionnaire with a list of 60 diminutives divided into three categories (both first-grade and second-grade diminutives were included) – (1) common inanimate nouns, (2) common animate nouns and (3) proper names and family members. They were asked to connect the meaning of the given DIM noun with (a) something small, (b) something dear or (c) something both small and dear at the same time. It was only in the category of proper names and family members where the meaning of affection prevailed (66 %). Otherwise, the respondents perceived the given diminutive forms as forms expressing both smallness and affection (cf. Schneider 2003 for similar results in different languages).

As already mentioned, in Slavic languages, diminutivization is a very productive morphological process. A Slavic language has about ten DIM1 suffixes on average. Since all DIM1 suffixes derive the same meaning, one expects them to combine freely with each other in secondary diminutives, but of all DIM1 suffixes only a few can be used as DIM2 suffixes (see below). Manova and Winternitz (2011) report heavy restrictions on the combinability of diminutive suffixes in double and multiple diminutives in Bulgarian and Polish. The authors claim that only productive DIM1 suffixes surface as DIM2 suffixes and that all combinations of DIM1–DIM2 suffixes are fixed, in the sense that there are also phonological and morphological constraints on the combinability of the suffixes. This study checks their observations against data from Czech and Slovak but goes beyond Manova and Winternitz in validating DIM1-DIM2 combinations in corpora. A major problem with the analysis of secondary diminutives is the verification of the examples, and one tends to believe that secondary diminutives are hardly used in written texts. Consequently, the Czech second-grade diminutives analyzed in this paper were extracted from the Czech National Corpus, version SYN2015 (Křen *et al.* 2015) and the analyzed Slovak second-grade diminutives were excerpted from the Slovak National Corpus, version Prim-7.0-public-all (http://korpus.sk/structure1_en.html). Both corpora were released in 2015 and are lemmatized and morphologically tagged².

It has to be noted here that none of the current Czech or Slovak sources analyzes the structure of the second-grade diminutive suffixes in terms of DIM1–DIM2 suffix combinations. In both languages, diminutive markers fall into two categories: primary diminutive markers and secondary diminutive markers (cf., e.g., Horecký 1959, 1971, Štícha 1978, Furdík 2004, Gregová 2015) without further analysis of secondary diminutivizers (see section 3). Moreover, in both analyzed languages, the process of diminutivization was historically accompanied by various palatalization changes. Hence, a diachronic phonological analysis of the data is necessary to uncover the true form of DIM1 and DIM2 suffixes.

Methods

The method of analysis encompasses several steps:

1) All DIM1 and DIM2 suffixes in Czech and Slovak were gathered from the relevant literature to prepare a survey of diminutive markers used for the creation of primary and secondary diminutives in the contemporary languages.

2) A search was conducted in the Czech and Slovak National Corpora for words terminating in DIM2 suffixes.

² The preliminary results of this research (gained in co-operation with Stela Manova from the University of Vienna) were presented at the annual meeting of the Slavic Linguistics Society (Ljubljana, 2017). Later, the research was extended with a more detailed diachronic analysis (see below).

3) The lists of all extracted forms were manually checked to ensure that the nouns found are second-grade diminutives since there are words in both languages that have the form of DIM2 but the meaning of DIM1, as I will explain below. Those forms were excluded from further analysis.

The data gained from the analysis were distributed into two big groups:

1. Nouns that express smallness and affection, i.e. common nouns

2. Nouns that express affection only

2.1. Proper names

2.2. Family members (see also Introduction and note 2).

This grouping was done for two reasons. First, because the research on second-grade diminutives in the literature is based on common nouns, and, second, to see which group of nouns are the most numerous in a corpus of written texts. The analysis of all Czech and Slovak secondary diminutives can be found in section Findings. The results are summarized and commented on in section Conclusion.

Literature review

First-grade diminutives (DIM1) in Czech

In the Czech language, there are the DIM1 suffixes -ek, -ík for masculine nouns, -ka for creating first-grade diminutives from feminine nouns, and -ko and -átko for neuter nouns (Štícha 1978, p. 114), as illustrated in the following examples:

masculine: strom 'tree' → DIM1 strom-ek
'tree-DIM'
les 'forest' → DIM1 les-ík
'forest-DIM'

feminine: noha 'foot' → DIM1 nož-ka
'foot-DIM'

neuter: břicho 'belly' → DIM1
bříš-ko 'belly-DIM'
košte 'broom' → DIM1
košť-átko 'broom-DIM'

First-grade diminutives (DIM1) in Slovak

In present-day standard Slovak, the DIM1 suffixes for masculine nouns are -ok, -ík/-ik, -ček/-tek and -ko. The DIM1 suffix -ka combines with feminine nouns, neuter first-grade diminutives are formed by the suffix -ko, and the suffix -atko/-iatko/-átko is used to create diminutive forms from nouns denoting young animals (see, e.g., Štolc 1958, Horecký 1971), for example:

masculine: stĺp 'pole' → DIM1 stĺp-ok³
'pole-DIM'

³ In this section, all examples are given in the form of a word-formative structure that is binary (word-formative base + suffix), contrary to section Findings, where the morphemic structure of words is used.

most 'bridge' → DIM1 most-ík

'bridge-DIM'

strom 'tree' → DIM1 strom-ček
'tree-DIM'

Marcel → DIM1 Marcel-ko

feminine: hlava 'head' → DIM1 hláv-ka
'head-DIM'

neuter: čelo 'forehead' → DIM1
čiel-ko 'forehead-DIM'

kozľa 'yeonling' → DIM1 kozl-iatko
'yeonling-DIM'

Second-grade diminutives

In current Central European linguistics, diminutives are studied within the field of lexicology or word-formation. As mentioned above, none of the synchronic Czech or Slovak sources analyzes second-grade diminutive markers as a combination of DIM1 and DIM2 suffixes. The fact that, for example, the Slovak DIM2 suffix -íček is given by the combination of the DIM1 suffix -ík and the DIM2 suffix -ek (see below) is understood as a diachronic issue (see, e.g., Štolc 1957). The only information that somehow indicates the complex character of second-grade diminutive suffixes is that, from a genetic point of view, second-grade diminutives are derived from first-grade diminutives, thus creating sets with a gradually increasing diminutive meaning (cf., e.g., Štolc 1957, Němec 1968), for example, ryba 'fish' → ryb-ka 'fish-DIM' → ryb-ička 'fish-DIM-DIM'.⁴ Following on from this, the DIM2 suffixes will be given in the form in which they occur in the sources cited (see also note 4).

Second-grade diminutives (DIM2) in Czech

Štícha (1978, p. 114), in his analysis of Czech second-grade diminutives, reports the following DIM2 suffixes: -eček, -íček, -ánek, -ínek, -oušek and -áček for masculine nouns, for instance:

dom 'house' → DIM2 dom-eček 'house-DIM-DIM'

les 'forest' → DIM2 les-íček 'forest DIM-DIM'

nos 'nose' → DIM2 nos-ánek 'nose DIM-DIM'

táta 'dad' → DIM2 tat-ínek 'dad-DIM-DIM'

děda 'grandpa' → DIM2 ded-oušek 'grandpa-DIM-DIM'

syn 'son' → DIM2 syn-áček 'son-DIM-DIM'

⁴ The *Morpheme Dictionary of Slovak* (Sokolová et al. 1999), which offers the morpheme structure of all Slovak words, divides second-grade diminutive suffixes into so-called sub-morphs without meaning and core morphemes which together create one extended hyper-morpheme, for example *dám-ič:k-a* 'lady-DIM', where *ič:* is a sub-morph without meaning connected to the core-morpheme *k-* (Sokolová et al., p. 12). This type of representation of second-grade diminutive markers indicates their complex character.

The DIM2 feminine suffixes are *-ička*, *-ečka* and, less frequently, *-enka*, *-inka*, *-unka* and *-uška* (ibid.):

- bota ‘shoe’ → DIM2 bot-*ička* ‘shoe-DIM-DIM’
- čára ‘line’ → DIM2 čár-*ečka* ‘line-DIM-DIM’
- děva ‘maid’ → DIM2 děv-*enka* ‘girl-DIM-DIM’
- teta ‘aunt’ → DIM2 tet-*inka* ‘aunt-DIM-DIM’
- dcera ‘daughter’ → DIM2 dcer-*unka* ‘daughter-DIM-DIM’
- dcera ‘daughter’ → DIM2 dcer-*uška* ‘daughter-DIM-DIM’

The second-grade diminutives from neuter nouns are created by the suffixes *-ečko/-ěčko*, *-ičko/-ičko* and *-inko* (ibid.):

- víno ‘wine’ → DIM2 vín-*ečko* ‘wine-DIM-DIM’
- zrno/zrní ‘grain’ → DIM2 zrn-*ičko* ‘grain-DIM-DIM’
- oko ‘eye’ → DIM2 oč-*inko* ‘eye-DIM-DIM’

Second-grade diminutives (DIM2) in Slovak

The masculine DIM2 suffixes are *-iček/-iček*, *-oček* and, less frequently, *-enko/-inko* and *-uško* (cf. Štolc 1958; Zelinková 1993), for instance:

- pes ‘dog’ → DIM2 ps-*iček* ‘dog-DIM-DIM’
- list ‘leaf’ → DIM2 líst-*oček* ‘leaf-DIM-DIM’
- otec ‘father’ → DIM2 oc-*inko* ‘father-DIM-DIM’
- dedo ‘grandpa’ → DIM2 ded-*uško* ‘grandpa-DIM-DIM’

The most frequent feminine DIM2 suffixes in Slovak are *-ička* and *-očka/-ôčka* (Horecký 1971, p. 167). On rare occasions, the DIM2 suffixes *-enka/-ienka/-inka* and *-uška* are used. For example:

- hlava ‘head’ → DIM2 hlav-*ička* ‘head-DIM-DIM’
- píšťala ‘pipe’ → DIM2 píšťal-*ôčka* ‘pipe-DIM-DIM’
- duša ‘soul’ → DIM2 duš-*inka* ‘soul-DIM-DIM’
- mama ‘mum’ → DIM2 mam-*uška* ‘mum-DIM-DIM’

The neuter DIM2 suffixes are *-ičko/-ičko*, *-ečko/-iečko*, *-očko/-ôčko* and *-uško* (Zelinková 1993, p. 39), as illustrated by the following examples:

- oko ‘eye’ → DIM2 oč-*ičko* ‘eye-DIM-DIM’
- víno ‘wine’ → DIM2 vín-*ečko* ‘wine-DIM-DIM’
- kladivo ‘hammer’ → DIM2 kladiv-*ôčko* ‘hammer-DIM-DIM’
- vrece ‘sack’ → DIM2 vrec-*úško* ‘sack-DIM-DIM’

Findings

If one wants to see the real form of DIM2 suffixes in Czech and Slovak on the basis of the structure of DIM1 and DIM2 suffixes, that is, to follow Manova and Winternitz’s (2011) understanding of DIM2 suffixes as combinations of DIM1 and DIM2 suffixes (which means that DIM2 = DIM1 + DIM1, but also DIM2 = DIM1 + DIM2), and thus to (dis)prove the idea of the combinability of diminutive suffixes, a diachronic analysis is necessary. As Štolc mentions, from the synchronic point of view, some linguistic phenomena show themselves as a complex, and their structure can be clarified only historically (1958, p. 43). This is the case with diminutivization.

For example, in both Czech and Slovak, there is a primary masculine diminutive suffix *-ik* and a secondary masculine diminutive suffix *-iček*. The DIM2 suffix *-iček* developed from the DIM1 marker *-ik* and the DIM2 suffix *-ek*. The suffix *-ek* evolved via a historical change: the primary diminutive ending in the diminutive element *-k-* was followed by the diminutive marker *-ькѣ* again:

*-ik-ькѣ > -ič-ькѣ > -iček

The vowel *-e* in the final output of this process is an appropriate equivalent for the soft sign (yer) *ь* (Štolc 1958, p. 61). The change of the DIM1 element *-k-* into *-č-* in DIM2 is the result of the Proto-Slavonic palatalization of velars (for details, see e.g. Krajčovič 1988; Manova 2011).

The structure of the secondary feminine diminutive marker *-ička* can be explained in the same way: the suffix *-ička* encompasses the DIM1 marker **-ik* > *-ič-* which modifies the word-formative base and the DIM2 suffix **-ьka* > *-ka*:

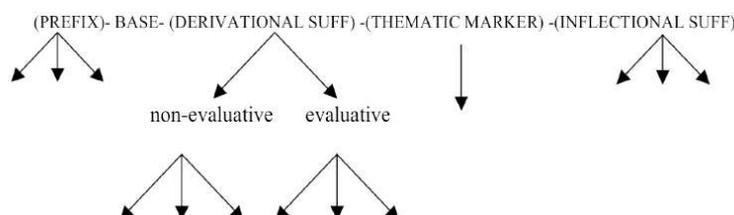
*vod-ik-ьka > vod-ič-ka (Štolc 1958, p. 66)

The historical scheme **-ьк-ьк(o/a/e)* > *-ьч-ьк(o/a/e)*⁵ + replacement of *-ь-* with an appropriate vowel will be applied to the analysis of all Czech and Slovak secondary diminutives.

Analysis

From the viewpoint of morphological typology, the Slavic languages belong to the inflecting-fusional type, that is, in all of them, there is a clear difference between derivational and inflectional suffix slots (see Manova, Aronoff 2010 for further details).

The structure of the Slavic word can be represented as follows (see figure).

⁵ -o is a grammatical ending for masculine nouns, -a for feminine nouns and the element -e indicates neuter gender.

Only the slot BASE is always filled in; the other slots do not have to be. Thematic markers can be omitted since they only occur in the structure of verbs. Nominal diminutives are derived exclusively by suffixes and that is why the prefix slot can be excluded, too. Consequently, the structure important for the analysis is:

BASE – DERIVATIONAL SUFFIX –
INFLECTIONAL SUFFIX, in detail BASE –
DIM1 – DIM2 – INFLECTIONAL SUFFIX

For example, *ruka* ‘hand’ → *ručka* ‘hand-DIM1’ → *ručička* ‘hand-DIM2’ is analyzed as:

ruč-k-a → base-DIM1-inflectional suffix
ruč-ič-k-a → base-DIM1-DIM2-inflectional suffix

Czech second-grade diminutives from the corpora

87 word forms were extracted from the Czech national corpus. However, as already indicated in section 2, the detailed evaluation of the individual items has shown that 15 of those diminutives have the form of DIM2 (12 common nouns and three family members), but they function as DIM1, for example, *bal* ‘roll’ → DIM *bal-ič-ek-ø*⁶. All those diminutives were excluded from further analysis. The whole issue will be discussed below. The remaining 72 second-grade diminutives (by form and meaning) fall into three categories: 86.11 % are common nouns, 8.33 % are proper names, and family members represent 5.56 % of the data.

In all three categories (see Table 1 for details), the DIM2 suffix *-ek* combines with DIM1 nouns ending in *-ek* or *-ik*, and the suffix *-k*⁷ is used with first-grade diminutives ending in *-k-a* and *-k-o*, for example:

DIM2 *-ek-*
-ek + *-ek-ø*: *rám* ‘frame’ → *rám-ek-ø* → *rám-eč-ek-ø*
-ik + *-ek-ø*: *kůň* ‘horse’ → *kon-ik-ø* → *kon-ič-ek-ø*

DIM2 *-k-* (epenthetic vowel *i/e*)
-k + *-k-a*: *hlava* ‘head’ → *hláv-k-a* → *hlav-ič-k-a*
kniha ‘book’ → *kníž-k-a* → *kníž-eč-k-a*
část ‘part’ → *část-k-a* → *část-eč-k-a*

(epenthetic vowel *í/i/e*)
-k + *-k-o*: *slovo* ‘word’ → *slův-k-o* → *slov-ič-k-o*
oko ‘eye’ → *oč-k-o* → *oč-ič-k-o*
místo ‘place’ → *míst-k-o*⁸ → *míst-eč-k-o*

⁶ The symbol *-ø-* (also known as the so-called morphemic zero or empty morpheme, see e.g. Sabol 1989) is used when there is no inflectional suffix, as, for example, in the nominative singular of masculine nouns.

⁷ Although the segment *-k-* seems to be an infix, it is a (diminutive) suffix (see structure of the Slavic word above).

⁸ This is only morphologically possible DIM1 form of the word *místo* ‘place’.

The Czech data reveal one peculiarity: in the group of family members, there is a noun with the meaning of DIM2 whose form is derived in a different way:

dcera ‘daughter’ → *dcer-k-a* → *dcer-unk-a*

Table 1. Combinability of DIM suffixes in Czech

Noun ending in*	DIM1 suffixes	DIM2 suffixes
-C**	-ek-	-ek-
	-ik-	-ek-
	-k-	-k-
-a	-k-	-k-
		-unk-(unproductive***)
	-ik-	-ek-
-e	-k-	-k-
-o	-ik-	-ek-
	-k-	-k-

* The endings of nouns presented here are endings in nominative singular.

** C stands for consonant.

*** Unproductive suffixes are attached by substitution, i.e., they do not combine with DIM1 suffixes but substitute them.

Slovak second-grade diminutives from the corpora

The total number of word forms selected from the Slovak national corpus was 83. But, similarly to the Czech data, 13 of the selected diminutive nouns (11 common nouns, one proper name and one family member) were excluded from further evaluation. They have the form of DIM2, but function as DIM1, for example, *chyba* ‘mistake’ → DIM *chyb-ič-k-a* (for details, see section 5.2). The remaining 70 second-grade diminutives represent the basic types of nouns as follows: 58.57 % common nouns, 28.57 % proper names and 12.86 % family members.

A productive DIM2 suffix in Slovak (see also Table 2) is *-ek-* for first-grade diminutives ending in *-ik/-ík* or *-ok*, for example:

-ik + *-ek-ø*: *mráz* ‘frost’ → *mráz-ik-ø* → *mráz-ič-ek-ø*
-ik + *-ek-ø*: *kôň* ‘horse’ → *kon-ik-ø* → *kon-ič-ek-ø*
-ok + *-ek-ø*: *list* ‘leaf’ → *list-ok-ø* → *list-oč-ek-ø*

The DIM2 suffix *-k-* is used with DIM1 nouns ending in *-k-a* and *-k-o*:

-k- (epenthetic vowels *i/ô/o*)
-k + *-k-a*: *hlava* ‘head’ → *hláv-k-a* → *hlav-ič-k-a*
kniha ‘book’ → *kníž-k-a* → *kníž-ôč-k-a*
časť ‘part’ → *čiasť-k-a* → *čiasť-oč-k-a*

(epenthetic vowels *i/ie/e/ô/o*)

-k + *-k-o*: *slovo* ‘word’ → *slov-k-o* → *slov-ič-ko*
zrno ‘corn’ → *zrn-k-o* → *zrn-ieč-ko*
kladivo ‘hammer’ → *kladiv-k-o* → *kladiv-ôč-ko*

The Slovak data revealed idiosyncrasies, too. DIM2 nouns for family members are derived in a different way:

teta ‘aunt’ → *tet-k-a* → *tet-ušk-a*
dcéra ‘daughter’ → *dcér-k-a* → *dcér-enk-a*
mama ‘mother’ → *mam-k-a* → *mamul-ienk-a*
dedo ‘grandfather’ → *ded-k-o* → *ded-ušk-o*

However, consider the following examples:
tato ‘father’ → *tat-k-o* → *tat-íč-k-o*
 (cf. *slovo* ‘word’ → *slov-k-o* → *slov-íč-k-o*)

mama ‘mother’ → *mam-k-a* → *mam-íč-k-a*
 (cf. *hlava* ‘head’ → *hláv-k-a* → *hlav-íč-k-a*)

Table 2. Combinability of DIM suffixes in Slovak

Nouns ending in*	DIM1 suffixes	DIM2 suffixes
-C**	-ík/-ik-	-ek-
	-ok-	-ek-
	-k-	-k-
-a	-k-	-k-
		-ušk- (unproductive)
		-enk-/-ienk- (unproductive)***
-o	-k-	-k-
	-k-	-ek-
		-ušk- (unproductive)

* See note 10.

** See note 11.

*** See note 12.

Comparison of second-grade diminutives in Czech and Slovak

Looking at both languages under analysis, we can find similarities but also differences in the way the second-grade diminutives are formed. As to the similarities, both Czech and Slovak use two suffixes for the derivation of DIM2 nouns: *-ek-* and *-k-*. Both are productive. There are two differences between the Czech and the Slovak DIM2 suffixes:

(1) Slovak uses *-ek* for the derivation of DIM1 much less frequently than Czech does, for example:

Cz. *rám* ‘frame’ → *rám-ek-ø* → *rám-eč-ek-ø*
 Sl. *rám* ‘frame’ → *rám-ík-ø* → *rám-č-ek-ø*

(2) The attachment of phonologically identical DIM2 suffixes does not imply the same epenthetic vowel in these two languages, as illustrated by the following examples:

Cz. DIM2-*k-a* (epenthetic vowel *i/e*) vs. Sl. DIM2 *-k-a* (epenthetic vowels *i/ô/o*)

Cz. DIM2-*k-o* (epenthetic vowel *i/i/e*) vs. Sl. DIM2 *-k-o* (epenthetic vowels *i/ie/e/ô/o*).

And, finally, in both languages there are words with the form of second-grade diminutives that function as first-grade diminutives.

Diminutives with the form of DIM2 but the function of DIM1

As specified above, in Czech and Slovak, there are word forms with the structure of second-grade

diminutives that have the meaning of first-grade diminutives. In Czech, these are *dědeček* (déd-eč-ek-ø), *holčička* (holč-íč-k-a), *písnička* (písn-íč-k-a), *balíček* (bal-íč-ek-ø), *lavička* (lav-íč-k-a), *městečko* (měst-eč-k-o), *krabička* (krab-íč-k-a), *žebříček* (žebř-íč-ek-ø), *kolečko* (kol-eč-k-o), *sluníčko* (slun-íč-k-o), *sestřička* (setř-íč-k-a), *tyčinka* (tyč-ink-a), *chlapeček* (chlap-eč-ek-ø), *cestička* (cest-íč-k-a) and *lahvička* (lahv-íč-k-a).

In Slovak, these are *sestrička* (sestr-íč-k-a), *ružička* (ruž-íč-k-a), *pesnička* (pesn-íč-k-a), *vodička* (vod-íč-k-a), *Petruška* (Petr-uš-k-a), *dušička* (duš-íč-k-a), *chybička* (chyb-íč-k-a), *flaštička* (flašt-íč-k-a), *slzička* (slz-íč-k-a), *kostička* (kost-íč-k-a) and *slniečko* (sln-ieč-k-o).

This phenomenon is quite frequent and occurs for the following reasons:

(1) polysemy of morphemes: for example, formally, the structure of the words *balíček* and *psíček* is identical:

bal ‘roll’ → *bal-ík-ø* → *bal-íč-ek-ø*
pes ‘dog’ → *ps-ík-ø* → *ps-íč-ek-ø*

However, *-ík-* in *psík* is a diminutive suffix, whereas *-ík-* in *balík* is a derivative morpheme without a diminutive meaning (*bal* ‘roll’ vs. *balík* ‘parcel’), and that is why *psíček* is a second-grade diminutive by form and meaning and *balíček* is DIM2 formally with the meaning of DIM1,

(2) a first-grade diminutive suffix has lost its diminutive meaning, for example the Czech diminutive suffix *-ic-e*: *láv-k-a* ‘bridge’ → *lav-ic-e* ‘school desk’ → *lav-íč-k-a* DIM1 from both *lávka* and *lavice* or *krabice* ‘box’ → *krab-íč-k-a* ‘box-DIM’ (for details, see Štícha 1978),

(3) a first-grade diminutive as a whole has lost its diminutive meaning and become lexicalized, for example, *voda* ‘water’ → *vod-k-a* ‘vodka’ → *vod-íč-k-a* ‘voda-DIM’ (Štolc 1958),

(4) a diminutive form of a word does not have a diminutive meaning, but functions as a normal colloquial variant of a basic noun, for example, *píseň* ‘song’ – *písnička* ‘song’ (Štícha 1978).

Conclusion

The paper aimed to analyze the structure of secondary diminutive nouns in Czech and Slovak so as to verify the claim that only productive DIM1 suffixes can be used as DIM2 suffixes (Manova, Winternitz 2011). The analysis was based on data from corpora and the secondary diminutives gained from them were divided into three categories – common nouns, proper names and family members – to find out which category of DIM2 nouns is the most numerous in the corpora of written texts. Although the results are similar for both languages – common nouns are the most frequent and family members are the least numerous – there is a difference between them: in the Slovak language, the discrepancy between the frequency of the occurrence of common nouns with

regard to proper names and family members is not as big as in the Czech language.

The understanding of DIM2 suffixes as a combination of DIM1 and DIM2 suffixes in both analyzed languages is a diachronic issue, and that is why a historical analysis of all DIM2 suffixes was necessary. The research has shown that in both languages, productive DIM1 suffixes are used as DIM2 suffixes too, that is, productive DIM2 = DIM1+DIM1 and unproductive DIM2 suffixes are attached by substitution. This finding supports the results of the

analysis of data from Bulgarian and Polish (cf. *ibid.*). The secondary aim of the research was to compare the structure of DIM2 from common nouns with the structure of DIM2 from proper names and family members, which are usually neglected in the literature on diminutives. The results of the analysis are similar for both languages: the structures of secondary diminutives of common nouns and of proper names are identical. Peculiarities (the substitution of a productive DIM1 suffix by an unproductive DIM2 suffix) can be found in the category of family members.

References/Библиографический список

- Dunn, Khairov 2009 – *Dunn J., Khairov S.* (2009) *Modern Russian Grammar*. Abingdon: Routledge. Available at: <https://chamilanguerussepourous.nethouse.ru/static/doc/0000/0000/0238/238082.st7fzxqu.pdf>.
- Furdík 2004 – *Furdík J.* (2004) *Slovenská slovtvorba*. Prešov: Náuka. (In Slovak)
- Gregová 2015 – *Gregová R.* (2015) Slovak. In: *Edinburgh Handbook of Evaluative Morphology*, pp. 296–305. Edinburgh: Edinburgh University Press. Available at: <https://www.jstor.org/stable/10.3366/j.ctt1g09zxx>.
- Horecký 1959 – *Horecký J.* (1959) *Slovotvorná sústava slovenčiny*. Bratislava: Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied. (In Slovak)
- Horecký 1971 – *Horecký J.* (1971) *Slovenská lexikológia. I: Tvorenie Slov*. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo. (In Slovak)
- Slovak National Corpus – Available at: http://korpus.sk/structure1_en.html – Slovak Academy of Sciences, n.d. *Slovak National Corpus*.
- Krajčovič 1988 – *Krajčovič R.* (1988) *Vývin slovenského jazyka a dialektológia*. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo. Available at: <https://pdf.truni.sk/e-ucebnice/vsjd>. (In Slovak)
- Křen *et al.* 2015 – Křen M., Cvrček V., Čapka T., Čermáková A., Hnátková M., Chlumská L., Jelínek T., Kovářiková D., Petkevič V., Procházka P., Skoumalová H., Škrabal M., Truneček P., Vondříčka P., Zásina A. (2015) *SYN2015: reprezentativní korpus psané češtiny*. Ústav Českého národního korpusu FF UK, Praha. Available at: <http://www.korpus.cz>. (In Czech)
- Manova, Aronoff 2010 – *Manova S., Aronoff M.* (2010) Modeling affix order. *Morphology*, no. 20 (1), pp. 109–131. DOI: <http://dx.doi.org/10.1007/s11525-010-9153-6>.
- Manova 2011 – *Manova S.* (2011) Understanding Morphological Rules: With Special Emphasis on Conversion and Subtraction in Bulgarian, Russian and Serbo-Croatian. Dordrecht: Springer. Available at: <https://www.semanticscholar.org/paper/Understanding-Morphological-Rules%3A-With-Special-on-Manova/3373f3d2efd0319f07bea9eb27342069859434ed>.
- Manova, Winternitz 2011 – *Manova S., Winternitz K.* (2011) Suffix order in double and multiple diminutives: with data from Polish and Bulgarian. *Studies in Polish Linguistics*, no. 6, pp. 115–138. Available at: https://ruj.uj.edu.pl/xmlui/bitstream/handle/item/68315/manova_winternitz_suffix_order_in_double_and_multiple_diminutives_2011.pdf?sequence=1&isAllowed=y.
- Němec 1968 – *Němec I.* (1968) *Vývojové postupy české slovní zásoby*. Praha: Nakladatelství Československé akademie věd. Available at: <https://vokabular.ujc.cas.cz/moduly/literatura/texty/NemecPostupy1968>. (In Czech)
- Panocová 2011 – *Panocová R.* (2011) Evaluative suffixes in Slavic. *Bulletin of the Transilvanian University of Brasov, Series IV: Philology and Cultural Studies*, vol. 53, no.1, pp. 175–182. Available at: <http://anyflip.com/rgcu/pbnc>.
- Sabol 1989 – *Sabol J.* (1989) *Syntetická fonologická teória*. Bratislava: Jazykovedný ústav Ľudovíta Štúra Slovenskej akadémie vied. (In Slovak)
- Schneider 2003 – *Schneider K.* (2003) *Diminutives in English*. Tübingen: Niemeyer. DOI: <https://doi.org/10.1515/9783110929553>.
- Sokolová *et al.* 1999 – *Sokolová M., Moško G., Šimon F., Benko V.* (1999) *Morfematický slovník slovenčiny*. Prešov: Náuka. Available at: https://scholar.google.ca/citations?view_op=view_citation&hl=en&user=DxooD2UAAAAJ&citation_for_view=DxooD2UAAAAJ:u5HHmVD_uO8C. (In Slovak)
- Štícha 1978 – *Štícha F.* (1978) Substantiva deminutivní formy s lexikalizovaným významem. *Naše řeč*, vol. 61, no. 3, pp. 113–127. Available at: <http://nase-rec.ujc.cas.cz/archiv.php?art=6051>. (In Czech)
- Štolc 1958 – *Štolc J.* (1958) K morfológii deminutív v slovenčine. *Jazykovedné štúdie III*, pp. 19–81. (In Slovak)
- Trnková 1991 – *Trnková J.* (1991) O substantívnej deminutívnej derivácii v slovenčine. *Slovenská reč*, vol. 56, no. 2, pp. 87–95. (In Slovak)
- Zelinková 1993 – *Zelinková K.* (1993) *Sústava slovenských deminutív*. In: *Zborník k 11. medzinárodnému zjazdu slavistov*, pp. 28–44. Nitra: Vysoká škola pedagogická. (In Slovak)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 811.111

Дата поступления: 12.07.2021
рецензирования: 22.08.2021
принятия: 26.08.2021

Дискурсивные структуры в политической коммуникации

Н.А. Трибунская

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: dahati@mail.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6012-3016>

В.Д. Шевченко

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: slash99@mail.ru. Researcher ID: I-8620-2018. Scopus Author ID: 57203173126.
ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-6357-2477>

Аннотация: Настоящая статья посвящена исследованию дискурсивных структур в политической сфере, репрезентируемых в англоязычном источнике Twitter Президента США. Цель исследования заключается в анализе дискурсивных структур, возникающих в результате взаимодействия политического дискурса с иными видами дискурсов. Для ее достижения авторами поставлены следующие задачи: выделение в составе политического дискурса специфических маркеров, характеризующих наличие других дискурсов, анализ особенностей коммуникативной ситуации передачи сообщений, выявление черт интердискурсивности и полидискурсивности. Материалом для анализа послужили высказывания Дональда Трампа в Twitter в период с 1 ноября 2019 года по 1 ноября 2020 года. Авторами статьи используются различные методы: описательный, контекстуальный анализ, сравнительно-сопоставительный, методы наблюдения, контент-анализа и дискурс-анализа. В исследовании применена лингвистическая концепция американского ученого Д. Хаймса S-P-E-A-K-I-N-G, включающая анализ компонентов ситуации: Setting and scene, Participants, Ends, Act Sequence, Key, Instrumentalities, Norms, Genre. При помощи модели ситуации в сообщениях были выделены участники, их действия и другие характеристики. Автором сообщений выступает президент, при этом адресат является коллективным. Одни и те же участники в зависимости от контекста высказывания становятся участниками иных типов дискурсов. В статье рассматриваются такие входящие в состав политического дискурсы, как экономический, образовательный, медицинский. Их выбор обусловлен социально-экономической значимостью вопросов экономики, образования и здравоохранения в жизни общества. Кроме того, отражена медиафункция политической коммуникации. Тексты размещаются на интернет-платформе, благодаря чему политический дискурс вовлечен в пространство интернет-дискурса. Анализ позволил выявить черты масштабной интердискурсивности и выделить уровни дискурсивной гетерогенности.

Ключевые слова: политический дискурс; модель ситуации; дискурсивные структуры; интердискурсивность; полидискурсивность; дискурсивная гетерогенность.

Цитирование. Трибунская Н.А., Шевченко В.Д. Дискурсивные структуры в политической коммуникации // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2021. Т. 27, № 3. С. 118–127. DOI: <http://doi.org/10.12287/2542-0445-2021-27-3-118-127>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Трибунская Н.А., Шевченко В.Д., 2021

Нина Александровна Трибунская – экстерн кафедры английской филологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.
Вячеслав Дмитриевич Шевченко – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой английской филологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 12.07.2021
Revised: 22.08.2021
Accepted: 26.08.2021

Discursive structures in political communication

N.A. Tribunskaya

Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: dahati@mail.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6012-3016>

V.D. Shevchenko

Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: slash99@mail.ru. Researcher ID: I-8620-2018. Scopus Author ID: 57203173126.
ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-6357-2477>

Abstract: This article is devoted to the study of discursive structures in political sphere, represented in the English-language source Twitter of the President of the United States. The purpose of the study is to analyze the discursive structures that arise as a result of the interaction of political discourse with other types of discourses. To achieve it, the authors set the following tasks: identifying specific markers in the political discourse that characterize the presence of other discourses, analyzing the features of the communicative situation of message transmission, identifying the features of interdiscursiveness and polydiscursivity. The material for the analysis was the statements of Donald Trump on Twitter from November 1, 2019 to November 1, 2020. The authors of the article use various methods: descriptive, contextual analysis, comparative, methods of observation, content analysis and discourse analysis. The study uses the linguistic concept of the American scientist D. Himes S-P-E-A-K-I-N-G, which includes an analysis of the components of the situation: Participants, Ends, Act Sequence etc. Using the situation model in the messages, participants, their actions and other characteristics were highlighted. President is the author of the messages, while the addressee is a collective one. The same participants, depending on the context of the message, become participants of other types of discourses. The article examines such types of discourses as economic, educational, medical, which are part of political discourse. Their choice is due to the socio-economic significance of the issues of economics, education and health care in the life of society. In addition, the media function of political communication is reflected. The texts are posted on the Internet platform, due to which the political discourse is drawn into the space of the Internet discourse. The analysis made it possible to identify the features of large-scale interdiscursiveness and to highlight the levels of discursive heterogeneity.

Key words: political discourse; situation model; discursive structures; interdiscursiveness; polydiscursiveness; discursive heterogeneity.

Citation. Tribunskaya N.A., Shevchenko V.D. Discursive structures in political communication. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya = Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2021, vol. 27, no. 3, pp. 118–127. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2021-27-3-118-127>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: authors declare no conflict of interest.

© **Tribunskaya N.A., Shevchenko V.D., 2021**

Nina A. Tribunskaya – external student of the Department of English Philology, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Vyacheslav D. Shevchenko – Doctor of Philological Sciences, associate professor, head of the Department of English Philology, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

Дискурс представляет собой многомерный языковой, философский и социальный феномен. Реалии современного общества таковы, что дискурсы не находятся в изоляции, напротив, они постоянно взаимодействуют и пересекаются. Политическая коммуникация является ярким примером подобной интеракции.

Ввиду комбинирования и проникновения различных дискурсов возникают понятия интердискурсивности и полидискурсивности. В научном сообществе нет единой точки зрения на то, что следует понимать под данными терминами. Некоторые исследователи отождествляют их, другие разграничивают. В общем плане многие авторы определяют интердискурсивность как взаимодействие различных типов дискурсов в пределах одного текста или наличие элементов иного дискурса, например бытового, в тексте, рассматриваемом в каком-то другом дискурсе [Плотницкий 2020, с. 125]. Если отталкиваться от самих терминов, «интер» подразумевает «одно в другом», «поли» говорит о некоей множественности. Поскольку целью настоящего исследования является выявление дискурсивных структур в политической коммуникации, полагаем, что для более детального анализа целесообразно разграничить данные понятия. Под интердискурсивностью мы будем понимать явление, при котором один дискурс строится по законам другого (например, политический дискурс строится по законам бытового дискурса) или в одном дискурсе представлены черты другого дискурса (например, в политическом дискурсе присутствуют черты экономического дискурса).

По мнению исследователя Е.В. Белоглазовой, полидискурс может соотноситься и исследоваться лишь во множестве текстов [Белоглазова 2009, с. 70]. Не исключая право на существование иных точек зрения, мы полагаем, что при анализе политического дискурса целесообразно обозначать полидискурсивность как одновременное взаимодействие несколько типов дискурсов в рамках одного дискурса, в том числе в пределах одного текста. В данной статье при помощи модели ситуаций Д. Хаймса будут рассмотрены такие типы дискурсов, как экономический, образовательный, медицинский. Выбор дискурсов обусловлен их социально-экономической значимостью в жизни общества.

Е.В. Белоглазова также использует термин «дискурсивная (дискурсивная) гетерогенность», определяя ее как введение в текст, относящийся к одному дискурсу, элементов других дискурсов [Белоглазова 2010, с. 15]. Понятие гетерогенности встречается в медицине и других науках и в общем смысле понимается как некая разнородность элементов системы. Полагаем, что данный термин применим и для описания процессов взаимодействия дискурсов в рамках политической коммуникации в Twitter и включает в себя как интердискурсивность, так и полидискурсивность. Следует отметить, что интернет-платформа является уникальной и перспективной площадкой для выявления дискурсивных структур и дискурсивной гетерогенности.

Использование ментальных моделей способствует проведению детального дискурсивного анализа. Они позволяют сформировать систему обобщенных представлений о различных ситуа-

циях действительности в том или ином социуме [Шевченко 2008, с. 20]. Ситуационные модели показывают свою универсальность и могут быть применены для более глубокого анализа политической коммуникации. Изучение контекста как характеристики социальной ситуации или коммуникативного события важно для понимания текста [Dijk 2008]. Как отмечает Н. Фэркло, социальные взаимодействия и процессы, в которые погружен язык, постоянно вызывают изменения в его свойствах, включая языковые формы в текстах [Fairclough, Wodak 1996].

В данной статье рассматриваются англоязычные сообщения Президента США в социальной сети Twitter, созданной для публичного мгновенного обмена высказываниями. В качестве инструмента для анализа используется концепция модели ситуации американского ученого Д. Хаймса S-P-E-A-K-I-N-G [Hymes, p. 55–62], включающая такие компоненты, как Setting and scene (обстановка, обстоятельства), Participants (участники), Ends (цели коммуникации, результаты), Act Sequence (последовательность действий), Key (атмосфера происходящего), Instrumentalities (набор языковых средств), Norms (специфика норм и правил), Genre (жанровый состав).

Ход исследования

Дискурсивная гетерогенность политической коммуникации заключается в наличии в сообщении политика совокупности маркеров и признаков, характерных для иных видов дискурсов. Одним из таких признаков является тематическая лексика. В зависимости от представленности специальной лексики и терминологии в репрезентируемых высказываниях можно выделить следующие типы дискурсов.

Экономический дискурс (лексика, затрагивающая вопросы экономики): «thousands more factories and millions more jobs», «Economy Plus», «BEST USA ECONOMY», «lowering taxes», «Small businesses power our economy».

Образовательный дискурс (лексика, связанная с вопросами обучения, науки и образования): «educational opportunity», «a strong educational system», «every student», «Virtual Learning», «In School, or On Campus, Learning», «Schools».

Медицинский дискурс (медицинские термины и словосочетания, вопросы здравоохранения): «prescription drugs», «Big Pharma», «Insulin», «Epi-pens», «Testing», «Military Healthcare», «the Coronavirus», «the test», «the hospitalization», «Coronavirus tests».

Еще одним критерием выявления интердискурсивности является не лексика, а особый способ построения политического высказывания с использованием языковых маркеров, характерных для иного типа дискурса. В данном случае мы имеем дело с другим видом интердискурсивности. По этому критерию можно выделить:

Бытовой дискурс: для сообщения политиков в Twitter характерно наличие разговорных форм

(«and yet»), вопросительных и восклицательных предложений, неполнота высказываний, ненормированное использование заглавной буквы и др.

Далее рассмотрим подробнее вышеназванные дискурсы (экономический, образовательный, медицинский), проанализировав представленность в каждом из них различных компонентов ситуации в соответствии с лингвистической концепцией американского ученого Д. Хаймса S-P-E-A-K-I-N-G.

Анализируя первый элемент модели Д. Хаймса Setting and scene (обстановка, обстоятельства), можно говорить о ряде особенностей коммуникативной ситуации. Во-первых, высказывания (тексты) размещаются на интернет-платформе в социальной сети «Твиттер», которая создана для публичного обмена сообщениями. Пользователи могут вести свои микроблоги, мгновенно публиковать или просматривать короткие заметки, видео, оставлять комментарии и т. д. Другими словами, веб-коммуникация значительно сокращает время передачи информации, позволяет политике реализовывать свои прагматические установки, оказывая влияние на формирование общественного мнения, получать обратную реакцию на те или иные высказывания, события. Таким образом, политик имеет возможность выстраивать прямой диалог с потенциальным электоратом. Здесь важно отметить два обстоятельства: мгновенность и значительное увеличение аудитории, популярности политика.

Как отмечают В.Д. Шевченко, А.Г. Писарева, в сообщениях подобного интернет-формата присутствуют такие черты, как гипертекстуальность (отсылка реципиента к другим текстам, наличие нелинейного способа хранения информации) и креолизованность или поликодовость (наличие в тексте графических и иных сообщений, одинаково участвующих в передаче информации) [Шевченко, Писарева 2019, с. 113].

Итальянский исследователь Дуглас Понтон считает, что *убеждение* является самой распространенной функцией политического дискурса и для ее реализации используется как сам текст, так и невербальные средства убеждения (голос говорящего, интонация, язык тела, движение глаз и др.) [Понтон, Ларина 2016, с. 17].

Поликодовость в нашем случае выражается в наличии наряду с вербальными визуальных элементов. Так, видеовыступления Президента США в Twitter представляют пример образно-зрительно-слуховых средств передачи информации, они также часто сопровождаются короткими текстовыми комментариями. Здесь можно говорить о реализации такого свойства политики, как театрализованность, о котором упоминает исследователь Е.И. Шейгал [Шейгал 2000]. Разыгрывается своего рода спектакль, постановка для зрителей.

Во-вторых, на примере высказываний в Twitter ярко прослеживаются такие явления, как интердискурсивность и полидискурсивность. Сам формат короткой беседы располагает к тому, чтобы об-

суждать разные вопросы, переходя от одной темы к другой, высказывать мнение по проблематике, изменять регистр разговора, участвовать в диалоге. Таким образом, различные дискурсы находятся в постоянном взаимодействии, пересекаются и дополняют друг друга.

В-третьих, необходимо отметить, что в Twitter присутствуют такие характеристики, как дата и время публикации, что позволяет читателю воспринимать высказывания в контексте происходящих событий. Информация в основном подается короткими статьями, официальные сообщения соседствуют с высказываниями личного мнения политика. Помимо коротких заметок в Twitter также периодически публикуются официальные документы. Все это позволяет говорить о нелинейной подаче информации.

Рассмотрим второй элемент модели Д. Хаймса Participants (участники). С одной стороны, хорошо известен автор-отправитель сообщений – это Президент США. С другой стороны, каждый блогер, гражданин любого государства может стать участником дискуссии и выступить в роли читателя, оппонента, сторонника, критика. И за ним остается право обозначить себя или остаться неизвестным (присвоить ник, псевдоним, аватар, скрыть часть сведений).

Адресатом в политическом дискурсе является массовая аудитория. В то же время ряд высказываний производится для отдельных слоев населения, профессиональных групп (например, для рабочих).

Рассмотрим более подробно участников каждого типа дискурса.

Участником экономического дискурса прежде всего является непосредственно сам говорящий (в нашем случае Президент США Д. Трамп):

(Пример) «**President @ real Donald Trump** is laying out a vision to bring thousands more factories and millions more jobs back to American soil!». Поскольку речь идет о возвращении в страну миллионов рабочих мест, вторым негласным, но подразумеваемым участником являются рабочие.

(Пример) «...How can **they** do that and yet impeach a very successful (Economy Plus) **President of the United States**, who has done nothing wrong? **These people are Crazy!**» В данном примере при помощи существительного *President* участник политического дискурса становится участником экономического дискурса. Помимо Президента США другой участник – люди (*people*) или они (*they*). Подразумевается оппозиция, которой дается нелицеприятная оценка (*These people are Crazy!*).

Примечательно, что в следующем примере участником экономического (а также внутриполитического) дискурса является город (административно-территориальная единица): (Пример) «...**New York** must stop all of its unnecessary lawsuits & harrasment, start cleaning its elf up, and lowering taxes...»

Наконец, еще один участник экономического дискурса, малые предприятия или малый бизнес,

встраивается в состав политического дискурса: (Пример) «**Small businesses power our economy – and President Trump won't let them weather this alone.**»

Следует отметить, что с помощью таких лексических единиц, как *they, people, President*, достигается явление интердискурсивности: один дискурс переходит в другой в зависимости от контекста высказывания. Модель Д. Хаймса позволяет подробно проанализировать состав участников каждого рассматриваемого дискурса и увидеть, например, как при помощи местоимения *they* или словосочетания *small businesses* участники экономического дискурса включаются в политический, а также в интернет-дискурс, поскольку политическая коммуникация осуществляется в социальной сети Twitter.

Переходим к анализу образовательного дискурса. Среди участников помимо Президента США (используется личное местоимение «I») можно выделить представителей различных групп американцев (например, «Hispanic Americans»): (Пример): «**The executive order I will sign in a few moments will expand our efforts across all of federal government to deliver educational and economic opportunity for Hispanic Americans.**»

Политик указывает на то, что вопросы образования так или иначе касаются каждого студента и каждой семьи: (Пример): «**We believe in a strong educational system that offers choice to every student and family!**»

Кроме простых граждан и политиков в образовательный процесс также вовлечены школы, университеты и федеральное правительство, которое осуществляет его финансирование: (Пример): «**Schools must be open in the Fall. If not open, why would the Federal Government give Funding?**» Лексическая единица *Funding* маркирует присутствие в тексте помимо образовательного еще и экономического дискурса в составе политического, таким образом, рассматриваемое высказывание является примером полидискурсивности.

Анализ участников медицинского дискурса показывает, что в сообщениях также встречаются личные местоимения «I», «we»: «**I signed**», «**I am your President**», «**REMEMBER YOUR FAVORITE PRESIDENT!**», «**we have**», «**We will do**». Нередко в текстах сообщений упоминается само государство: «**The United States has administered over 70 million Coronavirus tests, and the turnaround time has been greatly reduced**», либо другие страны: «**Tell the Dems that we have more Cases because we do FAR more Testing than any other Country!**» В последнем примере также употребляется *the Dems* (подразумеваются представители партии демократов).

Участниками дискурса становятся граждане, в том числе пожилые люди: «**Nothing like this has ever for our citizens, especially our Seniors.**»

Таким образом, участниками политического дискурса являются, с одной стороны, президент, его команда, администрация, правительство,

с другой стороны, граждане, представители отдельных групп населения. В зависимости от контекста высказывания одни и те же участники становятся представителями политического, экономического, образовательного, медицинского интернет-дискурсов.

Обратимся к следующей составляющей модели Д. Хаймса S-P-E-A-K-I-N-G – Ends (цели коммуникации, результаты). Цели Президента США – сохранить власть, убедить читателя, привлечь и удержать внимание большой аудитории, получить общественное признание, сформировать имидж успешного во всех сферах политика, заработать политические очки, переизбраться на новый срок и др. Существует точка зрения, что при всем многообразии средств достижения цели политиков остаются неизменными. Основные цели читателей: новостная и развлекательная. Здесь необходимо отметить, что сообщения политика в Twitter подобно средствам массовой информации выполняют медиафункцию, соответственно, справедливо утверждать, что в данном формате политические высказывания президента входят в состав медиадискурса.

Рассмотрим включение элементов экономического дискурса в состав политического в рамках компонента модели ситуации Ends. Один из ожидаемых результатов политики Д. Трампа – открытие в США тысяч фабрик и миллионов рабочих мест, что способствует сокращению безработицы и увеличению доходов населения (*President @ real Donald Trump is laying out a vision to bring thousands more factories and millions more jobs back to American soil!*). В сообщении используется прием лексического повтора (*thousands more factories and millions more jobs*). Интересна семантика слова *soil*: 1. top layer of the earth in which plants grow (SYN earth); 2. a place or situation where something can develop; 3. somebody's native soil; 4. the soil (Longman Dictionary of Contemporary English). Таким образом, помимо экономической риторики подчеркивается особое отношение к родной земле.

В примере «...*How can they do that and yet impeach a very successful (Economy Plus) President of the United States, who has done nothing wrong? These people are Crazy!*» используется лексика, характеризующая Президента Трампа как успешного в экономической сфере политика: «a very successful», «Economy Plus». Здесь мы видим обвинения в адрес людей, которые выступают за объявление импичмента президенту (*These people are Crazy!*). Наряду с экономическим дискурсом присутствует и внутривнутриполитический дискурс, маркером которого выступает лексическая единица *impeach*. Наличие разговорных форм (*and yet*, вопросительного и восклицательного предложений), ненормированное использование заглавной буквы выдает присутствие черт бытового дискурса. Таким образом, подтверждается присутствие черт интердискурсивности и полидискурсивности.

В примере «*BEST USA ECONOMY IN HISTORY!*» дается оценка состояния экономики Соединенных Штатов Америки. Трамп называет ее лучшей в истории. Используется маркер BEST, при этом опускается определенный артикль превосходной степени прилагательного, что характерно для бытового (разговорного) дискурса. Сообщение передается в виде восклицательного предложения, записанного заглавными буквами. С развитием СМИ произошел ряд изменений, в том числе усиление разговорного начала. Одним из выразительно-изобразительных средств в языке СМИ является нестандартное применение прописных букв. Они привлекают взгляд, акцентируют и заостряют внимание читателя на определенном слове.

Вывод об усилении экономики благодаря работе малых предприятий позволяет сделать пример: «*Small businesses power our economy...*»

Рассмотрим включение элементов образовательного дискурса в состав политического в рамках компонента модели ситуации Ends. Участвуя в очередной предвыборной борьбе, Президент Дональд Трамп уделяет внимание ряду социальных вопросов, включая образование.

(Пример) «*The executive order I will sign in a few moments will expand our efforts across all of federal government to deliver educational and economic opportunity for Hispanic Americans*». Важной задачей политика является привлечение на свою сторону латиноамериканцев в качестве потенциального электората (*educational and economic opportunity for Hispanic Americans*). Здесь мы наблюдаем использование тактики обещания (*I will sign*). Данное высказывание вовлекает реципиента одновременно как в политический, образовательный, так и в экономический дискурсы. Таким образом, проявляется полидискурсивность политической коммуникации.

Столкнувшись с проблемами дистанционного обучения, многие люди были разочарованы. Улавливая настроения общества, Президент США подводит итоги: (Пример) «*Now that we have witnessed it on a large scale basis, and first hand, Virtual Learning has proven to be TERRIBLE compared to In School, or On Campus, Learning. Not even close! Schools must be open in the Fall. If not open, why would the Federal Government give Funding? It won't!!!*» Используется лексическая единица «TERRIBLE», подчеркивающая негативную оценку виртуального образования.

Рассмотрим включение элементов медицинского дискурса в состав политического в рамках компонента модели ситуации Ends. (Пример) «*Yesterday I signed four measures that will massively reduce the prices of prescription drugs, in many cases by more than 50 %. Nothing like this has ever been done before because Big Pharma, with its vast power, would not let it happen*». В указанном примере говорится о том, что Президент США подписал указ о снижении цен на лекарства. Подчеркивается факт того, что ничего подобного ранее не проис-

ходило. Данное снижение оценивается самим говорящим как самое большое в истории: «*Biggest price reductions in history, by far!*» В предложении опускается определенный артикль *the*, а также используется разговорное выражение *by far*, что указывает на присутствие в политическом высказывании черт бытового дискурса и проявлении интердискурсивности.

В примере «*Tell the Dems that we have more Cases because we do FAR more Testing than any other Country!*» мы наблюдаем попытку установления причинно-следственных связей говорящим: больше выявлено случаев заражения, поскольку проведено больше тестов по сравнению с другими странами. Высказывание осуществляется в рамках политического противостояния двух партий – республиканцев и демократов. И в данном контексте приобретает черты оправдательной дискуссии.

Для придания сообщениям доказательной базы приводятся статистические показатели о снижении заболеваемости (на 6 %), уменьшении количества положительных тестов (до 6,5 %), снижении случаев госпитализации вдвое и другие: (Пример) «*President Trump provides an update on the Coronavirus: This week, cases nationwide have declined by 6 %. The test positivity rate has fallen to 6.5 % – a 71 % reduction from April and a 15 % reduction from mid-July. The hospitalization rate has been reduced by half since April.*» Подчеркиваются результаты проделанной работы, говорится о проведении более 70 миллионов тестов на коронавирус, а также о сокращении времени на их проведение: «*The United States has administered over 70 million Coronavirus tests, and the turnaround time has been greatly reduced.*»

Таким образом, компонент ситуации Ends отражает тонкую грань между реальными результатами действий и событий, а также лично даваемой оценкой говорящим. В данном случае можно говорить о присутствии манипулятивной составляющей, так как все события и статистические показатели приводятся (излагаются) в наиболее выгодном ракурсе либо смягчают неудачи и промахи проводимой политики.

Рассмотрим следующий элемент модели – Act Sequence (последовательность действий). В целом для реализации данного компонента в формате сообщений в Twitter нехарактерно наличие структуры официального выступления (документа) «вступление – основная часть – заключение», высказывания довольно отрывисты и в значительной мере зависят от общего социально-культурного и политического контекста.

Проанализируем включение элементов экономического дискурса в состав политического в рамках компонента модели ситуации Act Sequence. Используется настоящее длительное время: (Пример) «*President @ real Donald Trump is laying out a vision to bring thousands more factories and millions more jobs back to American soil!*» – таким образом Президент как бы выступает соучастником

происходящего здесь и сейчас, показывает свою заинтересованность и равнодушие к проблемам американских рабочих, выражает заботу о реальном секторе экономики.

Одним из приемов является употребление в речи вопросов и восклицаний: (Пример) «*How can they do that and yet impeach a very successful (Economy Plus) President of the United States, who has done nothing wrong? These people are Crazy!*» С одной стороны, это позволяет сфокусировать внимание читателя на отдельных аспектах, расставить акценты. С другой стороны, подобные высказывания придают живость, эмоциональность и экспрессивность сообщению, переводят его в разговорный регистр, являющийся маркером бытового дискурса. Также обращает на себя внимание наличие контраста, противопоставления: «*a very successful (Economy Plus) President*» – «*These people are Crazy!*» Читателю остается лишь достроить несложную ментальную схему: «Люди, которые против очень успешного президента, просто сумасшедшие!» В данном примере присутствует такая важная составляющая, как прагматика автора, реализация скрытых целей говорящего.

Часто мы видим нарушение языковой нормы, когда вспомогательный глагол вообще опускается: «*BEST USA ECONOMY IN HISTORY!*» В теории встречается такое понятие, как «конверсионализация» – переход на более низкий, разговорный регистр коммуникации. В данном случае прослеживается комбинированный вариант взаимодействия дискурсов, когда в одном тексте присутствуют черты и интердискурсивности (политический дискурс строится по законам другого – бытового), и полидискурсивности (несколько дискурсов в составе политического).

В сообщениях политиков нередко встречаются модальные глаголы: (Пример) «*New York must stop all of its unnecessary law suits & harrasment, start cleaning its elf up, and lowering taxes...*»; «*How can they do that and yet impeach a very successful (Economy Plus) President of the United States, who has done nothing wrong?*» Модальные глаголы отражают требование императивности, долженствования. Их использование в политическом дискурсе обусловлено такими функциями политики, как организационная, регулятивно-контролирующая и др. В указанных примерах модальные глаголы способствуют описанию последовательности действий и установлению причинно-следственных связей.

В отдельных случаях употребляется будущее время: (Пример) «*Small businesses power our economy – and President Trump won't let them weather this alone.*» В данном примере сокращенная конструкция *won't*, характерная для разговорного языка, выступает маркером бытового дискурса. Глагол *will* способен придавать предложению дополнительную смысловую нагрузку, подчеркивая стойкое намерение говорящего.

Рассмотрим включение элементов образовательного дискурса в состав политического в рамках компонента модели ситуации Act Sequence.

В примерах данного типа дискурса мы наблюдаем преимущественное использование простой группы времен Present Simple («*We believe in a strong educational system that offers choice to every student and family!*»), Future Simple («*The executive order I will sign in a few moments will expand our efforts across all of federal government to deliver educational and economic opportunity for Hispanic Americans*»).

Также употребляется перфект как подведение определенных результатов работы, действий: Present Perfect («*Now that we have witnessed it on a large scale basis, and firsthand, Virtual Learning has proven to be TERRIBLE compared to In School, or On Campus, Learning*»).

В примере «*Schools must be open in the Fall*» мы видим использование модального глагола в пассивном залоге. Встречаются в тексте и условные предложения («*If not open, why would the Federal Government give Funding?*»).

Рассмотрим включение элементов медицинского дискурса в состав политического в рамках компонента модели ситуации Act Sequence.

В 2020 году мир захлестнула волна пандемии, что не могло не отразиться на высказываниях политиков верхнего эшелона власти. Поскольку эта тема затрагивает большую часть населения, политики стремятся содействовать сохранению спокойствия в массах. Использование группы времен Present Perfect в высказываниях в данном случае способно предоставить некие результаты деятельности и успокоить граждан: (Пример) «*Yesterday I signed four measures that will massively reduce the prices of prescription drugs, in many cases by more than 50%. Nothing like this has ever been done before because Big Pharma, with its vast power, would not let it happen. Expensive Insulin went from big dollars to virtual pennies*». Также мы наблюдаем активное употребление прошедшего времени с целью показать, что было раньше и что стало меняться сейчас (в лучшую сторону).

Таким образом, во всех рассматриваемых видах дискурсов активно используются простые группы времен, а также перфект, указывающий на результат действия. Что касается структуры предложений, в основном в сообщениях присутствуют простые предложения, иногда придаточные (с употреблением слов *why, who, that, because*). В случае необходимости аргументации выводов приводятся цифры, проценты («*Yesterday I signed four measures that will massively reduce the prices of prescription drugs, in many cases by more than 50%*»). Данный факт позволяет отнести подобные сообщения и к экономическому дискурсу. Другими словами, мы наблюдаем явление полидискурсивности, выражающееся в соседстве и взаимопроникновении политического, экономического, а также медицинского дискурсов.

В целом Act Sequence (последовательность действий) можно охарактеризовать следующим образом. Подобный формат высказываний Президента США в Twitter не предполагает подробного изложения хода событий. Отдельные высказывания буквально вырваны из социального контекста, то есть в речевом выражении не выдерживают определенной последовательности. Какие-то сообщения более расширены и содержат некоторые обоснования («*as long as I am your President*»).

Перейдем к анализу следующего компонента ситуации Key (атмосфера происходящего). Автор оказывает воздействие на эмоции реципиента (читателя), что выражается в наличии большого количества эксплицитных высказываний говорящего, использовании в сообщениях восклицательных предложений.

Кроме того, политик часто «понижает регистр своих сообщений», стремясь тем самым стать ближе и понятнее своему избирателю, создать видимость диалога «на равных». В тексте это выражается в присутствии большого количества маркеров, относящихся к разговорному (бытовому) стилю. Следовательно, в наличии черт бытового дискурса в составе политического и проявлении интердискурсивности.

В зависимости от ситуации используется различный «тон говорения». Он может быть:

- одобрительным (когда Президент хвалит себя, экономику) – используются маркеры «*Best*», «*Biggest*»;
- благодарственным (когда политик благодарит за что-то) – «*Thank you*»;
- осуждающим (дается негативная оценка ситуации или группы людей) – «*These people are Crazy!*», используются маркеры: «*terrible*», «*incredibly high*», «*unnecessary lawsuits & harrasment*».

Еще один элемент модели Instrumentalities (набор языковых средств) включает набор используемых языковых средств, а также различные коды и каналы. Здесь следует сказать о том, что политика связывает между собой все значимые сферы жизни общества. Политическая коммуникация представляет яркий пример дискурсивной гетерогенности, которая проявляется в различных вариациях взаимодействия дискурсов. В данной статье неоднократно было показано, насколько переплетены политический, экономический, образовательный и медицинский дискурсы. Необходимо отметить, что список пересекающихся в рамках политического дискурсов весьма велик и его анализу могут быть посвящены дополнительные исследования.

Еще одним примером интердискурсивного включения является цитирование. Цитаты встречаются нечасто, в основном они используются политиком как ссылка на авторитетное мнение эксперта, который дает аналогичную оценку происходящему («*A lot of people feel defeated... Trump always wins. It seems like nothing can stop him*». *Danny Villazon*). После оправдания Президента США по делу импичмента Трамп приводит цитату Дэнни Вилла-

зона, в которой говорится, что многие люди чувствуют себя побежденными, а Президент Трамп всегда одерживает победу и, кажется, ничто его не остановит.

Одним из стилистических приемов, используемых политиками, является лексический повтор, при котором осуществляется повторение слова или словосочетания в составе предложения либо короткого высказывания: (Пример) «*President @ real Donald Trump is laying out a vision to bring thousands **more** factories and millions **more** jobs back to American soil!*»

Для создания привлекательного имиджа политика используются такие лексические единицы, как *favorite*: «*REMEMBER YOUR FAVORITE PRESIDENT!*», *your*: «*We will do nothing to hurt our great Military professionals & heroes as long as I am your President*», *wins*: «*Trump always wins*» и другие.

В сообщениях часто встречаются сравнительные и превосходные степени прилагательных, что предназначено для сопоставления читателем различных фактов и явлений: «*Biggest price reductions in history, by far!*», «*BEST USA ECONOMY IN HISTORY!*», «*Yesterday I signed four measures that will massively reduce the prices of prescription drugs, in many cases by **more** than 50 %*».

Модальные глаголы берут на себя функцию императивности в тексте: «*Schools **must** be open in the Fall*», «*...New York **must** stop all of its unnecessary lawsuits & harrasment, start cleaning itself up, and lowering taxes...*».

Одним из способов отнесения к тому или иному дискурсу служит выявление тематической лексики, которая уже была рассмотрена выше.

Проанализируем следующий элемент модели Norms (специфика норм и правил). Справедливо отметить, что в американском обществе существуют определенные представления о месте страны и народа в мире. Для англосаксонской цивилизации характерно использование маркера «*the best*», который применяется довольно часто к широкому кругу вопросов. В данном случае можно говорить об идее исключительности американского народа, которую всячески стремятся поддерживать в своих высказываниях политики. В то же время в настоящее время в обществе США назрела необходимость перемен и решения внутренних важных вопросов экономики, образования, здравоохранения.

Часто президент должен улавливать настроения в социуме и говорить о тех проблемах, которые интересуют простых людей (например, в экономической сфере – это создание рабочих мест, в образовании – уход от дистанционной формы обучения, в здравоохранении – улучшение ситуации, связанной с коронавирусом).

Что касается языковых норм, в тексте мы часто наблюдаем их нарушение. Это отличает характер сообщений политиков в Twitter от стилистики официально-деловых документов.

Наконец, последняя составляющая модели Д. Хаймса – Genre (жанровый состав). Речь пре-

зидента в Twitter в широком смысле представляет собой медиатекст, который обладает характеристикой спонтанности, мгновенности отправления и прочтения сообщений большим количеством читателей.

Социологические исследования показывают, что сообщения президента в Twitter оказывают большое влияние на американских избирателей, поэтому данный формат политического дискурса, вписанный в глобальный медиадискурс, признается инструментом политического воздействия на формирование общественного мнения.

События представляются политиком и его командой в наиболее выгодном ракурсе. В зависимости от ситуации могут меняться инструменты, языковые средства, стиль изложения информации, однако цели политиков остаются неизменными. Они заключаются в отстаивании своей точки зрения, укреплении собственного авторитета, сохранении популярности среди избирателей, удержании и расширении аудитории читателей и др.

При всей привлекательности и плюсах коммуникации в социальных сетях и интернет пространстве ситуация с закрытием Twitter президента США Трампа в период переизбрания главы государства показывает незащищенность подобного контента как инструмента воздействия, передачи и получения информации.

Заключение

Дискурсы, находясь в постоянном взаимодействии, встраиваются друг в друга и отражают определенный социокультурный контекст происходящего. Ситуационная модель Д. Хаймса позволила выделить восемь компонентов модели ситуации в составе политического дискурса на примере входящих в его состав экономического, образовательного и медицинского дискурсов. Все они обладают такими общими характеристиками, как дата и время размещения сообщений, расположение в социальной сети Twitter. Одни и те же участники политического дискурса (*they, people, President*) в зависимости от контекста высказывания становятся участниками других типов дискурсов (образовательного, экономического, медицинского). Адресат является массовым, хотя сообщения могут предназначаться и для отдельных групп населения (*small business, Hispanic Americans*). Значимым результатом представляется выявление неизменности целей политиков (борьба за власть и ее удержание, убеждение, формирование общественного мнения, достижение популярности среди избирателей и др.) при использовании различных средств их достижения.

В целом высказывания Президента США в Twitter довольно отрывисты и не предполагают подробного изложения хода событий. Во всех рассматриваемых видах дискурсов активно используются простые группы времен, а также перфект, указывающий на результат действия. Автор оказывает воздействие на эмоции реципиента (чита-

теля) при помощи эксплицитных высказываний и восклицательных предложений. Политик часто «понижает регистр своих сообщений», что выражается в присутствии маркеров бытового дискурса, входящих в состав политического. В отдельных случаях примером интердискурсивных включений служит цитирование. При этом каждый рассматриваемый тип дискурса обладает своей уникальной тематической лексикой.

Подробный анализ высказываний Президента США в Twitter с помощью модели ситуации Д. Хаймса позволяет выявить в политической коммуникации ряд взаимосвязанных дискурсов и выделить различные уровни дискурсивной гетерогенности:

1-й уровень – в зависимости от содержания и языковых особенностей текста в сообщениях политика проявляется интердискурсивность (когда политический дискурс выражен чертами бытового дискурса, а также в политическом дискурсе тематически заключен иной тип дискурса, например экономический) и полидискурсивность (когда два или несколько дискурсов, например образовательный, экономический и медицинский, встраиваются в состав политического дискурса). Встречается и комбинированный вариант взаимодействия дискурсов, когда в одном тексте присутствуют черты

как интердискурсивности, так и полидискурсивности;

2-й уровень – в зависимости от нахождения текста в пространстве (в нашем случае виртуальном) сам текст, относящийся к политическому дискурсу, включен в интернет-пространство и является частью интернет-дискурса;

3-й уровень – в зависимости от выполняемой функции (политические высказывания Президента США в Twitter выполняют одновременно медиаконструктивную или функцию СМИ), соответственно, политический дискурс является частью медиадискурса и приобретает характерные для него черты.

Следует отметить, что перечень уровней дискурсивной гетерогенности не является исчерпывающим и может быть расширен при проведении дополнительных исследований.

Интернет-платформа – уникальная площадка для изучения взаимодействия и взаимопроникновения различных дискурсов. Анализ политической коммуникации в Twitter показывает пример масштабной интердискурсивности, когда один дискурс выражен чертами другого, а при рассмотрении совокупности дискурсов, включенных в состав политического, обнаруживается полидискурсивность в разнообразных вариантах сочетаемости дискурсов.

Материалы исследования

Twitter – *Twitter*. URL: <https://twitter.com/potus> (45th President of the United States).

Шейгал 2000 – *Шейгал Е.И.* Семиотика политического дискурса: дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2000. 440 с. URL: https://www.academia.edu/9556373/Шейгал_Политический_дискурс.

Словари

Longman Dictionary – *Longman Dictionary of Contemporary English*. URL: <https://www.ldoceonline.com/dictionary/soil> (дата обращения: 07.08.2020).

Библиографический список

Dijk 2008 – *Dijk T.A. van.* Discourse and Context. A sociocognitive approach. Cambridge: Cambridge University Press. 2008. 267 p. DOI: <http://doi.org/10.1017/CBO9780511481499>.

Fairclough, Wodak 1996 – *Fairclough N., Wodak R.* Critical Discourse Analysis // Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction. Vol. 2. Discourse as Social Interaction. London: Addison Wesley Publishing Company, 1996. 280 p. DOI: <http://doi.org/10.1002/9781118584194.ch22>.

Hymes 1974 – *Hymes D.* Foundations of Sociolinguistics: An Ethnographic Approach. Philadelphia: University of Pennsylvania. 1974. 260 p. DOI: <http://doi.org/10.4324/9781315888835>.

Белоглазова 2010 – *Белоглазова Е.В.* О вариативности проявления дискурсивной гетерогенности // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 332. С. 15–19. URL: <http://journals.tsu.ru/uploads/import/845/files/332-015.pdf>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=15506327>.

Белоглазова 2009 – *Белоглазова Е.В.* Полидискурсивность как особый исследовательский фокус // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. 2009. № 3 (59). С. 66–71. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/polidiskursnost-kak-osobyy-issledovatel'skiy-fokus-1/viewer>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=12946593>.

Плотницкий 2020 – *Плотницкий Ю.Е.* Реализация категории «интердискурсивность» в англоязычном песенном дискурсе // Эволюция и трансформация дискурсов: Сборник научных статей. Самара. 2020. Вып 5. С. 104–115. URL: <http://repo.ssau.ru/handle/EVOLUCIYA-I-TRANSFORMACIYA-DISKURSOV/Realizaciya-kategorii-%C2%ABinterdiskursivnost%C2%BB-v-angloyazychnom-pesennom-diskurse-Tekst-elektronnyi-90422>.

Понтон, Ларина 2016 – *Понтон Д.М., Ларина Т.В.* Дискурс-анализ в 21 веке: теория и практика // Russian Journal of Linguistics. 2016. № 20 (4). С. 7–25. DOI: <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9182-2016-20-4-7-25>.

Шевченко 2008 – Шевченко В.Д. Введение в теорию интерференции дискурсов: монография. Самара: СамГУПС, 2008. 203 с. URL: <http://engphil.samsu.ru/laniuscms/docs/tipolog/shevchenkomon.pdf>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=37136977>.

Шевченко, Писарева 2019 – Шевченко В.Д., Писарева А.Г. Специфика коммуникации в спортивном интернет-дискурсе // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2019. Том 25, № 2. С. 109–115. URL: <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-2-109-115>.

References

Dijk 2008 – Dijk T.A. van. (2008) *Discourse and Context. A sociocognitive approach*. Cambridge: Cambridge University Press, 267 p. DOI: <http://doi.org/10.1017/CBO9780511481499>.

Fairclough, Wodak 1996 – Fairclough N. & Wodak R. (1996) *Critical Discourse Analysis. In: Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction. Vol. 2. Discourse as Social Interaction*. London: Addison Wesley Publishing Company, 280 p. DOI: <http://doi.org/10.1002/9781118584194.ch22>.

Hymes 1974 – Hymes D. (1974) *Foundations of Sociolinguistics: An Ethnographic Approach*. Philadelphia: University of Pennsylvania, 260 p. DOI: <http://doi.org/10.4324/9781315888835>.

Beloglazova 2010 – Beloglazova Ye.V. (2010) On the diversity of discursive heterogeneity manifestations. *Tomsk State University Journal*, no. 332, pp. 15–19. Available at: <http://journals.tsu.ru/uploads/import/845/files/332-015.pdf>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=15506327>. (In Russ.)

Beloglazova 2009 – Beloglazova E.V. (2009) Polydiscursivity as special research focus. *Bulletin of the St. Petersburg University of Economics and Finance*, no. 3 (59), pp. 66–71. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/polidiskursnost-kak-osobyy-issledovatel'skiy-fokus-1/viewer>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=12946593>. (In Russ.)

Plotnitskiy 2020 – Plotnitskiy Y.E. (2020) Realisation of interdiscursivity in the English song discourse. In: *Evolution and transformation of discourses: Collection of scientific articles*. Samara, Issue 5, pp. 104–115. Available at: <http://repo.ssau.ru/handle/EVOLUCIYa-I-TRANSFORMACIYa-DISKURSOV/Realizaciya-kategorii-%C2%ABinterdiskursivnost%C2%BB-v-angloyazychnom-pesennom-diskurse-Tekst-elektronnyi-90422> (In Russ.)

Ponton, Larina 2016 – Ponton D.M. & Larina T.V. (2016) Discourse analysis in the 21st century: theory and practice (I). *Russian Journal of Linguistics*, no. 20 (4), pp. 7–25. DOI: <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9182-2016-20-4-7-25>. (In Russ.)

Shevchenko 2008 – Shevchenko V.D. (2008) *Introduction to the theory of interference of discourses: monograph*. Samara: SamGUPS, 203 p. Available at: <http://engphil.samsu.ru/laniuscms/docs/tipolog/shevchenkomon.pdf>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=37136977>. (In Russ.)

Shevchenko, Pisareva 2019 – Shevchenko V.D., Pisareva A.G. (2019) Peculiar features of communication in the sports Internet discourse. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya = Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, vol. 25, no. 2, pp. 109–115. URL: <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-2-109-115>.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 811.13

Дата поступления: 12.05.2021
рецензирования: 17.07.2021
принятия: 26.08.2021

**Полипредикативные условные конструкции в каталанском языке
(в сопоставлении с испанским и французским)**

Т.В. Репнина

Институт лингвистических исследований Российской академии наук,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: lumenna@yandex.ru. ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0002-4347-7939>

Аннотация: Под полипредикативными условными конструкциями мы понимаем сложные предложения, содержащие не менее трех простых предложений, каждое из которых является либо условием, либо следствием. Тогда как полипредикативные конструкции уже привлекали внимание исследователей, но на материале каталанского языка они, по-видимому, рассматриваются впервые. Целью настоящей статьи является изучение синтаксических связей в полипредикативных условных конструкциях. В задачи работы входят сопоставление данных конструкций в каталанском языке с испанским и французским, выявление основных типов рассматриваемых конструкций, анализ их свойств. В процессе исследования были использованы следующие методы: выборки из генеральной совокупности при сборе корпуса, классификационный, описательный, сопоставительный, трансформационный, анализа, синтеза. В качестве материала послужили тексты каталанских авторов и их переводы на испанский и французский. В результате исследования были сформулированы следующие выводы: 1) во французском языке, в отличие от каталанского и испанского, допустима замена повторяющегося условного союза *si* на *que*; 2) как показывает материал, без подчинительной связи невозможна прототипическая условная конструкция, а также полипредикативная; к подчинению в рассматриваемых нами конструкциях может добавляться сочинение; возможны более сложные синтаксические структуры (например, параллельное соподчинение); 3) прототипическая условная конструкция представляет собой сложноподчиненное предложение, что накладывает ограничение на возможные синтаксические типы полипредикативной условной конструкции. Так, УК не может представлять собой последовательность простых предложений, связанных сочинительной и/или бессоюзной связью. Последовательное подчинение трех и более придаточных предложений для УК нехарактерно; 4) было выявлено сходство полипредикативных условных конструкций каталанского языка с соответствующими конструкциями испанского и французского. Настоящее исследование вносит вклад в синтаксис романских языков.

Ключевые слова: условные конструкции; полипредикативные конструкции; сложное предложение; каталанский язык; испанский язык; французский язык; условие; следствие.

Цитирование. Репнина Т.В. Полипредикативные условные конструкции в каталанском языке (в сопоставлении с испанским и французским) // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2021. Т. 27, № 3. С. 128–136. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2021-27-3-128-136>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Репнина Т.В., 2021

Татьяна Владимировна Репнина – аспирант, Институт лингвистических исследований Российской академии наук, 199053, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Тучков переулок, 9.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 12.05.2021
Revised: 17.07.2021
Accepted: 26.08.2021

**Poly-predicative conditional constructions in Catalan
(in comparison with Spanish and French)**

T.V. Repnina

Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences,
Saint Petersburg, Russian Federation
E-mail: lumenna@yandex.ru ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0002-4347-7939>

Abstract: By poly-predicative conditional constructions we mean complex sentences that contain at least three simple sentences, each representing either a condition or a consequence. Poly-predicative sentences can in addition contain other simple sentences that represent neither condition, nor consequence. Poly-predicative constructions that, apart from one condition and one consequence, also include other simple sentences, are not classified here as poly-predicative conditional constructions. While poly-predicative constructions in general have already been in the focus of researchers' attention, this article seems to address them on Catalan material for the first time. The purpose of this article is an analysis of syntactic relations in poly-predicative conditional constructions. Its objectives include their comparison in Catalan, Spanish, and French, identification of the main types of these constructions, and an analysis of their characteristics. Since

the use of tenses and moods in the constructions addressed coincides with that in prototypical bi-predicative conditional constructions, we do not examine it here. The methods, used in this study, included: sampling during corpus collection, classification, description, comparison, transformational analysis and synthesis. The study is based on Catalan texts and their translations into Spanish and French. The findings of the study include: 1) Poly-predicative conditional constructions with several condition and/or consequence clauses are possible. Condition and consequence clauses can occupy different positions in poly-predicative conditional constructions; 2) In contrast to Catalan and Spanish, French admits the replacement of the conditional conjunction *si* by *que*; 3) Prototypical conditional and poly-predicative constructions are invariably characterized by subordination relations, with coordination parataxis possible as well. In addition, more complex syntactic structures are possible like, e. g., parallel co-ordination; 4) A prototypical conditional construction being a complex sentence, this limits possible syntactic types of poly-predicative conditional constructions. They cannot be structured as a string of simple sentences connected by coordination or subordination. Consecutive subordination of three or more subordinate sentences is not characteristic of conditional constructions; 5) The study identified a similarity between poly-predicative conditional constructions in Catalan, Spanish, and French. The present research is a contribution into the syntax of Romance languages.

Key words: conditional constructions; poly-predicative constructions; complex sentence; Catalan; Spanish; French; condition; consequence.

Citation. Repnina T.V. Poly-predicative conditional constructions in Catalan (in comparison with Spanish and French) // *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya = Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2021, vol. 27, no. 3, pp. 128–136. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2021-27-3-128-136>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: author declare no conflict of interest.

© Repnina T.V., 2021

Tatyana V. Repnina – postgraduate student, Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences, 9, Tuchkov Lane, Saint Petersburg, 199053, Russian Federation.

Введение

К сложным предложениям, состоящим более чем из двух простых, исследователи применяют различные термины. Так, А.М. Пешковский отказывается от термина «сложное предложение» в пользу понятия «сложное целое» [Пешковский 2001, с. 455], ряд исследователей называют «объединения минимальных конструкций сложных предложений» «многочленными» и «сложными предложениями усложненного типа» [Белашапова 1977, с. 171; Грамматика русского языка 1960, с. 357]. Под «сложными предложениями усложненного типа» авторы «Грамматики русского языка» понимают «сложные предложения, состоящие более чем из двух простых предложений» [Грамматика русского языка 1960, с. 357]. О.В. Евстафиади оперирует понятием «продолженной синтаксической формы», под которым вслед за О.А. Костровой понимает «как реальную единицу, функционирующую в тексте, так и метаязыковой конструкт, состоящий из двух и более полных и/или свернутых элементарных предложений, которые в генеративном смысле находятся в отношениях причинного (в широком смысле) экспликативного и перечислительного характера, а в интегральном смысле образуют семантическую суперструктуру» [Евстафиади 2010, с. 169–170].

На нашем материале наиболее удобным представляется термин «полипредикативные условные конструкции», который противопоставляется понятию «бипредикативные условные конструкции».

Полипредикативные конструкции не раз привлекали внимание исследователей. Но, как отмечает И.В. Шельдешова, «достаточно долго как целостный объект воспринимались только словосочетания, простые предложения, потом – двучастные сложные. Многочастные сложные пред-

ложения были осмыслены как специфический синтаксический феномен значительно позже и не всеми исследователями» (Шельдешова 1998, с. 4). При этом исследователи подчеркивают важность изучаемых нами конструкций: как отмечает Т.В. Парникова, «структура полипредикативного предложения позволяет осуществить в стихотворном тексте максимальное количество семантических связей» (Парникова 2010, с. 42).

По утверждению Е.В. Гулыги, место сложноподчиненного предложения и его компонентов: главного и придаточного предложения – в системе синтаксиса понимается как соотношение сложноподчиненного предложения с противопоставленной категорией – сложносочиненным предложением, а также с центральной единицей синтаксиса – простым предложением [Гулыга 1971, с. 133].

Как отмечают авторы грамматики русского языка, отношения между простыми предложениями, входящими в состав сложных усложненного типа, не представляют никаких отличий по сравнению с отношениями внутри бипредикативных сложных предложений. Свообразие сложных предложений усложненного типа состоит в некоторых особенностях расположения их частей, в особенностях группировки простых предложений внутри сложного... [Грамматика русского языка 1960, с. 357]. Именно последние аспекты будут в центре нашего внимания.

В данной статье нас будут интересовать прежде всего синтаксические связи в полипредикативных условных конструкциях. Как отмечает А.Ю. Чернышева, сочинительная и подчинительная типы связей в сложном предложении аналогичны связи между формами слов в словосочетании [Чернышева 2006, с. 168].

По утверждению О.В. Евстафиади, термин «условная конструкция» значительно шире «услов-

ного предложения», поскольку первый включает такие разноуровневые структуры, как сложноподчиненные, осложненные, простые предложения, а также сверхфразовые единства [Евстафиади 2010, с. 169–170].

Под **полипредикативными условными конструкциями** мы понимаем сложные предложения, содержащие не менее трех простых предложений, каждое из которых является либо условием, либо следствием. Такое предложение может помимо этого включать другие простые предложения, не являющиеся ни условиями, ни следствиями.

Следует отметить, что полипредикативные конструкции, включающие одно условие и одно следствие, но содержащие помимо этого другие простые предложения, к полипредикативным условным конструкциям мы не относим.

Целью настоящей статьи является изучение синтаксических связей в полипредикативных условных конструкциях. Как отмечает Теньер, «синтаксическая связь необходима для выражения мысли <...> Именно синтаксическая связь делает предложение живым организмом <...> Понятие синтаксической связи является, таким образом, основой всего структурного синтаксиса» [Теньер 1988, с. 23].

Употребление времен и наклонений в полипредикативных УК совпадает с их употреблением в бипредикативных УК, поэтому их рассмотрение представляется нецелесообразным.

Для полипредикативных УК главным типом синтаксической связи служит подчинение. Как отмечает В.В. Комарова, исследующая материал немецкого языка, «основой синтаксических отношений являются сочетание лингвистических элементов, последние могут находиться в отношении синтаксической однородности и синтаксической неоднородности. На этом основано деление сочетаний на сочинительные и подчинительные» [Комарова 1981, с. 95–102]. Как отмечается в «Историческом синтаксисе сложного предложения в испанском языке» Ф. Хавье Эррэро Руиз де Лоузага [Javier Herrero Ruiz De Loizaga 2005, p. 20, 32], при сочинении объединяются элементы одного уровня по иерархии. С. Карсевский в статье, написанной на материале русского языка, упоминает о том, что сочинение называют паратаксисом, противопоставляя его подчинению (гипотаксису) [Karcevski 1967, p. 36].

Е.Е. Корди отмечает, что для УК характерны три признака:

- 1) наличие двух связанных между собой ситуаций;
- 2) гипотетический характер этих ситуаций;
- 3) наличие имплицативной связи между ними (связи «условие» – «следствие») [Корди 2000, с. 165].

Николау Дольс и Ричард Манселл в «Необходимой грамматике каталанского языка» перечисляют другие условные союзы каталанского языка: quan (когда, если), en cas de / que (в случае), mentre

(в то время как, если), sempre que (если, каждый раз, когда) [Dolsm Mansell 2017. p. 155]. Однако у всех этих союзов, за исключением (en cas de / que), условное значение не является единственным и основным.

В процессе настоящего исследования были использованы следующие **методы**: описательный, сопоставительный, анализа, синтеза, классификационный, метод выборки из генеральной совокупности.

Полипредикативные условные конструкции с повторением/без повторения условного союза si

В полипредикативных УК союз si может повторяться или опускаться. В примерах 1–3 условный союз повторяется.

Возможны полипредикативные УК с разносубъектными (примеры 1 и 2) и с односубъектными придаточными (пример 3).

(1 CAT) *I si els coloms van sortir (PAST PERIFR IND) del colomar i si els vam deixar (PAST PERIFR IND) volar; va ser (PAST PERIFR IND) per culpa d'en Cintet...* (Rodoreda 2015a, p. 89). «И если голуби вылетали из голубятни, и если мы позволяли им вылетать, это было по вине Синто...»

(1 ES) *Y si las palomas salieron (PAST SIMPLE IND) del palomar y si las dejamos (PAST SIMPLE IND) volar; fue (PAST SIMPLE IND) por culpa del Cintet...* (Rodoreda 1987, p. 98).

(1 FR) *Si les pigeons sont sortis (PRF IND) du pigeonier; si on a laissés (PRF IND) voler; ç'a été (PRF IND) la faute de Cintet...* (Rodoreda 2015b, p. 94).

(2 CAT) *Si allò era (IMPF IND) cert, si en Marcus havia cornés (PQP IND) el crim, intentaria (PRS COND) sortir del país amb el seu botí (Piñol 2005, p. 300).* «Если бы это было верным, если бы Маркус совершил преступление, он попытался бы покинуть страну со своей добычей».

(2 ES) *Si aquello era (IMPF IND) cierto, si Marcus había cometido (PQP IND) el crimen, intentaría (PRS COND) salir del país con su botín (Piñol 2005, p. 223).*

(2 FR) *Si cela était (IMPF IND) vrai, si Marcus avait commis (PQP IND) le crime, il aurait tenté (PRF COND) de quitter le pays avec son butin (Piñol 2007, p. 227).*

(3 CAT) *I si els tècton no es desanimaven (IMPF IND) per aquella barrera imprevista, si decidien (IMPF IND) excavar-la pedra a pedra, trigarien (PRS COND) mil anys a arribar a la superfície (Piñol 2005, p. 426).* «Если бы тектоны не позволили устрашить себя этим непредвиденным препятствием, если бы они решили копать его камень за камнем, они потратили бы тысячу лет, чтобы достичь поверхности».

(3 ES) *Y si los tecton no se disuadían (IMPF IND) ante aquella barrera imprevista, si decidían (IMPF IND) excavarla piedra a piedra, tardarían (PRS COND) mil años en llegar a la superficie (Piñol 2015, p. 316).*

(3 FR) *Et si les Tectons ne se laissaient (IMPF IND) pas dissuader par cette barrière imprévue, s'ils décidaient (IMPF IND) de la creuser pierre par pierre, ils mettraient (PRS COND) mille ans à parvenir à la surface (Piñol 2007, p. 324).*

В тех случаях когда в каталанском и испанском языках союз *si* (если) опускается, во французском он может быть заменен на *que*. Как отмечает Кристиан Сандфельд, «если предложения соединяются при помощи союзов “et”, “où”, “mais”, возможно вместо повторения союза «*si*» ввести придаточное предложение с союзом “*que*”... <...> Во многих случаях “*et que*” отличается от “*et si*” тем, что обозначает условие, добавленное в дополнение к первому, тогда как “*et si*” указывает на два разных условия» [Sandfeld 1965, p. 338].

(4 CAT) *Si no fes (IMPF CONJ) tanta calor i una mica d'aire fresc em toqués (IMPF CONJ) la cara, ja hauria reaccionat (PRF COND) (Pla 2014, p. 671).* «Если бы не было так жарко и немного свежего воздуха обдувало мое лицо, я бы уже среагировал».

(4 ES) *Si no hiciese (IMPF CONJ) tanto calor y me diera (IMPF CONJ) un poco de aire fresco en la cara, ya hubiera reaccionado (PRF COND) (Pla 2016, p. 740).*

(4 FR) *S'il n'avait pas fait (PQP IND) si chaud et que j'avais pu (PQP IND) me passer un peu d'eau fraîche sur le visage, j'aurais déjà retrouvé (PRF COND) mes esprits (Pla 2013, p. 712).*

В таблице 1 представлены схематично повтор или отсутствие повтора условного союза в ката-

ланском языке (в сопоставлении с испанским и французским).

Количество условий и следствий и их расположение в полипредикативных условных конструкциях

В полипредикативных УК несколько условий и/или следствий, которые могут занимать различные позиции в предложении.

Начнем рассмотрение с полипредикативных УК, включающих несколько условий и одно следствие. В этих конструкциях условия могут предшествовать следствию и следовать за ним.

Конструкции с двумя или несколькими условиями и одним следствием (УУС, СУУ...)

Условия предшествуют следствию УУС, (УУУС)

В примере 5 два условия предшествуют следствию.

(5 CAT) *Si ell tenia (IMPF IND) 18 anys (Y1) i ella 15 (Y2), la cosa no és (PRS IND) pas tan difícil de comprendre... (C1) (Pla 2014, p. 369).* «Если ему было 18 лет, а ей – 15, это не так сложно понять...»

(5 ES) *Si él tenía (IMPF IND) 18 años (Y1) y ella 15 (Y2), la cosa no es (PRS IND) tan difícil de comprender... (C1) (Pla 2016, p. 407).*

(5 FR) *Si lui avait (IMPF IND) dix-huit ans (Y1) et elle quinze (Y2), la chose n'est (PRS IND) pas très difficile à comprendre... (C1) (Pla 2013, p. 379).*

В примере 5 два условных придаточных одновременно относятся к главному предложению.

На рис. 1 отражены синтаксические связи в примере 5.

Таблица 1

Употребление союзов в полипредикативных УК

Table 1

Use of conjunctions in poly-predicative CC

Каталанский язык	Испанский язык	Французский язык
Si Y i si Y, C (пример 1)*	Si Y i si, C	Si Y, si Y, C
Si Y, si Y, C (примеры 2 и 3)	Si Y, si Y, C (примеры 2 и 3)	Si Y, si Y, C (примеры 2 и 3)
Si Y i Y, C (пример 4)	Si Y y Y, C (пример 4)	Si Y et que Y, C (пример 4)
Si Y i Y, C (пример 5)	Si Y y Y, C (пример 5)	Si Y et Y, C (пример 5)

*У – условие, С – следствие.

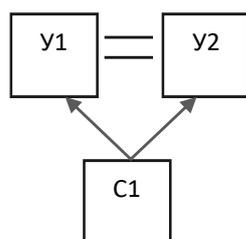

Рис. 1. Синтаксические связи между условиями (Y1, Y2) и следствием (C1) в примере 5
Fig. 1. Syntactic links between the conditions (U1, U2) and the consequence (C1) in example 5

Следствие предшествует условиям СУУ, (СУУУ)

В примере 6 два условия расположены за следствием.

(6 CAT) *Una bicicleta no pot (PRS IND) donar fatiga (C1), si el ciclista és (PRS IND) lent (Y1), si no vol (PRS IND) anar a un lloc determinat (Y1) (Bonet 2011, p. 222).* «Велосипед не может утомить, если велосипедист едет медленно, если он не хочет приехать в определенное место».

Синтаксические связи в примере 6 отражены на рис. 2.

Как отмечают авторы «Грамматики русского языка», количество простых предложений, которые могут входить в состав сложного предложения, не может быть ограничено какими-либо нормами, а регулируется степенью доступности сложного предложения пониманию слушателя или читателя [Грамматика русского языка 1960, с. 362].

Конструкции с двумя или несколькими следствиями и одним условием (УСС, ССУ)

Условие предшествует следствиям УСС

В примерах 7 и 8 условие предшествует следствиям. В примерах 7 и 8 два следствия.

(7 CAT) *Els genolls se m'havien convertit en glaçons. Si em quedava (IMPF IND) massa estona dret (Y1) es fondrien (PRS COND) (C1) i cauria (PRS COND) (C2) (Piñol 2005, p. 473).* «Мои колени превратились в ледышки. Если бы я очень долго стоял, они бы повредились и я бы упал».

(7 ES) *Las rodillas se me habían convertido en cubitos de hielo. Si me quedaba (IMPF IND) mucho rato de pie (Y1) se fundirían (PRS COND) (C1) y me derrumbaría (PRS COND) (C2) (Piñol 2015, p. 350).*

(7 FR) *Mes genoux s'étaient transformés en glaçons. Si je restais (IMPF IND) longtemps debout (Y1), ils effondraient (PRS COND) (C1) et je m'effondrerais (PRS COND) (C2) (Piñol 2007, p. 359).*

В примере 7 условие относится к каждому из следствий. В этом высказывании можно убрать либо первое следствие (пример 7а), либо второе (пример 7б). Смысл сохраняется в обоих случаях.

(7а CAT) *Si em quedava (IMPF IND) massa estona dret (Y1) es fondrien (PRS COND) (C1).* «Если бы я очень долго стоял, они бы повредились».

(7б CAT) *Si em quedava (IMPF IND) massa estona dret (Y1) cauria (PRS COND) (C2).* «Если бы я очень долго стоял, я бы упал».

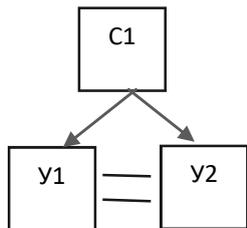

Рис. 2. Синтаксические связи между условиями (U1, U2) и следствием (C1) в примере 6

Fig. 2. Syntactic links between the conditions (U1, U2) and the consequence (C1) in example 6

В этом примере следствия представляют собой последовательность событий: мы не можем переставить следствия без потери смысла:

*(7с CAT) *Els genolls se m'havien convertit en glaçons. Si em quedava (IMPF IND) massa estona dret (Y1) cauria (PRS COND) (C2) i es fondrien (PRS COND) (C1).* «Мои колени превратились в ледышки. Если бы я очень долго стоял, я бы упал и они бы повредились».

Синтаксические связи в примере 7 отражены на рис. 3.

(8 CAT) *Si no reaccionava (IMPF IND) (Y1) obrien (IMPF IND) el cep, el deixaven (IMPF IND) allà mateix (C1) i la caravana seguia (IMPF IND) endavant (C2) (Piñol 2005, p. 112).* «Если он не реагировал, с него снимали оковы, его оставляли на месте и караван продолжал свой путь».

(8 ES) *Si no reaccionaba (IMPF IND) (Y1) abrían (IMPF IND) el cepo, lo abandonaban (IMPF IND) allí mismo (C1) y la caravana seguía adelante (C2) (Piñol 2005, p. 85).*

(8 FR) *S'il ne réagissait (IMPF IND) pas, (Y1) on lui ôtait (IMPF IND) ses fers, on l'abandonnait (IMPF IND) sur place (C2) et la caravane poursuivait (IMPF IND) sa route (C2) (Piñol 2007, p. 86).*

А.М. Пешковский отмечает, что предложения с двумя или несколькими сказуемыми и одним подлежащим находятся на границе между простым предложением с однородными членами и сложным («слитным предложением» и «сложным целым», по терминологии данного исследователя) [Пешковский 2001, с. 476]. В.А. Белошапкова пишет: «В таких предложениях несколько предикативных центров, модальные и временные значения которых автономны: они могут совпадать или не совпадать» [Белошапкова 1977, с. 167].

В примере 8 условное придаточное подчиняется двум главным предложениями, при этом первое из них включает два сказуемых. В этом высказывании представлена последовательность действий: между сказуемыми первого главного предложения, а также между двумя главными можно подставить слово «затем». Мы не можем поменять местами главные предложения без потери смысла и дополнительных преобразований.

Синтаксические связи примера 8 изображены на рис. 4.

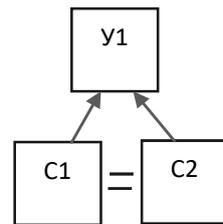

Рис. 3. Синтаксические связи между условием (Y1) и двумя следствиями (C1, C2) в примере 7

Fig. 3. Syntactic connections between condition (Y1) and two consequences (C1, C2) in example 7

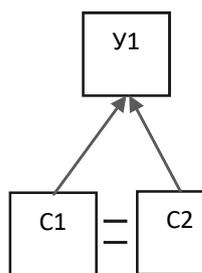

Рис. 4. Синтаксические связи между условием (У1) и двумя следствиями (C1, C2) в примере 8

Fig. 4. Syntactic connections between condition (U1) and two consequences (C1, C2) in example 8

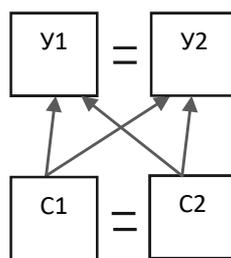

Рис. 5. Синтаксические связи между двумя условиями (У1, У2) и двумя следствиями (C1, C2) в примере 9

Fig. 5. Syntactic connections between two conditions (U1, U2) and two consequences (C1, C2) in example 9

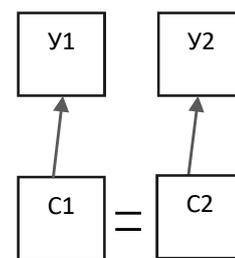

Рис. 6. Синтаксические связи между двумя условиями (У1 и У2) и двумя следствиями (C1, C2) в примере 10

Fig. 6. Syntactic connections between two conditions (U1 and U2) and two consequences (C1, C2) in example 10

Примеры, в которых два следствия были бы расположены перед условием (ССУ), и примеры, в которых условие расположено между двумя следствиями (СУС), не встретились в нашем материале.

Конструкции с несколькими условиями и несколькими следствиями (УСУС, СУСУ)

Рассмотрим конструкции, в которых несколько следствий и несколько условий.

Все условия и следствия связаны между собой по смыслу

В примере 9 все условия и следствия связаны между собой по смыслу, два следствия расположены перед двумя условиями (УУСС).

(9 CAT) *Si va (PRS IND) al cafè (У1) i hi ha (PRS IND) una mica massa de fum (У2), té (PRS IND) una sensació de mareig (C1) i ha (PRS IND) de sortir-ne (ПЕРИФР. КОНСТРУКЦИЯ) (C2)* (Pla 2014, p. 238). «Если он идет в кафе и там слишком много дыма, у него кружится голова и ему приходится выйти».

(9 ES) *Si va (PRS IND) al cafè (У1) y hay (PRS IND) demasiado humo (У2), tiene (PRS IND) una sensación de mareo (C1) y tiene (PRS IND) que salirse (C2)* (Pla 2016, p. 262).

(9 FR) *S'il se rend (PRS IND) (У1) au café et qu'il y a (PRS IND) trop de fumée, (У2) il a (PRS IND) la tête qui tourne (PRS IND) (C1) et il est obligé (PRS IND PASS) de sortir (C2)* (Pla 2013, p. 238) (рис. 5).

В примере 9 два условных придаточных, связанных сочинением, подчиняются двум главным предложениям, между которыми также сочинительная связь.

А.М. Пешковский выделяет соподчинение и включение предложений. При первом подчиненные предложения одинаково зависят от главного, а при втором все подчиненные предложения последовательно зависят друг от друга. Ученый также отмечает, что соподчинение нередко соединяется с сочинением соподчиненных предложений, но это возможно, только «если соподчиненные предложения находятся рядом и если они подчинены с помощью одних и тех же или, по крайней мере, близких по значению союзов» [Пешковский 2001, с. 469]. Анализируя синтаксические конструкции

русского языка, он называет сочинение соподчиненных предложений параллельным сочинением и отмечает, что в таких высказываниях союз одного из придаточных может опускаться, если он может созвучать из соседнего предложения, но встречается часто и повторение союза [Пешковский 2001, с. 469]. Как показывает материал, сказанное выше можно отнести и к рассматриваемым нами языкам.

Несколько УК связаны между собой по смыслу

В примере 10 полипредикативная УК представляет собой две условные конструкции, в обеих условии расположено перед следствием (УСУС).

(10 CAT) *Només cal escoltar les campanes. Si el seu dring és (PRS IND) fresc, precís i cristal·lí (У1) lí fa (PRS IND) tramuntana (C1); si és (PRS IND) opac, esquerdat, esfilagarsat (У2), el vent és (PRS IND) de garbí (C2)* (Pla 2014, p. 99). «Достаточно послушать колокола. Если их звук чистый, точный и кристальный, дует северный ветер; если он мрачный, дребезжащий, тонкий – ветер юго-западный».

(10 ES) *Sólo hace falta escuchar las campanas. Si el tintineo es (PRS IND) fresco, preciso y cristalino, (У1) hace (PRS IND) tramontana; (C1) si es (PRS IND) opaco, cascado, deshilachado, (У2) el viento es (PRS IND) de garbí (C2)* (Pla 2016, p. 106).

(10 FR) *Il me suffit (PRS IND) d'écouter les cloches. Si leur son est (PRS IND) frais, précis et cristallin, (У1) il fait (PRS IND) de la tramontane; (C1) s'il est (PRS IND) morne, fêlé, grêle, (У2) le vent est (PRS IND) du suroît (C2)* (Pla 2013, p. 89).

А.Г. Гурочкина использует термин «полипредикативные предложения с разночленным подчинением» применительно к конструкциям с несколькими придаточными, которые имеют разные «центры подчинения» [Гурочкина 1977, с. 32–35].

Первое и второе следствия в примере 10 связаны между собой как два бессоюзных сложных предложения. Синтаксические связи примера 10 отображены на рис. 6.

Среди четырехчастных УК мы выделяем **парные условные конструкции с противопоставлением**, в которых противопоставлены как условия, так и следствия.

Экспрессивность таких высказываний может усиливаться антонимами (пример 11: «выиграю» – «проиграю»), противопоставлением наличия/отсутствия отрицания (пример 13):

(11 CAT) Si **guanyo** (PRS IND), em gasto (PRS IND) els diners de seguida, sense pensar-m'hi (INF) gens; si **perdo** (PRS IND), quedo (PRS IND) completament indiferent (Pla 2014, p. 284). «Если я **выигрываю**, я сразу же трачу деньги без раздумий, если я **проигрываю**, мне все равно».

(11 ES) Si **gano** (PRS IND) me gasto (PRS IND) el dinero en seguida, sin pensarlo más; si **pierdo** (PRS IND), me quedo (PRS IND) completamente indiferente (Pla 2016, p. 312).

(11 FR) Si je **gagne** (PRS IND), je dépense (PRS IND) tout de suite l'argent, sans réfléchir; si je **perds** (PRS IND), ça m'est (PRS IND) tout à fait égal (Pla 2013, p. 286).

(12 CAT) Si el llibre **no** tenia (IMPF IND) prou èxit i **no** mobilitzava (IMPF IND) l'opinió pública, només penjaríen (PRS COND) en Marcus. Si en tenia (IPFV IND), jo guanyaria (PRS COND) el cas i la gloria jurídica (Piñol 2005, p. 578). «Если бы книга **не** имела ожидаемого успеха и **не** мобилизовала бы общественное мнение, казнили бы только Маркуса. Если бы книга стала успешной, я заработал бы много денег и прославился как юрист».

(12 ES) Si el libro **no** tenía (IMPF IND) el éxito esperado y **no** movilizaba (IMPF IND) a la opinión pública, sólo colgarían (PRS COND) a Marcus. Si lo tenía (IMPF IND), yo ganaría (PRS COND) el caso y la gloria jurídica (Piñol 2015, p. 426).

(12 FR) Si le livre **n'**obtenait (IMPF IND) pas le succès escompté et **ne** mobilisait (IMPF IND) pas l'opinion publique, on pendrait (PRS COND) juste Marcus. S'il l'obtenait (IMPF IND), je gagnerais (PRS COND) l'affaire et la gloire juridique (Piñol 2007, p. 436).

Парные условные конструкции с противопоставлением могут быть представлены как в виде сложного предложения (пример 12), так и в сверхфразовом единстве (пример 13).

Вопросительные полипредикативные условные конструкции

Как показал собранный нами материал, вопросительные полипредикативные УК имеют те же основные характеристики, что и бипредикативные (употребление времен и наклонений, типы вопросов).

Так, в примере 13 три условных придаточных в препозиции и одно следствие.

(13 CAT) Tot allò em feia feliç. Però si era (IMPF IND) així, si el ressò s'estenia (IMPF IND) i en conseqüència es venien (IMPF IND) molts exemplars del llibre, què esperava (IMPF IND) l'editorial per fer una segona edició amb la nota de Norton? (Piñol 2005, p. 510). «Все это делало меня счастливым. Но если это было так, если дело набирало обороты и если впоследствии вышло много экземпляров книги, чего мы ждали, чтобы опубликовать второе издание с примечанием Нортон?»

(13 ES) Todo aquello me hacía feliz. Pero si era (IMPF IND) así, si el eco se extendía (IMPF IND) y en consecuencia se vendían (IMPF IND) muchos

ejemplares del libro, ¿qué esperaba (IMPF IND) la editorial para publicar una segunda edición con la nota de Norton? (Piñol 2015, p. 377–378).

(13 FR) Tout cela me rendait heureux. Mais si c'était (IMPF IND) le cas, si l'affaire prenait (IMPF IND) de l'ampleur et que l'on vendait (IMPF IND) en conséquence de nombreux exemplaires du livre, qu'attendait-on (IMPF IND) pour publier une deuxième édition avec la note de Norton? (Piñol 2007, p. 386).

В примере 14 два условия и два следствия, причем одно условие расположено между следствиями.

В данной УК в трех рассматриваемых языках употребляется презенс индикатива в главном и первом придаточном, во второй условном придаточном в каталанском и испанском употребляется имперфект конъюнктива, во французском – имперфект индикатива.

(14 CAT) Si l'aigua, de natural, ens agrada (PRS IND) tan poc, ¿com vols (PRS IND) que sortíssim (IMPF CONJ) si penséssim (IMPF CONJ) que hem de caure a l'aigua? (Pla 2014, p. 645). «Если вода по природе нам нравится так мало, как ты хочешь, чтобы мы вышли из дома, если мы рискуем упасть в воду?»

(14 ES) Si el agua, por naturaleza, nos gusta (PRS IND) tan poco, ¿cómo crees (PRS IND) que saldríamos (IMPF COND) si pensásemos (IMPF CONJ) que tenemos que caer al agua? (Pla 2016, p. 711). Josep Pla. *El cuaderno gris*. España, 2016. P. 711.

(14 FR) Déjà que, par nature, nous avons (PRS IND) horreur de l'eau, on ne pourrait (PRS COND) plus sortir si l'on devait (IMPF IND) se mettre à penser qu'on risque (PRS IND) de tomber à l'eau! (Pla 2013, p. 681–682).

Заключение

1. Возможны полипредикативные УК с несколькими условиями и/или с несколькими следствиями.

2. Возможно различное расположение условий и следствий в полипредикативных УК.

3. Во французском языке, в отличие от каталанского и испанского, допустима замена повторяющегося условного союза *si* на *que*.

4. Как показывает материал, без подчинительной связи невозможна прототипическая условная конструкция, а также полипредикативная. К подчинению в рассматриваемых нами конструкциях может добавляться сочинение. Возможны более сложные синтаксические структуры (например, параллельное соподчинение).

5. Прототипическая условная конструкция представляет собой сложноподчиненное предложение, что накладывает ограничение на возможные синтаксические типы полипредикативной условной конструкции. Так, УК не может представлять собой последовательность простых предложений, связанных сочинительной и/или бессоюзной связью. Последовательное подчинение трех и более придаточных предложений для УК нехарактерно.

Материалы исследования

- Bonet 2011 – *Bonet B.* El mar. Barcelona: Club Editor, 2011. 228 p. (на каталанском языке в оригинале).
- Pla 2013 – *Pla J.* Le cahier gris. France: Gallimard, 2013. 812 p. Journal traduit du catalan par Serge Mestre (перевод с каталанского на французский).
- Pla 2014 – *Pla J.* El quadern gris. Barcelona: Edicions Destino, 2014. 763 p. (на каталанском языке в оригинале).
- Pla 2016 – *Pla J.* El cuaderno gris. España: Ediciones Destino, 2016. 847 p. Traducción de Dionisio Ridruejo (перевод с каталанского на испанский).
- Rodoreda 2015a – *Rodoreda M.* La plaça del Diamant. Barcelona: Club editor jove, 2015. 267 p. (на каталанском языке в оригинале).
- Rodoreda 2015b – *Rodoreda M.* La place du diamant. France: Gallimard, 2015. 272 p. p. 94. (перевод с каталанского на французский).
- Rodoreda 1987 – *Rodoreda M.* La plaza del diamante. Barcelona: Ediciones Orbis, 1987. 98 p. (перевод с каталанского на испанский).
- Sánchez Piñol 2005 – *Sánchez Piñol A.* Pandora al Congo. Barcelona: La Campana, 2005. 592 p. (на каталанском языке в оригинале).
- Sánchez Piñol 2007 – *Sánchez Piñol A.* Pandore au Congo. France: ACTES SUD, 2007. 447 p. Traduit du catalan par Marianne Million (перевод с каталанского на французский).
- Sánchez Piñol 2015 – *Sánchez Piñol A.* Pandora en el Congo. Madrid: Santillana Ediciones Generales, 2015. 436 p. Traducción de Xavier Theros (перевод с каталанского на испанский).
- Парникова 2010 – *Парникова Т.В.* Полипредикативные предложения с паратаксисом и гипотаксисом в поэтических текстах современного английского языка: дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2010. 210 с.
- Шельдешова 1998 – *Шельдешова И.В.* Полипредикативные конструкции с двойным соподчинением в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 1998. 145 с.

Библиографический список

- Dols, Mansell 2017 – *Dols N., Mansell R.* Catalan. An Essential Grammar. London; New York: Routledge, 2017. 244 p. DOI: <http://doi.org/10.4324/9781138921290>.
- Javier Herrero Ruiz De Loizaga 2005 – *Javier Herrero Ruiz De Loizaga F.* Sintaxis histórica de la oración compuesta en español. Spain: Gredos, 2005, 557 p.
- Karcevski 1967 – *Karcevski S.* Deux propositions dans une seul // Cahiers Ferdinand de Saussure. Genève: Librairie Droz, 1967, pp. 36–52.
- Sandfeld 1965 – *Sandfeld Kr.* Syntaxe du français contemporain. Les propositions subordonnées. Genève: Librairie Droz, 1965, 487 p. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k1568h.image>.
- Белошاپкова 1977 – *Белошاپкова В.А.* Современный русский язык. Синтаксис. Москва: Высшая школа, 1977. 255 с. URL: <https://11klasov.net/10473-sovremennyy-russkij-jazyk-pod-redakciej-beloshapkovoj-va.html>.
- Грамматика русского языка 1960 – *Грамматика русского языка.* Т. 2. Синтаксис. Часть вторая. Москва: Издательство Академии наук СССР, 1960, 440 с. URL: <https://sheba.spb.ru/shkola/grammatika-ru-1960.htm>.
- Гулыга 1971 – *Гулыга Е.В.* Теория сложноподчиненного предложения в современном немецком языке. Москва: Высшая школа, 1971. URL: https://www.studmed.ru/gulyga-e-v-teoriya-slozhnopodchinennogo-predlozheniya-v-sovremennom-nemeckom-yazyke_f435c491793.html.
- Гурочкина 1977 – *Гурочкина А.Г.* О структурных особенностях полипредикативных предложений с разночленным подчинением на раннем этапе развития английского языка // Актуальные вопросы семантики и синтаксиса. Ленинград, 1977. С. 32–35. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/sintsem/text.pdf>.
- Корди 2000 – *Корди Е.Е.* Наклонение и время французского глагола в формально-условных конструкциях // Проблемы функциональной грамматики. Категории морфологии и синтаксиса в высказывании. Санкт-Петербург: Наука, 2000. С. 164–175. URL: <https://istina.msu.ru/publications/book/10353337>.
- Евстафиади 2010 – *Евстафиади О.В.* Продолженная синтаксическая форма как средство выражения условных отношений (на материале английского языка) // Альманах современной науки и образования, 2010. № 9. С. 168–171. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17342428>; https://www.gramota.net/articles/issn_1993-5552_2010_9_55.pdf.
- Комарова 1981 – *Комарова В.В.* Формально-семантическая дихотомия сочинения и подчинения // Структурно-семантические процессы на уровне предложения. Алма-Ата: Издание КазГУ, 1981. С. 95–102. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/struktsem/text.pdf>.
- Пешковский 2001 – *Пешковский А.М.* Русский синтаксис в научном освещении. Москва: Яз. славян. культуры, 2001. 510 с. URL: <https://ksana-k.ru/?p=3031>.
- Теньер 1988 – *Теньер Л.* Основы структурного синтаксиса. Москва: Прогресс, 1988, 366 с. URL: <https://classes.ru/grammar/172.Tesniere>.

Чернышева 2006 – *Чернышева А.Ю.* Развитие подчинительных конструкций как шаг к эволюции синтаксических связей // Уч. зап. Казанского гос. ун-та. Сер. Гуманитарные науки, 2005, Т. 147, № 2. С. 168–180. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=9483153>; https://kpfu.ru/portal/docs/F1017145473/147_2_gum_11.pdf.

References

Dols, Mansell 2017 – *Dols N., Mansell R.* (2017) *Catalan. An Essential Grammar*. London; New York: Routledge, 244 p. DOI: <http://doi.org/10.4324/9781138921290>.

Javier Herrero Ruiz De Loizaga 2005 – *Javier Herrero Ruiz De Loizaga F.* (2005) *Sintaxis histórica de la oración compuesta en español*. Spain: Gredos, 557 p.

Karcevski 1967 – *Karcevski S.* (1967) Deux propositions dans une seul. *Cahiers Ferdinand de Saussure*. Genève: Librairie Droz, pp. 36–52.

Sandfeld 1965 – *Sandfeld Kr.* (1967) *Syntaxe du français contemporain. Les propositions subordonnées*. Genève: Librairie Droz, 487 p. Available at: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k1568h.image>.

Beloshapkova 1977 – *Beloshapkova V.A.* (1977) *Modern Russian language. Syntax*. Moscow: Vysshaya shkola, 255 p. Available at: <https://11klasov.net/10473-sovremennyj-russkij-jazyk-pod-redakciej-beloshapkovoj-va.html>. (In Russ.)

Russian language grammar 1960 – *Russian language grammar*. Vol. 2. Syntax. Part two. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 440 p. Available at: <https://sheba.spb.ru/shkola/grammatika-ru-1960.htm>. (In Russ.)

Gouliga 1971 – *Gouliga Ye.V.* (1971) *Complex sentence theory in modern German*. Moscow: Vysshaya shkola, 206 p. Available at: https://www.studmed.ru/gulyga-e-v-teoriya-slozhnypodchinennogo-predlozheniya-v-sovremennom-nemeckom-yazyke_f435c491793.html (In Russ.)

Gurochkina 1977 – *Gurochkina A.G.* (1977) About the structural features of poly-predicate sentences with heterogeneous subordination in the early phase of evolution of English. In: *Aktual'nye voprosy semantiki i sintaksisa*. Leningrad, pp. 32–35. Available at: <https://www.booksite.ru/fulltext/sintsem/text.pdf>. (In Russ.)

Kordi 2000 – *Kordi E.E.* (2000) Mode and tense of French verb on formally conditional constructions. In: *Problemy funkcional'noi grammatiki. Kategorii morfologii i sintaksisa v vyskazyvanii*. Saint Petersburg: Nauka, pp. 164–175. Available at: <https://istina.msu.ru/publications/book/10353337>. (In Russ.)

Yevstafiadi 2010 – *Yevstafiadi O.V.* (2010) Extended syntactical form as a means of expressing conditional constructions (on material of English). *Almanac of Modern Science and Education*, 2010, no. 9. P. 168–171. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17342428>; https://www.gramota.net/articles/issn_1993-5552_2010_9_55.pdf. (In Russ.)

Komarova 1981 – *Komarova V.V.* (1981) Formally semantic dichotomy of coordination and subordination. In: *Structurally semantic processes at sentence level*. Alma-Ata: Izdanie KazGU, pp. 95–102. Available at: <https://www.booksite.ru/fulltext/struktsem/text.pdf>. (In Russ.)

Peshkovskiy 2001 – *Peshkovskiy A.M.* (2001) *Russian syntax in scientific presentation*. Moscow: Yaz. slavyan. kul'tury, 510 p. Available at: <https://ksana-k.ru/?p=3031>. (In Russ.)

Tesnière 1988 – *Tesnière L.* (1988) *Structural syntax foundations*. Moscow: Progress, 366 p. Available at: <https://classes.ru/grammar/172.Tesniere/> (In Russ.)

Chernyshova 2006 – *Chernyshova A.Yu.* (2006) The development of subordinate constructions as the step to evolution of syntactic links. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki = Proceedings of Kazan University. Humanities Series*, vol. 147, no. 2, pp. 168–180. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=9483153>; https://kpfu.ru/portal/docs/F1017145473/147_2_gum_11.pdf. (In Russ.)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 811.161.1

Дата поступления: 12.05.2021
рецензирования: 17.07.2021
принятия: 26.08.2021

Динамика развития причастия как особой гибридной формы глагола

З.И. Годизова

Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова,
г. Владикавказ, Российская Федерация
E-mail: godizovazi@rambler.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3277-3708>

Д.С. Каркузаева

Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова,
г. Владикавказ, Российская Федерация
E-mail: ds.karkuzaeva@nosu.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7864-623X>

Аннотация: Причастие – это особая форма глагола, в которой глагольные грамматические признаки сопряжены с адъективными. Это проявляется как на уровне категориального значения, так и на уровне грамматических категорий и синтаксических функций. Причастие – это глагольная форма, находящаяся на периферии глагольной системы, поэтому глагольные грамматические категории часто проявляются в ущербном виде и могут трансформироваться в различных контекстах. Вследствие такой гибридности, синкретичности причастия подвержены изменениям в процессе исторического развития. Это обуславливает актуальность исследования, выявления причин столь динамичного развития системы причастий, определения современных тенденций в их функционировании. В процессе исследования использованы методы наблюдения, описания, функционально-семантического анализа, количественная методика, позволяющая оценить динамику функционирования причастий будущего времени в процессе исторического развития. В качестве источников языкового материала использованы произведения русских писателей, выделенные из Национального корпуса русского языка. На основании проведенного исследования установлено, что система причастий претерпела значительные преобразования на протяжении периода с древнерусского языка до современного русского языка. Это проявляется в значительных процессах грамматикализации, приведших к переустройству как всей глагольной системы, так и временной и залоговой парадигмы глагола. Выявлено, что в современном русском языке причастия остаются нестабильной глагольной формой, что проявляется в процессах трансформации глагольных грамматических категорий у причастий, часто приводящих к их переходу в систему прилагательных. Исследование языкового материала позволило установить широкий диапазон постепенных переходов от причастий к прилагательным. Анализируются причины активизации причастий будущего времени в современных публицистических и художественных текстах, исследуется динамика их функционирования с XIX века и по настоящее время, перспективы их дальнейшего существования. Выявляются возможности причастий в преодолении парадигматических ограничений в процессе функционирования в тексте.
Ключевые слова: причастие; деепричастие; глагол; грамматические категории; грамматикализация; адъективация; причастия будущего времени; синкретизм; парадигматические ограничения.

Цитирование. Годизова З.И., Каркузаева Д.С. Динамика развития причастия как особой гибридной формы глагола // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2021. Т. 27, № 3. С. 137–142. DOI: <http://doi.org/10.12287/2542-0445-2021-27-3-137-142>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Годизова З.И., Каркузаева Д.С., 2021

Зара Иосифовна Годизова – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова, 362025, Российская Федерация, г. Владикавказ, ул. Ватутина, 44–46.
Диана Спартаковна Каркузаева – аспирантка кафедры русского языка, Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова, 362025, Российская Федерация, г. Владикавказ, ул. Ватутина, 44–46.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 12.05.2021
Revised: 17.07.2021
Accepted: 26.08.2021

Dynamics of the development of the participle as a special hybrid form of the verb

Z.I. Godizova

North-Ossetian State University, Vladikavkaz, Russian Federation
E-mail: godizovazi@rambler.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3277-3708>

D.S. Karkuzaeva

North-Ossetian State University, Vladikavkaz, Russian Federation
E-mail: ds.karkuzaeva@nosu.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7864-623X>

Abstract: A participle is a special form of a verb in which verb grammatical features are conjugated with adjectival ones. This is manifested both at the level of categorical meaning, and at the level of grammatical categories and syntactic

functions. The participle is a verb form located on the periphery of the verb system, so verbal grammatical categories often manifest themselves in a flawed form. Due to this hybridity, syncretism, participles are subjected to changes in the process of historical development. This determines the relevance of the study, identifying the reasons for a dynamic development of the participle system, determining current trends in their functioning. In the course of the research methods of observation, description, functional and semantic analysis, quantitative methodology were used to assess the dynamics of functioning of future participles in the process of historical development. As sources of language material we used Russian writers' works selected from the National Corpus of the Russian Language. On the basis of the research, it was found out that the system of participles underwent significant transformations during the period from the Old Russian language to the modern one. This is manifested in significant grammaticalization processes that led to the restructuring of the verb system and the temporal and collateral verb paradigm. It is revealed that in the modern Russian language participles remain an unstable form, which is manifested in the processes of transformation of verbal grammatical categories in participles, leading to their transition to the system of adjectives. The study of the language material allowed us to establish a wide range of gradual transitions from participles to adjectives. We analyzed the reasons for the activation of future participles in modern publicistic and artistic texts, the dynamics of their functioning from the XIX century to the present, the possibilities of participles in overcoming paradigmatic limitations in the process of functioning in the text.

Key words: participle; adverbial participle; verb; grammatical categories; grammaticalization; adjectivation; future participles; syncretism; paradigmatic restrictions.

Citation. Godizova Z.I., Karkuzaeva D.S. Dynamics of the development of the participle as a special hybrid form of the verb. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya = Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2021, vol. 27, no. 3, pp. 137–142. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2021-27-3-137-142>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: authors declare no conflict of interest.

© Godizova Z.I., Karkuzaeva D.S., 2021

Zara I. Godizova – Doctor of Philological Sciences, professor, Department of Russian Language, North-Ossetian State University, 44–46, Vatutin Street, Vladikavkaz, 362025, Russian Federation.

Diana S. Karkuzaeva – postgraduate student of the Department of Russian Language, North-Ossetian State University, 44–46, Vatutin Street, Vladikavkaz, 362025, Russian Federation.

Введение

Причастие – это особая форма глагола, в которой глагольные грамматические признаки сопряжены с адъективными. Это проявляется на уровне категориального значения (обозначение процесса, осложненного семантикой адъективности), грамматических категорий (глагольные грамматические категории (вид, время, залог) совмещены с адъективными (род, число, падеж). Синтаксическая функция полных причастий (определение) сближает их с прилагательными. Краткие причастия, выступая в роли сказуемого, более предикативны.

Очевидно, в силу такой двойственности, неопределенности причастие – это часть речи, подверженная изменениям в процессе исторического развития. Представляется актуальным и интересным исследовать причины столь динамичного развития системы причастий, а также выявить современные тенденции в их функционировании.

Методы исследования

В процессе исследования были использованы методы наблюдения, описания, функционально-семантического анализа, количественная методика, позволяющая оценить динамику функционирования причастий будущего времени на широком временном срезе.

В качестве источников языкового материала послужили примеры из произведений русских писателей, выбранные методом сплошной выборки из Национального корпуса русского языка.

Ход исследования

Система причастий претерпела значительные изменения на протяжении периода с древнерусского

до современного русского языка. Например, из действительных причастий настоящего и прошедшего времени в именительном падеже единственного числа возникли деепричастия, при этом они стали неизменяемыми, а их грамматические категории подверглись значительной трансформации. У деепричастий вид и время совпадают, поэтому их парадигма несколько иная, чем у причастий: если причастия в прошедшем времени представлены как в совершенном, так и в несовершенном виде, то деепричастия прошедшего времени всегда имеют совершенный вид, а деепричастия настоящего времени – несовершенный. Из этого следует, что значения абсолютного времени для деепричастий неактуальны, для них существенны характеристики относительного времени, поскольку деепричастие – это всегда вторая глагольная форма, обозначающая действие, второстепенное по отношению к действию основного глагола-сказуемого.

Что касается причастий, то у них ситуация несколько иная. Причастия, как и деепричастия, всегда выражают относительное время. Действительно, причастия настоящего и прошедшего времени несовершенного вида, подобно деепричастиям несовершенного вида, выражают действия, одновременные с основными действиями, обозначаемыми глаголами прошедшего времени: «Сквозь *надвигающуюся* дремоту он *видел* крыльцо деревянного дома, Ксению Федоровну, *стоящую* на самой верхней ступеньке крыльца и *вытирающую* руки мятым вафельным полотенцем (Ю. Трифонов)» [Морфология современного русского языка 2013, с. 477].

Вместе с тем для причастий актуально и абсолютное время, хотя условия, благоприятствующие либо препятствующие тому или иному осмысле-

нию причастий, до конца не выяснены [Бондарко 2017]. Например, в примере: «Профессор Мезонье говорит: «Этот череп *принадлежит* человеку вымершей расы, *жившей*, ну, скажем, в конце вюрмского обледенения» (К. Домбровский) – причастие прошедшего времени несовершенного вида *живший* выражает именно предшествование, и притом предшествование по отношению к моменту речи. И наоборот, в следующем примере из газетной заметки причастие настоящего времени *находящийся* выражает одновременность не только по отношению ко времени главного действия *объявил*, но и по отношению к моменту речи (времени написания данной заметки): «*Находящийся* в Ирландии на съемках нового фильма “Разделенные Богом” семидесятилетний артист *объявил*, что нашел на берегах “зеленого острова” то, к чему стремился всю свою жизнь – “мир и покой”... В предложении аналогичного состава: *Находясь* в Ирландии, *объявил*... деепричастие выражало бы только относительное время (‘во время пребывания в Ирландии’) и не давало бы никаких оснований считать, что артист все еще находится в Ирландии» [Морфология современного русского языка 2013, с. 477–478].

Грамматическая категория залога в деепричастиях тоже имеет некоторое своеобразие. Большинство исследователей придерживаются мнения, что у деепричастий залог только действительный, в то время как у причастий имеется и действительный, и страдательный залого. Следует учитывать мнение тех ученых, например Л.Л. Буланина, которые признают у деепричастий и страдательный залог, образованный посредством слова *будучи* и краткого страдательного причастия прошедшего времени, типа «*Будучи доставляемы* почтальоном, письма приносят радость людям» [Буланин 1986, с. 4].

Другие причастия подверглись в процессе исторического развития грамматикализации: причастия с суффиксом -ль, являвшиеся компонентом составных форм старославянского и древнерусского глагола (перфекта, плюсквамперфекта, сослагательного наклонения), стали употребляться в качестве прошедшего времени глагола, в то время как разветвленная система прошедших времен, наличествующая в старославянском и древнерусском языках, разрушилась. Именно поэтому у глагола в прошедшем времени имеется грамматическая категория рода и нет формальных показателей категории лица.

Следует сказать, что в настоящее время исследование процессов грамматикализации и лексикализации чрезвычайно актуально (например, [Майсак 2005; Плунгян 2011; Годизова, Ван 2021]).

Причастными формами, подвергшимися грамматикализации, следует считать и страдательные причастия СВ, параллельные личным формам страдательного залога НСВ (Дверь *закрыта* сторожем – Дверь *закрывается* сторожем, Дом *построен* рабочими – Дом *строится* рабочими).

Фактически залоговая оппозиция строится из личной формы в несовершенном виде и причастной в совершенном виде.

Рассмотрим пристальнее тенденции развития системы причастий в современном русском языке, в особенности в последние два десятилетия.

Причастие – это глагольная форма, находящаяся на периферии глагольной системы, поэтому глагольные грамматические категории часто проявляются в ущербном виде и могут трансформироваться в различных контекстах. Гибридный характер причастий способствует тому, что все большие масштабы приобретает процесс адъективации, который тоже определяется неоднозначно и которому разные разряды причастий подвержены в разной степени. Само явление адъективации часто привлекало внимание исследователей, однако представляется интересным исследовать актуальные процессы в области адъективации причастий. Традиционно адъективацией по отношению к причастиям называют утрату или трансформацию в них глагольных грамматических категорий [Буланин 1983; 1986]. В соответствии с широким пониманием глагола, предполагающим включение причастий в его систему, адъективация понимается нами прежде всего как «утрата причастиями глагольных грамматических категорий, то есть процесс, не затрагивающий или затрагивающий в минимальной степени изменение их лексического значения» [Буланин 1986, с. 37].

Причастия прошедшего времени совершенного вида (особенно страдательного залога) часто обозначают состояние как следствие предшествующего действия (*запечатанный пакет, открытое окно*), а действительные и страдательные причастия настоящего времени – способность выполнять действие или подвергаться ему (*нержавеющая сталь, печатающее устройство, вьющиеся растения*).

Трансформация глагольных грамматических категорий в причастиях происходит в разной степени по мере утраты в них самой семантики действия. Например, в данных ниже примерах семантика действия отсутствует, соответственно, неактуальны значения совершенного вида, страдательного залога, прошедшего времени, поэтому такие слова можно считать безусловными прилагательными:

«Но странное чувство удовольствия играет на его бледном, как будто несколько *измятом* лице» (Достоевский. Белые ночи (1848) // <http://www.ruscorpora.ru>).

«Свеж был только ее рот, розовый и полный, *очерченный* прелестно *изогнутыми* линиями» (Куприн. Леночка (1910) // <http://www.ruscorpora.ru>).

«В холодное осеннее ненастье, на одной из больших тульских дорог, залитой дождями и *изрезанной* многими черными колеями, к длинной избе... подкатил закиданный грязью тарантас с полуподнятым верхом, тройка довольно простых лошадей с *подвязанными* от слякоти хвоста-

ми» (Бунин. Темные аллеи (1938) // <http://www.ruscorpora.ru>).

В последнем примере форма *изрезанной* не означает никакого действия, семантика его скорее ближе к несовершенному виду, а не к совершенному (черные колеи изрезали его. – Г. З., К. Д.). Такое слово скорее можно считать причастием, подвергшимся адъективации. А в причастии *подвязанными* семантика действия сохраняется, однако не менее актуально и значение состояния, явившегося результатом этого действия. Подобная двойственная видовременная семантика – действие совершается в прошлом, а его результат (состояние) присутствует в настоящем, свидетельствует о некоторой трансформации грамматических признаков причастия, что не говорит, однако, о его переходе в систему прилагательных.

Таким образом, процесс адъективации в современном русском языке очень активен, существует широкий диапазон постепенных переходов от безусловных причастий к адъективированным причастиям, перешедшим в разряд прилагательных, и каждый конкретный случай должен рассматриваться индивидуально в контексте.

Причастия не имеют форм лица и наклонения, а также будущего времени. Хотя в последнее время все чаще говорят о причастиях будущего времени, прогнозируя, что со временем они станут нормативными, заполнив пустующую нишу в стройной трехчленной временной парадигме [Гловинская 2008; Эпштейн 2007; Войводич 2016]. О возникновении такого явления писал еще В.В. Виноградов применительно к книжным стилям (официально-деловому и научному), он объяснял это тенденцией сохранения прямолинейного логического параллелизма между употреблением причастий и личных форм при выражении значения будущего времени и сослагательного наклонения [Виноградов 1972, с. 224–225]. В «Русской грамматике» также констатируется данная тенденция применительно к действительным причастиям типа *смогущий, сумеющий, сделавший*, обозначающим действие в будущем, однако отмечается, что подобные причастия были характерны преимущественно для произведений XIX в. [Русская грамматика 1980, I, с. 667]. В настоящее время причастия будущего времени рассматриваются как отступление от литературной нормы, хотя сама возможность их появления свидетельствует о тенденции к установлению большей симметрии между причастиями и личными формами.

Учитывая, что причастия столь подвержены изменениям в процессе их исторического развития и функционирования, возможно, что прогнозы ученых относительно жизнеспособности причастий будущего времени оправдаются. Так, М.Я. Гловинская отмечает, что в XX–XXI веках причастия будущего времени действительного залога становятся очень употребительными, они часто используются в языке mass-media, а в Интернете их количество особенно велико ввиду отсут-

ствия там редакционного контроля [Гловинская 2008, с. 211]. Д.П. Войводич приводит примеры функционирования причастий будущего времени в различных функциональных стилях и делает вывод о регулярности их употребления, причем не только для ранних периодов развития литературно-письменного языка, но и в современном русском языке [Войводич 2016, с. 178].

В Национальном корпусе русского языка (в различных его подкорпусах) нам встретились, например, такие причастия будущего времени, как *придуций, увидящий, прошумящий, найдущий, поймущий, пожелавший, принесущий*. Наиболее употребительным из них является причастие *пожелавший*, зафиксированное 13 раз, другие причастия встречаются реже (*придуций* – 5 раз, *принесущий* – 2 раза, *прошумящий* – 2 раза, *найдущий* – 2 раза, *увидящий* – 2 раза, *найдущий* – 1 раз).

Если проследить динамику их употребительности с XVII по XXI вв. на основании количественных подсчетов данных Национального корпуса русского языка, то можно утверждать, что наибольшее количество случаев их функционирования зафиксировано в конце XIX – нач. XX в., преимущественно в художественной литературе, реже – в произведениях научного стиля и в языке СМИ. По данным Корпуса, в XXI веке не наблюдается их активизации, они встречаются преимущественно в поэтической речи, реже – в СМИ.

Приведем примеры их функционирования в произведениях разных эпох:

«...На *придущее* лѣто (1103) вложи Богъ мысль добру въ русскіе князи, умыслиша дерзнути на половци, и пойти въ землю ихъ, еже и бысть, яко же скажемъ въ пришедшее лѣто» (П.В. Отвѣтъ на новый вопросъ о Несторѣ, лѣтописцѣ русскомъ // «Современникъ», 1850) // <http://www.ruscorpora.ru>).

«Я стою у подъезда *придущих* веков,
 Седока жду отчаяньем нищего,
 И трубою свой хвост задираю легко,
 Чтоб покорно слетались на пищу вы!»
 (В.Г. Шершеневич. «Закат запыхался. Загнанная лиса...» | Принцип басни (1919–1919) // <http://www.ruscorpora.ru>).

«Сообщаем гражданам, *пожелавшим* выслушать нас, а прежде всего нашим избирателям, что Комиссия и впредь намерена существовать» (Сергей Залыгин. Комиссия (1976) // <http://www.ruscorpora.ru>).

«В кровавых оргáзмах её красотá,
 Де Садóвских стрáхов творёнье,
 Остáлась навёчно в безумных глазах
 В адú не найдущих спасёнья...» (patrik2. Прогулку ночью совершая (2010) // <http://www.ruscorpora.ru>).

«Я пёрвый прозрёл сокровённую правду про смёртных,

Сего́дня слепых, и в своёй слепотé неразумных,
 Но зáвтра найдущих к бессмёртью тропу потайную...» (prometei. Трилогия «Ступени непреодоленного» (2004) // <http://www.ruscorpora.ru>).

Количество зафиксированных в Национальном корпусе лексем тоже весьма ограничено, напри-

мер, не встречаются такие причастия, как *вздумающий, забывающий, исполняющий, купающий, напечатывающий, пишущий, объявляющий, опоздающий, опубликовывающий, открывающий, поднимающий, позовающий, поймающий, покрывающий, любящий, пытающийся, предвещающий, преодолевающий, несущий, читающий, свергнувший, делающий, спасающий, умеющий, узнающий, успевающий* и др.

Отметим, что вопрос об активизации причастий будущего времени в XXI веке требует дополнительного изучения с привлечением не только данных Национального корпуса, но и других ресурсов. Так, например, М.Н. Эпштейн утверждает, что «поисковая система “Гугл” находит 1200 случаев употребления причастия *умеющий*, 1100 – *делающий*, 728 – *пожелающий*, 224 – *увидящий*, причем эта статистика относится только к форме мужского рода единственного числа именительного падежа» [Эпштейн 2007, с. 259].

Причастия, не имея всех глагольных категорий, способны преодолевать парадигматические ограничения в процессе функционирования, например, они могут выражать модальную семантику при отсутствии у них категории наклонения.

Например, «*Ждали смелых конструктивных решений, пресекающих (= которые пресекали бы, будут пресекать) рост инфляции; Сегодня уже очевидно, что между бизнесом и обществом нужен надежный посредник, определяющий (= который определял бы, будет определять) правила игры и контролирующий (= который контролировал бы, будет контролировать) их соблюдение*» [Шелякин 1989, с. 227; Козинцева 2002, с. 103].

Подобная способность имеется не только у причастий, но и у других глагольных форм, например у инфинитива, который может выражать широкий диапазон модальных значений (возможности, способности, необходимости, целесообразности и др.).

Материалы исследования

Ruscorpora.ru – Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 14.07.2021, 15.07.2021, 19.07.2021, 23.07.2021).

Библиографический список

- Бондарко 2017 – *Бондарко А.В.* Глагольные категории в системе функциональной грамматики. Москва: Языки славянской культуры, 2017. 343 с. URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=498372>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=34849136>.
- Буланин 1983 – *Буланин Л.Л.* Структура русского глагола как части речи и его грамматические категории // Спорные вопросы русского языкознания: теория и практика. Ленинград: Изд-во Ленинградского университета, 1983. С. 94–115.
- Буланин 1986 – *Буланин Л.Л.* Категория залога в современном русском языке. Ленинград: Изд-во Ленинградского гос. ун-та, 1986. 88 с.
- Виноградов 1972 – *Виноградов В.В.* Русский язык (грамматическое учение о слове). 2-е изд. Москва: Высшая школа, 1972. 601 с. URL: <https://ksana-k.ru/?p=566>.
- Гловинская 2008 – *Гловинская М.Я.* Активные процессы в грамматике // Современный русский язык: активные процессы на рубеже XX–XXI веков. Москва: Языки славянских культур, 2008. С. 187–267. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20403767>.

Заключение

Таким образом, причастия представляют собой уникальную глагольную форму в системе других форм глагола, да и во всей системе частей речи. Вследствие гибридной, переходной природы причастия находятся в процессе активного развития. Это развитие происходит по разным направлениям.

Во-первых, причастия продолжают активно переходить в разряд прилагательных, процесс адъективации причастий, предполагающий преобразование их глагольных грамматических категорий, несколько не теряет своей актуальности. Исследование языкового материала позволило установить широкий диапазон постепенных переходов от причастий к прилагательным.

Во-вторых, в системе причастий происходят активные процессы грамматикализации, имеющие следствием такие значительные явления, как закрепление в качестве формы прошедшего времени глагола бывшего причастия, преобразование некоторых причастий в деепричастия, что повлекло за собой значительное изменение их грамматических глагольных категорий; функционирование краткого страдательного причастия СВ в качестве параллельной залоговой формы к личной форме страдательного залога НСВ (*Дом строится рабочими – Дом построен рабочими*).

В-третьих, продолжается трансформации грамматических категорий причастий, в частности, наблюдается тенденция к расширению употребления причастий будущего времени. Учитывая предыдущую историю развития системы причастий, мы не исключаем, что подобные причастия под влиянием системы языка могут стать регулярными и нормативными в недалеком будущем.

Наконец, причастия, не имея всех грамматических категорий глагола, способны преодолевать парадигматические ограничения в процессе функционирования, в частности, выражать модальные значения (возможности, способности осуществления действия).

Годизова, Галазов 2021 – *Годизова З.И., Галазов Э.Ю.* Системно-функциональные взаимосвязи грамматических категорий числа и рода с другими глагольными грамматическими категориями // Вестник НГУ. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2020. Т. 18, № 3. С. 35–46. DOI: <http://doi.org/10.25205/1818-7935-2020-18-3-35-46>.

Войводич 2016 – *Войводич Д.П.* К проблеме грамматического статуса причастных форм/конструкций в славянских языках // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 2. Языкознание, 2016. Т. 15, № 2. С. 174–187. DOI: <http://doi.org/10.15688/jvolsu2.2016.2.21>.

Козинцева 2002 – *Козинцева Н.А.* Конструкции с причастными оборотами как средство выражения таксиса // Основные вопросы русской аспектологии. Санкт-Петербург: Наука, 2002. С. 99–113.

Майсак 2005 – *Майсак Т.А.* Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. Москва: Языки славянских культур, 2005. 480 с. URL: <http://www.lingvarium.org/maisak/typpgramm.htm>.

Морфология... 2013 – *Морфология современного русского языка.* Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ, 2013. 639 с. URL: <http://test.rusgram.ru/sites/default/files/liter/person/morphology.pdf>.

Плунгян 2011 – *Плунгян В.А.* Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. Москва: Российский государственный гуманитарный университет, 2011. 672 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=18852986>.

Русская грамматика... 2005 – *Русская грамматика:* в 2 т. Т. I. Москва: Институт русского языка им. В.В. Виноградова, 2005. 783 с. URL: <http://ussrbooks.ru/russkaja-grammatika-v-2h-tomah-n-ju-shvedova-1980>.

Шелякин 1989 – *Шелякин М.А.* Глагол // Лопатин В.В., Милославский И.Г., Шелякин М.А. Современный русский язык: теоретический курс: словообразование, морфология. Москва: Русский язык, 1989. 261 с.

Эпштейн 2007 – *Эпштейн М.Н.* Есть ли будущее у причастий будущего времени? // Лингвистика и поэтика в начале третьего тысячелетия: материалы Международной научной конференции. Москва: Ин-т русского языка РАН, 2007. С. 259–266. URL: http://www.emory.edu/INTELNET/prich_bud.htm.

References

Bondarko 2017 – *Bondarko A.V.* (2017) Verbal categories in the system of functional grammar. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 343 p. Available at: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=498372>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=34849136>. (In Russian).

Bulanin 1983 – *Bulanin L.L.* (1983) Structure of the Russian verb as a part of speech and its grammatical categories. In: *Disputable issues of the Russian linguistics: theory and practice*. Saint Petersburg: Izd-vo Leningradskogo universiteta, pp. 94–115. (In Russian).

Bulanin 1986 – *Bulanin L.L.* (1986) Voice category in modern Russian. Saint Petersburg: Izd-vo Leningradskogo universiteta, 88 p. (In Russian).

Vinogradov 1972 – *Vinogradov V.V.* (1972) Russian language (grammatical doctrine of the word). 2nd edition. Moscow: Vysshaya shkola, 601 p. Available at: <https://ksana-k.ru/?p=566>. (In Russian).

Glovinskaya 2008 – *Glovinskaya M.Ya.* (2008) Active processes in grammar. In: *Modern Russian language: active processes at the turn of the XX–XXI centuries*. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, pp. 187–267. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20403767>. (In Russian).

Godizova, Galazov 2020 – *Godizova Z.I., Galazov E.Yu.* (2020) Systemic-Functional Relations of Grammatical Categories of Number and Gender with Other Verbal Grammatical Categories. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, vol. 18, no. 3, pp. 35–46. DOI: <http://doi.org/10.25205/1818-7935-2020-18-3-35-46>. (In Russian).

Vojvodich 2016 – *Vojvodich D.P.* (2016) On grammatical status of participle verb forms / constructions in Slavic languages. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, vol. 15, no. 2, pp. 174–187. DOI: <http://doi.org/10.15688/jvolsu2.2016.2.21>. (In Russian).

Kozinceva 2002 – *Kozinceva N.A.* (2002) Participial constructions as means of expressing taxis. In: *Main issues of Russian aspectology*. Saint Petersburg: Nauka, pp. 99–113. (In Russian).

Majsak 2005 – *Majsak T.A.* (2005) Grammaticalization of constructions with verbs of motion and verbs of position. A typological studies. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 480 p. Available at: <http://www.lingvarium.org/maisak/typpgramm.htm>. (In Russian).

Morphology... 2013 – *Morphology of the modern Russian language.* Saint-Petersburg: Izd-vo SPbGU, 639 p. Available at: <http://test.rusgram.ru/sites/default/files/liter/person/morphology.pdf>. (In Russian).

Plungyan 2011 – *Plungyan V.A.* (2011) Introduction to grammatical semantics: grammatical meanings and grammatical systems of world languages. Moscow: Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet, 672 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=18852986>; https://vk.com/wall-156596674_1110. (In Russian).

Russian grammar... 2005 – *Russian grammar:* in 2 vols. Vol. I. Moscow: Institut russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova, 783 p. Available at: <http://ussrbooks.ru/russkaja-grammatika-v-2h-tomah-n-ju-shvedova-1980>. (In Russian)

Shelyakin 1989 – *Shelyakin M.A.* (1989) Verb. In: *Lopatin V.V., Miloslavsky I.G., Shelyakin M.A. Modern Russian language: theoretical course: word formation, morphology*. Moscow: Russkii yazyk, 261 p. (In Russian).

Epshtein 2007 – *Epshtein M.N.* (2007) Do the future participles have future?. In: *Linguistics and poetics at the beginning of the third millennium: proceedings of the International scientific conference*. Moscow: In-t russkogo yazyka RAN, 2007, pp. 259–266. Available at: http://www.emory.edu/INTELNET/prich_bud.htm. (In Russian).

РЕЦЕНЗИИ REVIEWS

DOI: 10.18287/2542-0445-2021-27-3-143-151

РЕЦЕНЗИЯ

УДК 93/94

Дата поступления: 11.05.2021
рецензирования: 19.06.2021
принятия: 26.08.2021

**«Если винтик упадет, то другой прикрутят»
(Рецензия на книгу: Память из пламени Афганистана:
Интервью с воинами-интернационалистами афганской войны
1979–1989 годов. Книга 4. Кыргызстан / под ред. Эльмиры Ногойбаевой
и Элери Битикчи; использована методология Марлен Ларюэль,
Ботагоз Ракишевой, Гульден Ашкеновой. Бишкек, 2021. 252 с.)**

В.С. Христофоров

Институт российской истории РАН, г. Москва, Российская Федерация;
Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Российская Федерация
E-mail: xvсарhiv@rambler.ru. Scopus ID: 38261747300. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3964-1967>

Аннотация: Рецензируется книга «Память из пламени Афганистана: Интервью с воинами-интернационалистами афганской войны 1979–1989 годов. Книга 4. Кыргызстан» как часть международного научного проекта по изучению исторической памяти советских воинов, прошедших афганскую кампанию. Представляющая на суд историка и читателя комплекс из 21-го глубинного интервью с участниками событий, книга анализируется с точки зрения ее научно-познавательного и общественно-политического потенциала в контексте сохранения исторической памяти.

Ключевые слова: Афганистан; афганская война; советские войска; Центральная Азия; Кыргызстан; боевые действия.

Цитирование. Христофоров В.С. «Если винтик упадет, то другой прикрутят» (Рецензия на книгу: Память из пламени Афганистана: Интервью с воинами-интернационалистами афганской войны 1979–1989 годов. Книга 4. Кыргызстан / под ред. Эльмиры Ногойбаевой и Элери Битикчи; использована методология Марлен Ларюэль, Ботагоз Ракишевой, Гульден Ашкеновой. Бишкек, 2021. 252 с.) // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2021. Т. 27, № 3. С. 143–151. DOI: <http://doi.org/10.12287/2542-0445-2021-27-3-143-151>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Христофоров В.С., 2021

Василий Степанович Христофоров – доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник Института российской истории РАН, 117292, Российская Федерация, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19; заведующий кафедрой международной безопасности, Российский государственный гуманитарный университет, 125047, Российская Федерация, ГСП-3, г. Москва, Миусская площадь, 6.

REVIEW

Submitted: 11.05.2021
Revised: 19.06.2021
Accepted: 26.08.2021

«If a screw falls, then another will be screwed» (Review of the book: Memory from the flame of Afghanistan: Interviews with the internationalist soldiers of the Afghan war of 1979–1989. Book 4. Kyrgyzstan. Edited by Elmira Nogoibayeva and Eleri Bitikchi. The methodology of Marlene Laruel, Botagoz Rakisheva, Gulden Ashkenova was used. Bishkek, 2021, 252 p.)

V.S. Khristoforov

Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation;
Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation
E-mail: xvсарhiv@rambler.ru. Scopus ID: 38261747300. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3964-1967>

Abstract: The book «Memory from the flame of Afghanistan: Interviews with the internationalist soldiers of the Afghan war of 1979–1989. Book 4. Kyrgyzstan» is being reviewed as part of an international scientific project to study the historical memory of Soviet soldiers – participants of the Afghan campaign. Presenting to the historian and the reader a complex of 21 in-depth interviews with participants, the book is analyzed from the point of view of its scientific and socio-political potential in the context of preserving historical memory about this war.

Key words: Afghanistan; Afghan war; Soviet troops; Central Asia; Kyrgyzstan; military operations.

Citation. Khristoforov V.S. «If a screw falls, then another will be screwed» (Review of the book: Memory from the flame of Afghanistan: Interviews with the internationalist soldiers of the Afghan war of 1979–1989. Book 4. Kyrgyzstan. Edited by Elmira Nogoibayeva and Eleri Bitikchi. The methodology of Marlene Laruel, Botagoz Rakisheva, Gulden Ashkenova was used. Bishkek, 2021, 252 p.). *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya* = *Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2021, vol. 27, no. 3, pp. 143–151. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2021-27-3-143-151>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: author declares no conflict of interest.

© Khristoforov V.S., 2021

Vasily S. Khristoforov – Doctor of Historical Sciences, professor, Chief Researcher of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, 19, Dm. Ulyanov Street, Moscow, 117292, Russian Federation; head of the Department of International Security, Russian State University for the Humanities, 6, Miusskaya Square, Moscow, GSP-3, 125993, Russian Federation; corresponding member of the Russian Academy of Sciences.

Введение

Многострадальная история Афганистана XX века и сюжеты военного присутствия СССР на афганской земле и на протяжении нескольких десятилетий неизменно остаются в центре внимания исследователей. Вместе с тем полемика о целесообразности и последствиях десятилетнего советского пребывания на афганской земле нередко выплескивается за пределы академических кафедр: достаточно вспомнить разгоревшийся весной 2019 года общественный спор вокруг выхода на экраны фильма Павла Лунгина «Братство», посвященного выводу советских войск из Афганистана.

«Горе по прошлому часто связано с предостережением о будущем», – пишет авторитетный историк и культуролог Александр Эткинд, рассуждая о культурных механизмах памяти и скорби [Эткинд 2018, с. 14]. Драматичную страницу истории СССР и советского общества, связанную с пребыванием советских войск в Афганистане в 1979–1989 гг., стоит отнести к тем мрачным «провалам» в исторической памяти российского общества, количество которых, к сожалению, со временем не уменьшается. Тем острее воспринимаются работы, которые помогают исследовать новые грани общего горя этой войны, горя, пережитого народами бывшего Советского Союза, которое может стать важным прологом для будущего.

Как и некоторые иные драматические сюжеты российской истории XX века, российские ученые и общество все еще не «проработали» войну, не нашли для нее слов и образов, которые помогли бы смириться с этой драматической страницей советской истории, поместить ее в общеисторический контекст развития государства и общества. Об этом, к примеру, свидетельствует существующая по сей день неоднозначность названия и самоназвания военнослужащих, прошедших афганскую войну. Словосочетание «воин-интернационалист» было расхожим в советский период, когда активно работал пропагандистский механизм, однако в современных условиях невозможно вразумитель-

но объяснить, что представляло собой выполнение «интернационального долга в Афганистане». В заголовке данной рецензии приведена рефлексия собственного «я», высказанная в интервью так называемым воином-интернационалистом – она красноречива и, на наш взгляд, не требует комментариев.

Пропагандистское определение нечасто употребляется самими участниками событий, однако авторы книги используют этот термин, вероятно, с тем, чтобы не задеть чувства опрашиваемых, тем самым, по сути, воспроизводя советский нарратив. Таким образом, авторский коллектив, опираясь на новую исследовательскую методологию, в какой-то мере является заложником общей историографической и общественно-политической проблемы «непроговоренности» и слабого осмысления феномена этой войны. С этой точки зрения следует признать удачным решение исследовательского коллектива опубликовать исходные материалы-интервью «в первоизданном виде»: запись воспоминаний не подвергалась редактуре, чтобы достоверно передать манеру речи и характер рассказа очевидцев.

Академические и обывательские размышления на эту тему сдерживаются и объективными трудностями: доступ к официальным источникам крайне ограничен. Архивные документы, связанные с боевыми действиями советских войск в Афганистане, пока еще находятся на секретном хранении.

При изучении истории войн, в том числе и войны в Афганистане, исследователи чаще всего описывают, как принимались решения политическим руководством, как действовало военное командование, ход боевых действий. С этой точки зрения события 1979–1989 гг. хорошо изучены военными историками [Меримский 2006; Нешумов 2011; Христофоров 2016; Христофоров 2019, с. 3–21; Христофоров, Гусева 2020, с. 382–388]. Гораздо меньше информации о том, как жили солдаты и офицеры во время войны, как был устроен их быт,

какие чувства они испытывали во время боевых действий и после их окончания, как они выходили из стрессовых ситуаций.

При этом далеко не все участники афганской войны по разным причинам готовы написать воспоминания об этих трагических событиях. Подобные публикации появляются, но не играют заметной роли [Богданов 2004; Грешнов 2006; Добровольский 2015; Соболев 2014]. Нечасто, но все-таки выходят в свет сборники, составленные по земляческому принципу (Воронежская область [Афган... 2016], Республика Башкортостан [Взгляд сквозь годы... 2014], г. Санкт-Петербург [Чекисты Ленинграда... 2009]), а также дневниковые записи [Дневниковые записи... 2016; Пластун 2016]. К сожалению, в силу болезней и ранений, полученных в Афганистане, многие из воевавших ушли в мир иной.

В связи с этим качественные социологические исследования с целью получения информации для сохранения исторической памяти у непосредственных участников войны представляют несомненный интерес и актуальность. Действительно, взять интервью у человека, который сражался на войне, довольно непростая задача, которую попытались решить исследователи из Кыргызстана. Результатом серьезной работы стал выход четвертой книги из серии «Память из пламени Афганистана: Интервью с воинами-интернационалистами афганской войны 1979–1989 годов», ставшей продолжением проекта «Афганская война 1979–1989 гг. глазами очевидцев», выполненного в методологическом ключе Oral history.

Основная часть

Данный проект реализуется международной группой исследователей из США, Казахстана, Таджикистана и Узбекистана. Методология исследования разработана руководителями проекта Марлен Ларюэль, PhD (США – Франция) и Ботагоз Ракишевой, кандидатом социологических наук (Казахстан). В 2016 году в Астане (Республика Казахстан) были опубликованы первые три книги, представляющие собой уникальную информацию – воспоминания непосредственных участников боевых действий в Афганистане в 1979–1989 гг. Уже несколько лет проект ведется на территории стран Центральной Азии: его результатом стали интервью, полученные методом «устной истории»: в Казахстане опрошен 21 участник войны, в Узбекистане было взято 20 интервью, в Таджикистане – 31.

Рецензируемая, четвертая, книга включает 21 интервью воинов-«афганцев». В числе интервьюируемых: солдаты и сержанты срочной службы, прапорщики, офицеры: мотострелки, разведчики, военнослужащие подразделений специального назначения и воздушно-десантных войск, военные летчики, артиллеристы, командиры взводов инженерно-саперного и дорожно-комендантского,

военный врач, связист, секретарь комсомольской организации мотострелкового батальона, военно-служащий пограничных войск. Следует отметить, что из числа участников боевых действий в Афганистане двое стали генералами киргизских вооруженных сил, один – кандидатом военных наук.

В рецензируемой книге содержатся достаточно подробные описания условий воинской службы, проживания и питания, адаптации к климатическим условиям и нахождения в зоне боевых действий. Наиболее драматические и эмоционально окрашенные страницы посвящены непосредственному участию в боевых действиях, реальной угрозе погибнуть, обстоятельствам получения ранений, а также тем наиболее важным моментам, которые сохранились в памяти. Остановимся подробнее на том, что имеет большее значение для объективного понимания исторической ситуации.

Так, в ответах на вопросы, связанные с вводом советских войск в Афганистан, обращает на себя внимание то, что военнослужащие ничего не знали о подготовке к этому событию, поэтому восприняли все это как проведение учений, боевое слаживание в составе рот и батальонов и полковые учения с боевой стрельбой. Осознание пришло лишь 25 декабря 1979 года, когда части и соединения были направлены в сторону Амударьи по направлению к Афганистану. Далее последовало форсирование реки Амударьи и марш по маршруту Хайратон – Мазари Шариф – Пули Хумри – Саланг – Баграм – Кабул. Только в Кабуле офицерам были поставлены некоторые задачи по охране объектов (с. 234–235). Перед вводом в Афганистан отрядов специального назначения военнослужащие были экипированы как военнослужащие мотострелкового батальона, а все знаки отличия спецназа были сняты (с. 103–105, 127).

В книге приводится много сведений об адаптации военнослужащих к новым служебным и климатическим условиям. Большинство опрошенных говорят о массовых случаях заболеваний (дизентерия, малярия, брюшной тиф), о переполнении больными госпиталей в Кабуле, Ташкенте, Душанбе. Военнослужащих начали учить не пить воду из арыков, чаще мыть руки, соблюдать правила гигиены. Ощущался дефицит питьевой воды. Уроженцы стран Центральной Азии вполне ожидаемо были более адаптированы и к природе, и к погоде, и к воде (с. 61–63).

Широко бытовало мнение о том, что в боевых частях наиболее широко были представлены выходцы из республик Средней Азии, в том числе и Кыргызстана, о том, что был специальный отбор среди военных по национальному и языковому признакам.

«Были разговоры, что в Афганистан только азиатов направляют, но я так не думаю. Все шло общим скопом, в других ротах было очень много с европейской части СССР». У нас солдаты в ос-

новном с России были, они в горах не могут ориентироваться, потому что у них мозги по-другому устроены. Были разные национальности, и религиозность не учитывалась. В подразделениях были обязательно таджики-переводчики из числа солдат срочной службы... Специально по нациям не отправляли. Тогда же был Союз, никто не делался» (с. 63, 85).

Лишь в некоторых ответах отмечено, что сюда преимущественно направлялись военнослужащие из республик Средней Азии:

«У нас многодетные семьи и менталитет “Аллах дал, Аллах взял”, а в России многодетных семей нет, один или два. И если у них мальчика убили, то начинаются вопросы. Поэтому в основном брали со Средней Азии. Когда мы туда входили, там все дивизии были с запаса призваны в основном со Средней Азии, поэтому из 15 тысяч, которые погибли, более половины погибло азиатов...»¹

Действительно, в начале декабря 1979 г. в Афганистан был направлен «Мусульманский батальон» – отряд специального назначения ГРУ Генштаба ВС СССР (командир – майор Хабибджан Холбаев), в составе которого почти все военнослужащие были выходцами из республик Средней Азии и Казахстана [Спецназ ГРУ... 2009, с. 8]. Масштабное использование выходцев из Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана в составе 40-й армии было характерным только в начальный период (декабрь 1979 г. – июнь 1980 г.) [Христофоров 2016, с. 84–85]. Впоследствии военнослужащие, призванные из запаса, постепенно были заменены на военнослужащих срочной службы из внутренних военных округов СССР, так как по закону резервисты могли призываться на военные сборы только на три месяца.

Дискуссия об уровне подготовки к службе советских войск в Афганистане занимает одно из центральных мест в рассуждениях военных историков. Кто занимался боевой подготовкой призывников (сержанты, офицеры, военнослужащие, имеющие опыт боевых действий)? Соответствовал ли уровень полученной военной подготовки реальным условиям службы в Афганистане? Какие основные недостатки и просчеты в подготовке? Ответы на эти вопросы содержатся практически во всех интервью. Характерно, что диапазон ответов колеблется от «никакой подготовки» до «хорошей подготовки». Это зависело от того, кто отвечал на вопрос – офицер, прошедший обучение в высшем военном училище, военнослужащий

подразделения специального назначения или солдат срочной службы:

«Никакой особой подготовки к Афганистану не было. Планирование, наверное, чуть-чуть было, потому что нас из Казахстана направили в Таджикистан, чтобы укомплектовать нами военные части. Я считаю, это для ввода в Афганистан почти не было подготовки, просто укомплектовали в течение 10–15 дней и отправили. Планировали спонтанно, а потом решились – и давай вперед. Регулярных частей почти не было. Ну что такое партизан отправить, вот этих гражданских?.. Времени для боевого слаживания и боевой подготовки не было» (с. 58–59).

«Подготовка была, но реальная война – это совсем другое. С противником не было контакта явного, партизанская война. Они стреляют внезапно, ты отвечаешь. В общем, не как в учебке, там же боевая обстановка... Специальная подготовка типа горно-стрелковой подготовки – это было чисто факультативно. Попали солдаты, которые никакую подготовку к Афганистану не проходили. Хорошо умели бегать, хорошо стрелять» (с. 40).

«Нас учили в основном на опыте Великой Отечественной войны. Мы, молодые солдаты, никогда не воевали. Воевали, как могли. Были обеспечены всем необходимым для введения боевых действий» (с. 210).

Интервьюируемые из числа представителей подразделений специального назначения утверждали, что:

«Ни десантники, ни пехота, ни мотострелки не знали, как воевать с душманами, с их засадными действиями. Все строилось на поле, крупномасштабное, батальоны, а тут все исподтишка. В подразделениях специального назначения ГРУ подготовка велась к партизанским действиям. В процессе подготовки, на курсе молодого бойца уже проходил отбор» (с. 128).

Наиболее эмоционально сложные для восприятия читателя – страницы книги, где описывается участие в боевых действиях, полученных ранениях, потерях среди советских военнослужащих.

«Стало так тихо. Мне пришли мысли, и до сих пор про это думаю. Если в этом мире так тихо, почему люди стреляют друг в друга, почему воюют друг с другом? Если посадить пшеницу – она же вырастет. Хлеба, что ли, не хватает? Посади пшеницу. Если сделать из нее муку или талкан, и жить, кушать ее, зачем мне здесь умирать? Все мысли ушли туда. Если я умру, то меня просто спишут, доставят гроб. Я себя ощущал таким маленьким чем-то от государства. Ты просто винтик в СССР. Если винтик упадет, то другой прикрутят...»

«Вот это сознание, когда ты должен выполнить поставленную задачу, не дает человеку расслабиться, и человек становится собранным и все там делает, по установке. Вот другое дело, когда опасность уже ушла, когда ты вышел и расслабил-

¹ По уточненным данным, в Афганистане в 1979–1989 гг. погибли: русские – 6 тыс. 888 человек, украинцы – 2 тыс. 378 человек, белорусы – 613 человек, узбеки – 1 тыс. 66 человек, казахи – 362 человека, туркмены – 263 человека, таджики – 236 человек, киргизы – 102 человека, татары – 442 человек, башкиры – 92 человека, чувашаи – 125 человек, народности Дагестана – 101 человек и др. [Прощай, шурави... 2009, с. 394–395].

ся. Когда уже все позади, начинаешь закуривать, и вот тогда начинается мандраж, руки трясутся и так далее. Почему? Потому что ты сознательно уже подумал, что «я сделал», все уже. То, что от меня зависело, я сделал. И потом после этого наступает, на мой взгляд, естественная реакция человека на стрессовую ситуацию» (с. 148).

Рассказы о методах и способах снятия психологического стресса у советских военнослужащих после боевых операций, свидетельствуют, что этот процесс был пущен на самотек, каждый выходил из стресса как мог:

«Принцип, если не ты убьешь, то тебя убьют. Первое убийство очень трудно переносится. Человека же убить – это не собаку пристрелить. Снятие стресса водкой. Потом человек привыкает, и убивать привыкает, и к умершим привыкает. Человек ко всему привыкает. Вспоминаю, как лежали наши в крови. Как ранен был, носилки все в крови, сижу, смотрю, а мне говорят: «Ложись, ложись». Были случаи, когда собирали остатки в мешок после взрыва мины. И ты должен отвозить тело. Если лицо и голова не пострадали, то делают окошко; если нет, то запаивают в цинк, поэтому называли: цинковый гроб. Не позволяешь открыть, а что открывать, там... И такое было» (с. 21).

«После боя стресс снимали кишмишовкой – самогоном из кишмиша. Мы у местных на тушенку меняли, на хлеб меняли. Бывало, анашу курили. Война войной, но мы проводили КВНы между ротами, между взводами, огневые и технические конференции. Придумывали что-то, чтобы скрасить досуг солдата, он же впереди, на острие этой стрелы, которую мы на картах рисуем. Солдат нам должности, звания делает, и мы старались как-то облегчить их повседневную жизнь. Офицеры могли выходить из стресса кишмишовкой, а для солдата это нельзя было» (с. 241).

Исследователей интересует характер взаимоотношений между советскими военнослужащими, а также характер отношений с местным населением Афганистана. На эти вопросы тоже есть ответы:

«Главная задача офицеров была – беречь солдат. “Не ходите в мечеть, не воруйте, не врите, не берите то, что плохо лежит” – так идеологически готовили солдат. Сколько раз приходилось выезжать на разборки с местными, потому что солдаты побили кого-то или еще что-то. Об этом зачем рассказывать? В таких условиях, когда гибнут друзья, кровь, проявляются и хорошие, и негативные стороны человека. У нас пишут только о героической стороне, а об остальном умалчивалось» (с. 86).

«...А так они знают, что советские воины, например, никогда никого не тронут, если там оружия нет, боеприпасов нет, никто по ним не стреляет. Никогда мы не трогали. Поэтому они оставляют стариков, детей, женщин, а сами уходят. Мы разве можем тронуть их? Оружия нет, ничего нет. Вот

приходим – нет. “Тапанчаармиаст?” (“Оружие, боеприпасы есть?”) Мы чуть-чуть научились таджикски разговаривать с афганцами, у нас же переводчики там таджики были» (с. 69).

«Тогда они враждебно смотрели: вы же уходите, давайте быстрее уходите. Видимо, некоторые из них думали, зачем вы нас бросаете. Я лично в 1988 году думал, что, если нас выведут, они успокоятся. Главный же враг – мы. Мы же иностранные войска – может, они перестанут воевать. Я так думал. И потом, когда нас вывели, а потом через два дня закинули обратно, и я увидел, как они друг с другом воюют, убивают, вот тогда я подумал: “Нет, здесь мира не будет. Мы уйдем, они будут друг с другом дальше воевать”» (с. 155).

Сегодня исследователи пытаются понять, как влияла на мироощущение воинов религия: задумывались ли советские военнослужащие в Афганистане о боге, об исламе, с которым на войне столкнулись лицом к лицу?

Следует отметить, что за возможным проявлением склонности отдельных военнослужащих к религии внимательно следили политработники воинских частей, а также представители особых отделов КГБ СССР, так накануне ввода советских войск в Афганистан, по информации особых отделов КГБ СССР, из числа призванных из запаса военнослужащих были выявлено более 100 человек, которые активно исповедовали ислам и утверждали среди мусульман, что не будут применять оружие против единоверцев [Христофоров 2016, с. 85].

«В то время не было такого, чтобы уходили в религию. Может, были те, кто носил тумар², из кыргызов или крестик у русских – в Союзе это было запрещено, а там позволяли. О боге не задумывались, хотя было очень трудно, но, если ты знал Куран и попал в плен, тебя не расстреливали. В ислам не переходили, если только кто-то, кто попал в плен. В Афганистане служили военнослужащие из 15 республик СССР: русские, узбеки, таджики, дагестанцы и другие» (с. 88, 96, 233).

«Чаще вспоминается бой, их крики “«Аллах Акбар””, множество мечетей, откуда слышны молитвы. До армии я никогда не слышал азан. В первый день прямо дергаешься, потом два года эти крики нас сопровождали. В боях их даже невидно, но их крик стоит в ушах: “Аллах Акбар”. Вот это часто вспоминается. Картина: палатка, движение, позиция, стрельба. Эта стрельба ежедневная, как работа» (с. 102–103).

Могут ли письма из Афганистана стать источником по изучению истории боевых действий? О чем писали военнослужащие в своих письмах домой? Материалы книги свидетельствуют, что

² Тумар – специальный серебряный, реже золотой футлярчик, в который вкладывался талисман (амулет), оберегающий от сглаза, болезней и нечистой силы. Такое украшение сопровождало человека практически с первых дней появления на свет.

этот источник личного происхождения не будет достоверным. Установка на умолчание, особенно характерная для первого этапа войны, транслировалась «сверху» и успешно работала на практике:

«Я раз в месяц писал письмо матери, что все хорошо, служим, как обычно, как в Союзе. Я сказал, что в Душанбе служу... Особенных подробностей домой не писали... О ранении родственники иногда узнавали из писем товарищей. Жены сидели, общались, одна читала письмо и говорит: “Жуматаева ранили, лежит в Ташкенте в госпитале”. Через чужое письмо до нее дошло, что я ранен, в Ташкенте лежу, потом она прилетела в Ташкент... Это было в самом начале, когда никто не предполагал, а когда первые потери пошли, командиры стали заставляли писать: в случае моей гибели мое тело прошу отправить туда-то – и адрес писали... Это потом стали уже сообщать о гибели... Писали, что стоим, охраняем, ничего не делаем, возим зерно. Потом, когда приехал, про войну рассказывал, потому что никто не верил, что там война. Еще только первые цинки пошли, и то не говорили, что в Афганистане: “При выполнении служебного долга”, такая формулировка была» (с. 45, 112–113, 131).

Мнение и оценки участников боевых действий в Афганистане о необходимости присутствия там советских войск с течением времени практически не изменились. На это очень сильное влияние оказала советская пропаганда:

«Это воинский долг, при Союзе воспитание совсем другое было – исполнять интернациональный долг. Там не было такого, чтобы кричали: “Зачем мы туда поехали” Там не делились по национальностям, а сейчас воюют Армения с Азербайджаном, а там мы вместе были...» (с. 16).

«Была такая стратегия в СССР. Существовало два военных блока – НАТО и Варшавский договор. Учитывая появление новых видов оружия, разведки, возможности появления американцев в Афганистане», о чем регулярно утверждалось пропагандистами без всяких на то оснований, «размещения американцами там новых пусковых установок, средств связи, разведки, и могли бы нас прощупывать на многие километры, прямо до Сибири можно было бы смотреть. Контролировать пуски ракет, взлеты самолетов и так далее... Мы не думали, зачем мы там. Думали, что выполняем долг. Думали о том, чтобы вернуться живыми, здоровыми. Об этом задумались, только вернувшись, зачем мы там были, почему там просто так погибли ребята...» (с. 158–163).

«Многие говорят, что афганская война была бесполезной для Советского Союза. С одной стороны, в иностранную страну послали молодых людей 18, 19, 20 лет, сколько тысяч погибло там, не вернулись в свою страну, на свою землю живыми. В то время была такая политика, вокруг Советского Союза не должно было быть очагов

напряженности. Нужно было обеспечить безопасность границ. Если бы не мы вошли первыми, то туда бы вошла Америка и поставила бы там крылатые ракеты... Мы вошли туда не чтобы захватить землю и народ Афганистана. Мы хотели сохранить и защитить демократическую народную революцию, которую начал Бабрак Кармаль. Было много душманов, граница была открыта, и из Пакистана и Ирана прибывало много врагов. Оружие прибывало из Америки, Франции и других стран, которые говорили афганцам, чтобы они защищали свои земли от неверных, от шурави. Среди местных тоже были те, кто так говорил и разжигал огонь войны. Из-за этого до сегодняшнего дня война в Афганистане продолжается. Они до сих пор не пришли к единству» (с. 123–124).

Вместе с тем звучат и критические ноты:

«Ошибка Союза, я считаю, что не надо было ввязываться в эту войну. Если зашли, то надо было совершенно по-другому действовать, более развернуто, более широко доводить до простого дехканина цели и задачи и армии, и правительства. Честно говоря, умы простого дехканина завоевали исламские фундаменталисты. Они были настроены против советских войск, поэтому очень многие обещания новой власти в Афганистане не свершились» (с. 56–57).

Заключение

Даже беглый анализ страниц издания свидетельствует о том, что книга, как и остальные издания проекта, станет важной страницей в изучении самой войны и исторической памяти о ней. К несомненным достоинствам вводимых в научный оборот новых источников также относится и то, что в книге использованы фотографии и документы из частных архивов участников боевых действий.

Наряду с положительными аспектами выхода новой книги следует отметить некоторые недостатки и неточности.

К очевидным недостаткам следует отнести то, что в книге практически отсутствует научно-справочный аппарат, что, увы, не повышает научную ценность издания. При публикации любых документов, в том числе и документов личного происхождения, перед составителями всегда возникает дилемма: насколько полным или кратким должен быть научно-справочный аппарат. В этом вопросе существуют две крайности. Первая – когда читателю не сообщается ничего, кроме имени и фамилии автора и названия текста, то есть научно-справочный аппарат фактически отсутствует, как в рецензируемом издании. Вторая крайность – избыточность научно-справочного аппарата, излишне подробные комментарии, не адекватные ни сложности, ни значимости публикуемых документов. Можно рекомендовать команде проекта в перспективе давать лаконичные комментарии, чтобы инфор-

мировать читателя, но при этом не перегружать публикуемые тексты.

По мнению участников проекта, о чем говорится в предисловии к книге, о воинах-интернационалистах из Центральной Азии известно немного, хотя граждане южных республик Советского Союза сыграли значительную роль в событиях, связанных с войной в Афганистане, особенно в качестве переводчиков и советников (с. 4–5). С этим утверждением можно согласиться лишь частично.

Во-первых, переводчики. Из всех стран Центральной Азии (Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан) только представители Таджикистана понимали и могли объясняться с местным населением Афганистана на языке дари, так как языки таджикский и дари, так же как и персидский, относятся к иранской группе индоиранских языков индоевропейской семьи, поэтому в войсках на уровне роты, батальона и полка в качестве неофициальных переводчиков использовались только военнослужащие этнические таджики³. Основными проблемами этих переводчиков было то, что далеко не все хорошо знали русский язык, как правило, не умели читать и писать на языке дари, государственном языке Афганистана, не знали арабского алфавита.

Что касается переводчиков, которые работали на уровне дивизии и 40-й армии, а также в аппарате Главного военного советника в Афганистане, то это были слушатели и выпускники Военного института иностранных языков (ВИИЯ) Минобороны СССР, обладающие хорошим уровнем знания языков дари, фарси и пушту, а также выпускники высших учебных заведений Советского Союза (Москва, Ленинград, Казань, Душанбе, Ташкент), где изучались персидский язык и персидская филология.

Во-вторых, советники. Советников для работы в афганской армии подбирали 10-е Главное управление Генерального штаба ВС СССР из числа офицеров советской армии, обладающих военным и жизненным опытом и соответствующей квалификацией по военной специальности. Подбор шел не по национальному признаку, а по соответствующей квалификации. По некоторым оценкам, к концу 1980 г. число военных советников в Афганистане достигло 1600–1800 человек, в том числе до 80 генералов. В среднем в каждом батальоне афганской армии были 3–4 советских советника

³ Казахский, киргизский, туркменский, узбекский языки относятся к тюркским языкам, поэтому их носители сами оказались в незнакомой языковой среде. Лишь в некоторых северных районах Афганистана, где компактно проживали афганские узбеки, с ними могли объясняться выходцы из Узбекистана.

и переводчик, в штабе полка – 4–5, в штабе дивизии – 11–12⁴.

У некоторых участников боевых действий указаны неточно или неполностью названия воинских должностей, например «оператор-наводчик БМП-1, пехота, мотострелковые войска». В то же время в интервью конкретно говорится о прохождении службы в одном из батальонов 66-й отдельной мотострелковой бригады (с. 23–38). В книге порой неточно указаны отдельные географические наименования: например, «В Бамиян ходили...» (с. 69) – правильно Бамиан (одна из провинций Афганистана), или указано место службы: Шинданд, Фаряхрруд, Тургунди (с. 190): на самом деле Фарахруд – река в провинции Фарах. Иногда приводится неполное или неточное наименование высших военных учебных заведений или некорректно используется аббревиатура ИРА. Видимо, имеется в виду Исламская Республика Афганистан. Однако с 30 апреля 1978 г. по 30 ноября 1987 г. официальное название было – Демократическая Республика Афганистан (ДРА), с 30 ноября 1987 г. по апрель 1992 г. – Республика Афганистан. Название Исламская Республика Афганистан (ИРА) страна носит с конца 2001 г.

Указанные несущественные неточности в оформлении интервью и в предисловии, отсутствие научно-справочного аппарата не влияют на высокую оценку издания: книга, как и весь проект в целом, представляют значительный научный и общественный интерес, существенно расширяют круг источников по истории боевых действий СССР в Афганистане (1979–1989). Различный статус интервьюируемых помогает увидеть эти события с разных точек зрения, наполнить образ войны не шаблонами, но полутонами исторической реальности. Усилия участников проекта «Афганская война 1979–1989 гг. глазами очевидцев» по погружению читателя в этот трагический, но важный не только для российского общества контекст достойны уважения и поддержки.

⁴ Военные советники были в центральном аппарате Минобороны Афганистана и в Генеральном штабе. Советские военные советники оказывали помощь афганским генералам и офицерам в поддержании соединений и частей национальной армии в боевой готовности, планировании и руководстве боевыми действиями против вооруженных отрядов оппозиции. Военные советники и переводчики возглавлялись Главным военным советником в Афганистане и его аппаратом. Главными военными советниками в Афганистане в 1979–1989 гг. поочередно были: генерал-полковник Магомедов С.К. (1979–1980), генерал армии Майоров А.М. (1980–1981), генерал армии Сорокин М.И. (1981–1984), генерал армии Салманов Г.И. (1984–1986), генерал-полковник Востров В.А. (1986–1988), генерал-полковник Соцков М.М. (1988–07.1989) / https://шурави.екатеринбург.рф/novostinovyi-gazdel/84633#:~:text=По%20некоторым%20оценкам%20к%20концу,советники%20и%20в%20центральном%20аппарате;http://artofwar.ru/a/ablazow_walerij_iwanowich/texta_157.shtml (дата обращения: 29.04.2021).

Библиографический список

- Афган... 2016 – *Афган: война без линии фронта*. Сборники воспоминаний воронежцев, участников Афганской войны. Воронеж, 2016. 392 с.
- Богданов 2004 – *Богданов Л.П.* Афганская тетрадь. Москва: Изд-во «Национальное обозрение», 2004. 191 с.
- Взгляд сквозь годы... 2014 – *Взгляд сквозь годы*. Воспоминания ветеранов-чекистов Башкортостана об афганской войне. Уфа: Полиграфдизайн, 2014. 316 с.
- Грешнов 2006 – *Грешнов А.Б.* Афганистан: заложники времени. Москва: Товарищество научных изданий КМК, 2006. 181 с. URL: http://militera.org/books/pdf/memo/greshnov_ab01.pdf.
- Дневниковые записи ... 2016 – *Дневниковые записи* М.Ф. Слинкина – советника заведующего Международным отделом ЦК НДПА (1982 г.). Москва: ИВ РАН, 2016. 124 с.
- Добровольский 2015 – *Добровольский А.А.* Афганистан вчера, сегодня, завтра... Москва: ИПО «У Никитских ворот», 2015. 296 с.
- Меримский 2006 – *Меримский В.А.* Загадки афганской войны. Москва: Вече, 2006. 384 с. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=175413&p=1>.
- Нешумов 2011 – *Нешумов Ю.А.* Границы Афганистана: трагедия и уроки: Историко-публицистические исследования. 2-е изд., доп. Москва: Граница, 2011. 304 с. URL: <http://militera.lib.ru/research/1/all/n/n52597/index.html>.
- Пластун 2016 – *Пластун В.Н.* Изнанка афганской войны 1979–1989 гг.: Дневниковые записи и комментарии участника. Москва: Институт востоковедения РАН, 2016. 756 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=37109343>.
- Прощай, шурави... 2009 – *Прощай, шурави*. Книга памяти военнослужащих, погибших в Афганистане в 1979–1989 гг. Воронеж, 2009. 416 с. URL: http://artofwar.ru/r/rudenko_w_g/text_0010.shtml.
- Соболев 2014 – *Соболев В.В.* Тарджуман. Москва: Кучково поле, 2014. 432 с.
- Спецназ ГРУ... 2009 – *Спецназ ГРУ* в Афганистане 1979–1989 гг. Москва: Арктика 4Д, Русская панорама, 2009. 136 с. URL: <https://www.litmir.me/bd/?b=229385&p=1>.
- Христофоров 2016 – *Христофоров В.С.* Афганистан: военно-политическое присутствие СССР 1979–1989 гг. Москва, 2016. 544 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28936944>.
- Христофоров 2019 – *Христофоров В.С.* Афганские события 1979–1989 гг.: от познания к осмыслению и признанию // Российская история. 2019. № 6. С. 3–21. DOI: <http://doi.org/10.31857/S086956870007464-1>.
- Христофоров, Гусева 2020 – *Христофоров В.С., Гусева Ю.Н.* Военная стратегия Советского Союза в Афганистане: просчеты планирования и общественное неприятие // QUAESTIO ROSSICA. 2020. Vol. 8, № 2. С. 382–398. DOI: <http://doi.org/10.15826/qr.2020.2.469>.
- Чекисты Ленинграда ... 2009 – *Чекисты Ленинграда* в Афганистане: К 30-летию ввода и 20-летию вывода советских войск из Афганистана. Санкт-Петербург, 2009. 320 с.
- Эткинд 2018 – *Эткинд А.* Кривое горе: память о непогребенных / авториз. пер. с англ. В. Макарова. 2-е изд. Москва: Новое литературное обозрение, 2018. 328 с. (Библиотека журнала «Неприкосновенный запас»). URL: https://esimde.org/wp-content/uploads/2020/07/etkind_a_krivoie_gore_pamiat_o_nepogrebennykh-1.pdf.

References

- Afghanistan... 2016 – *Afghanistan: war without the front line*. Collections of memories of Voronezh residents, participants of the Afghan War. Voronezh, 2016. 392 p. (In Russ.)
- Bogdanov 2004 – *Bogdanov L.P.* (2004) Afghan book. Moscow: Izd-vo «Natsional'noe obozrenie», 191 p. (In Russ.)
- A look through the years... 2014 – *A look through the years*. Memories of the veterans-security officers of Bashkortostan about the Afghan war. Ufa: Poligrafidizain, 316 p. (In Russ.)
- Greshnov 2006 – *Greshnov A.B.* (2006) Afghanistan: hostages of time. Moscow: Tovarishchestvo nauchnykh izdaniy KMK, 181 p. Available at: http://militera.org/books/pdf/memo/greshnov_ab01.pdf. (In Russ.)
- Diary entries... 2016 – *Diary entries* of M. F. Slinkin – adviser to the head of the International Department of the Central Committee of the NDPA (1982). Moscow: IV RAN, 124 p. (In Russ.)
- Dobrovolsky 2015 – *Dobrovolsky A.A.* (2015) Afghanistan yesterday, today, tomorrow... Moscow: IPO «U Nikitskikh vorot», 296 p. (In Russ.)

Merimsky 2006 – *Merimsky V.A.* (2006) *Riddles of the Afghan war*. Moscow: Veche, 384 p. Available at: <https://www.litmir.me/br/?b=175413&p=1>. (In Russ.)

Neshumov 2011 – *Neshumov Yu.A.* (2011) *Borders of Afghanistan: tragedy and lessons: Historical and journalistic studies*. 2nd edition, enlarged. Moscow: Granitsa, 304 p. Available at: <http://militera.lib.ru/research/1/all/n/n52597/index.html>. (In Russ.)

Plastun 2016 – *Plastun V.N.* (2016) *The wrong side of the Afghan war of 1979–1989: Diary entries and comments of a participant*. Moscow: Institut vostokovedeniya RAN, 756 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=37109343>. (In Russ.)

Goodbye, shuravi... 2009 – *Goodbye, shuravi*. The book of memory of the servicemen who died in Afghanistan in 1979–1989. Voronezh, 416 p. Available at: http://artofwar.ru/r/rudenko_w_g/text_0010.shtml. (In Russ.)

Sobolev 2014 – *Sobolev V.V.* (2014) *Tardjuman*. Moscow: Kuchkovo pole, 432 p. (In Russ.)

GRU Special Forces... 2009 – *GRU Special Forces in Afghanistan 1979–1989*. Moscow: Arktika 4D, Russkaya panorama, 136 p. Available at: <https://www.litmir.me/bd/?b=229385&p=1>. (In Russ.)

Khrstoforov 2016 – *Khrstoforov V.S.* (2016) *Afghanistan: military-political presence of the USSR in 1979–1989*. Moscow, 544 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28936944>. (In Russ.)

Khrstoforov 2019 – *Khrstoforov V.S.* (2019) *Afghan events of 1979–1989: from cognition to comprehension and recognition*. *Rossiiskaya istoriya*, no. 6, pp. 3–21. DOI: <http://doi.org/10.31857/S086956870007464-1>. (In Russ.)

Khrstoforov, Guseva 2020 – *Khrstoforov V.S., Guseva Yu.N.* (2020) *Soviet military strategy in Afghanistan: errors in planning and public condemnation*. *QUAESTIO ROSSICA*, vol. 8, no. 2, pp. 382–398. DOI: <http://doi.org/10.15826/qr.2020.2.469>. (In Russ.)

Security officers of Leningrad... 2009 – *Security officers of Leningrad in Afghanistan: On the 30th anniversary of the entry and the 20th anniversary of the withdrawal of Soviet troops from Afghanistan*. Saint Petersburg, 320 p. (In Russ.)

Etkind 2018 – *Etkind A.* (2018) *Warped Mourning. Stories of the Undead in the Land of Unburied*. Authorized translation from English by Makarov V. 2nd edition. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 328 p. (Library of the journal «Inviolable Reserve»). Available at: https://esimde.org/wp-content/uploads/2020/07/etkind_a_krivo_gore_pamiat_o_nepogrebennykh-1.pdf. (In Russ.)

РЕЦЕНЗИЯ

УДК 81

Дата поступления: 10.06.2021
рецензирования: 20.07.2021
принятия: 26.08.2021

**Язык фельетона и язык драмы:
встреча двух «миров» на одной территории
(рецензия на монографию: Головчинер В.Е., Веснина Т.Л.
Комическое в пьесах М. Булгакова 1920-х годов. Томск: Изд-во. Том. ун-та,
2021. 140 с. ISBN 978-5-7511-2628-5)**

Е.С. Шевченко

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация

E-mail: e.shevchenko@ssau.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-2400-6856>

Аннотация: Настоящая рецензия посвящена монографии В.Е. Головчинер и Т.Л. Весниной «Комическое в пьесах М. Булгакова 1920-х годов», в которой драматургический язык булгаковских пьес рассматривается сквозь призму языковых особенностей художественно-публицистического жанра фельетона. Автор приходит к выводу, что вышедшая монография является крупным исследованием актуальной проблемы конструирования художественного языка и содержит значимые теоретические и практические результаты, которые могут быть использованы в научной и учебной деятельности преподавателей, учителей, студентов, аспирантов и докторантов.

Ключевые слова: язык фельетона; язык драмы; языковая личность; идиостиль; комическое; пьесы Булгакова.

Цитирование. Шевченко Е.С. Рецензия на монографию: Головчинер В.Е., Весниной Т.Л. Комическое в пьесах М. Булгакова 1920-х годов. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2021. 140 с. ISBN 978-5-7511-2628-5 // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2021. Т. 27, № 3. С. 152–153. DOI: <http://doi.org/10.12287/2542-0445-2021-27-3-152-153>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Шевченко Е.С., 2021

Екатерина Сергеевна Шевченко – доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы и связей с общественностью, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

REVIEW

Submitted: 10.06.2021
Revised: 20.07.2021
Accepted: 26.08.2021

**Review of the monograph: V.E. Golovchiner, T.L. Vesnina. Comic features
in plays by M. Bulgakov in the 1920-ies. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2021, 140 p.
ISBN 978-5-7511-2628-5**

Abstract: The present review is devoted to monograph by Valentina E. Golovchiner and Tatiana L. Vesnina «Comic features in plays by M. Bulgakov in the 1920s», which examines the dramatic language of Bulgakov's plays through the prism of the artistic and journalistic genre of feuilleton. The author comes to the conclusion that the published monograph is a major study of the actual problem of constructing an artistic language and contains significant theoretical and practical results that can be used in the scientific and educational activities of teachers, teachers, students, graduate students and doctoral students.

Key words: feuilleton language; drama language; linguistic personality; idiostyle; comic; Bulgakov's plays.

Citation. Shevchenko E.S. Review of the monograph: V.E. Golovchiner, T.L. Vesnina. Comic features in plays by M. Bulgakov in the 1920-ies. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2021, 140 p. ISBN 978-5-7511-2628-5. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriiia, pedagogika, filologiia = Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2021, vol. 27, no. 3, pp. 152–153. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2021-27-3-152-153>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: author declares no conflict of interest.

© Shevchenko E.S., 2021

Ekaterina S. Shevchenko – Doctor of Philological Sciences, professor of the Department of Russian and Foreign Literature and Public Relations, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

К настоящему времени булгаковедение накопило большой опыт в анализе и интерпретации творческого наследия писателя. Пик интереса к фигуре М.А. Булгакова и его творчеству пришелся на 1990-е – 2000-е годы, а в 2010-е и последующие наметился вполне закономерный спад, когда стало казаться, что о Булгакове почти все уже сказано. Предложенная к публикации монография В.Е. Головчинер и Т.Л. Весниной «Комическое в пьесах М. Булгакова 1920-х годов» опровергает устоявшееся мнение, что о Булгакове «сказано почти все», и вносит значительный вклад в изучение идиостиля М. Булгакова.

Монография «Комическое в пьесах М. Булгакова 1920-х годов» представляется актуальной и значимой, поскольку ее авторы В.Е. Головчинер и Т.Л. Веснина, опираясь на современные научные традиции, используют новейшие методики исследования художественного языка писателя, позволяющие уточнить природу булгаковской драматургии, обнаружить и исследовать ее многокомпонентный генезис, а также трансформацию древних форм театрального примитива, в первую очередь балаганских форм, наряду с современными писателю формами газетной публицистики. Обращаясь к не изучавшемуся прежде материалу (ранним фельетонам «Грядущие перемены», «В кафе», «Неделя просвещения»), авторы монографии соотносят его с хорошо изученными прозаическими и драматическими текстами писателя, что выводит исследования о художественном языке М. Булгакова и особенностях его идиостиля на новый уровень. В качестве компонентов, формирующих неповторимый стиль писателя, его «авторский почерк», исследователи В.Е. Головчинер и Т.Л. Веснина рассматривают комическую экспрессию фельетона, сочетающуюся с восходящей к балагану языковой игрой, столь характерными для него сценками, диалогами с эффектом комического удвоения, а также выразительность сказочных форм, для которых характерно использование маски, ролевого поведения автора и героев.

Представление об истоках фельетона в русле балаганских форм на путях их трансформации в авторские модели художественного творчества позволяет В.А. Головчинер и Т.Л. Весниной объяснить привлекательность этой формы с её свободой использования богатейшего спектра комической выразительности народной культуры для многих крупнейших писателей XX века, в том числе и М. Булгакова. Авторы монографии «Комическое в пьесах М. Булгакова 1920-х годов» прослеживают диалектику писательского «я» как начала, оценивающего и изменяющего действительность определенным образом, преобразующего и перевоплощающего ее в ракурсе комического. Предложенный авторами интермедийный анализ отдельных компонентов булгаковского текста в структуре художественного целого представляется перспективным направлением дальнейших исследований о М. Булгакове и его художественном языке. Теоретическая значимость монографии В.Е. Головчинер и Т.Л. Весниной заключается в выработке продуктивных подходов к анализу разножанровых и разнородных литературно-художественных и художественно-публицистических форм, транжанровых и трансродовых образований, определяющих поэтику пьес М. Булгакова, а также его индивидуально-авторский стиль в целом. Очевидна и практическая ее ценность, которая состоит в том, что полученные авторами результаты могут быть использованы в исследованиях по проблемам идиостиля и языковой личности писателя.

Монография В.Е. Головчинер и Т.Л. Весниной «Комическое в пьесах М. Булгакова 1920-х годов» является крупным исследованием актуальных проблем конструирования и трансформации художественного языка и содержит значимые теоретические и практические результаты, которые могут быть использованы в научной и учебной деятельности преподавателей и учителей, а также будет полезна всем, кто заинтересован в изучении художественного языка писателя.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ REQUIREMENTS TO THE DESIGN OF ARTICLES

Для публикации научных работ в выпусках журнала «Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология» (прежнее название – «Вестник Самарского государственного университета») принимаются статьи, соответствующие научным требованиям, общему направлению журнала и представляющие интерес для достаточно широкого круга российской и зарубежной научной общественности.

Предлагаемый в статье материал должен быть **оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написанным в контексте современной научной литературы, а также содержать очевидный элемент создания нового знания.**

В журнале публикуются научные статьи теоретического, исследовательского и практического характера, обзоры, рецензии и отзывы на научную литературу по профилю журнала.

Тематика журнала: исторические науки и археология (07.00.00: 07.00.02, 07.00.03, 07.00.07, 07.00.15), педагогические науки (13.00.00: 13.00.01, 13.00.08), языкознание (10.02.00: 10.02.01, 10.02.04, 10.02.19, 10.02.20).

Периодичность выхода журнала – 4 выпуска в год.

Все представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат» и направляются на независимое (внутреннее) двойное слепое рецензирование. Решение об опубликовании принимается редколлегией на основании рецензии.

Правила оформления

Текст статьи

· Статья предоставляется на русском или английском, французском, немецком и испанском языках в электронном виде (на сайте <https://journals.ssau.ru/index.php/hpp> или по эл. почте murzinova.tatjana@yandex.ru), заполняется лицензионный договор.

· Перед заглавием статьи проставляется шифр УДК.

· Название работы, список авторов в алфавитном порядке (ФИО, звание, должность, место работы, индекс и адрес места работы, электронная почта, ORCID – регистрация на сайте www.orcid.org), аннотация, ключевые слова, названия рисунков и таблиц, библиографический список должны быть представлены на русском и английском языках.

· Текст статьи должен быть набран в текстовом редакторе Word для Windows с расширением doc или rtf гарнитурой Times New Roman 14 кеглем через 1,5 интервала.

· Объем основного текста не должен превышать 30 страниц. Аннотация создана по IMRAD (200–250 слов), ключевых слов – не менее 8, текст статьи структурирован (минимальная структура – введение, основная часть, заключение)

· **Рисунки и таблицы** предполагают наличие названия на русском и английском языках и сквозную нумерацию.

· **Библиографический список** на русском языке оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.05–2008 по алфавиту и содержит только научную литературу (источники, архивные документы, диссертации, словари помещаются в источники фактического материала только в русском варианте в круглых скобках, иностранные – на языке оригинала), сначала размещается иностранная литература, потом русская, по образцу: Иванов 2018 – *Иванов В.В.* Название. Город (полностью): Издательство, год. X с. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках, например [Иванова 2017, с. 28; Память истории... 2019]. Ссылки на иностранные источники приводятся на языке оригинала.

· **Reference** оформляется по гарвардскому стилю, но без транслитерации и квадратных скобок. Например, Roediger, Wertsch 2008 – *Roediger H.L. and Wertsch J.V.* (2008) Creating a new discipline of memory studies. *Memory Studies*, vol. 1, issue 1, pp. 9–22. DOI: <http://doi.org/10.1177/1750698007083884>. Saveleva, Poletaev 2005 – *Saveleva I.M. and Poletaev A.V.* (2005) «Historical memory»: on the issue of the boundaries of the concept, in *Phenomenon of the past*. Moscow: GU VShE, pp. 170–220. Available at: http://istorex.ru/page/saveleva_im_a_v_poletaev_av_istoricheskaya_pamyat_k_voprosu_o_granitsakh_ponyatiya. (In Russ.) Если у журнала есть английское название, то оно указывается курсивом, если его нет, то курсивом дается транслитерированное название, если журнал указывает и транслитерированное, и английское названия, то они даются курсивом через знак «=»: *Vestnik Samarskogo... = Vestnik of Samara...* Желательно указывать DOI или URL. Наличие иностранных источников (около 30 %) говорит о знакомстве автора с освещением проблемы статьи за рубежом.

Допускается не более 30–40 источников в научной статье, 70–100 – в обзоре.

Графика

· Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формат JPEG.

· Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0–11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран гарнитурой Times. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы.

Подробные требования, шаблон статьи размещены на сайте журнала <https://journals.ssau.ru/index.php/hpp>. Статьи, оформленные не по правилам, редколлегией рассматриваться не будут.

Редакция журнала

УДК 811.111

DOI: 10.18287/2542-0445-2021-27-X-X-X

Дата: поступления статьи: XX.XX.2021
после рецензирования: XX.XX.2021
принятия статьи: XX.XX.2021

НАЗВАНИЕ (не больше трех строк)

И.В. Иванова

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: XXX@mail.ru. ORCID: <http://orcid.org/XXX>

А.В. Петрова

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
г. Москва, Российская Федерация
E-mail: XXX@mail.ru. ORCID: <http://orcid.org/XXX>

Аннотация (200–250 слов): система IMRAD – актуальность, тема, проблема, методы, результаты, дискуссия.

Ключевые слова (7–10 слов):

Цитирование. Иванова И.В., Петрова А.В. Название // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2021. Т. 27, № X. С. XX–XX. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2021-27-X-X-X>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© **Иванова И.В., Петрова А.В., 2021**

Ирина Владимировна Иванова – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английской филологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

Александра Владимировна Петрова – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английского языка № 4, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России, 119454, Российская Федерация, г. Москва, пр. Вернадского, 76.

Submitte: XX.XX.2021

Revised: XX.XX.2021

Accepted: XX.XX.2021

Title of the article

I.V. Ivanova

Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: XXX@mail.ru. ORCID: <http://orcid.org/XXX>

A.V. Petrova

MGIMO University, Moscow, Russian Federation
E-mail: XXX@mail.ru. ORCID: <http://orcid.org/XXX>

Abstract:

Key words:

Citation. Ivanova I.V., Petrova A.V. Title of the article. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya* = *Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2020, vol. 26, no. 4, pp. XX–XX. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2020-26-4-X-X>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: authors declare no conflict of interest.

© **Ivanova I. V., Petrova A. V., 2021**

Irina V. Ivanova – Candidate of Philological Sciences, associate professor, associate professor of the Department of English Philology, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

© Alex V. Petrova – Doctor of Philology, associate professor, professor of English Language Dpt. 4, MGIMO University, 76, Vernadskogo Avenue, Moscow, 119454, Russian Federation.

Введение

Ход исследования или Основная часть (может быть несколько подзаголовков)

Заключение

Материалы исследования

(по алфавиту, без номеров, ненаучная литература, учебная методическая, публицистическая, словари, художественные произведения, в т. ч. диссертации и их авторефераты как неопубликованные работы).

В тексте дается в круглых скобках (Иванов 2019, с. 12–14; Независимая газета 1980; БСЭ 2012, с. 15)

Образец

Cambridge – *Cambridge University Press. English Language Teaching* 2019. 116 p. URL: https://issuu.com/cambridgeupelt/docs/2019_elt_cambridge_university_press_6fe6109db9dc1a.

Macmillan – *Macmillan International Catalogue* 2020. URL at: <https://online.flippingbook.com/view/78043/26/>.

БСЭ – *Большая советская энциклопедия*. Т. 11. С. 34.

Библиографический список

(по алфавиту, без номеров, только научная литература с указанием ссылок на интернет-размещение, самоцитирование – не более 30 %, сначала на иностранном языке, потом – на русском).

В тексте дается в квадратных скобках [Evans, Rauh 2006, p. 38; Андриенко 2017, с. 69–70].

Evans, Rauh 2006 – *Evans P., Rauh J. Bureaucracy and economic growth // Journal of Economic Sociology*. 2006. Vol. 7, No. 1. P. 38–61.

Андриенко 2017 – *Андриенко А.А.* Манипулятивность как имманентная характеристика современных текстов социальной рекламы (на материале английского рекламного дискурса) // *Таврический научный обозреватель*, 2017. № 4 (21). Ч. 1. С. 69–74. URL: <http://tavr.science/stat/2017/04/47-Andrienko.pdf>.

Бородулина, Makeeva, Gulyaeva 2017 – *Бородулина Н.Ю., Makeeva М.Н., Гуляева Е.А.* Лингвистические средства в обеспечении продвижения вирусной рекламы // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2017. № 9 (75): в 2 ч. Ч. 1. С. 87–89. URL: <https://www.gramota.net/materials/2/2017/9-1/23.html>.

References

Evans, Rauh 2006 – *Evans P., Rauh J.* (2006) Bureaucracy and economic growth. *Journal of Economic Sociology*, vol. 7, no. 1, pp. 38–61.

Andrienko 2017 – *Andrienko A.A.* (2017) Manipulativity as an immanent characteristics of contemporary social advertising texts (based on English advertising discourse). *Tavrisheskii nauchnyi obozrevatel'*, no. 4 (21), part 1, pp. 69–74. Available at: <http://tavr.science/stat/2017/04/47-Andrienko.pdf>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29203248>. (In Russ.)

Borodulina, Makeeva, Gulyaeva 2017 – *Borodulina N.Yu., Makeeva M.N. and Gulyaeva E.A.* (2017) Linguistic means in ensuring the progress of viral advertising. *Philology. Theory and Practice*, no. 9 (75): in 2 parts, Part 1, pp. 87–89. Available at: <https://www.gramota.net/materials/2/2017/9-1/23.html>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29899323>. (In Russ.)